

Г. Д. САИЖЕЕВ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ГРАММАТИКА
МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ

I

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р 182

410 (Монг)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Г. Д. САНЖЕЕВ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ГРАММАТИКА
МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ

Том I

-599-
1986
1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1953

БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого научно-
исследовательского инс-та
языка, литературы и истории
№ _____

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
С. Д. ДЫЛКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

После лингвистической дискуссии 1950 г., проведенной на страницах газеты „Правда“, открылась широкая возможность продолжить, но уже на новой, марксистской основе работы наших отечественных, русских и советских, монголистов в области сравнительно-исторического изучения монгольских языков и их диалектов. И. В. Сталин пишет, что „языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка“¹. Эти замечательные слова нашего великого вождя и учителя целиком и полностью относятся, конечно, и к изучению языкового родства монгольских народов.

Как известно, сравнительно-историческое изучение монгольских языков впервые было широко проведено крупнейшим советским монголистом, ныне покойным академиком Б. Я. Владимирцовым, издавшим ряд замечательных трудов по монголистике, среди которых особое место занимает „Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика“ (Ленинград, 1929). К сожалению, преждевременная смерть этого выдающегося советского ученого помешала ему закончить свой капитальный труд в области монгольского языкознания.

Сравнительно-историческое изучение монгольских языков настоящего и прошлого представляет пока известную трудность, потому что:

1) советскими языковедами еще не выявлены полностью и глубоко серьезные недостатки сравнительно-исторического метода в языкознании, и

2) не все еще монгольские языки и их диалекты изучены в достаточной степени, а некоторые из них и вообще не обследованы. Поэтому вполне понятно, что ныне составление сравнительной грамматики монгольских языков может иметь лишь предварительный характер. В самом деле, для сколько-нибудь глубокого изучения монгольских языков в сравнительно-историческом плане нужно было бы провести сначала тщательное исследование всех периодов в развитии старописьменного монгольского языка, всех живых монгольских языков и их диалектов. А между тем это еще далеко не сделано: изучение истории развития старописьменного монгольского языка Б. Я. Владимирцовым было только начато и, к сожалению, никем не продолжено после его смерти; некоторые монгольские языки и их диалекты почти не изучены (монгольский в Афганистане, дагурский в Северо-Восточном Китае, мон-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952., стр. 33—34.

гольские диалекты во Внутренней Монголии и на тибетских нагорьях); те же диалекты, которые считаются изученными, глубоко и всесторонне все же не обследованы в отношении, например, их основного словарного фонда и словарного состава в целом.

Но, конечно, благодаря усилиям главным образом наших отечественных монголистов в области сравнительно-исторического изучения монгольских языков сделано немало, пути этого изучения предварительно намечены, и настала пора в какой-то степени обобщить результаты этих усилий в свете тех новых данных, которыми мы теперь располагаем. Это-то и позволило нам приняться за составление сравнительной грамматики монгольских языков. При этом мы опирались не только на то, что было сделано до нас в данной области монгольского языковедения нашими предшественниками, но и на те новые материалы, которые накоплены за последнее время усилиями многих ученых. Мы считаем, что нет никакой необходимости откладывать составление сравнительной грамматики монгольских языков до той поры, когда будут изучены все монгольские языки и их диалекты прошлого и настоящего и обследованы все памятники монгольских письменных языков прошлого; ведь первые сравнительные грамматики индоевропейских языков появились еще в то время, когда многие из языков, принадлежащих к этой группе, не только не были глубоко изучены, но даже не были открыты, не были известны ученым.

В ходе своей работы мы всемерно использовали весь тот фактический материал, который имеется в трудах как наших отечественных монголистов — А. А. Бобровникова, А. М. Позднеева, В. Л. Котвича, А. Д. Руднева, Д. А. Алексеева, Т. А. Бертагаева, К. М. Черемисова и других, так и ученых Монгольской Народной Республики — Дамдинсуруна, Лубсанвандана и других, а также и зарубежных исследователей — Г. Рамстедта, А. Мостэра, Л. Лигети, М. Левицкого и других. Конечно, для нашей работы особое значение имели прежде всего труды академика Б. Я. Владимирцова, составляющие гордость нашего отечественного монголоведения. Лично же мы имели возможность изучать на месте халхаский и дархатский диалекты монгольского языка, некоторые диалекты ойратского языка и большинство диалектов бурят-монгольского языка.

Наш труд предположено издать в двух томах. В первый из них включается общий обзор монгольских языков и диалектов, краткий очерк фонетики, частей речи и структуры предложения в монгольских языках; более подробно излагается система склонения имен, употребление падежей и послелогов. Во втором томе даются результаты исследования морфологии и синтаксиса глагола, а также необходимые библиографические сведения и указатели. В зависимости от состояния изученности монгольских языков мы вынуждены были не все явления в этих языках освещать с одинаковой полнотой; если в отношении фонетики и, отчасти, морфологии эти языки представлены в нашем исследовании более или менее одинаково, то в части синтаксиса мы могли опираться лишь на данные старописьменного монгольского языка третьего периода его исторического развития (см. ниже, на стр. 16), современных бурят-монгольского, монгольского и ойратского языков. При данном состоянии монголистики это оказалось неизбежным.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем введении нами сделана попытка дать общий обзор монгольских языков прошлого и настоящего как в устном, так и в письменном их выявлении, причем специальное внимание уделено краткому изложению особенностей образования современных монгольских национальных языков — бурят-монгольского и собственно монгольского, иначе — хаалха-монгольского.

О МОНГОЛЬСКИХ НАРОДАХ И ИХ ЯЗЫКАХ

В конце XII и начале XIII в. различные монгольские диалекты составляли известное единство, представляя племенные ответвления единого монгольского языка, на которых говорили разные группы монгольских родов и племен. В силу известных исторических условий, связанных с завоевательными походами Чингисхана, монголы в течение XIII—XIV вв. приходили в соприкосновение с народами Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока, а также Китая. Ученые этих стран и народов оставили нам различные записи устной речи монголов в виде списков слов и отдельных фраз и словарей. Изучение этих записей не оставляет никакого сомнения в том, что различные монгольские племена, объединенные в государство поработителя народов Чингисхана, говорили на таких диалектах единого монгольского языка, различия между которыми были значительно меньшими, нежели те, какие существуют теперь между современными монгольскими языками. Невозможно, конечно, и предполагать, что на громадном пространстве от далекого Пекина до Волги и Кавказа могли встречаться лишь представители одного какого-нибудь монгольского племени, одного диалекта, речь которых была записана русскими и грузинами, армянами и арабами, жителями Китая и Средней Азии.

В результате завоевательных походов человеконенавистника Чингисхана, монголы оказались разбросанными далеко друг от друга — от Волги и Кавказа до Желтой реки в Китае, где отдельные крупные массы монголов осели навсегда, порвав всякие связи со своей исконной родиной, когда вскоре же империя Чингисхана, не имевшая под собою никаких прочных экономических основ, рухнула и распалась на ряд самостоятельных государств и уделов. Все это привело к тому, что еще только складывающаяся единая монгольская народность, вышедшая на широкую историческую арену в начале XIII в., оказалась обескровленной и обессиленной в результате завоевательных походов своих эксплуататоров. От жестоких и кровавых походов Чингисхана, принесших столько невыразимых мук и страданий народам Китая, Руси,

Кавказа и Средней Азии, трудовые массы монголов претерпели более всего не только в политическом и культурно-экономическом отношениях, но и физически. Сыны Онона и Керулена гибли на полях Руси, у вод великой русской реки Волги, в горах Кавказа, в степях Средней Азии, в знойной Персии, на необъятных просторах Китая — и все это во имя алчных устремлений своих монгольских феодалов. Теперь с трудом верится, что всех тех, кто говорит на разных монгольских языках, насчитывается всего-навсего не более четырех миллионов человек (бурят-монголы, монголы в Монгольской Народной Республике, так называемые внутренние монголы в Китайской Народной Республике, ойрат-монголы в Синьцзяне и других провинциях Китая, моголы в Афганистане и другие мелкие группы монгольского населения, разбросанные по всей Азии).

В результате государственного распада империи Чингисхана, а вместе с ней и некогда единой монгольской народности, вследствие образовавшейся за этим распадом разбросанности отдельных групп этой народности на далекие расстояния друг от друга, потерпел крах и единый язык монголов, диалекты которого еще не успели перемолотиться в этом едином языке по определенной степени нивелировки и, начав оживать, дали начало образованию ряда самостоятельных монгольских языков. Этот процесс в основном протекал в течение нескольких веков, в XIV—XVII столетиях. Для полного понимания процесса распада единого монгольского языка необходимо учитывать не только обстоятельства политического и культурно-экономического порядка, но и то, что монголы оказались в состоянии общего распада своего былого единства, так и не успев создать общераспространенного литературного языка, который мог бы и на расстоянии поддерживать какие-то связи между разрозненными монголами, что характерно, например, для истории армянского народа. В начале XIII в. монгольская письменность едва ли насчитывала более двух десятков лет своего существования и обслуживала только нужды верхушки государственного аппарата империи Чингисхана, а литература бытовала лишь в форме изустных сказаний и эпических поэм, о содержании которых мы теперь можем только гадать по отдельным их фрагментам, встречающимся в исторических хрониках монгольских авторов более позднего периода.

Прежде всего обособились от всех прочих монголов те роды и племена, которые оказались в Афганистане, где они были поселены в качестве опорного форпоста империи Чингисхана и осели там навсегда после быстрого распада этой империи, потеряв всякие связи со своей былой родиной и прочими монгольскими племенами. Ныне язык афганских монголов или, как их называют, моголов, столь резко отличается от речи всех прочих монголов, что последние не могут его понимать. Дело не столько в том, что язык моголов обильно насыщен иранскими элементами, сколько в значительной сохранности элементов, свойственных монгольской речи начала XIII в.

В начале XIII в. обособились от остальных монголов те племена, которые очутились на северо-востоке от города Сицина, в районе озера Кукунор, потеряв связи с соплеменниками. Язык этих монголов или, как они себя называют, монгоров, оказавшихся в тибетско-китайском окружении и испытавших сильное влияние этого окружения, также резко отличается от прочих монгольских языков как в отношении обилия тибетско-китайских заимствований, так и сохранности архаизмов.

Около XVII в. в Маньчжурии оказались дагуры, относительно этнической принадлежности которых к монголам в науке еще нет пол-

ной ясности: одни ученые предполагают, что дагуры — это монгольское племя, подвергшееся сильному тунгусо-маньчжурскому влиянию, тогда как другие склонны думать, что это, наоборот, тунгусо-маньчжурское племя, усвоившее монгольскую речь в XIV в. Как бы ни обстояло дело, дагурский язык представляет собою монгольскую речь с особенностями, характерными для монгольского языка эпохи XIV—XV вв., и с большим количеством тунгусо-маньчжурских элементов.

Языки моголов, монгоров и дагуров, таким образом, тем существенно отличаются от прочих монгольских языков, что, во-первых, сохраняют в себе такие черты единого монгольского языка XIII—XIV вв., которые утрачены последними после этого периода, и, во-вторых, большим количеством иноязычных заимствований. Следует учесть то обстоятельство, что эти группы монголов, оторвавшиеся от своих соплеменников в XIII—XIV вв., никогда не обслуживались старомонгольским письменным языком и не имели своей особой письменности вообще. Необходимо иметь в виду, что когда мы говорим о большой сохранности архаизмов в могольском, монгорском и дагурском языках, свойственных общемонгольскому языку XIII—XIV вв., то это никоим образом не должно давать повода предполагать, что эти языки вообще не отошли от того состояния, в котором они находились в XIII—XIV вв. Сказанное означает только, что эти языки сохранили такие черты языка XIII—XIV вв., которые утрачены другими монгольскими языками. В остальном и они прошли значительный путь развития, не пережитый иными родственными им языками. Но все же монгорский, могольский и дагурский языки в составе монгольских языков вообще занимают особое место, резко отличаясь как друг от друга, так и от прочих монгольских языков. И если халха-монголы, бурят-монголы и ойрат-монголы при встрече друг с другом могут как-то добиваться взаимного понимания в ходе несложной беседы и находить общий язык для обыденных тем, то такая возможность абсолютно исключается для моголов, монгоров и дагуров.

Более изученными являются ойрат-монгольский (или ойратский), монгольский и бурят-монгольский (или бурятский) языки.

Ойратские племена говорили на диалектах, которые несколько отличались от всех прочих монгольских диалектов еще во времена Чингисхана, как об этом можно судить по отрывочным данным известного историка Рашид-ад-дина. Эти племена в известные нам исторические периоды почти всегда были территориально обособленными от прочих монгольских племен и до сих пор обитают несколько обособленно друг от друга: границы кочевых феодалов у них почти всегда совпадали с границами прежних племенных делений, что способствовало сохранению деления ойратского языка на племенные диалекты и что не всегда можно сказать о диалектах прочих монгольских языков¹. Поэтому современные ойратские диалекты мало чем отличаются от того состояния, в котором они находились в начале XIII в., хотя ойраты за последние шесть-семь веков своей истории передвигались с места на место не один раз. За исторически известное время ойраты оказались разбросанными далеко друг от друга, причем члены одного и того же племени очутились в разных районах, продолжая, однако, не смешиваться с членами других ойратских же племен и сохранять свои исконные диалектные особенности в своей речи и до сих пор: у ойратов редко смешивались племена, причем внутри последних роды этих племен

¹ Когда мы говорим о племенах и племенных диалектах нового и новейшего периодов, то, конечно, имеем в виду пережиточные явления.

продолжали сохранять свою целостность, как это было, например, с ранними латинскими родами.

Часть ойратов, в силу неблагоприятных для них исторических условий XVII—XVIII вв., вынуждена была оторваться от основной массы своих соплеменников и переселиться в Бурятию и на территорию, которая тянется более или менее узкой полосой от Хами до Ордоса. Небольшая группа ойратов разных племен и родов осела в Западной Монголии, в районе г. Хобдо, частично вклиниваясь в халхаскую территорию (хотогойту, элеты и некоторые другие). В Бурятии ойратские осколки давно уже обурятились и едва ли сохранили свои диалектные особенности, за исключением тех немногих ойратов, которые оказались в составе нижеудинских и зунгарбухотских бурят. В Монгольской Народной Республике ойраты, жившие на собственно халхаской территории, давно уже начали подвергаться процессу халхаизации (упомянутые хотогойту, элеты и некоторые другие ойратские поколения).

В известной „чистоте“ свои диалектные особенности ойраты продолжают сохранять в Кукуноре, Амдо, Алашане, Цайдаме, Западной Монголии и, конечно, в Синьцзяне, где они живут компактными массами. Следовательно, именно здесь, в Синьцзяне, ойрат-монгольский язык продолжает существовать и развиваться по свойственным ему внутренним законам развития. Неблагоприятные для ойратов исторические условия не позволили им создать в прошлом вполне развитой литературный язык и консолидироваться в языковом отношении, хотя в половине XVII в. монах Зая-пандита создал особый ойратский алфавит, на котором появилась небольшая литература исторического, клерикально-буддийского и эпического содержания, и в наше время выходят газеты и книги в Синьцзяне. Одним словом, в прошлом ойратский письменный язык влачил довольно жалкое существование. И только теперь, в результате исторических побед народной демократии в Китае, китайского народа, руководимого коммунистической партией, ойраты получили возможность развивать беспрепятственно свой язык, свою литературу.

К сожалению, ойратские диалекты не могут считаться достаточно изученными, особенно те из них, которые расположены в Алашане, Цайдаме и преимущественно в Синьцзяне. Наши сведения об этих диалектах носят пока отрывочный характер и основаны на косвенных данных — на материалах ойратских же диалектов в Западной Монголии: торгоутского, дэрбетского, элетского, хошоутского, зунгарского, баитского и некоторых других.

Северные монгольские племена — предки современных бурят-монголов — обитали в районе озера Байкал и в отличие от прочих монгольских племен в XIII в. были еще слабо охвачены процессом номадизации, занимаясь преимущественно охотой и, повидимому, рыболовством. Эти племена были подчинены власти Чингисхана в результате „лесного“ похода Джучи 1207 года. Впрочем некоторые из этих племен, как, например, булагачины (т. е. современные булагаты), баргуты, хори, икирасы (современные эхириты) и некоторые другие, входили в состав монгольского государства и раньше, до похода Джучи, хотя и не принимали активного участия в общественно-политической жизни тогдашней Монголии и завоевательных походах Чингисхана. По языку эти племена не отличались от прочих монголов в такой степени, как ойраты, хотя, конечно, говорили на своих племенных диалектах. Эти „протобурятские“ племена в целом, как можно думать, не были полностью охвачены монгольской государственностью, и их подчиненность власти Чингисхана выражалась лишь в платеже дани пушниной. То обстоя-

тельство, что родовые и племенные названия бурят-монголов не встречаются среди прочих современных монголов и тюрков, говорит, видимо, о том, что в начале XIII в. и позже северные монгольские племена продолжали оставаться в Прибайкалье, не принимая никакого участия в завоевательных походах Чингисхана и его преемников. Время от времени от монгольских феодалов они отбивались с оружием в руках, о чем можно судить по бурятским легендам. Если теперь среди бурят-монголов и встречаются роды, названия которых можно найти также среди прочих монголов, то это роды более поздних выходцев из Монголии, бежавших в прибайкальские леса от тяжелого гнета монгольских феодалов или от бесконечных войн между различными монгольскими феодалами. Таковы, например, ашабагаты, зунгары, наймангуты, цонголы и некоторые другие, оказавшиеся в Прибайкалье главным образом после XVI в.

В начале XVII в. бурят-монголы входят добровольно в состав России. В этом они справедливо видели свое избавление от бесконечных набегов со стороны монгольских феодалов. Вхождение в состав России имело чрезвычайно важные последствия для дальнейших исторических судеб бурят-монголов. Прежде всего благодаря этому они оказались избавленными от неминуемой угрозы со стороны маньчжурских феодалов, под тягостное и жестокое иго которых подпали все остальные монгольские народы и народы Китая, сохранили свою этническую самобытность и под благотворным влиянием великого русского народа быстрее приобщились к более высокой культуре, постепенно стали переходить к земледелию и оседлости, что внесло коренные изменения в их быт.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в результате победы ленинско-сталинской национальной политики, бурят-монгольский народ в Бурят-Монгольской АССР и национальных округах Иркутской и Читинской областей консолидируется в нацию нового, социалистического типа, а его язык развивается уже как национальный на основе хоринского диалекта.

Трудно сказать, каковы были в деталях особенности „протобурятских“ диалектов XIII—XIV вв. Во всяком случае, к началу XVII в. бурят-монгольские племена уже составляли отдельные от прочих центрально-азиатских монголов этнические группы под общим наименованием „бурят“. Судя по „отпискам“ русских казаков и воевод, в XVII в. бурятские диалекты еще знали согласные **с, ц, ч**, которым теперь соответствуют **h, c, ш**, иначе говоря, тогда между бурятскими и халхаскими диалектами в области фонетики не было еще тех существенных различий, которые имеются теперь. Надо, конечно, предполагать, что бурятские диалекты XVII в., как и теперь, существенно отличались от халхаских диалектов в отношении своего словарного состава. Буряты в отличие от всех прочих монгольских народов были охвачены процессом феодализации очень слабо, стояли в стороне от бурных политических и военных событий, разыгрывавшихся в Центральной Азии, в значительной степени занимались охотой и рыболовством, а не только скотоводством, не знали письменности, находились вне какой бы то ни было государственности, управляясь своими родовыми вождями или, как сообщают нам русские казаки того времени, „князцами“, и не были знакомы с буддизмом (значительная масса бурят-монголов до самого последнего времени оставалась шаманистами). Все это не могло не сказаться и на особенностях бурят-монгольского языка и его диалектов. В силу исторических условий своей жизни бурят-монголы оказались еще в период до их вхождения в Россию расселенными на большие расстояния друг от друга, от Нижнеудинска

до Барги (в Китае) и от реки Лены до границ Монголии, вследствие чего бурят-монгольский язык издавна разветвлялся на ряд племенных и местных диалектов.

В степях и долинах Центральной Азии, откуда на далекий Запад и в Китай снаряжались в завоевательные походы озверелые полчища Чингисхана, продолжали оставаться те части монгольских племен, которые на своих плечах вынесли все тяготы этих походов и жесточайший гнет со стороны своих степных феодалов и затем маньчжурских завоевателей. Эти группы и образовали тот собственно монгольский народ, который в середине XV в. в политическом отношении был разделен на так называемых северных (потом внешних) и южных (потом внутренних) монголов. Внешние монголы, или халха-монголы, после нескольких веков тяжкого феодального гнета и потери государственной независимости вновь восстановили свою государственность и независимость лишь в 1921 г. в результате победы народной революции. Этого они добились под непосредственным влиянием Великого Октября, благодаря мощной поддержке со стороны народов великого Советского Союза, и прежде всего великого русского народа. Создав независимую Монгольскую Народную Республику, они, минуя мучительную стадию капиталистического развития, успешно продвигаются вперед по пути к социализму при могучей помощи Союза Советских Социалистических Республик. Равным образом и внутренние монголы, живущие в Китайской Народной Республике, получили свою свободу лишь в последние годы в результате исторических побед великого китайского народа, руководимого коммунистической партией, и вместе с другими народами свободного Китая приступили к социальному и культурному переустройству своей жизни.

Как внешние, так и внутренние монголы говорят на разных диалектах одного и того же монгольского языка: халхаском, чахарском, ордосском и других. Основное отличие между диалектами этого единого монгольского языка состоит преимущественно в фонетических особенностях и заключается в том, что если халхаский диалект, на котором говорит основное население Монгольской Народной Республики, является свистящим (*цаг* 'время', *дзам* 'дорога'), то диалекты внутренних монголов — шипящими (*цаг* 'время', *джам* 'дорога'). Конечно, имеются отличия и в области грамматического строя и словарного состава, но они весьма незначительны по своему характеру.

ОБРАЗОВАНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Таким образом, в наше время монгольские языки, восходя к единому монгольскому языку XII—XIV вв., составляют шесть самостоятельных языков: афганско-монгольский (или могольский), кукуноро-монгольский (или монгорский), дагурский, ойрат-монгольский (или ойратский), бурят-монгольский (или бурятский) и, наконец, собственно монгольский. Первые три из перечисленных монгольских языков, о чем уже сказано выше, существенно отличаются как один от другого, так и от трех последних. Фонетический облик, словарный состав и грамматический строй могольского, монгорского и дагурского языков таковы, что носители этих языков не в состоянии понимать как друг друга, так и говорящих на остальных монгольских языках, тогда как последние все же могут понимать друг друга примерно в таком объеме, в каком могут понимать друг друга русские, украинцы и белорусы.

Как уже указывалось выше, в XIII в. несколько особняком от всех

других монгольских диалектов стояли только ойратские. Почему же из современных монгольских языков особо выделяются могольский, монгорский и дагурский, а не ойратский? Современное состояние изученности монгольских языков и их диалектов в совокупности с данными истории монгольских народов и племен позволяет дать на поставленный вопрос только предварительные ответы.

Во-первых, отличие ойратских диалектов XIII в. от прочих монгольских было в общем незначительным, что допускало беспрепятственное языковое общение ойратов со всеми прочими монголами. Во-вторых, отличия одних монгольских диалектов от других в то время сводились в основном к различной степени эволюции начального губного **п** от **ф** до нуля: одни диалекты еще сохраняли этот начальный губной **п**, другие изменили последний на проточный **h**, а третьи утратили и этот **h**. Несомненным потомком первых является ныне монгорский язык. Ойратские диалекты в XIII в. имели начальный нуль вместо былого согласного **п**. Те же фонетические процессы, что и ойратские диалекты, переживали диалекты, на основе одного из которых впервые складывался старописьменный монгольский язык. Пока невозможно установить, какие из современных монгольских диалектов восходят к этим „нулевым“ диалектам XIII в. Равным образом мы не имеем возможности сказать, какие же из современных монгольских диалектов восходят к тем, которые имели в XIII в. начальный **h**, ибо, подобные **h**-кавшие диалекты отмечены еще в XIV—XV вв. и среди монголов в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Об этом говорят как филологи Средней Азии и Китая, так и данные языка квадратной письменности времен Юаньской (Монгольской) династии в Китае. Предки современных дагуров, имеющих теперь в некоторых своих говорах начальный **h**, могли еще тогда сохранять согласный **ф**. Конечно, кроме этого важного фонетического показателя, можно было бы установить другие показатели, как то: наличие или отсутствие так называемого несовершенного причастия, различных форм условного деепричастия, соединительного падежа с форматом **-луга** и т. п. Существенными были, вероятно, отличия между тогдашними диалектами и в сфере словарного состава. Но, к сожалению, наши данные пока таковы, что мы никак не можем делать на их основе какие-либо серьезные обобщения относительно более детальных особенностей различных монгольских диалектов средневековья. Но как бы тогда ни обстояло дело с различиями между этими диалектами, наши сведения о последних позволяют безоговорочно установить большую близость в языке между всеми монгольскими племенами того времени.

Эти диалекты в целом отличались друг от друга примерно в такой же степени, в какой отличаются друг от друга севернорусские и южнорусские говоры нашего времени.

Изложенное дает возможность предположить, что резкие отличия дагурского, монгорского и могольского языков от всех прочих монгольских объясняются следующими обстоятельствами.

Во-первых, носители этих языков оторвались от всех других монголов еще в XIII—XIV вв. и больше уже не имели с ними никакого контакта. Остальная часть монголов распалась на отдельные группы позже. Но эти группы, оторвавшись одна от другой, все же полностью не теряли между собой контакта. Это обстоятельство важно еще и потому, что именно после XIV в. в истории монгольских языков наступает период так называемого усиленного перелома средних слогов и существенной перестройки грамматического строя в порядке постепенного, но различного совершенствования, улучшения и уточнения основных элементов существующих диалектов того времени. Мы уже

не говорим о том, что в это же время предки ойратов и особенно монголов вступили в полосу развития так называемого кочевого феодализма, что не могло не сказаться, например, на особенностях словарного состава соответствующих диалектов, тогда как предки бурят-монголов в то время еще не были втянуты в полосу феодального развития. Во-вторых, дагуры, монгоры и моголы оказались совершенно вне литературной жизни остальных монголов, оставаясь все время бесписьменными. В-третьих, носители названных языков очутились в совершенно ином языковом окружении и веками подвергались сильному воздействию со стороны иранских, тунгусо-маньчжурских, китайского и тибетского языков, чего никак нельзя сказать насчет ойратов, бурят-монголов и монголов.

Но ведь распад прочих монгольских народов и племен происходил и позже: с XV в. монголы распались на южных и северных или потом на внутренних и внешних, а около половины XVII в. ойратские племена оказались разбросанными на далекие расстояния друг от друга — от Волги до Ордоса и навсегда потеряли связь между собой. И тем не менее диалекты ойратского и монгольского языков не дали начала образованию самостоятельных языков. То же самое можно сказать о диалектах бурят-монгольского языка, носители которых уже несколько веков разбросаны от Нижнеудинска до далекой Барги в Китае, что также не повлекло за собой образования нескольких самостоятельных языков бурят-монгольской группы. Это обстоятельство объясняется, во-первых, тем, что ойратские, бурят-монгольские и монгольские диалекты к моменту расселения своих носителей успели в какой-то степени перемолотся в рамках своих языков и значительно сгладить различия между собой. Во-вторых, носители этих диалектов в бурные годы кровавых исторических событий средневековья, вызванных бесконечными распрями монгольских феодалов, войнами между западными и восточными монголами и маньчжурским вторжением в Монголию, находились в состоянии непрерывных передвижений и перекочевок с места на место. В то же время дагуры, монгоры и моголы, будучи разобщенными друг от друга, продолжали постоянно пребывать на одном и том же месте, чему способствовало также то обстоятельство, что они к этому времени уже перешли к оседлому земледелию, ограничивающему возможность легких передвижений людей с места на место. В-третьих, ойраты и монголы имели уже сложившийся единый старописьменный язык, который в какой-то степени сдерживал процесс возможной дифференциации и в устной речи, несмотря на территориальную удаленность ойратов и монголов друг от друга.

Конечно, ойратский, бурят-монгольский и монгольский языки в той или иной степени дробятся на местные диалекты, местами сохраняющие прежние черты и рамки племенных диалектов в зависимости от различных условий в исторической жизни своих носителей.

Все это подтверждает марксистское положение о том, что „единый язык народности, не ставшей ещё нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие ещё перемолотся в едином языке, — оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. Возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком“¹. История монгольских языков есть история образования отдельных самостоятельных языков на основе диалектов, не успевших еще перемолотся

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 44 (Разрядка наша. — Г. С.).

в едином языке. Следовательно, диалекты, успевшие в определенной степени перемолотся в едином языке (о полном завершении подобного процесса применительно к прошлому говорить, конечно, не приходится, тем более о диалектах эпохи феодализма), не могут давать начало образованию отдельных самостоятельных языков, по крайней мере, в течение трех-четырех столетий. Вот почему монголы в языковом отношении не распались на две самостоятельные группы, хотя с XV в. они политически и территориально разделились на две части. К этому периоду их диалекты успели в определенной степени перемолотся в общем монгольском языке, а старописьменный монгольский язык стал уже тем фактором, который в какой-то мере объединяет внешних и внутренних монголов в ходе общей их переписки и под знаком их общих интересов в области литературы. Но все же различия в диалектах давали себя знать в том смысле, что в рамках единого старописьменного монгольского языка образовались литературные диалекты. В общем, у монголов в области языка произошло примерно то же самое, что и у армян; у армян с XVII в. современный литературный язык, ашхарабар, как известно, существует в двух разновидностях — западной и восточной.

История монгольских языков и диалектов целиком подтверждает и другое марксистское положение о том, что „язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“¹.

Как известно, так называемое „новое учение“ о языке Н. Я. Марра со своей пирамидой, якобы поставленной с головы на ноги, утверждало, что языки в своем историческом развитии идут только по линии все более и более возрастающей интеграции от бесконечного множества языков-моллюсков, первоначально генетически не связанных между собой, к будущему единому мировому языку. Такая концепция развития языков логически могла вытекать только из антимарксистской „теории“ о наличии ручной речи, языка жестов, который якобы предшествовал звуковой речи и с которым человечество будто бы прошло почти через весь палеолит. Это означает, что люди будто бы распространились по всему земному шару, не обладая звуковой речью и создавая такую независимо друг от друга, в результате чего только и могло первоначально образоваться чрезвычайное множество генетически разнородных языков. Между тем И. В. Сталин пишет: „Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей... Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить своё мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время“².

Н. Я. Марр утверждал, что „самостоятельные некогда языки являются ныне лишь наречиями и говорами“³. Из этого антиисторического положения следует, что если теперь монгольские языки имеют примерно до сотни говоров (в одном бурят-монгольском языке мы имеем около тринадцати диалектов, которые в свою очередь делятся на большее или меньшее количество мелких говоров), то эти говоры восходят к сотне некогда генетически разнородных и самостоятельных языков.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

² Там же, стр. 46.

³ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. IV, стр. 135.

А между тем процесс образования диалектов и говоров в результате дифференциации языков давно был разъяснен Ф. Энгельсом на примере новообразования племен и диалектов у североамериканских индейцев. „На североамериканских индейцах мы видим, — писал Ф. Энгельс, — как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материку; как племена, расчлняясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только непонятными один для другого, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства...“¹

Если верить Н. Я. Марру, получается, что около сотни генетически разнородных племен и народов уже успели „скреститься“ и образовать единый монгольский народ с единым же монгольским языком задолго до образования империи Чингисхана, до появления классов, до перехода монгольских племен к скотоводству. Таким образом, по Марру, получалось, что процесс концентрации племен и народов в ранней истории был гораздо интенсивнее, нежели в эпохи классового общества и государственности. А между тем, конечно, в отдаленные от нас времена не было и не могло быть никаких экономических и прочих условий для подобного рода концентрации генетически совершенно разнородных этнических групп.

Выше мы попытались вкратце изложить те исторические условия, которые привели к образованию ряда ныне самостоятельных монгольских языков. Теперь мы должны столь же кратко изложить основные особенности этих языков, помня при этом, что степень изученности монгольских языков и их диалектов лишает нас возможности представить их особенности с необходимой полнотой, охватывая все сферы и стороны исследуемых нами языковых явлений.

Монголистика в своих лингвистических исследованиях имеет дело не только с современными бурят-монгольским, ойратским, монгольским, дагурским, монгорским и могольским языками и их диалектами, но и с письменными языками и данными об устной монгольской речи прошлого. Прежде всего нужно в этой связи упомянуть старописьменный монгольский язык, по состоянию на третий период его развития, именуемый в монголистике „классическим“ (см. стр. 16), а также ойратский письменный язык и язык так называемой квадратной письменности. Особняком стоит язык „Сокровенного сказания“, который в достаточной степени еще не изучен. Об устной монгольской речи XIII—XV вв. мы можем судить по данным китайской и особенно среднеазиатской филологии; отрывочные, но важные сведения об этой речи дают нам также анонимный грузинский историк XIV в. и армянский ученый XIII в. Киракос. Совокупность всех этих данных и позволяет нам составить определенное представление о едином монгольском языке конца XII и XIII в. Конечно, особое значение для монголистики имеет старописьменный язык, изученный в наибольшей степени.

СТАРОПИСЬМЕННЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Начало монгольской письменности вообще относится к концу XII и началу XIII в., причем так и остается до сих пор неизвестным, какое же монгольское племя впервые ввело эту письменность, на основе какого из диалектов монгольского языка начал складываться письменный язык. Можно только предположить, что впервые старая монгольская письмен-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1948, стр. 238.

ность была введена среди найманов или керейтов, наиболее передовых тогда племен, близких соседней уйгуров, от которых монголы и заимствовали их алфавит. Во всяком случае, существует легенда о том, что когда в 1204 г. найманы были разбиты Чингисханом, тогда еще Темучином, то в плен был захвачен один уйгур, служивший у найманского Даян-хана в качестве „канцлера“; с помощью этого уйгура будто бы и ввел Чингисхан для нужд своей государственной переписки монгольскую письменность на уйгурской основе. Дело, однако, не только в том, что Чингисхан приказал ввести в употребление для своей государственной переписки новый алфавит, через согдийский восходящий к арамейскому, но и в том, что при Чингисхане монголы начали использовать уже в какой-то степени готовый литературный язык. От этого языка, в основу которого лег древненайманский или древнекерейтский диалект, никаких памятников не сохранилось. Более того, само существование такого письменного языка, вообще говоря, еще точно и не доказано. Б. Я. Владимирцовым было, впрочем, высказано предположение, что старописьменный монгольский язык впервые был создан керейтами, среди которых, как и среди найманов, было распространено христианство несторианского толка. Но и это предположение не имеет определенных фактических доказательств, кроме некоторых соображений диалектного порядка: Б. Я. Владимирцов при своем предположении исходил из того, что, во-первых, особенности старописьменного монгольского языка напоминают черты ойратского языка, а во-вторых, керейты в наше время встречаются именно среди ойратов. Но если верно, что старописьменный монгольский язык по своим особенностям напоминает современный ойратский язык, то надо сказать, что, во-первых, принадлежность керейтов к ойратам не может считаться доказанной, ибо эти керейты, разгромленные Чингисханом, были рассеяны повсеместно, в том числе и среди предков современных казахов; во-вторых, те ойратские черты, которые действительно имеются в старописьменном монгольском языке, могли быть свойственными тогда и прочим монгольским диалектам (речь идет о написаниях типа *örlüge* 'утро', *debel* 'шуба', *edüge* 'теперь', *олан* 'много', *хамша* 'где', *обер-үн* 'своего' и формах типа *-луга* — окончание соединительного падежа, *-жула* — окончание условного деепричастия и некоторых других, ныне свойственных главным образом ойратскому языку). Таким образом, диалектная основа старописьменного монгольского языка не может считаться установленной даже приблизительно.

Историческое развитие старописьменного монгольского языка до сих пор не является достаточно изученным. Б. Я. Владимирцов считал, что этот язык имеет три периода своего исторического развития. Первый заканчивается к концу XIII в. и характеризуется тем, что в это время письменность обслуживает главным образом нужды государственной переписки. Второй период в развитии старописьменного монгольского языка относится к началу XIV и концу XVI в., в течение которого этот язык, продолжая обслуживать нужды государственной переписки, начинает широко использоваться для перевода буддийских сочинений под руководством тибетских и отчасти уйгурских монахов. Именно к этому периоду относится то большое количество уйгурских, согдийских, хотанских, кучарско-карашарских, персидских и других иранских заимствований, которые были так характерны для старописьменного монгольского языка и через посредство последнего прочно вошли почти во все современные монгольские языки; вместе с этими уйгурскими и иранскими заимствованиями в монгольский язык проникло некоторое количество арабских и даже греческих слов. В течение этого периода, как и предыдущего, уйгурский алфавит про-

должает оставаться почти неизменным, слегка видоизменяется только почерк. Поэтому алфавит этих двух периодов именуется уйгурско-монгольским. Третий период в развитии старописьменного монгольского языка начинается на рубеже XVI и XVII вв. и характеризуется значительными изменениями как в самом языке, так и в алфавите. Старые слова и формы, ставшие непонятными, заменяются новыми; открывается широкий доступ народным диалектальным элементам; начинается проникновение тибетских заимствований, наряду с которыми старые уйгурские и иранские элементы продолжают существовать и употребляться. Само письмо подверглось изменениям, — употребление некоторых знаков алфавита было уточнено. В результате всего этого образовался тот классический монгольский язык, которым до самого последнего времени пользовались как литературным в Монгольской Народной Республике и пользуются до сих пор монголы в Китайской Народной Республике. Важно отметить, что начало этого третьего периода относится ко времени, когда, во-первых, уже становится заметным завершение отхода друг от друга ойрат-монголов, бурят-монголов и монголов, а во-вторых, начинается усиленное распространение буддизма в Монголии. До этого буддизм не являлся еще массовой религией и не играл видной роли в исторической жизни монголов. Еще более важно отметить, что к этому периоду в основных монгольских языках завершается процесс сложения современной грамматической системы и образования долгих гласных в результате выпадения интервокальных согласных **б**, **г**, **г** и **ж**. Можно сказать, что именно в этот третий период старописьменный монгольский язык становится языком собственно монголов, оказываясь для бурят-монголов и ойратов на положении как бы „чужого“ языка. Сказанное означает, что старописьменный язык насыщается с этого времени элементами диалектов только из собственно монгольского языка, элементами, которые архаизируются лишь в своем орфографическом облике. Правда, морфологический облик этого старописьменного языка продолжает оставаться прежним. К началу XVIII в. влияние местных диалектов заметно усилилось, что привело к образованию как бы нескольких литературных диалектов. Но подлинные литературные диалекты все же не сложились, поскольку ксилографическое книгопечатание было сконцентрировано в монастырях, преимущественно в Южной Монголии, а поэтому диалектизмы проявлялись главным образом в местном делопроизводстве, рукописях и частной переписке. Немаловажным является то, что в Монголии в силу известных исторических условий не получила достаточного развития национальная светская литература, если не считать переводной и исторической литературы в виде летописей и хроник, которые не смогли, конечно, сколько-нибудь заметно повлиять на весь облик старописьменного языка.

Так как к этому времени уже обнаружился резкий разрыв между орфографией старописьменного языка и фонетическими нормами живой речи, то сложились различные системы чтения письма, разные системы „орфоэпии“. В одном случае написанное читалось буквально при помощи фонем данного местного диалекта или говора, например, *агула-дур* 'на горе', *джам-ун* 'дороги' и *джиргузан* 'шесть' читались соответственно в виде *агула-дур*, *джам-ун* или *дзам-ун*, *джиргузан*. В другом случае читали, заменяя формы старописьменного языка формами данного диалекта и переделывая каждое слово из формы письменного начертания в форму, известную носителям данного диалекта; так, например, те же слова читали в виде *улада*, *уланда*, *улд*; *дзамин*, *джамин*, *дзамай*, *замин*; *дзурган*, *джурган*, *зурган* и т. д. Во втором случае отступления делались тогда, когда встречались неизвестные слова, которые при этом читались согласно первой системе.

Каковы основные особенности фонетического и грамматического строя старописьменного монгольского языка, в основу которого лег один из диалектов единого монгольского языка конца XII и начала XIII в.? Что касается фонетики, то приходится устанавливать ее с учетом графических и орфографических особенностей, делая соответствующие „поправки“ с привлечением данных сравнительно-исторического изучения монгольских языков и их диалектов. Дело в том, что старомонгольский алфавит, заимствованный монголами от уйгуров, располагает только 14 основными знаками, в силу чего монголы вынуждены были одним и тем же знаком обозначать разные фонемы, а разными знаками, в зависимости от позиции в слове, одну и ту же фонему. Так, например, фонемы **о** и **у** передаются знаком **ᠣ** в начале слова, **ᠪ** в середине и **ᠮ** в конце; этими же знаками передаются во втором и дальнейших слогах фонемы переднего ряда **ᠦ** и **ᠦ**. Фонемы **д** и **т** передаются разными вариантами (в зависимости от позиции в слове) одного и того же знака **ᠳ**. Один и тот же знак **ᠳ** в начале слова передает среднеязычный **ј** и аффрикат **дз** или, в диалектах — **дж**. Два „зубца“ **ᠠ** в начале слова могут передавать либо гласный **а**, либо сочетание гласного **е** и согласного **н**. Все это образовало в старописьменном монгольском языке определенное количество графических омонимов, фонетическое значение которых устанавливается только в зависимости от контекста.

Так, писались одинаково:

1) <i>унуху</i> 'садиться на коня'	}	ᠤᠨᠤᠬᠤ
<i>онохо</i> 'попадать во что'		
2) <i>дзагун, джагун</i> 'сто'	}	ᠳᠠᠭᠤᠨ
<i>јагун</i> 'что'		
3) <i>оңөр</i> 'многосемейный'	}	ᠣᠩᠥᠷ
<i>унур</i> 'запах'		
4) <i>енде</i> 'здесь'	}	ᠡᠨᠳᠡ
<i>ата</i> 'верблюд-самец'		
<i>ада</i> 'дух-детоед'	}	ᠠᠳᠠ

Еще больше в старописьменном монгольском языке слов, которые хотя и не являются графическими омонимами, но свое фонетическое звучание определяют очень часто в зависимости от диалекта, например:

1) <i>модон</i> или <i>мудун</i> 'дерево'	}	ᠮᠣᠳᠤᠨ
2) <i>асхаха</i> или <i>асгаха</i> 'выливать'		
3) <i>гулумта</i> или <i>голомто</i> 'очаг'	}	ᠭᠤᠯᠤᠮᠲᠠ
4) <i>хото</i> или <i>гото</i> 'город'		

Изложенное не может не затруднять установления чтения тех слов, которые оказываются по своему значению неизвестными. Вот почему чтение монгольских исторических текстов представляет весьма тяжелый труд, особенно в тех случаях, когда встречаются собственные имена, точное чтение которых невозможно установить, потому что тут не могут помочь методы сравнительно-исторической этимологии.

Спрашивается, почему монгольские филологи средневековья не смогли более рационально использовать уйгурский алфавит, введя какие-либо дополнительные знаки для более точного различения фонем, как это

позднее сделали маньчжуры, алфавит которых, построенный на основе того же уйгурского, отличается исключительной точностью? Внимательное изучение всех данных позволяет сделать заключение, что для этого имелись серьезные лингвистические основания. Дело в том, что этот далеко не совершенный алфавит монголы пытались заменить более точным и совершенным, построенным на основе тибетского алфавита при императоре Хубилае в конце XIII в. Тем не менее эта попытка успехом не увенчалась. Равным образом среди некоторых ойратских племен не получило широкого распространения так называемое „ясное письмо“ Зая-пандита, которое было создано в половине XVII в. и отличалось исключительной фонетической точностью. Оказывается, что когда диалектная раздробленность языка весьма значительна, а различия между диалектами не ослабевают, то письменность с более точным алфавитом неизбежно должна ориентироваться на какой-либо один из диалектов. Но подобная письменность тогда оказывается непонятной для носителей всех остальных диалектов. Поэтому в условиях большого фонетического различия между диалектами оказывается необходимым создать такую письменность, которая была бы безразличной по отношению ко всем или большинству диалектов. Чтобы письменность была одинаково понятна для носителей всех диалектов, она в определенных отношениях должна была одинаково далеко стоять от всех этих диалектов, ибо стоило ей приблизиться к одному из последних, как она оказывалась менее пригодной в качестве средства письменного общения для всех носителей всего данного языка в целом. Вот почему захирели, между прочим, и квадратное письмо Хубилая и „ясное письмо“ Зая-пандиты среди некоторой части ойратских племен, так и не выдержав конкуренции со старым монгольским, фонетически далеко не совершенным алфавитом. В условиях диалектной раздробленности языка нужно было либо создать наддиалектное в фонетическом отношении письмо, как это случилось в средневековой Монголии, либо пойти по пути создания письменности на каждом отдельном диалекте, как это отчасти имело место в средневековой Франции, что не отвечало интересам общегосударственной переписки. Что особенностью старой монгольской письменности объясняются именно изложенным, видно из самого буквенного состава ее алфавита. Так, например, обращает на себя внимание то обстоятельство, что разные фонемы обозначаются одними и теми же знаками как раз в тех случаях, когда различия между диалектами отмечаются именно в отношении данных фонем. Более того, обращает на себя внимание тот факт, что в старомонгольском алфавите фонемы **дж**, **дз** и **ј** не различаются только в начале слова, тогда как в середине слова для этих фонем имеются отдельные знаки. И это потому, что некогда в монгольских языках именно только в начале слова эти фонемы чередовались от одного диалекта к другому, как это в определенных словах имеет место в диалектах бурят-монгольского языка и теперь: если в эхиритском и булагатском диалектах говорят *яргал* 'наслаждение', *йоргоон* 'шесть' и *йил* 'год', то во всех прочих диалектах говорят соответственно *жаргал*, *жоргоон* или *зураан* и *жил*.

Таким образом, фонематический состав одного из диалектов монгольского языка, легшего в основу старомонгольского письменного языка, на основании знаков алфавита последнего и данных сравнительно-исторической монголистики, мы можем представить в следующем виде:

Гласные заднего ряда: **а, о, у;**

„ переднего ряда: **е, ё, ү;** нейтральный **і.**

Согласные: **н, к, г, нг, б, с, ш, т, д, л, м, ч, дж, ј, р.**

Кроме того, в названном диалекте имелись дифтонги **ai, ei, oi, yi, yī**; долгих гласных тогда еще не было. Остается открытым вопрос о наличии гласного заднего ряда **ī**, хотя Б. Я. Владимирцов склонен был думать, что такой гласный тогда еще сохранялся. Можно предполагать, что в определенных случаях гласные **o** и **y**, **ö** и **ü** соответственно не всегда различались, по крайней мере в некоторых диалектах, как это имеет место и современных бурят-монгольских диалектах в отношении гласных переднего ряда.

Равным образом по диалектам чередовались согласные **k — ɣ, k — ɣ, t — д, дж — j** и, возможно, **дж — ч** (до начала третьего периода в истории развития старописьменного монгольского языка для **дж** и **ч** был только один знак; ср. в современном ордосском диалекте *джасу* 'снег' и *джихе* 'уши' вместо ожидаемых *часу* и *чихе*). Согласные **k** и **ɣ**, будучи фонемами заднего ряда, противопоставлялись согласным переднего ряда **k** и **ɣ**. Таким образом, сингармонизм звуков распространялся не только на вокализм, но отчасти и на консонантизм. Состав и характер вокализма в составе слова регулировались и позиционно: если в первом слоге мог находиться любой гласный, то во втором и дальнейших слогах не могли находиться гласные **o** и **ö**. Следовательно, после **a**, **o** или **y** первого слога могли находиться только **a** или **y**; после **e**, **ö** или **ü** — только **e** или **ü**; гласный **i** мог встречаться в любой позиции слова с гласными как заднего ряда, так и переднего. Подобный характер и состав звуков были свойственны почти всем монгольским диалектам XII—XIII вв. Как уже было сказано, основное фонетическое различие между этими диалектами заключалось в степени сохранения начального губного **п** от **ф** до нуля (см. выше, стр. 11). В конце слога не встречались согласные **k, k, t, ч, дж, j**. Вопрос о сочетании согласных, являющийся чрезвычайно важным в историческом отношении, может быть разрешен лишь в свете сравнительно-исторического изучения корнеслогов и словоизменения в алтайских языках вообще.

Загадочно, например, то, что, если в парадигмах дательного падежа после конечных гласных или согласных **н, л, м** в основе склоняемого слова окончание данного падежа не может иметь сильный **t**, а только слабый **д**, то в самой основе сочетания гласных и этих согласных с **t** вполне допустимы. Аналогичные явления имеются в фонетике монгольских языков и по линии сочетаемости и несочетаемости других звуков.

В грамматическом отношении старописьменный монгольский язык характерен тем, что в нем представлены почти все те падежи и все глагольные формы, какие имеются во всех современных монгольских языках и диалектах и в средневековой монгольской речи. В нем нет только предельного и направительного падежей, имеющих в современных ойратских диалектах. Однако предельный падеж в омертвелой форме мы находим в суффиксе так называемого предварительного деепричастия **-магча** (**маг + ча**); что касается направительного падежа в ойратских диалектах, то его суффикс **-рү** представляет собой недавнее развитие наречия-последлога *урү* 'вниз', 'к', имеющегося и в старописьменном монгольском языке в виде *уругу*. Единственным падежом этого языка, отсутствующим во всех современных монгольских языках и диалектах, является местный с суффиксом **-а — -е**. Такое морфологическое богатство старописьменного монгольского языка едва ли объяснимо тем, что таков был морфологический облик того диалекта, который лег в основу этого языка, или тем, что прочие монгольские языки и диалекты что-то утрачивали. Это явление можно объяснить, повидимому, тем обстоятельством, что старописьменный монгольский язык на протяжении семи веков своей истории все время пополнялся эле-

ментами всех монгольских диалектов, кроме тех, которые оказались за пределами Центральной Азии.

Что касается словарного состава старописьменного монгольского языка последнего периода, то трудно усмотреть в этом отношении различия между данным языком и собственно монгольским языком. Конечно, на протяжении семи веков лексика старописьменного монгольского языка постепенно менялась. Архаизмы, как уже сказано, были оставлены в своей большей части еще к концу второго периода развития описываемого языка. Некоторые слова, связанные с понятиями и категориями эпохи феодализма, а также и буддийские термины выпали в годы революционного переустройства в Монгольской Народной Республике. Вместо этих выпавших слов и терминов появилось много новых, возникших в связи с созданием нового производства, новой революционной культуры, в связи с ростом техники и науки. Изменился смысл ряда слов, получивших новое значение.

В общем можно сказать, что старописьменный монгольский язык третьего периода постепенно и непрерывно изменялся в соответствии с изменением собственно монгольского языка. Неизменным оставался только орфографический облик как первичных основ, не всегда совпадающих с корнями, так и последующих, а равно и всех словоизменительных суффиксов: писали так, как будто монгольский язык в сердце Центральной Азии фонетически оставался почти неизменным со дней Темучина. Отступление от орфографической нормы XII—XIII вв. сводилось в основном к тому, что в непервых слогах часто стали писать гласные **о** и иногда **ѳ**, вместо **а** и **е**, например, в словах типа *Онон* вместо *Онан* (название реки), *монгол* вместо *монгал* 'монгол', *богал* вместо *богал* 'раб', *дѳре* вместо *дгере* 'иной' и т. д.

Сказанное привело к тому, что (особенно при транслитерации соответствующего знака, передающего и **о** и **у**) в непервых слогах приходится учитывать и эти фонетические изменения: *модун* → *модун* 'дерево', но *отар* → *отор* 'дальнее пастбище'. Старому орфографическому облику удалось в основном сохраниться в неизменном виде, потому что, во-первых, словообразовательные и словоизменительные суффиксы получили значение идеограмм: писали, например, **-муі**, а читали **-на** (окончание настояще-будущей формы изъявительного наклонения). Учащиеся обычно изучали и запоминали написание всех суффиксов, а это облегчалось в значительной степени тем, что в словообразовательной части из всех гласных полагалось писать только **а** и **е**, которые к тому же графически передавались одним и тем же знаком; исключение составляли только четыре суффикса (**-сун**, **-бури**, **-ту** и **-лду**). Во-вторых, двое-слоги, которым в устной речи соответствуют долгие гласные, стали интерпретироваться как орфографические способы передачи последних: учащимся, например, говорили, что долгий гласный **а̄** в письме передается в виде **ага**, и монгольские грамотеи обычно не знали, что, например, слово *батар* 'герой', 'богатырь' некогда звучало *багатур*, ибо для них сочетание **ага** было лишь средством передачи долгого **а̄** так же, как в современном литературном языке этот долгий гласный передается в виде **аа** (*баатар!*).

Все это привело к тому, что в Монгольской Народной Республике в 1941—1945 гг. перешли фактически не от старого литературного языка к новому литературному языку, а только от старого алфавита к новому, для создания которого были использованы знаки русского алфавита, ибо этот новый литературный язык уже постепенно создавался на базе современной устной речи и до введения нового алфавита. Поэтому то, что имело место в Монгольской Народной Республике в 1941—1945 гг., не следует представлять в виде какой-то внезап-

ной революции в области самого языка (подробнее об этом см. на стр. 62—71). Во всяком случае, старописьменный монгольский язык, особенно последнего периода, является особым языком лишь по форме своего письменного выявления, хотя несомненно, что переход на новую письменность представляет собой мероприятие революционного значения величайшей важности.

Старая монгольская письменность пока продолжает существовать у монголов в Китайской Народной Республике. У бурят-монголов эта письменность просуществовала до 1931 г., когда она была заменена новой (сначала на латинизированной основе, а затем, с 1938 г., на основе русской графики, — подробнее см. стр. 44—46).

Так как старописьменный монгольский язык, во-первых, в своих фонетическом (или, точнее, орфографическом) и морфологическом обликах отражает в целом наиболее раннее состояние монгольских диалектов вообще и, во-вторых, в этих же аспектах занимает по отношению ко всем живым монгольским языкам настоящего и прошлого как бы нейтральное положение, в монголоведной лингвистической литературе принято формы и явления этого языка класть в основу сравнительно-исторического исследования всей семьи монгольских языков и их диалектов. При этом, конечно, вовсе не предполагается, что будто бы какой-либо из этих языков и диалектов „восходит“ к старописьменному монгольскому языку или является результатом его эволюции. Так как вся структура этого языка была наиболее изучена и, следовательно, общеизвестна, то при изложении особенностей какого-нибудь другого — живого — монгольского языка или диалекта ограничивались простым указанием, что в данном языке или диалекте отсутствуют такие-то формы и явления старописьменного языка и, наоборот, имеются такие, которые отсутствуют в последнем. Иначе говоря, ради удобства изложения, формы и явления старописьменного монгольского языка служат в монголистике как бы эталоном сравнения. От подобного метода изложения форм и явлений в живых монгольских языках и диалектах, ввиду его удобства и ясности, мы не намерены отказываться и впредь, памятуя, однако, приведенные выше оговорки. Поэтому мы считаем необходимым дать здесь перечень падежей и глагольных форм старописьменного монгольского языка, что позволит нам в дальнейшем при описании особенностей того или иного монгольского языка и диалекта ограничиваться более кратким изложением.

В старописьменном монгольском языке имеются следующие падежи: 1) именительный, 2) родительный, 3) винительный, 4) дательно-местный, 5) местный, 6) исходный, 7) орудный, 8) совместный, 9) соединительный.

В этом языке имеются следующие глагольные формы:

1. Повелительные или императивные:

- 1) основа глагола, она же форма обращения 2-го лица обоих чисел;
- 2) форма обращения 2-го лица будущего времени;
- 3) форма 2-го лица множественного числа;
- 4) форма пожелания;
- 5) форма 1-го лица;
- 6) форма 3-го лица;
- 7) форма дубитативная, или опасения.

2. Изъявительные:

- 1) форма настояще-будущего времени;
- 2) форма настояще-прошедшего времени;
- 3) форма прошедшего времени заведомо известного действия;
- 4) форма прошедшего времени неожиданного действия.

3. Причастия:

- 1) будущего времени;
- 2) прошедшего времени;
- 3) настоящего времени;
- 4) многократное;
- 5) однократное (по традиционной терминологии, а по существу — многократное же и имя деятеля).

4. Деепричастия:

- 1) соединительное;
- 2) разделительное;
- 3) слитное;
- 4) продолжительное;
- 5) предварительное;
- 6) совместное, или предела;
- 7) целевое особое (**-ра**);
- 8) первое условное (**-басу**);
- 9) второе условное (**-хула**);
- 10) уступительное;
- 11) „цитатное“ (**-рун**; см. еще на стр. 59).

Имеются следующие пять залогов: 1) прямой, или действительный, 2) побудительный, 3) страдательный, 4) совместный и 5) взаимный.

Числительные имеют следующие образования: 1) количественные, 2) порядковые, 3) собирательные, 4) разделительные и 5) перечисляющие.

Под влиянием устной речи в старописьменном языке иногда появляются и другие формы, особенно глагольные (например, третья форма условного деепричастия с показателем **-бал**), приводить которые здесь нет никакой необходимости и количество которых очень часто колеблется в зависимости от времени и места появления того или иного сочинения. Сказанное относится особенно к третьему периоду развития старописьменного монгольского языка.

МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ XIV—XV вв.

Старописьменный монгольский язык по состоянию на последний период своего исторического развития, главным образом XVIII—XX вв., отражает особенности монгольской речи ранних периодов весьма условно и ограничительно, ибо только его орфография в определенной степени рисует нам фонетический облик монгольских диалектов XII—XIII вв., под который искусственно и по необходимости подгонялись написания позднейших новообразований и иноязычных заимствований. Словарные новообразования, а также фонетические изменения, происходящие в наше время, так или иначе орфографически отражаются в псевдодревней форме, т. е. в такой, какой в древности и не было. Так, например, в устной речи многие односложные слова с открытым конечным гласным удлиняют этот гласный: $ki > xi$ 'делать' (в диалектах монгольского языка), для передачи чего и появляется в разного рода рукописях написание *keji*. Сказанное касается отчасти и морфологических формантов.

Таким образом, новое звуковое „содержание“ современной монгольской речи облеклось в старую форму. Разумеется, изучение текстов первого и второго периодов дало бы много для познания состояния монгольского языка того времени и не только в области фонетики, но и главным образом в области словарного состава и грамматики,

синтаксиса — в особенности. Надо отметить, что, к сожалению, в этом направлении пока что сделано очень мало.

Что касается состояния устной монгольской речи XIV—XVI вв., то о ней мы можем судить по данным памятников квадратной письменности и свидетельству китайских, арабских и среднеазиатских филологов. Этот средний или переходный период в истории развития монгольских языков и диалектов является чрезвычайно важным потому, что в основном именно в этот период, в силу известных исторических условий, прежде всего в результате развала единой монгольской государственности, происходит процесс распада некогда единого монгольского языка на ряд ныне самостоятельных языков, о чем шла речь выше. Кроме того, именно в это время почти во всех монгольских языках и диалектах происходило образование долгих гласных в результате стяжения двух слогов в один, что в свою очередь было следствием постепенного выпадения интервокальных *г, г, б, ж*. В этот же период происходит так называемый третий перелом гласного *и*, что повлекло за собой существенную эволюцию во всем фонетическом облике монгольских языков и диалектов в целом, тем более значительную, что она протекала в этих языках и диалектах различно, а это еще более углубило различие между последними. Значимость этого периода станет еще более очевидной, если вспомнить, что именно в это время сильные изменения происходят в словарном составе и грамматическом строе (эволюция глагольных форм), поскольку отныне разрозненные монгольские группы, роды и племена оказываются в различных социально-экономических условиях и в различном этническом и лингвистическом окружении, о чем мы выше уже говорили.

Следует отметить, что указанные выше данные об устной монгольской речи среднего периода являются далеко не полными. Эти данные относятся почти только к началу данного периода, мало что говорят о состоянии монгольской речи второй половины XV и почти всего XVI в. и ничего не говорят об особенностях тех диалектов, различное развитие которых дало начало образованию современных бурят-монгольского и монгольского языков. Например, памятники квадратной письменности относятся ко второй половине XIII и первой половине XIV в.

Как известно, монгольское квадратное письмо, по поручению императора Хубилая, было составлено тибетским монахом Пагба на основе использования знаков тибетского алфавита; отсюда и европейское наименование этого письма: „квадратное“. Составление нового монгольского алфавита и разработка орфографии квадратного письма были закончены к 1269 г., когда и был издан императорский эдикт о введении новой монгольской государственной письменности (по-китайски *мэн-гу синь цзы* или *го цзы*, что значит „государственная письменность“). Новая государственная письменность была введена не только для монгольского языка, но и для языков всех основных народов, подчиненных Юаньской династии, т. е. для китайского, тибетского и уйгурского языков, а также для санскритского языка — языка оригинальной буддийской литературы. Иными словами, монгольские властители тогдашнего многонационального Китая как будто намеревались унифицировать алфавиты на территории всей империи. Новое монгольское письмо в подражание уйгурскому отличалось от тибетского тем, что писали сверху вниз, вертикальными строками, которые шли слева направо. Как государственная письменность квадратное письмо просуществовало до изгнания монголов из Китая, т. е. до 1367 г., после чего оно употреблялось в Тибете, Амдо и Внутренней Монголии в крайне ограниченных масштабах (на печатях, в заглавиях книг и т. д.). Введение новой государственной письмен-

ности не означало ликвидации и отмены прежних письменностей: в Китае, Тибете и Монголии попрежнему продолжали писать и издавать книги, пользуясь исторически сложившимися письменностями, тогда как квадратными письменами пользовались в сфере государственной переписки; имеются, впрочем, сведения о том, что при помощи квадратного письма издавались книги и неофициального характера. В данное время пока трудно сказать, имел ли в виду император Хубилай постепенно заменить квадратными алфавитами все ранее существовавшие письменности на территории всей своей империи, в том числе и уйгурско-монгольскую, или, наоборот, полагал иметь эти новые алфавиты только в сфере официальной переписки. По этому поводу в востоковедной литературе было высказано множество противоречивых предположений, в разбор которых мы входить здесь не намерены, считая необходимым касаться в этой работе только специально лингвистической стороны дела. Отметим лишь, что известные и изученные монгольские тексты на языке квадратной письменности в основном представляют собой официальные документы времен Юаньской династии: императорские эдикты, указы, пайдзы, т. е. охранные грамоты краткого содержания, небольшие надписи на камнях, объявления и т. д.

Монгольский квадратный алфавит отличается чрезвычайной точностью и поэтому довольно отчетливо отражает фонетический облик одного из южномонгольских диалектов своего времени. Изучение монгольских памятников квадратного письма, повидимому, дает возможность представить и состояние ряда южномонгольских диалектов конца XIII—начала XIV в. Однако ради осторожности ниже мы будем говорить только о языковых особенностях памятников квадратного письма, имея в виду, что тем самым будут косвенно характеризоваться и особенности каких-то южномонгольских диалектов указанного времени.

Основная особенность языка квадратной письменности в области фонетики заключается в том, что в нем еще сохраняется начальный **h**, восходящий к губному **ц**, до сих пор сохраняющемуся только в монгольском языке в виде **ф** и **х**. Этот начальный **h** вообще был характерен для большинства живых монгольских диалектов XIII—XIV вв., а в наше время встречается в некоторых говорах дагурского языка, чередуясь с **ж**.

Примеры (из памятников квадратной письменности):

<i>haci</i>	‘заслуга’	халхаск.	<i>aci</i>
<i>harban</i>	‘десять’	„	<i>arban</i>
<i>hure</i>	‘плод’	„	<i>ure</i>

Этот язык характерен далее тем, что в нем интервокальный **г**, **г** уже начинает исчезать, но стяжения двух слогов в один, т. е. образования долгих гласных, еще не произошло, ибо вместо раннего интервокального **г**, **г** между двумя гласными встречается в нем особый гортанный звук, повидимому, глухой проточный **h**, обозначаемый специальным знаком.

Примеры (из памятников квадратной письменности):

<i>ahula</i>	‘гора’	халхаск.	<i>ūlā</i>
<i>dehere</i>	‘высоко’	„	<i>dere</i>
<i>baḥu</i>	‘спускаться’	„	<i>bu</i>

Любопытно отметить, что в этот глухой проточный **h** переходит конечный **г**, **г**, оказываясь в интервокальном положении при образовании формы множественного числа (*чериḡ* ‘войско’, *чериḡүдүн* ‘войск’).

Из прочих особенностей консонантизма языка квадратной письменности следует отметить следующие:

а) смешение сильных и слабых **т — д, к — г, к — г**, что так характерно для большинства диалектов современного собственно монгольского языка, однако с той разницей, что в последних мы вместо смычных **к** и **к** имеем проточный **х**; в одном случае вместо **с** встречается **з** (*зара* 'месяц' вместо *сара*);

б) отсутствие свистящих аффрикат **дз** и **ц**, как это и теперь имеет место, например, во внутреннемонгольских диалектах, в которых соответственно находим только **дж** и **ч**.

В области вокализма для этого языка является характерным, во-первых, то, что гласные непервых слогов подверглись в нем прогрессивной ассимиляции со стороны **о** и **ъ** первого слога (*орон* вместо *орун* 'входя'; *örön* вместо *öröen* 'широко', *тоһон* вместо *тоһан* 'количество'); во-вторых, гласный **і** второму и третьему переломам еще не подвергся, что так присуще внутреннемонгольским диалектам вообще.

В грамматическом отношении язык квадратной письменности по сравнению со старописьменным монгольским языком характеризуется лишь некоторыми немногочисленными особенностями. Так, суффиксами дательного-местного падежа являются только **-да** и **-дур**; **-та** и **-тур** не встречаются, что необходимо, повидимому, поставить в связь со смешением в этом языке сильных и слабых согласных. Далее обращает на себя внимание наличие трех форм будущего причастия с суффиксами: **-ку** (в определительном, субстантивном и предикативном употреблении), **-кун** (только в определительном употреблении) и **-куі** (в определительном и субстантивном употреблении).

Малое количество известных и изученных памятников квадратной письменности не позволяет установить какие-либо иные грамматические и, добавим, лексические особенности языка этих памятников.

Обратимся теперь к другим данным о монгольской речи того же периода, т. е. XIII—XIV вв., а именно к показаниям среднеазиатских и арабских филологов, среди трудов которых наиболее значительными являются:

1) арабско-монгольский словарь на 600 слов анонимного автора 1245 г.;

2) монгольско-арабский глоссарий Ибн-Муханны начала XIV в.;

3) монгольский глоссарий Хамдаллаха Казвини 1339 г., содержащий около пятидесяти монгольских названий животных и растений, и

4) монгольский словарь, вписанный неизвестным лицом в конце XV в. с неизвестного, но вполне доброкачественного источника в словарь арабского языка ал-Замахшари, умершего в 1143 г.

Анализ всех этих сочинений показывает нам, что перед нами один и тот же монгольский устный язык без каких бы то ни было особых диалектных различий. Поэтому в данном случае мы будем говорить о западномонгольской средневековой речи как о едином целом, о той монгольской речи, о которой нам сообщают также армянский ученый Киракос и анонимный грузинский историк и которая употреблялась, следовательно, среди мамлюков в Египте, в Иране, в Средней Азии, в Дагестане, в Грузии, в Армении.

Западномонгольская речь средневековья фонетически характеризуется в основном теми же чертами, что и язык квадратной письменности, хотя и имеет некоторые специфические особенности. Так, например, вместо начального **ш** древнего периода здесь мы находим тот же **х**; также исчез в определенных случаях интервокальный **г**, **г**, превратившись в ряде случаев в глухой проточный **х**. Возможно, что этот проточный **х** отражает просто-напросто зияние, хиатус, ибо соответствующие знаки квадратного письма и арабского алфавита в своем фонетическом значении не поддаются точному определению применительно

к фонетическим явлениям монгольской устной речи того времени. Но последнее явление в западномонгольской средневековой речи сопровождается некоторыми особенностями, сводящимися к тому, что в одних случаях гласные, между которыми исчез согласный **г**, **г**, уже образовали долгий гласный, а в других — сохранились, разъединенные хиатусом или глухим проточным **h** ← **г**, **г**. Таким образом, в данном случае западномонгольская средневековая речь по сравнению с языком квадратной письменности, в котором долгих гласных еще не было, слегка продвинулась вперед, что, возможно, объясняется большим историческим периодом существования этой речи вплоть до начала XV в., тогда как последние памятники квадратной письменности относятся к концу первой половины XIV в. Впрочем, указанное различие между языком квадратной письменности и описываемой речью не является сколько-нибудь существенным; тем не менее оно свидетельствует о том, что образование долгих гласных в некоторых монгольских диалектах начало в основном завершаться во второй половине XIV и начале XV в.

Отмечается также смешение сильных и слабых согласных **к — г**, **к — г**, **т — д**, что равным образом напоминает нам подобные же явления в языке квадратной письменности. К специфическим явлениям консонантизма описываемой речи относится появление шипящей аффрикаты **дж** в ряде слов вместо среднеязычного проточного **ж**, что, возможно, объяснимо влиянием какого-нибудь тюркского языка джакающего типа. Особенно характерно, что в этой речи некоторые слова вместо **дж** или **дз** имеют смычный **д** (*кадар* 'узда', *дереле* 'сравняться', ср. халхаские *хадзар* и *дзергёль*). Это является следствием первого перелома гласного **і**, о чем будет сказано особо.

Из области вокализма отметим начавшийся процесс третьего перелома гласного **і** (о втором переломе в этой вообще шипящей речи, как и во внутримонгольских шипящих диалектах, говорить довольно трудно). Что касается гласных непервых слогов, то они в описываемой речи начали подвергаться прогрессивной ассимиляции в сравнительно немногих случаях.

В грамматическом отношении описываемая речь принципиально почти совершенно не отличается от языка квадратной письменности и старописьменного монгольского языка. В синтаксисе отмечается явление, вообще небезызвестное в устной речи всех монгольских языков, а именно позиция подлежащего по отношению к сказуемому и препозиция последнего по отношению к остальным членам предложения. По поводу этого синтаксического явления было высказано предположение, что в данном случае показаниям источника доверять не следует вследствие их „несуразности“. Но такое предположение не является правомерным, потому что препозиция сказуемого в данной речи обнаруживается лишь в тех случаях, когда сказуемым является какая-либо изъяснительная форма, которая в предложении может быть только сказуемым. Иными словами, препозиция сказуемого строго закономерна и лишена какой бы то ни было хаотичности. Поэтому нет никаких оснований говорить о „порче“ источника или о влиянии языка не монгола — автора источника.

Носителями средневековой западномонгольской речи были представители различных монгольских племен, кроме, повидимому, ойратских, которые в своей массе продолжали оставаться в Центральной Азии и, конечно, кроме тех, которые продолжали обитать в лесах Прибайкалья и затем составили ядро современного бурят-монгольского народа. Во всяком случае, из всего сказанного совершенно очевидно, что в XIII — XIV вв. монгольские диалекты от Пекина до далекого Египта и Кавказа отличались один от другого весьма незначительно.

МОГОЛЬСКИЙ, ДАГУРСКИЙ И МОНГОРСКИЙ ЯЗЫКИ

Из современных монгольских языков некоторые черты общемонгольской речи среднего периода продолжают сохранять дагурский и могольский, к сожалению, изученные весьма слабо.

Судя по некоторым отрывочным сведениям, могольский язык в Афганистане характеризуется следующими особенностями, сближающими его с общемонгольской речью среднего периода:

- 1) сохранением ранних **к** и **к**;
- 2) отсутствием свистящих аффрикат **дз** и **дз**;
- 3) отсутствием интервокальных **г**, **г**, в результате чего образовались либо долгие гласные, либо сочетание двух гласных.

Отсутствует и начальный **h**, видимо утраченный после XV в. Характерно, что в словах переднего ряда сохраняется **с** в положении перед **i**. Вокализм могольского языка под влиянием иранской речи подвергся сильному изменению: появился долгий **ō** вместо долгого **a** и краткого **a** и т. д. Прочно удерживается гласный **i**, не подвергшийся перелому. Сомнительно, чтобы наличие долгого **a** в составе суффикса орудного падежа можно было бы объяснить „ойратизмом“, поскольку это было характерно для всех монгольских диалектов раннего периода. Любопытно, что сказуемое снабжается личными частицами — местоимениями, как это мы наблюдаем ныне в ойратских и бурят-монгольских диалектах. Что касается грамматического строя могольского языка, то за отсутствием достаточно полных данных сделать какие-либо обобщения пока довольно трудно. Но все же наличный хотя и довольно скудный материал позволяет думать, что в грамматическом отношении могольский язык мало чем отличается от западномонгольской средневековой речи, с которой этот язык сближается некоторыми лексическими и фонетическими явлениями типа *кадар* 'узда' (вместо *хазар*) и т. п.

Переходим к краткому обзору дагурского и монгорского языков, которые в своих отдельных чертах перекликаются со средневековой монгольской речью. В данном случае нам приходится ограничиться кратким обзором по указанным выше причинам.

Дагурский язык в отношении употребления раннего губного **п** не является однородным, так как если хайларский говор утратил этот согласный совершенно, то другие говоры вместо него имеют либо заднеязычный спирант **х**, либо звонкий спирант **h**, аналогичный тому, который встречается в отдельных бурят-монгольских диалектах, разившись из **с**.

В отношении употребления исконно общемонгольских двослогов с интервокальными **г**, **г** дагурский язык в общем напоминает западномонгольскую средневековую речь, хотя и отличается некоторыми особенностями, что вполне понятно ввиду различия хронологических рамок. Эти особенности, опуская второстепенные исключения и детали, схематически в дагурском языке можно изобразить следующим образом:

$a\bar{g}a \rightarrow \bar{a}$	$i\bar{g}a \rightarrow \bar{y}a \rightarrow \bar{e}$
$e\bar{g}e \rightarrow \bar{e}$	$i\bar{g}e \rightarrow \bar{e}, \bar{e}$
$u\bar{g}u \rightarrow \bar{o}$	$o\bar{g}a \rightarrow \bar{o}$
$o\bar{g}u \rightarrow \bar{o}$	$u\bar{g}a \rightarrow \bar{o}$
$\bar{o}g\bar{e} \rightarrow \bar{\omega}, \bar{e}$	$\bar{y}g\bar{e} \rightarrow \bar{\omega}, \bar{e}$

Что касается комплексов **агу**, то они отражаются различно и соответственно с позицией в слове представлены в дагурском языке то в виде дифтонга **ау**, то в виде долгих гласных **ō** и **ū**. Дифтонг **ау** встречается только в первом слове тех слов, которые некогда, являясь двусложными, заканчивались закрытым слогом. Кроме того, этот дифтонг

встречается в первом же слоге всех тех слов, которые когда-то имели три и более слогов. Двусложные слова с открытыми конечными слогами ныне представлены в виде сочетания согласного плюс долгое **о**. В непервых слогах исконный общемонгольский комплекс **агу** дает **о** или **у**.

Примеры:

<i>аᠭᠦᠷ</i>	← <i>агуᠷ</i>	‘гнев’	<i>мᠣ</i>	← <i>магу</i>	‘плохой’
<i>аᠭᠤᠯᠠ</i>	← <i>агула</i>	‘гора’	<i>гᠠᠯᠣ</i>	← <i>галагу</i>	‘гусь’
<i>каᠭᠦᠴᠢᠨ</i>	← <i>кагучин</i>	‘старый’	<i>сарᠤᠯ</i>	← <i>сарагул</i>	‘светлый’

Исконный общемонгольский комплекс **егү** в дагурском языке отражается чаще всего в виде **еү**, а иногда в виде долгого **ү**, например:

<i>сеᠭᠤᠯ</i>	← <i>сегул</i>	‘хвост’	<i>дᠵᠦᠨ</i>	← <i>джегүн</i>	‘левый’
<i>еᠭᠦᠳ</i>	← <i>егүден</i>	‘дверь’	<i>кечеᠭᠦ</i>	← <i>кечегү</i>	‘трудный’

Из прочих особенностей дагурского вокализма отметим только некоторые. Исконный **і** подвергся почти во всех случаях перелому, соответственно разившись в **а, е, о, у**. Гласные **о** и **у** совпали почти во всех словах, дав в начале слова **woa**, а в нена начальном положении — **oa** или иногда **о**. Гласные **о** и **ү** также совпали во многих случаях, дав **ү**, как это имеет место, например, во многих бурят-монгольских диалектах. Обращает на себя внимание то, что в непервых слогах гласные, особенно долгие, не подвергаются губному притяжению, например *чолᠣᠵᠠс* ‘из камня’. В данном случае дагурский язык перекликается с ойратским и расходится с собственно монгольским и бурят-монгольским языками, отражая более древнее состояние общемонгольской речи.

В области консонантизма дагурский язык характеризуется смешением сильных и слабых, точнее — заменой сильных слабыми, хотя встречаются и противоположные явления. Особенно любопытно то, что здесь в конце слога согласные **б, д, г, г, с** развились в **р** и, реже, в **л** — явление, которое совершенно неизвестно прочим монгольским языкам.

Примеры:

<i>хартᠠс</i>	← <i>кабтасун</i>	‘доска’	<i>толчᠢᠨ</i>	← <i>тобгija</i>	‘колено’
<i>сᠣᠭᠠᠷ</i>	← <i>сагуᠭад</i>	‘сев’	<i>ниджел</i>	← <i>ниджигед</i>	‘по одному’
<i>торт</i>	← <i>тоᠭта</i>	‘остановиться’	<i>тоарал</i>	← <i>тогураᠭ</i>	‘пыль’
<i>булᠠᠷ</i>	← <i>булаᠭ</i>	‘источник’	<i>емелке</i>	← <i>емүске</i>	‘одевать’
<i>джᠦᠷ</i>	← <i>джүг</i>	‘сторона’	<i>хархү</i>	← <i>хадху</i>	‘уколоть’
<i>олор</i>	← <i>улус</i>	‘народ’	<i>бүри</i>	← <i>бос</i>	‘материя’, ‘ткань’

Из грамматических особенностей дагурского языка, которые отличают его от старописьменного монгольского языка, отметим наличие неизвестного и в монгольских языках суффикса множественного числа **-сёл** (**-сал, -сул** и т. д.), например, *берёсёл* ‘невестки’ и *күсүл* ‘люди’ от *берё* и *кү*. Подобный суффикс имеется только в диалектах эвенкийского языка. Морфологически полностью совпали родительный и винительный падежи (показатель **і**); суффиксами дательного-местного падежа являются **-дᠠ, -д, -тᠠ, -т**, причем вариант со слабым **д** употребляется и в тех случаях, когда основа склоняемого имени оканчивается даже на какой-либо глухой, что напоминает явление, характерное для языке квадратной письменности.

Глагольная система дагурского языка характеризуется следующими особенностями:

1) личное спряжение с использованием личных местоимений в качестве личных частиц;

2) особое оформление формы обращения будущего времени **-гaн'ё** — вместо обычно монгольских суффиксов **-гарај**, **-арај** и т. д.;

3) употребление суффикса **-беі** ← **-баі** в качестве показателя формы будущего времени, тогда как во всех монгольских языках он является показателем формы прошедшего времени;

4) наличие суффикса изъявительной формы прошедшего времени **-лі** вместо **-ла** или **лаі** ← **-луга**, что подтверждает положение о составном характере последнего **-лу + -га**; в данном случае дагурский язык совпадает с могольским;

5) сохранение исключительного, иначе эксклюзивного, местоимения 1-го лица множественного числа **ба** 'мы (без вас)', известного только в письменном языке ранних периодов, могольском языке и некоторых говорах ойратского языка; включительное, т. е. инклюзивное, местоимение **бад** 'мы (с вами)' встречается только в формах именительного и родительного падежей.

Что касается монгольского языка, то этот язык известен нам лишь в фонетическом отношении, так как грамматические сведения о нем еще не поступили в наше распоряжение. Фонетика этого языка подверглась весьма сильным изменениям под несомненным влиянием тибетско-китайского окружения, а поэтому мы здесь ограничимся только указанием на то, что монгольский язык является единственным монгольским языком, сохранившим древнемонгольский начальный губной **п** в виде **ф** или **х**. Как известно, этот согласный отражается в среднемонгольской речи в виде **h**, а во всех современных монгольских языках исчез совершенно, за исключением некоторых говоров дагурского языка, а также, видимо, монгольских говоров Ганьсу.

Примеры:

Монгольский	Среднемонгольский	Халхаский	Значение
<i>фaн</i>	<i>hон</i>	<i>оң</i>	'год'
<i>фоді</i>	<i>ходун</i>	<i>одоң</i>	'звезда'
<i>фуда</i>	<i>хугута</i>	<i>ута</i>	'сума', 'мешок'
<i>фугор</i>	<i>хужер</i>	<i>ухёр</i>	'бык', 'корова'
<i>харга</i>	<i>халага</i>	<i>алага</i>	'ладонь'
<i>харван</i>	<i>харбан</i>	<i>арваң</i>	'десять'
<i>хеги</i>	<i>хекін</i>	<i>ехің</i>	'начало'

Таким образом, мы выше рассмотрели те монгольские языки и диалекты прошлого и настоящего, которые отражают средний период в развитии монгольской речи вообще. Конечно, полностью ставить в один ряд могольский и дагурский языки с языком квадратной письменности и западномонгольской средневековой речью никак нельзя: слишком различны исторические условия, в которых развивались или развиваются теперь эти языки, слишком далеки они друг от друга и хронологически и географически, слишком различны условия соответствующего этнического и лингвистического окружения, в которых находились или находятся ныне эти языки. И если мы все же рассматриваем их в одном плане, то это потому, что они в основных своих чертах, фонетических и грамматических, имеют нечто общее, отличающее их от прочих монгольских языков прошлого и настоящего.

То обстоятельство, что памятники квадратной письменности и средневековой западномонгольской речи легко доступны и без каких бы то ни было затруднений читаются и понимаются теми, кто знаком со старописьменным языком или с современными бурят-монгольским, ойратским и собственно монгольским языками, говорит об исключительной устойчивости основного словарного фонда и грамматического строя. Это

обстоятельство подтверждает также положение И. В. Сталина о том, что „язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох“¹. Но те изменения, которые произошли в современных монгольских языках, столь значительны, что изучавшие монгольский язык только по средневековым текстам не в состоянии полно и достаточно легко понимать тексты и речь на этих современных монгольских языках. Это значит, что развитие языка происходит не путем отмены всего старого в структуре языка, а путем постепенного совершенствования, улучшения, уточнения и развертывания основных элементов существующего языка, путем постепенного накопления элементов нового качества, путем постепенного отмирания элементов старого качества языка и его диалектов. История монгольских языков показывает, что отмирание элементов старого качества языка вовсе не ведет к обязательному исчезновению старых слов, выражений, суффиксов и прочих элементов языка, что отмирание элементов старого качества языка происходит чаще всего в форме отмирания старых значений этих элементов языка: старые слова, выражения, грамматические суффиксы и окончания с течением времени меняют свое смысловое значение. К сказанному следует добавить, что в ходе постепенного исторического развития монгольских языков элементов нового качества накопилось значительно больше, нежели тех элементов старого качества, которые выпали из него совершенно и бесследно. В данном случае мы говорим о словарном составе монгольских языков. Поэтому изучивший современные монгольские языки знает значительно больше того, кто изучал только тексты ранних периодов в развитии этих языков.

Изложенное выше показывает, что монгольские языки прошлого и настоящего отличаются друг от друга преимущественно в области фонетики и, добавим, словарного состава, находящегося в состоянии почти непрерывного развития, сразу и непосредственно реагируя на все изменения во всех сферах деятельности своих носителей. Что касается основного словарного фонда и грамматического строя монгольских языков, то они сохраняются без особо существенных изменений в том виде, в каком они находились в едином монгольском языке XII—XIII вв. Во всяком случае, все носители современных монгольских языков, встречаясь друг с другом, во взаимном общении и беседе испытывают затруднения только по обстоятельствам фонетического и лексического порядка, поскольку это не касается основного словарного фонда, его корневого ядра в особенности. Это несомненно говорит об исключительной устойчивости и медленном темпе изменения грамматического строя языка. Конечно, грамматический строй монгольских языков, как это частично было показано выше и будет показано более детально в ходе нашего дальнейшего исследования, с течением времени претерпевал изменения, постепенно совершенствуясь, улучшая и уточняя свои правила, обогащаясь новыми правилами и в весьма незначительной степени отбрасывая старые правила. В этом и заключается преемственная связь современных монгольских языков с единым монгольским языком XII—XIII вв.

О характере изменения грамматического строя И. В. Сталин пишет: „Грамматический строй языка изменяется ещё более медленно, чем его основной словарный фонд. Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется ещё медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох.

Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики... Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда¹.

Обзору старописьменного монгольского языка, языка квадратной письменности и западномонгольской средневековой речи мы в нашей работе уделили так много места потому, что это позволит нам показать в ходе нашего дальнейшего исследования преемственную связь современных монгольских языков, особенно дагурского, монгорского и могольского, с ранним единым монгольским языком, а также пути и законы их развития.

В добавление к приведенному выше материалу можно было бы привести данные анонимного грузинского историка XIV в., которые говорят нам в общем о том же. Повидимому, этот историк, или его осведомитель, встречался с монголами, по языку близкими к тем монголам, речь которых так подробно описывают среднеазиатские и арабские филологи XIII—XIV вв. Но у монголов, по сведениям грузинского филолога, долгие гласные уже образовались; не было уже никакого следа от начального **п**; смычный **к** частично превратился в проточный **х**; в общем прочно сохраняются вокализм непервых слогов и согласный **с** в положении перед гласным **і**. Все это, несомненно, говорит о том, что анонимный грузинский историк, или его осведомитель, встречался с монголами в XIV в., ибо в XIII в. все эти явления в монгольской речи полностью еще не имели места.

Некоторые интересные сведения о монгольской речи записал в 1241 г. армянский ученый Киракос, согласно которому в этой речи:

- 1) перелома гласного **і** еще не было;
- 2) долгие гласные начали появляться только в некоторых отдельных словах, хотя у нас и нет полной уверенности в том, что Киракос правильно отмечает в этих словах отсутствие хиатуса или проточного **h**;
- 3) в непервых слогах пока еще сохраняется прежний вокализм, не подвергшийся лабиализации (*мугал* вместо более позднего *монгол*);
- 4) шумные согласные различаются по наличию или отсутствию придыхания вместо более позднего деления на сильные и слабые, на глухие и звонкие.

Совершенно особняком стоит по своей важности для монголистики язык „Сокровенного сказания“, текст которого был составлен в 1240 г. на сейме властелинов монгольской империи. Язык этого памятника до сих пор еще достаточно не изучен, а потому мы здесь оставляем его без особого рассмотрения. Этот текст с точки зрения голой инвентаризации звукового состава и грамматических форм монгольской речи своего времени лишь в малой степени дополняет наши сведения, изложенные выше. Но важное значение этого текста заключается в том, что его изучение осветило бы нам синтаксис и значение грамматических форм монгольского языка начала XIII в. Дело в том, что ведь развитие грамматического строя заключалось не только в простом увеличении или сокращении количества грамматических форм и в их фонетическом видоизменении (в этом смысле развитие было не таким уж значитель-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25—26.

ным), но и главным образом в том, что существенно изменялись употребление и смысловое значение этих грамматических форм (например, современная форма будущего причастия имела значение многократности действия как прошлого, так и настоящего или будущего времени). Конечно, в этом тексте встречаются некоторые отдельные грамматические формы (морфемы и т. д.), которых уже не имеют современные монгольские языки, — но не это определяет специфику монгольской речи начала XIII в. Значение „Сокровенного сказания“ велико потому, что оно является единственным памятником, в котором имеется большой связный текст, тогда как прочие источники содержат лишь небольшие тексты, отдельные фразы, слова и т. д.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что более или менее подробно изучены монголистами в фонетическом, лексикологическом, морфологическом и синтаксическом отношениях лишь современные ойратский, бурят-монгольский и собственно монгольский языки, а также старописьменный язык последнего периода. Что касается прочих современных монгольских языков, языка квадратной письменности, старописьменного языка ранних периодов, средневековой монгольской речи (по данным китайских, арабских и среднеазиатских филологов) или языка „Сокровенного сказания“, то о них, все еще ожидающих своего специального исследования, мы пока можем сообщить лишь то, что нами так кратко изложено выше.

ОЙРАТСКИЙ ЯЗЫК

Наш обзор наиболее распространенных монгольских языков необходимо начать с описания ойратского языка. Как известно, в 1648 г. буддийский монах Зая-пандита, хошут по происхождению, на основе знаков монгольского алфавита составил новый ойратский алфавит и предпринял попытку заложить основы особого ойратского литературного языка, которая увенчалась лишь некоторым успехом. Знаки нового ойратского, или зая-пандитского, алфавита были вполне пригодны для того, чтобы точно обозначать в письме почти все основные фонемы живого ойратского языка. Эти знаки отличались от знаков старомонгольского алфавита тем, что путем некоторой модификации последних и введения отдельных диакритических знаков (черточки направо или налево от соответствующих буквенных знаков) можно было уже различать на письме следующие, не различавшиеся старомонгольским алфавитом, фонемы: а — е, о — у, ö — ü, г — к, т — д и дж — з — j, однако фонемы дж — з и ч — ц соответственно имели по одному знаку и различались либо орфографическими средствами, в зависимости от позиции (перед гласным *ï* — дж и ч, а перед прочими гласными — з и ц, как это имеет место в старомонгольском алфавите), либо в соответствии с нормами устного произношения (*чоно* 'волк', *цасун* 'снег', *джора* 'иноходец', *зун* 'лето'). Долгие гласные *ä* и *ë*, *ö* и *ü* обозначались присоединением черточки направо от основного корпуса буквы, остальные — нередко удвоенным написанием соответствующих гласных букв. Последнее обстоятельство и приковывает к себе наше внимание.

Уже из особенностей монгольского вокализма ясно видно, что первые гласные двоеслогов, образующих в прочих монгольских языках долгие *ü* и *ü*, сохраняют или принимают лабиализованный характер, например, *дöу* ← *дегүу* 'младший брат', *сöү* ← *сагү* 'сиди'. В данном случае самый характер обозначения некоторых долгих гласных в зая-пандитском письме путем сочетания двух разных гласных букв в какой-то степени напоминает нам особенности монгольского вокализма, например:

<i>о̄улен</i> ← <i>е̄улен</i> 'облако'	<i>до̄у</i> ← <i>де̄гӯ</i> 'младший'
<i>ноур</i> ← <i>на̄ур</i> 'озеро'	<i>о̄уден</i> ← <i>е̄ӯден</i> 'дверь'
<i>хоула̄и</i> ← <i>хо̄ула̄и</i> 'горло'	<i>тор̄оуд</i> ← <i>тор̄ӯуд</i> 'торгуты'

Наряду с показанным видом обозначения передних долгих гласных в зая-пандитском письме мы находим также еще два способа:

1) удвоение одного и того же знака:

<i>уула</i> ← <i>а̄ула</i> 'гора'
<i>ууху</i> ← <i>ӯуху</i> 'пить'
<i>засуул</i> ← <i>дзаса̄уул</i> 'пристав'

2) постановка черточки направо при одном неудвоенном знаке:

<i>то̄сун</i> ← <i>то̄гусун</i> 'пыль'
<i>бо̄</i> ← <i>бо̄ге</i> 'шаман'
<i>долон</i> ← <i>долӯган</i> 'семь'

Сопоставляя эти данные с показаниями могольского и отчасти дагурского языков, мы устанавливаем, что после окончательного исчезновения всяких следов раннего интервокального согласного *г*, *г* в процессе стяжения двослогов, т. е. образования долгих гласных, наиболее устойчивыми оказались гласные в ранних сочетаниях *агу*, *ег̄ӯ*, *ӯгу*. Если в прочих сочетаниях (двослогах) гласные более или менее быстро ассимилировались (*о + а* → *о + о*; *о̄ + е* → *о̄ + о̄*; *у + а* → *о + о* и т. д.) и затем вскоре же дали долгие гласные (*о + о* → *о* и т. д.), то процесс образования долгих гласных из сочетаний *агу*, *ег̄ӯ*, *ӯгу* оказался затяжным. Объясняется это, очевидно, тем, что гласные *а* и *е* перед *у* и *ӯ* следующего слога подверглись лишь неполной регрессивной ассимиляции, т. е. сначала соответственно перешли в *о* и *о̄*, которые через некоторое время подверглись уже полной ассимиляции, после чего слияние двух одинаковых гласных в один долгий гласный наступило без особых препятствий.

Таким образом, современное ойратское *нур* 'озеро' образовалось следующим путем: *на̄ур* → *на̄уур* → *на̄ур* → *ноур* → *нуур* (ср. выше *уула*) → *нур*.

Но изложенные детали процесса образования долгих гласных в результате выпадения интервокального согласного *г*, *г* и последовавшего затем стяжения двослогов сами по себе не представляют особенного интереса и мало чем дополняют наши сведения об этом процессе. Эти детали, устанавливаемые по данным орфографии ойратского письменного языка, представляют большой интерес в другом отношении. Дело, повидимому, заключается в том, что в некоторых или даже во многих ойратских диалектах еще в половине XVII в. полностью не был завершен процесс образования долгих гласных, который в то время для бурят-монгольского и собственно монгольского языков оказался уже пройденным этапом. Только так можно истолковать приведенные выше особенности в орфографии ойратского письменного языка. Сказанное не распространяется на словообразовательные и словоизменительные элементы слова и на сочетания конечных слогов основы с этими элементами, т. е. с суффиксами.

Таким образом, ойратские диалекты XVII в. переключаются, с одной стороны, со средневековой монгольской речью, о которой речь шла в предыдущих разделах, и с другой — с современными могольским и дагурским языками. Все это говорит о том, что процесс исторического развития в фонетике монгольских языков и диалектов в целом протекал крайне неравномерно и в течение весьма длительного

времени: если принимать во внимание данные дагурского и могольского языков, то оказывается, что этот процесс образования долгих гласных для монгольских языков в целом тянется примерно с XIII в. до настоящего времени, полностью еще не завершившись.

К сказанному следует добавить, что в основном все ойратские диалекты до сих пор продолжают сохранять в себе некоторые фонетические черты древних монгольских диалектов, давно уже утраченные почти всеми диалектами прочих монгольских языков. К этим чертам относятся также особенности, характерные почти для всех современных ойратских диалектов:

1) сохранение в неизменном виде гласных переднего ряда $\bar{o}$ и $\bar{u}$, которым в других монгольских языках соответствуют гласные среднего ряда $\bar{o}$ и $\bar{u}$;

2) сохранение в словах переднего ряда, а также и заднего ряда в положении перед $\bar{i}$, независимо от последующей судьбы этого гласного, раннего смычного согласного k , развившегося в других монгольских языках в проточный $ж$, например, *кем* 'кто', *көвүн* 'сын', *сәлкән* ~ *салкән* 'ветер';

3) отсутствие лабиализации гласных в непервых слогах, например, *орат* 'войдя', *өрият* 'подняв', в халхаском соответственно *орот* и *өрөт*;

4) последние слоги сохраняются почти полностью;

5) сохранение переднеязычного качества конечного согласного n , который в прочих монгольских языках превратился в заднеязычный $ŋ$, и т. д. Правда, в прочих отношениях фонетика ойратских диалектов претерпела такие существенные и не пережитые другими монгольскими языками изменения, как:

1) превращение дифтонгов в соответствующие долгие гласные;

2) замену в непервых слогах долгих гласных $\bar{o}$ и $\bar{ö}$ — e на долгие $\bar{a}$ и $\bar{ä}$;

3) крайнюю степень редукции кратких гласных в непервых слогах, вследствие чего многие исследователи склонны полагать, что в ойратских диалектах эти гласные вообще исчезли, отражаясь в слогаобразующем качестве некоторых сонорных согласных в непервых слогах: *сәлкн*, а не *сәлкән* 'ветер'.

К сказанному следует добавить, что в ойратских диалектах свистящий аффрикат dz развился в спирант z так же, как и в бурят-монгольских диалектах. Особенно любопытным является то, что в ойратских диалектах многие слова заднего ряда, некогда имевшие в своем составе гласный $\bar{i}$, перешли в передний ряд под палатализирующим влиянием этого же гласного, после чего последний сам подвергся ассимиляции, например:

морін → *мөрін* → *мөрдөн* ~ *мөрн* 'лошадь';

бірагу → *бірүү* → *бүрүү* 'теленка по второму году' (промежуточные ступени развития этого слова здесь мы опустили).

Этого не случилось в тех словах, в которых перелом гласного $\bar{i}$ произошел еще тогда, когда данный гласный сохранял свой заднеязычный характер, т. е. артикулировался в виде $\bar{i}$, — отсюда слова типа *мах* ← *міка* 'мясо'.

Все это привело к тому, что в ойратских диалектах, в отличие от других монгольских языков, отсутствуют палатализованные согласные, кроме $л'$.

О фонетических особенностях ойратских диалектов, как и вообще о фонетике диалектов других монгольских языков, много приходится говорить потому, что именно фонетические различия затрудняют взаимное понимание носителей различных монгольских языков в той же сте-

пени, если не в большей, что и различия в области словарного состава, поскольку это касается более поздних лексических образований и изменений. Что касается грамматического строя и той части словарного состава, которая не подверглась фонетической модификации и является общим достоянием всех монгольских языков, то в этом отношении говорящие на различных монгольских языках при взаимном общении не испытывают никаких затруднений и легко понимают друг друга, хотя и чувствуют известные различия между этими языками. Поэтому пренебрегать фонетическими особенностями монгольских языков нет никаких оснований. Отсюда понятен тот повышенный интерес к фонетическим исследованиям, который проявляется в монголистике. „Оголённых мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует“¹, — пишет И. В. Сталин. Само собой разумеется, что если существенно изменяется „природная материя“ языка, т. е. звуковая система последнего, если эта „природная материя“ языка или материальная языковая оболочка у носителей некогда единого языка или близкородственных языков в результате длительного развития принимает различные формы, то это не может не вызвать тех или иных затруднений в сфере общения между носителями родственных языков. „Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания“², — пишет И. В. Сталин. Но как общаться друг с другом, каким образом обмениваться мыслями и добиваться взаимного понимания, если „природная материя“ языка у людей оказывается сильно видоизмененной? Как ойрату понять монгора, услышав фразу *фугор уладза регу*, и как ему „догадаться“, что эта монгорская фраза точно соответствует его родной ойратской фразе *үкёр глас ірех* ‘скот прибудет с горы’? А между тем здесь и слова и грамматическое оформление этих фраз абсолютно одни и те же, но выражены фонетически различно, в существенно видоизмененных формах.

Из грамматических особенностей ойратского языка, которые отличают его от старописьменного монгольского языка, отметим лишь следующие главные черты:

1) отсутствие местного падежа, который был только в старописьменном монгольском языке, и наличие соединительного падежа, отсутствующего в прочих современных языках, если не считать ордосского и некоторых других диалектов;

2) наличие направительного падежа, которому в других монгольских языках отчасти соответствует послелог *урү ~ рү* ‘вниз’, ‘к’, а также и предельного падежа, имеющегося только в некоторых говорах бурят-монгольского языка;

3) наличие сращенной формы несовершенного вида, имеющейся только в западнобурятских и некоторых других монгольских диалектах; в прочих монгольских языках и диалектах несовершенный вид выражается путем сочетания соединительного деепричастия с вспомогательными глаголами;

4) наличие второго условного деепричастия, отсутствующего в халхаском и бурятском языках;

5) отсутствие причастия настоящего времени;

6) употребление отрицания *уга* ‘не’ при разделительном деепричастии, что почти не встречается в прочих монгольских языках.

По сравнению с другими монгольскими языками ойратский язык характеризуется наибольшей разбросанностью и отсутствием территори-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

² Там же, стр. 22.

ального единства, ибо ойраты в количестве около 350—400 тысяч человек живут компактно только в Синьцзяне, где теперь у них выходят газеты и издаются книги на их родном языке (письменность — зая-пандитская). Что же касается прочих групп ойратского населения, то они мелкими оазисами разбросаны по всей Центральной Азии, о чем выше уже говорилось. В ряде случаев эти мелкие ойратские группы в той или иной степени подверглись или подвергаются ассимиляции в инодиалектной монгольской среде, например, в Бурят-Монголии и т. д.; об ойратских диалектах в Монгольской Народной Республике речь будет идти ниже.

Б. Я. Владимирцов склонен был ойратские диалекты вместе с монгольским языком выделять в особую западную группу монгольских диалектов, противопоставляя их всем прочим монгольским „диалектам“ по характеру вокализма и консонантизма (сохранение раннемонгольских **б**, **у**, **к**). Думается, что из сделанного нами краткого обзора монгольских языков и диалектов ясно, что для выделения ойратского и монгольского языков в особую группу западномонгольских диалектов нет никаких оснований. Дело в том, что Б. Я. Владимирцов монгольские языки считал диалектами или наречиями одного и того же языка. „Разбросанные на... большом пространстве,— писал Б. Я. Владимирцов,— входя в состав разных политических объединений, ведя то кочевой, то полуоседлый и совсем оседлый образ жизни, монголы говорят на многих наречиях и говорах. Общего же монгольского языка не существует вовсе. Говорить по-монгольски значит говорить на одном из многих монгольских наречий; если можно сказать, что по-монгольски говорит халхас из-под Урги (Ула́н-Ба́тор), то с таким же основанием можно признать, что по-монгольски говорит... бурят из Прибайкалья и хошут на тибетских нагорьях. Все монголы по языку говорят на монгольских наречиях, на монгольских говорах, в той или другой степени отличающихся друг от друга“¹.

Ошибочность приведенного положения Б. Я. Владимирцова теперь особенно очевидна в свете сталинского разъяснения о диалектах вообще и вытекала из того, что до сих пор в языкознании не было ясного и общепризнанного определения диалекта. И. В. Сталин, касаясь языков народностей и племен, пишет, что наряду с ними были „диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности“². Далее, напоминая указание К. Маркса о „концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией“, И. В. Сталин указывает: „Следовательно, Маркс признавал необходимость **единого** национального языка, как высшей формы, которой подчинены диалекты, как низшие формы“³.

Эти указания И. В. Сталина помогают нам правильно подойти к вопросу о диалектах и самостоятельных языках и искать различия между языками и диалектами не столько и не только в том, в какой степени понимают или не понимают друг друга носители различных местных „речей“, что важно само по себе, не в количестве или даже качестве совпадающих явлений, изоглосс, значимость которых игнорировать все же никак не следует, и вовсе не в наличии или отсутствии у этих носителей своей особой государственности, т. е. не в причинах непосредственного исторического характера, ибо рамки государственных границ часто и быстро меняются, а языки и их диалекты живут

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 3.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

³ Там же, стр. 15.

в течение ряда эпох. Различия между языками и диалектами, как это вытекает из приведенных указаний И. В. Сталина, следует искать в тех признаках, в которых проявляется подчиненность одной местной „речи“ другой, как низшей формы высшей, превалирующей над первой, в признаках, которые выявляются в ходе исторического развития языков и диалектов.

Следовательно, диалект — это местная разновидность общенародного языка, обслуживающая народные массы на определенной части общенародной территории, имеющая свой грамматический строй и основной словарный фонд, в общем совпадающие с таковыми же общенародного языка, и подчиненная в своем историческом развитии и по внутренним законам этого развития общенародному языку, как низшая форма высшей.

Марксистское учение о диалектах помогает нам разобраться, почему, например, немецкие диалекты, носители которых понимают друг друга с большим трудом, являются именно диалектами единого и общего немецкого языка, а не самостоятельными языками, и почему, например, киргизский и казахский языки являются самостоятельными языками, а не диалектами одного какого-либо языка, хотя их носители понимают друг друга легче и скорее, нежели носители различных диалектов одного и того же немецкого языка.

Что же мы имеем в монгольском языковом мире? Мы выше видели, что некогда единый монгольский язык общемонгольской народности потерпел крах вследствие государственного распада этой народности и последовавшей затем территориальной разобщенности отдельных ее, народности, частей, а местные диалекты, существовавшие в рамках племенных делений монголов и не успевшие еще перемолотиться в едином монгольском языке, начали оживать и дали начало образованию отдельных самостоятельных языков — собственно монгольского, бурят-монгольского, ойратского, могольского, монгорского и дагурского. Как мы видели выше и увидим еще далее, процесс оживления диалектов некогда единого монгольского языка и образования на их основе перечисленных самостоятельных монгольских языков проявился в том, что в силу указанных выше исторических условий эти диалекты примерно с XIV в. в своем дальнейшем историческом развитии перестали подчиняться общим для них внутренним законам развития. Дальнейшее историческое развитие фонетики, лексики и грамматического строя монгольских диалектов начало идти не по одним и тем же внутренним законам развития, характерным и общим для всего монгольского языкового мира, а по различным, характерным и общим лишь для тех или иных отдельных групп этих диалектов.

Начиная примерно с XIV в. ойратские диалекты в фонетическом, лексическом и грамматическом отношениях развиваются иначе, нежели „протомонгорские“ или „протомогольские“ диалекты; историческое развитие „протобурятских“ диалектов пошло иначе, чем то же историческое развитие центральномонгольских диалектов, „предков“ современного собственно монгольского языка, внутренним законам развития которого не подчиняются прочие монгольские диалекты, перечисленные выше. Примерно с XIV в. мы уже не видим такого общемонгольского языка, которому по внутренним законам своего развития продолжали бы подчиняться все монгольские диалекты, как низшие формы высшей, и который превалировал бы над последними, как высшая форма над низшими. Все это было обусловлено как государственным распадом некогда единой монгольской народности и последовавшей затем территориальной разобщенностью отдельных частей этой народности, так и особенно теми различными культурно-историческими и социально-экономическими условиями и различным же этно-лингвистическим окружением, в кото-

рых примерно с указанного уже периода очутились отдельные группы монгольских родов и племен, постепенно с течением времени образовавших современные, самостоятельные монгольские народности и нации.

Нельзя, конечно, сказать, что монголисты совершенно не понимали действительного положения вещей в монгольском языковом мире. Уже деление монголистами современных монгольских диалектов на известные и определенные группы, примерно совпадающие с нашим делением монгольского языкового мира на перечисленные выше шесть самостоятельных языков, говорит о том, что монголисты все же верно намечали правильные пути исследования, хотя это иногда делалось ощупью и чисто эмпирически.

Монголисты определяли дагурский, могольский и монгорский языки как „изолированные“ монгольские диалекты, поскольку эти объекты лингвистического исследования по своим фонетическим, лексическим и грамматическим особенностям не могли быть включаемы в состав ойратских, бурят-монгольских и монгольских диалектов. Но подобное определение не всегда увязывалось с делением монгольских языков и диалектов на западную и восточную ветви, как это мы видим у Б. Я. Владимирцова¹. Дело в том, что до сих пор в монголистике не всегда проводилось различие между общей, или генеральной, и частной классификациями монгольских языков и диалектов.

Общая, или генеральная, классификация монгольских языков и диалектов устанавливается на основе тех внутренних законов развития, по которым эти языки и диалекты развиваются и которые образуют целостную совокупность фонетических, лексических и грамматических координат того или иного языка и диалекта, сами вытекаая из них и этими же координатами будучи обусловлены. Частная же классификация, производимая чисто условно в целях удобства исследования отдельных сторон и деталей языка, очень часто расходится с общей классификацией. Например, при классификации монгольских языков и диалектов по наличию только шипящих аффрикатов **дж** и **ч** старописьменный, могольский и дагурский языки и южные диалекты монгольского языка окажутся в одной общей группе, которой по наличию соответствующих свистящих согласных будет противопоставлена другая группа в составе ойратского и бурят-монгольского языков и внешнемонгольского, т. е. халхаского диалекта. Таким образом, при частной и сугубо условной классификации диалекты и говоры одного и того же языка могут оказаться в составе различных групп, а так как такая классификация может проводиться с разных точек зрения, в зависимости от непосредственного предмета исследования в данный момент, то ее результаты, наложенные друг на друга, могут представлять собой довольно сложную паутину перекрещивающихся линий так называемых изоглосс, которыми обозначают на картах сходные явления частного порядка.

Но и при такой частной и условной классификации нет никаких оснований для выделения ойратских диалектов и могольского языка в особую западную „ветвь“ монгольских диалектов или наречий, как это мы видели у Б. Я. Владимирцова.

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Переходим к обзору бурят-монгольского языка, который иногда ставят в один ряд с ойратским на основании того предположения, что носители обоих этих языков в XII—XIII вв. были „лесными“ монголь-

¹ См. Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика. . . , стр. 6—12.

скими племенами, представляя известное единство в отношении своего происхождения и языка. С точки зрения современного состояния бурят-монгольского и ойратского языков некоторое единство между ними пытаются найти в том, что в этих языках имеются лично-предикативные частицы, представляющие собой в той или иной степени усеченные формы личных местоимений, а также и в том, что эти языки имеют некоторое количество таких слов, которых нет в других монгольских языках, в более или менее одинаковой степени сохраняют последние слоги и т. д. Но подобная попытка увязать бурятский язык с ойратским не имеет достаточных оснований даже в плане частной классификации, о которой мы выше уже говорили, хотя бы потому, что лично-предикативные частицы (так называемое личное спряжение!) имеются и в других монгольских языках и диалектах. Что касается лексических параллелей, якобы выделяющих бурятский и ойратский языки в особую группу, то они носят случайный и разрозненный характер. В целом же совершенно невозможно бурятский язык вместе с каким-либо другим монгольским языком выделить в особую группу, противопоставляемую всем остальным монгольским языкам как в историческом плане, так и в аспекте современного их лингвистического состояния.

В фонетическом отношении бурятский язык в целом, за исключением сакающего цонгольского диалекта, характеризуется следующими особенностями:

1) общемонгольская фонема **с** представлена в положении перед гласным как гортанный проточный **h**, а в конце слога — как смычный **д**, например, *һарā* ← *сарā*, 'луна', *улād* ← *улус* 'люди', 'народ', *адхāхā* ← *асхаху* 'проливать';

2) общемонгольская фонема **ч**, развившаяся в ряде других монгольских языков и диалектов в **ч** и **ц**, представлена в виде **ш** и **с**, например: *шаңā* ← *чинга* 'сильный', 'крепкий', *сагāн* ← *чаган* 'белый', *шагнāхā* ← *чингаху* 'слушать';

3) общемонгольская фонема **дж**, развившаяся в других монгольских языках в **дж** и **дз** ~ **з**, представлена в виде **ж** и **з**, причем в северных бурятских диалектах (эхиритском и отчасти булагатском) общепурятскому шипящему спиранту **ж** в начальном положении соответствует среднеязычный **ј**; например: *жаргāл* ~ *јаргал* ← *джиргал* 'наслаждение', *ажāл* ← *аджил* 'работа', *зуң* ← *джун* 'лето';

4) общемонгольская фонема **г** в положении перед ранним **i** отражается в виде среднеязычного **ј**, например: *дол'јон* ← *доліјан* 'волна', *ман'јаһāң* ← *мангисун* 'лук полевой', *бурјāхā* ← *буріху* 'бурлить';

5) общемонгольские фонемы переднего ряда **ö** и **ü** отражаются соответственно в виде гласных среднего рода **о** и **у**, которые в большинстве бурятских диалектов совпали в одной фонеме **у**, что повлекло за собой изменение во всем вокализме переднего ряда, о чем будет сказано ниже, в связи с орфографией литературного языка; примеры: *өндөр* ~ *үндүр* ← *өндүр* 'высоко', *мөңгөң* ~ *мүңгүң* ← *мөнгүн* 'серебро', 'деньги';

6) отсутствие всякого смещения согласных **г** — **ж** и **д** — **т**, которые различаются очень четко и весьма часто смешиваются в прочих монгольских языках, кроме ойратского.

Имеются и другие особенности, характеризующие тот или иной бурятский диалект или отдельный говор, как, например:

а) отражение исторического **к** в положении перед гласным **i** в виде палатализованного **с'** или **т'**: *тамс'ā* ~ *тамп'ā* ← *тамакі* 'табак';

б) переход в говорах кабанско-баргузинского диалекта гортанного спиранта **h** (← **с**) в **х**, что наблюдается в начале слова; в середине слова этот спирант либо исчезает совершенно, либо образует зияние,

хиатус; примеры: *харā* ← *hara* ← *sara* 'луна', *хōң* ~ *хō'оң* ← *хōһон* ← *хогусун* ← *хобусун 'пустой';

в) отражение в цонгольском диалекте и некоторых говорах других диалектов (например, в бурковском говоре аларского диалекта) гласного *у* в виде *о*, что бывает в тех словах, которые некогда имели гласный *у* в обоих коренных слогах: *осōң* ~ *оһōң* ← *усуң* 'вода', *нотōк* ← *нуту* 'кочевье'.

Но наиболее характерным для всего бурятского языка является то, что в нем, за весьма редкими исключениями, устойчиво и последовательно отражается исторический гласный *і* в виде палатализации соответствующих согласных. Это значит, что, во-первых, в бурятском языке перелом гласного *і* имел место очень поздно; во-вторых, в тех ранних северных монгольских диалектах, на основе которых сложились современные бурятские диалекты, т. е. в „протобурятских“ диалектах, гласный заднего ряда *ī*, тем более не подвергшись перелому, в словах того же ряда видоизменился в гласный переднего ряда *i*; в-третьих, тот ранний монгольский диалект конца XII и начала XIII в., на основе которого сложился старописьменный монгольский язык, почти без исключения отражающий этот исторический *і*, в отношении эволюции данного гласного был подобен „протобурятским“ диалектам. Как известно, во всех современных монгольских языках, кроме бурятского, сохранение и отражение исторического гласного *і* отмечаются сравнительно редко.

Примеры:

н'ударгā ← *нідурга* ← *нідурга → *нудурга → халхаск. *нудрāгā* 'кулак';
н'утāк ← *нīтуг* ← *нīтуг ← *нīнтуг → *нīтуг* → *нутуг* → халхаск. *нутūк* ~ *нутāк* 'кочевье';
м'ахā ← *міха* ← *міка → *мака → халхаск. *махā* 'мясо';
хот'огō ← *хотіго* ← (до метатезы) *кīтуга* ← *кīтуга → *кутуга* → *хутуга* → халхаск. *хутгā* 'нож';
н'ахā ← *нīаху* ← *нīаку* → *наіаку* → халхаск. *нахā* 'клеить'.

Из грамматических особенностей бурятского языка, которые отличают его от старописьменного монгольского языка, отметим следующие:

1) отсутствие соединительного, направительного и местного падежей и наличие в некоторых отдельных говорах предельного падежа;

2) употребление в качестве подлежащего в причастных и деепричастных оборотах только родительного падежа и основы, тогда как в прочих монгольских языках употребляется также и винительный падеж; в данном отношении бурятский язык совпадает со старописьменным монгольским, в котором винительный падеж в указанной синтаксической функции встречается только под влиянием устной речи;

3) отсутствие формы прошедшего времени неожиданного действия, сохраняющейся только от основы омертвелого вспомогательного глагола *а-* 'быть', употребляемого лишь в качестве предикативной связки модального значения ('оказаться');

4) утрата причастием настоящего времени своего прежнего качества и почти полный переход его в категорию окончательных, т. е. изъявительных, глагольных форм со значением прошедшего времени;

5) отсутствие всех форм условного деепричастия, которые имеются в старописьменном монгольском языке и вместо которых употребляется послелог *һā* 'если', которого нет во всех остальных монгольских языках, а изредка также наличие третьей формы условного деепричастия;

6) отсутствие уступительного и „цитатного“ деепричастий;

7) наличие последовательного деепричастия;

8) сохранение в форме именительного падежа конечного, некогда переднеязычного *н* (как в ойратском и старописьменном монгольском

языках), что отличает бурятский язык от собственно монгольского и вообще связано с весьма слабой редукцией непервых слогов, обусловленной употреблением лично-предикативных частиц, о чем выше уже говорилось.

По сравнению с прочими монгольскими языками, бурятский язык в диалектальном отношении является очень пестрым и может считаться в этом отношении наиболее изученным, хотя и нельзя сказать, что все диалекты этого языка исследованы с достаточной полнотой: на бурятской диалектологической карте остается еще много белых пятен. Учитывая большую изученность диалектов бурятского языка, их описание дадим несколько подробнее, нежели это мы делали в отношении диалектов других монгольских языков. Изучение бурятских диалектов до сих пор носило односторонний характер, ибо основное внимание уделялось исследованию фонетических и грамматических особенностей отдельных диалектов. Что же касается лексических особенностей бурятских диалектов, то в этом отношении мы имеем лишь предварительные и весьма разрозненные сведения. Словарный состав бурятского языка изучался главным образом Д. А. Алексеевым, Т. А. Бертагаевым и К. М. Черемисовым, которые, впрочем, не уделяли специального внимания изучению основного словарного фонда, что столь важно в свете марксистского учения о языке. Их исследования еще не опубликованы.

Основные отличия между бурятскими диалектами лежат в области словарного состава, относительно которого мы пока еще не располагаем достаточным материалом для сколько-нибудь существенных выводов, и отчасти в области фонетики. Что касается грамматического строя, то здесь между бурятскими диалектами существенных различий нет.

С давних пор в монголистике было традицией делить бурятский язык на два наречия — восточное и западное, дробящиеся в свою очередь на определенное количество диалектов, которые также подразделялись на говоры и даже подговоры. Это диалектологическое деление бурятского языка не подкреплялось никакими серьезными данными. Утверждали, правда, что основное отличие между восточным и западным наречиями, или, у других авторов, диалектами, заключается в наличии в восточном наречии, или диалекте, большого количества монголизмов и меньшего количества руссизмов, нежели в западной части бурятского языка. Но подобное утверждение было плодом поверхностного подхода к делу. В действительности же оказалось, что диалекты, расположенные к югу и востоку от Байкала, не могут быть противопоставлены диалектам, расположенным по другую сторону названного озера, ибо внутри как восточных диалектов, так и западных обнаружилось в ходе исследования такие различия, которые привели к необходимости отказаться от традиционного деления бурятского языка на восточную и западную части (наречия или диалекты). Те же лексические различия, которые действительно устанавливались между восточными и западными диалектами, оказались лежащими на поверхности словарного состава и исторически переходящими (буддийская лексика на востоке и шаманистическая на западе и т. п.). Поэтому в данное время представляется необходимым принять другое деление бурятских диалектов, которое на основе марксистского учения о языке учитывало бы более устойчивые стороны диалектов (основной словарный фонд и грамматический строй) и предварительный вариант которого нами ниже предлагается. Мы называем его предварительным потому, что, как сказано, бурятские диалекты со стороны своего основного словарного фонда почти совершенно не изучены.

Бурятский язык условно может быть подразделен на следующие диалекты:

1) хоринский, распространенный к востоку и юго-востоку от Улан-Удэ, с агинским говором, на котором говорят буряты Читинской области;

2) цонгольский, или цонгольско-сартульский, распространенный на территории Селенгинского, Иволгинского, Джидинского, Закаменского и Кяхтинского аймаков, т. е. к югу от Улан-Удэ;

3) селенгинский, распространенный в том же районе и объединяемый некоторыми исследователями вместе с цонгольским в один селенгинский „говор“;

4) кабанско-баргузинский, распространенный к северо-западу от Улан-Удэ у восточного побережья Байкала и разделяемый на кабанский и баргузинский говоры;

5) тункинский, распространенный в Тункинском аймаке к юго-западу от Байкала;

6) окинский, распространенный в Саянских горах, в верховьях р. Оки;

7) нижеудинский, распространенный в 50—90 км к югу от г. Нижнеудинска Иркутской области;

8) унгинский, распространенный на территории от левого берега р. Ангары почти до ж.-д. станции Тыреть (около 200 км от Иркутска);

9) аларский, распространенный к юго-западу от железной дороги на территории бывшего Аларского ведомства (около 150 км к западу от Иркутска);

10) боханский, распространенный на правом побережье р. Ангары (около 100 км от Иркутска);

11) эхиритский, распространенный к северу и северо-востоку от Иркутска (40—100 км), в том числе на острове Ольхон и западном берегу Байкала;

12) булагатский, распространенный там же и сливающийся с эхиритским, а иногда и с другими диалектами — в зависимости от расселения говорящих на нем. Ввиду этого, возможно, правы некоторые исследователи, говорящие об одном эхирит-булагатском „говоре“, т. е. диалекте.

Аларский, тункинский и окинский диалекты по своим особенностям так близки друг к другу, что их можно считать говорами одного диалекта, а именно хонгодорского, так как их носители в своей основной массе принадлежали к одному хонгодорскому племени.

Таким образом, предлагаемая нами классификация бурятских диалектов расходится с той, которая дана Д. А. Алексеевым¹, не говоря уже о классификации Б. Я. Владимирцова 1929 г.² У Д. А. Алексеева проводится традиционное деление бурятского языка на восточное и западное „наречия“, первое из которых в свою очередь делится на „говоры“: хоринский, селенгинский (соответствует нашим селенгинскому и цонгольскому), баргузинский, кабанский и тункинский, в состав которого условно включается и окинский; в состав западного „наречия“ Д. А. Алексеевым включены „говоры“ аларо-унгинский, эхирит-булагатский, боханский и нижеудинский.

В Китайской Народной Республике имеется еще баргутский диалект, распространенный в Барге, прилегающей к границам СССР и Монгольской Народной Республики.

¹ См. Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та, № 98, 1949, стр. 161—202. Содержит ценную сводку кратких сведений по бурятской диалектологии, которыми мы здесь сочли возможным воспользоваться, так как лично не изучали диалектов — кабанско-баргузинского, тункинского, боханского, эхиритского и булагатского.

² См. Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика. . . , стр. 7—8.

В основу бурят-монгольского национального литературного языка, об истории которого мы кратко скажем ниже, лег хоринский диалект, имеющий следующие главнейшие особенности:

1. Полное неразличение гласных среднего ряда **о** и **у**, что повлекло за собой изменение в вокализме переднего ряда вообще: долгий гласный **е** встречается только в том случае, если следует после **е**, **ё** и долгого **у**, а долгий же **о** — после кратких **о** и **у** и долгого **о**, что нашло свое отражение в орфографии литературного языка, согласно которой в первом слоге принято из кратких **о** и **у** писать только второй, последовательно передавая в непервых слогах оба эти гласные знаком **э**. Вследствие этого между орфографиями бурят-монгольского и нового монгольского литературных языков образовалось различие, отражающее, как видно из сказанного, различие и в устной речи.

Бурятский	Халхаский	Значение
үндэр	өндөр	‘высокий’
үргээд	өргөөд	‘подняв’
үргээд	үргээд	‘испугавшись’
үнэр	үнэр	‘запах’
үнэр	өнөр	‘родня’, ‘многосемейный’
үнөөр	үнээр	‘ценою’
бүд	бөс	‘ткань’, ‘текстиль’
үдэр	өдөр	‘день’
нөөлэн	нөөсөн	‘сберегший’
үүдэндэ	үүдэнд	‘в дверях’

Такие же фонетические различия имеются между хоринским и, так сказать, „хориноидными“ диалектами, с одной стороны, и прочими бурятскими же диалектами, с другой.

2. Палатализацию согласного **т** в составе суффикса совместного падежа в словах, имеющих в основе гласные переднего ряда, а также задний **о**, что вследствие лишь местного (хоринского) распространения в литературном языке отражения не нашло, хотя хоринский диалект и лег в основу литературного языка:

Хоринский	Литературный	Значение
морт ^е	моритой	‘с конем’
үрт ^е	үрэтэй	‘с семенами’

3. Особую изъявительную форму прошедшего времени с показателем **-нхай**, который во всех монгольских, бурятских в том числе, диалектах употребляется в качестве суффикса, образующего отглагольное имя: *ябанхай* в хоринском диалекте ‘пошел’, а в прочих — ‘имеющий обыкновение ходить’. В литературном языке эта форма допускается.

4. Суффикс порядковых числительных **-дагша**, встречающийся только в ойратских диалектах (**-дагч**) и не принятый в литературном языке, где в соответствии с данными всех остальных бурятских диалектов принят суффикс **-дахи**: хоринскому *цурбадаша* соответствует литературное *цурбадахи* ‘третий’.

5. Параллельные и сдвоенные формы множественного числа имен, как это характерно для прочих бурятских диалектов, не употребляются; например, *морид* ~ *моринууд* ~ *моридууд* ~ *моринууд* ‘лошади’, в хоринском диалекте встречается только *моринууд*.

6. Словообразовательные суффиксы типа **-са**, **-бари**, **-лга**, **-лта**, **-мжа**, **-шан**, **-уул** весьма продуктивны. От них имеется множество

производных слов и терминов, чего мы в такой степени не наблюдаем в других бурятских диалектах.

У бурят своей особой национальной письменности до революции не было. Примерно с конца XVII в. и особенно в XVIII в. в Бурятии получила распространение старомонгольская письменность, в результате чего постепенно стал образовываться особый бурятский литературный диалект или подобие диалекта старописьменного монгольского литературного языка, что нашло свое отражение в рукописях и ксилографических изданиях буддийских монастырей. Эта „диалектность“ выражалась главным образом в области лексики, так как орфографические и морфологические нормы старописьменного монгольского языка в основном неукоснительно соблюдались во всех бурятских рукописях и ксилографических изданиях, хотя, конечно, некоторые бурятские диалектизмы прорывались стихийно и в этих сферах языка (мы не говорим уже об особом бурятском почерке, обусловленном в основном тем, что буряты писали пером и карандашом, а не кистью, как это было принято в Монголии). Так, бурятские ламы, издавая некоторые буддийские сочинения, переведенные с тибетского языка на старописьменный монгольский, вносили соответствующие бурятизмы или даже предпринимали самостоятельные переводы, отмечая, что в монгольских переводах „находится много того, что не сходно с языком народа этой стороны“, т. е. с бурятским языком, как это было уже отмечено Б. Я. Владимирцовым¹. Этот письменный „диалект“ применялся также в частной переписке и низовых органах административного управления среди восточных бурят; иркутские же буряты этой письменности совершенно не знали.

После первой русской революции попытка некоторых миссионеров создать на основе старомонгольского алфавита особый бурятский алфавит успехом не увенчалась. Это объяснялось тем, что царское правительство всячески подавляло любые начинания в этом направлении. Что же касается передовых людей из среды бурят, то они ставили вопрос о введении совершенно новой письменности на русской графической основе, что тем более не могло получить своего положительного разрешения в условиях столыпинской реакции.

Только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, принесшей всем народам России освобождение от национального гнета, у бурят начали издаваться книги, газеты и журналы на их родном языке (до 1931 г. — на старомонгольском алфавите). В 1931 г. буряты переходят на новую письменность, созданную на основе латинской графики. При этом декларировалось, что бурятский литературный язык должен развиваться на основе сакающего „селенгинского“, т. е. на самом деле цонгольского, диалекта, как наиболее близкого якобы к монгольскому языку.

Однако практика показала, что сакающий „селенгинский“ диалект, выдвигавшийся буржуазными националистами в качестве основы бурятского литературного языка, служить базой литературного языка не мог. К тому же на нем говорило не более $\frac{1}{12}$ всех бурят. „Селенгинизм“ же выражался только в употреблении **с, ч, ц** вместо **h, ш, с** соответственно, тогда как другие „селенгинизмы“ — оканье и т. д. — никакого отражения в литературном языке не находили. Не получалось подобия и монгольского языка, так как вся морфологическая система оставалась собственно бурятской, если не считать рекомендовавшегося монгольского фонетического оформления этой системы и наличия таких глагольных форм прошедшего времени, как **-жай** и т. д., которых нет в бурятском языке.

¹ Bodhicaryavatara Çantideva. Монгольский перевод Çhos-Kyi ðoder'a. Издал Б. Я. Владимирцов. Л., 1929, стр. V.

Буржуазные националисты в своих контрреволюционных вредительских целях засоряли бурятский литературный язык непонятными для широких масс искусственными „монголизмами“, которые не имели распространения даже в самом монгольском языке, и всячески препятствовали внедрению в литературный язык советизмов, русизмов и интернациональных терминов, уже усвоенных бурятским народом в ходе совместной с русским народом многовековой жизни и совместной борьбы за социализм.

„Селенгинский“, на самом деле — цонгольский, диалект, на котором говорят цонголы, являющиеся выходцами из Монголии в XVII в., и сартулы, являющиеся потомками среднеазиатских пленников (ремесленников) Чингисхана (*сартул* по-монгольски значит ‘перс’) и сравнительно недавними жителями Бурятии, характеризуется, в частности, следующими особенностями:

1) наличием согласных **с, ч, ц**, вместо общепурятских **h, ш, с**, как об этом выше уже сказано;

2) оканьем вместо общепурятского уканья в словах, которые некогда в обоих непроезжих слогах имели **у**: *осон* ← *усун* ‘вода’, *онох* ← *унуху* ‘садиться на коня’ вместо общепурятских *уһан* и *унаха*;

3) отсутствием в именительном падеже конечного заднеязычного согласного **н**, восходящего к согласному **н** переднеязычного характера: *морі* ← *морін* ‘лошадь’ вместо общепурятского *морін*;

4) отсутствием лично-предикативных частиц: *бі јабанā* ‘я иду’, *чи јабанā* ‘ты идешь’ и т. д. вместо общепурятских *бі јабанаб* и *ши јабанаши*;

5) халха-монгольским оформлением винительного падежа **-игі** вместо общепурятского **-іјё**, например, *морігі* ‘коня’ вместо общепурятского *моріјё*.

Цонгольский диалект по своему словарному составу в целом является, однако, бурятским, хотя вследствие своей территориальной близости к Монголии содержит некоторые халхаские слова. Любопытно отметить, что аларские сартулы, около 300—400 лет живущие в улусе Бурков на расстоянии 1000 км от своих селенгинских сородичей, до сих пор в своей речи сохраняют оканье, хотя по другим особенностям своего диалекта они не отличаются от аларцев вообще. Еще более любопытно и загадочно то обстоятельство, что такое оканье проявляется именно в речи потомков среднеазиатских пленников Чингисхана и именно в указанном выше случае, — несомненно, что это обстоятельство заслуживает особого исследования.

На лингвистической конференции, состоявшейся летом 1936 г. в Улан-Удэ, было, наконец, признано, что теория о „селенгинской“ основе бурятского литературного языка вытекает из буржуазно-националистических установок и что нормальное развитие бурятского литературного языка на данной основе не может быть обеспечено, так как почти вся остальная часть бурятского населения совершенно не понимает литературы, издаваемой именно на этой основе. Поэтому было принято решение о развитии бурятского литературного языка на собственно бурятской основе, что было подтверждено и соответствующими решениями руководящих органов Бурят-Монгольской АССР в том же 1936 г. В основу развития бурятского литературного языка был положен хоринский или, как тогда говорили, восточный диалект. Письменность при этом оставалась прежней, принятой в 1931 г. на латинской графической основе согласно решениям лингвистической конференции представителей монгольских народов, которая состоялась в январе того же 1931 г. в Москве. Решение 1936 г. означало, в частности, что с этого момента вместо **s, ç, c** необходимо соответственно писать **h, ş, s**, согласно фонетическим нормам почти всего бурятского языка,

например:

<i>hara</i>	вместо	<i>sara</i>	‘луна’
<i>sono</i>	”	<i>sono</i>	‘волк’
<i>sagaan</i>	”	<i>cagaan</i>	‘белый’

Кроме того, было решено впредь не употреблять таких глагольных форм прошедшего времени, неизвестных в бурятском языке, как **-жай** и **-лай** (вторая форма в бурятском языке получила иное значение, нежели в халха-монгольском, а именно — опасение или, точнее, предостережение: *уналай* ‘как бы не упал!’). Конечно, была соответственно изменена вся орфография; в частности, было решено впредь не различать „передних“ гласных **ö** и **у**, о чем уже сказано выше.

В 1938 г. было установлено, что латинизированный алфавит, во-первых, менее приспособлен для передачи специфических звуков бурятского языка, нежели русский алфавит; во-вторых, неудобен в графическом отношении вследствие наличия в нем ряда диакритических знаков („сидилей“ и поперечных черточек, обозначающих шипящий характер соответствующих согласных, которые практичнее передавать русскими буквами **ж, ш, ч**), и, в-третьих, не способствует, а, наоборот, препятствует усвоению русского литературного языка, являющегося для бурят, как и для всех народов нашей социалистической родины, вторым языком, языком передовой русской культуры. Поэтому, по единодушному требованию всего бурятского народа, латинизированный алфавит, как не оправдавший себя, в 1938 г. был заменен новым, созданным на основе русского алфавита, к которому для передачи специфических бурятских звуков были добавлены **h, ø, ү** (долгие гласные было решено, как и раньше, обозначать удвоенным написанием соответствующих гласных букв).

Реформа 1938 г. в истории литературного закрепления общенародного бурятского языка, несомненно, явилась мероприятием исключительного значения, ибо она обеспечила дальнейший рост молодого бурятского литературного языка, литературы на родном языке, всеобщей грамотности и лучшее усвоение русского литературного языка бурятским народом.

ДИАЛЕКТЫ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Нельзя отрицать того, что диалектная раздробленность бурятского языка в определенной степени создавала и продолжает создавать известные трудности в литературной обработке бурятского общенародного языка.

Эти трудности лежат преимущественно или даже исключительно в области лексики. Если диалектные различия между отдельными ответвлениями бурятского языка в области фонетики преодолеваются сравнительно легко, еще легче преодолеваются они в области грамматического строя, в котором различия между бурятскими диалектами весьма незначительны, вытекающая из различий фонетического порядка или носящая фонетический характер (например, различное звучание имен в родительном или винительном падеже: *малые* ~ *мали* ‘скотину’, *малын* ~ *малай* ‘скота’ и т. д.), то различия в лексике создают известные трудности в деле унификации языка в общенациональном масштабе.

А между тем, как уже сказано выше, бурятские диалекты наименее изучены как раз в лексическом отношении, и наши сведения в этой области носят отрывочный, разрозненный и иногда поверхностный характер. Попытки установить классификацию бурятских диалектов в лексическом отношении до сих пор не увенчались успехом, как и

классификация этих диалектов в целом с традиционным их делением на восточное и западное „наречия“. Очень часто данные одного какого-нибудь западного или восточного диалекта или говора распространялись на все западные или восточные диалекты. Так, например, утверждалось, что будто бы слово *ибии* (лексические примеры здесь даются в орфографическом облике) во всем западном „наречии“, за исключением эхиритского диалекта, означает ‘бабушка’, хотя на самом деле это слово, например, в аларском диалекте означает ‘матушка’ в обращении, вроде русского ‘мама’. Примеры очень часто подавались таким образом, что у читателей могло создаваться ошибочное представление о лексике отдельных говоров или диалектов. Так, писалось, что в баргузинском говоре *зугаалаха* значит ‘разговаривать’, ‘беседовать’, в эхиритском и унгинском диалектах — ‘разговаривать’ (почему-то не указывается ‘беседовать’), в боханском — ‘петь’ и что в восточном „наречии“ этому глаголу соответствует *хөөрэхэ*, из чего можно было заключить, что якобы в западном „наречии“ этот второй глагол отсутствует.

В общем состояние бурятской диалектологической лексикологии таково, что мы теперь можем только в отдельных случаях сказать, что такое-то слово имеется в таком-то диалекте в таком-то значении, в другом диалекте оно либо отсутствует, либо имеет иное значение, а какое значение это слово имеет в третьем диалекте и имеется ли оно вообще — сказать не можем. А между тем, найдя какое-нибудь слово в каком-либо западном диалекте, делали вывод, что оно будто бы имеется во всех западных диалектах в том же значении, и, наоборот, не найдя его в одном из восточных диалектов, утверждали, что оно якобы неизвестно во всех восточных диалектах или во всем „восточном наречии“. В действительности же картина оказывается гораздо более пестрой и совершенно не оправдывающей традиционного деления бурятского языка на восточное и западное „наречия“. Поэтому, считая, что в данное время мы еще далеки от того, чтобы делать какие-либо определенные выводы в отношении лексической дифференциации бурятских диалектов, приведем ниже для иллюстрации только отдельные примеры из нижеудинского и аларского диалектов.

Нижеудинский диалект

<i>сажа</i>	‘девичья коса’
<i>болта</i>	‘коса замужней женщины’
<i>дэгэл</i>	‘мужская шуба’
<i>самса</i>	‘женская шуба’
<i>сол</i>	‘печь’
<i>гэр</i>	‘дом’
<i>буллаһаң,</i>	‘юрта’
<i>үкёр</i>	‘корова’
<i>көкшөң эмэ</i>	‘старуха’
<i>мэнб</i>	‘теперь’
<i>бэјерэ</i>	‘сам’

Аларский диалект

<i>сажа</i>	‘коса’ вообще
<i>болто</i>	‘украшение женской косы’
<i>дэгэл</i>	‘шуба’ вообще
нет ¹	
<i>сол</i>	‘дом’, ‘печь’
<i>гэр</i>	‘юрта’
<i>буллаһаң</i>	‘шалаш’
<i>үхэр</i>	‘вол’
<i>һамагаң</i>	‘старуха’
<i>одб, монб</i>	‘теперь’
<i>дрб, бэјерэ</i>	‘сам’

Лексические различия имеются и между аларским и унгинским диалектами, расположенными друг от друга на расстоянии всего 40 км. Так, если в аларском диалекте мы имеем *бајтаһаң* ‘кобылица’, *улаң тарā* ‘пшеница’ (дословно: ‘красный хлеб’), *хамта* ‘вместе’ и т. д., то в унгинском диалекте соответственно найдем *бајтаһаң* ‘лошадь жертвенного убоя’, *шенісе* ← русск. ‘пшеница’, *сук* ‘вместе’ и т. д. Ана-

¹ В других диалектах *самса* ‘рубашка’.

логичные лексические расхождения имеются и между другими бурятскими диалектами и наблюдаются не только в словарном составе вообще, но и в основном словарном фонде, захватывая названия и термины родства, скотоводства, одежды, жилища и часть употребляемых глаголов, наречий, послелогов и т. п.

Уже приведенного материала достаточно, чтобы отметить, что лексические различия между диалектами бурятского языка носят разнообразный характер:

а) какое-нибудь понятие выражается по диалектам различно, различными словами, которые могут наличествовать, скажем, в этих диалектах, выражая несходные понятия;

б) поэтому какое-нибудь слово в различных диалектах может обозначать различные понятия;

в) какое-нибудь слово в различных диалектах имеет различный объем значений, т. е. в семантическом отношении сходится частично, например, *хадур* 'серп', 'коса' одного диалекта, встречаясь в другом диалекте, имеет только одно из этих значений — 'коса' или 'серп', в этом случае одно из этих же значений передается часто русским заимствованием;

г) в зависимости от местных бытовых и исторических условий какое-нибудь слово, имеющееся в одном диалекте, совершенно отсутствует в другом, например, имеющееся в аларском диалекте слово *баёсан* со значением 'ламское жилище' (в восточных диалектах оно в форме *баёшаң* имеет значение 'дом деревянный или каменный вообще') совершенно отсутствует в нижеудинском диалекте, так как нижеудинские буряты не являются буддистами и не соприкасаются с монголами, от которых другие буряты заимствовали это слово.

Но при всем том, как бы ни были значительны лексические расхождения между бурятскими диалектами, не следует, однако, преувеличивать эти различия, ибо они в целом едва ли составляют более пяти-шести процентов всего словарного состава бурятского языка. Несомненно, что с течением времени эти лексические расхождения между бурятскими диалектами постепенно исчезнут, ибо организующая роль литературного языка скажется здесь в ходе постепенного отмирания местных диалектов, которые неизбежно потеряют свою самобытность, вливаясь в общепурятский национальный язык и исчезая в нем. К тому же надо заметить, что определенная часть лексических расхождений между диалектами бурятского языка падает на отживающий и жизненно не необходимый слой словарного состава. Так, например, не очень уж важно, что культурная кисточка на гриве лошади в одном диалекте называется *залаа*, а в другом — *сэтэр*, что православного священника называют то *ород лама* 'русский лама', то *ород бөө* 'русский шаман'! В этом же смысле очень важным является то обстоятельство, что в современном бурятском языке вся новейшая терминология и все лексические новообразования вообще создаются и распространяются по всей Бурятии в единообразном виде.

Еще меньше оснований преувеличивать различия между диалектами в области фонетики и тем более грамматического строя, те фонетические и особенно грамматические диалектные отклонения от литературного языка, которые в общем не столь существенны. Краткий обзор некоторых из них мы даем ниже¹.

¹ Мы будем приводить такие особенности отдельных местных диалектов, которые представляют интерес с исторической точки зрения или составляют исключительную принадлежность того или иного местного диалекта.

В данной работе мы не можем давать полный очерк всех характерных черт всех бурятских диалектов. Более же подробные сведения об особенностях местных диалектов бурятского языка можно найти в специальных монографиях или в упоминавшейся выше работе Д. А. Алексеева, которая представляет собой краткую,

Уже упоминавшийся выше нижеудинский диалект характеризуется следующими особенностями:

1) сохранением во всех словах переднего ряда раннего общемонгольского смычного **к**; в словах заднего ряда подобный же согласный, но более задней артикуляции, т. е. **к**, также сохраняется, хотя в некоторых положениях реализуется в виде аффрикативного **кх**: *кензэ* 'зелень', *көвүүн* 'дитя', *талкаң* 'мука', *дакака* 'следовать', *кхуругаң* 'палец', *кхужа* 'всегда' (в других диалектах — *ходо*);

2) отражением общемонгольского **г**, **ј** и, иногда, **дж** в виде палатализованного **д'** в положении перед гласным **і**, который подвергается перелому очень редко: *манд'іһаң* ← *мангисун* 'лук полевой', *д'інжэ* ← *гінджі* 'цепь', 'оковы', *д'ідә* ~ *жідә* ← *джіда* 'копье', *д'іһэн* ← *јисүн* 'девять', *д'ірэң* 'девьяносто', *алдад'ё* ← *алдаджу* 'теряя';

3) сохранением гласных переднего ряда **ö** и **ү**, которые к тому же не смешиваются: *көкшöң* 'старый', *үкёр* 'корова';

4) образованием порядковых числительных при помощи суффикса **-атка**, **-отка**, **-откё**, **-еткё**: *нэжёткё* 'первый', *хошотка* 'второй', *јирётка* 'шестой', *д'іһоткё* 'девятый'; подобное образование пока известно только в алятском говоре аларского диалекта, а в некоторых же других диалектах оно представляет собою оформление множественного числа тех же порядковых числительных (ср. аларское *хошотх'і* 'вторые').

Аларский диалект характерен тем, что в нем сохраняется различие между гласными **ö** и **ү**, вследствие чего сохраняется также прежняя система долгого вокализма непервых слогов, например (в скобках даем соответствующие параллели из литературного языка):

<i>одор</i> (үдэр) 'день'	<i>одрөр</i> (үдрөөр) 'днем'
<i>орго</i> -(үргэ-) 'поднять'	<i>оргот</i> (үргөөд) 'подняв'
<i>үргэ</i> -(үргэ-) 'испугаться'	<i>үргөт</i> (үргөөд) 'испугавшись'

В грамматическом отношении аларский диалект имеет следующие особенности:

1. Родительный падеж оформляется при помощи суффикса, состоящего из краткого гласного с палатализацией предшествующего конечного согласного основы или из дифтонга без палатализации того же конечного согласного основы, например: *гал'і* ~ *гал'ай* 'огня', *мор'ні* ~ *морнэ* 'лошади'. Слова с конечными краткими гласными образуют форму данного падежа при помощи суффикса, состоящего из дифтонга плюс **н**, причем эти конечные краткие гласные как бы сливаются с гласными суффикса, например, *ах'а* 'старший', *ах'атн* 'старшего', *шон'о* 'волк', *шон'отн* 'волка'. От основ с конечными долгими гласными недифтонгического происхождения родительный падеж образуется при помощи суффикса либо **-ји**, либо **-гә** ~ **-ге**, например: *х'о* 'уголь', *х'оји* ~ *х'оггэ* 'угля', *бур'ү* 'тенок по второму году', *бур'үји* ~ *бур'үгә* 'теленка'. При этом достойно особого внимания то, что параллельные формы родительного падежа в употреблении различаются: первые формы применяются в тех случаях, когда имена выступают в предложении атрибутивно, а вторые формы — при предикативном или субстантивном употреблении имен.

2. Винительный падеж, образованный от основ с конечными согласными, кроме **н**, чаще всего совпадает с атрибутивной формой родительного падежа, например, *гар'і* 'руку' (хотя иногда и не совпадает, будучи образован при помощи суффикса **-ји**, например, *гар'ји* 'руку').

но содержательную сводку основных данных по бурятской диалектологии с кратким же очерком истории диалектологического исследования бурятского языка, хотя и содержит в себе некоторые частные промахи (например, ошибочные обобщения по поводу отдельных лексических явлений) и отвергаемую нами традиционную классификацию диалектов этого языка.

От основ же с конечными долгими гласными винительный падеж всегда совпадает с атрибутивной формой родительного падежа (*дүји* 'младшего', 'младшую').

От основ с конечными краткими гласными, которые при этом выпадают, данный падеж образуется при помощи суффикса *-iji* (*ахд* 'старший', *ахији* 'старшего').

О случаях употребления чистой основы имени в значении винительного падежа здесь мы не упоминаем.

3. Суффиксом совместного деепричастия является *-сар* вместо литературного *-тар*; этот суффикс встречается и в ряде других диалектов.

4. Употребление только сращенной формы несовершенного вида, образовавшейся из формы соединительного деепричастия и основы вспомогательного глагола *бай* 'быть'; *јабжайба* ← *јабжа байба* 'ходил'.

5. Наличие особой условной формы пожелания, представляющей собой сращение несовершенного причастия спрягаемого глагола, того же причастия от основы вспомогательного глагола *бол* 'стать' и послелога *һа* 'если', например, *јабабла* ← *јаб болд һа* 'о, если бы пойти!'

Из особенностей унгинского диалекта заслуживает быть отмеченным то, что в словах переднего ряда лабиализация долгих гласных непервых слогов приводится и после долгого *у*, чего мы не наблюдаем даже в диалектах, в которых уже нет различия между краткими фонемами *о* и *у*, например *үдөр* 'дверью' вместо *үдөр*. Д. А. Алексеев в упоминавшейся выше работе растворяет унгинский диалект в аларском, в связи с чем можно было бы сказать то же самое, что он говорит в защиту самостоятельности боханского диалекта: „В литературе о боханском говоре существует мнение, что он является лишь переходным между аларским и эхирит-булагатским. Такое мнение возникло потому, что язык боханских бурят не подвергался специальному исследованию“¹. С этим нельзя не согласиться. Что же касается переходного характера того или иного диалекта, территориально распространеного между двумя другими диалектами, то это не имеет никакого отношения к вопросу о самостоятельности и самобытности данного диалекта, ибо подобные диалекты не могут не быть в той или иной степени переходными в том смысле, что они не могут не подвергаться процессу взаимной нивелировки в ходе долговременного общения их носителей между собой. В этой связи следует помнить предостережение Ф. Энгельса, сделанное им в исследовании франкского диалекта, — не растворять тот или иной диалект в других местных ответвлениях соответствующего языка², если процесс нивелировки диалектов не достиг определенной степени законченности.

Особенно интересными являются некоторые черты эхиритского диалекта, с которым почти полностью сливается булагатский:

1. Только этот диалект среди всех диалектов монгольских языков вообще, кроме тех, которые связаны с ним исторически или территориально (бургузинский, булагатский, боханский и другие), имеет в начальной позиции среднеязычный *ј*, соответствующий *дж* ~ *ж* других диалектов в положении перед ранним общемонгольским гласным *и*, например:

Эхиритский диалект	Монгольский (старый)	Литературный бурятский современный	Значение
<i>јада</i>	← <i>джида</i>	<i>жада</i>	'копье'
<i>јолб</i>	← <i>джилуза</i>	<i>жолоо</i>	'поводья'

¹ Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та, № 98, 1949, стр. 186.

² См. Ф. Энгельс. Франкский диалект. Партиздат, 1935, стр. 13.

jarǰal ← *джиргал*   *жаргал*   'наслаждение'
јоргѡң ← *джиргуан*   *зургаан*   'шесть' (ср. с аларским
жоргѡн, нижеудинским *јиргѡн*, ордосским *джурга*).

2. По образованию родительного падежа данный диалект совпадает с литературным языком, в основу которого лег хоринский диалект; в связи с этим нельзя не вспомнить того, что многие роды и племена восточных бурят в XVII в. переселились из Приангарья в Забайкалье.

3. Наличие сложного орудно-соединительного падежа, например *ахалар* 'со старшим братом'.

4. Употребление среднеязычного *ј* в качестве соединительного согласного между двумя долгими гласными (при словоизменении) вместо общемонгольского *г*, например *харијар* 'дорогой'; впрочем такое явление изредка отмечается в некоторых других диалектах.

5. Наличие в ольхонском говоре этого диалекта повелительной формы 3-го лица на *-тгаг*, которая представляет собой сложение двух однозначных формантов: *-тугаг* (характерен для старописьменного монгольского языка) плюс *-г* (характерен для живых монгольских языков и диалектов), например *ябатгаг* 'пусть идет'.

Более подробное исследование бурятских диалектов, дополненное изучением истории расселения и территориального размещения родов и племен от Нижнеудинска на западе до Барги на востоке, было бы весьма интересным как в лингвистическом отношении, так и в историческом. В историческом отношении такое исследование могло бы иметь значение в том смысле, что оно помогло бы выявить дополнительные штрихи в истории раннего расселения бурятских родов и племен. Это особенно касается прежнего расселения отдельных частей булагатского племени, а также и загадочных готолов. Дело в том, что хотя в результате своего расселения отдельные части какого-нибудь племени и теряют постепенно специфические черты своего прежнего диалекта, все же некоторые из последних продолжают сохраняться в течение весьма длительного времени. В этом отношении крайне любопытно то обстоятельство, что аларские сартулы, живущие в Бурковском и Ныгдинском улусах бывшего Аларского ведомства не менее трех веков, до сих пор в своей речи сохраняют такую особенность, как оканье вместо общемонгольского уканья, хотя во всех остальных отношениях в их речи мы наблюдаем общеаларские черты.

Но то, что нам в общих чертах известно, уже позволяет сказать, что современные бурятские диалекты, представляющие результат сложных и длительных перекрестных „схождений“ и расхождений“ разных этнических групп бурятского народа, с которыми „скрещивались“ также отдельные ойратские и халхаские роды и племена, в различной степени отражают прежние племенные диалекты. Правда, в данное время мы еще не можем именно в таком плане рассортировать все бурятские диалекты, ибо, как справедливо отмечает это Д. А. Алексеев, вопросы ранней истории бурятских родов и племен еще не разработаны в такой степени, чтобы мы могли опираться на результаты исследований историков и этнологов. Но о некоторых диалектах мы уже можем иметь определенное суждение.

Так, например, относительно эхиритского и хоринского диалектов можно утверждать с определенной долей вероятности, что они являются как бы наследниками тех северомонгольских племенных диалектов, которые существовали еще в XII—XIII вв. То же самое, повидимому, можно сказать относительно носителей баргутского диалекта, издавна обитающих на месте нынешнего их расселения в Северо-Восточном

Китае, поскольку это касается так называемых *хуучин барга* 'старых баргутов', к которым впоследствии присоединились *шине барга* 'новые баргуты'. В территориальном отношении эхириты, хоринцы и баргуты были расселены таким образом, что они в общем мало были затронуты процессом различных межплеменных смешений, издавна занимая северо-восточные окраинные места монгольского и затем бурятского этнолингвистического мира. Родовой состав этих бурятских племен таков, что среди них не обнаруживаются иноплеменные элементы в скольконбудь заметной степени.

Этого нельзя сказать относительно боханского, унгинского, аларского и некоторых других диалектов. Особенно неясными продолжают оставаться состав и история родов и племен боханских и унгинских бурят, среди которых мы находим загадочных гоголов, шарайтов, икинатов, ашиабатов, встречающихся и среди других монгольских народов и племен. Можно сказать, что эти диалекты являются чисто территориальными не только в том смысле, что их носители оказываются представителями различных родов и племен, перемешавшимися друг с другом, но и в том, что в этих диалектах можно обнаружить черты различных диалектов. Так, например, в боханском диалекте можно встретить такие особенности, которые преимущественно присущи, с одной стороны, эхиритскому диалекту (наличие среднеязычного *ǰ* и т. д.), а с другой — аларскому или унгинскому (оформление родительного падежа по типу *гал'и* 'огня' и т. п.), хотя в его основе лежат черты, в своей совокупности свойственные только ему самому, т. е. именно боханскому диалекту. Очень возможно, что то, что нам известно о боханском диалекте, представляет собой черты только одного какого-нибудь местного говора.

В очевидной зависимости от особенностей прежнего расселения племен и родов находится степень более мелкого дробления соответствующего диалекта на говоры, характеризующиеся отсутствием особой цельной системы основного словарного фонда и грамматического строя и наличием лишь отдельных фонетических и лексических деталей, в масштабе соответствующего диалекта, присущих только одному говору. Эти мелкие говоры образуются, в частности, в результате расселения носителей одного и того же диалекта в разных местностях, как это случилось с эхиритами, булагатами, хонгодорами, хоринцами и другими. В одних случаях в результате такого расселения происходит процесс постепенной дифференциации одного диалекта на более мелкие говоры, как это случилось у агинских бурят, говорящих на особом говоре хоринского диалекта. Подобные говоры с течением времени могли иногда развиться до уровня самостоятельных диалектов, как это случилось, например, с говорами некогда существовавшего хонгодорского диалекта, носителями которого были предки нынешних аларцев, тункинцев и окинцев. Некоторые исследователи полагают даже, что аларский, окинский и тункинский диалекты по существу являются говорами одного хонгодорского диалекта и в настоящее время, ибо различие между ними очень незначительно. В общем все же можно сказать, что разные говоры племенного хонгодорского диалекта в более позднее время легли в основу образования самостоятельных и уже чисто территориальных — аларского, окинского и тункинского — диалектов.

В других случаях происходил процесс концентрации разрозненных частей разных диалектов, как это случилось у носителей кабанско-баргузинского диалекта; причем составные части подобных территориальных диалектов в течение известного времени бытуют в качестве говоров последних (отсюда — кабанский и баргузинский говоры названного диалекта, которые некоторыми исследователями определяются как

самостоятельные ответвления бурятского языка). То же самое нужно сказать относительно аларского диалекта, носители которого очень пестры по своему родо-племенному составу, хотя среди них ведущими являются хонгодоры, проживающие также в Тункинском и Окинском аймаках. В аларском диалекте можно установить говоры собственно аларский (носители — преимущественно хонгодоры), бурковский (главным образом сартулы) и алятский (в основном икинаты), первый из которых оказывается ведущим и постепенно вытесняющим собой последние.

История образования современных бурятских территориальных диалектов на основе прежних племенных, что было обусловлено разложением племенных и родовых связей у бурят, в совокупности с данными общемонгольской диалектологии может в известной степени характеризовать картину образования территориальных диалектов эпохи разложения родового быта вообще. Если в эпоху позднего родового общества „племя и диалект по существу совпадают“, как это прекрасно показано Ф. Энгельсом¹, то в эпоху образования народностей, когда связи людей устанавливаются на иных, не племенных началах, диалект и племя уже не совпадают по той простой причине, что в это время племена вообще начинают исчезать в условиях новых экономических связей. Своеобразие в развитии и затем исчезновении племенных и территориальных диалектов в монгольском лингвистическом мире было обусловлено особенностями в исторической жизни монгольских народов. В монгольском лингвистическом мире недавнего прошлого и настоящего мы можем обнаружить диалекты племенные периода раннего феодализма, местно-племенные и чисто местные — периода позднего феодализма, эпохи образования и развития народностей, и местные (с пережитками племенных диалектов) — периода первоначального образования наций, когда диалекты являются уже отживающими категориями.

То, что мы находим в монгольском лингвистическом мире недавнего прошлого и настоящего, может быть в известной степени сопоставлено с тем, что, возможно, происходило в истории диалектов русского языка эпохи древней Руси и затем московского царства. Повидимому, именно в эту эпоху происходил процесс образования местных диалектов русского языка на основе разложения прежних древнерусских племенных диалектов. Как известно, последние летописные упоминания о древнерусских племенах относятся к периоду между 944 и 1197 гг. Исторические предпосылки этого процесса на Руси прекрасно показаны В. И. Лениным, который писал: „Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составившиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные „земли“, частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1948, стр. 234.

в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один все-русский рынок"¹.

Это ленинское учение о смене родовых союзов чисто территориальными союзами в истории русского народа безусловно применимо к тому, что происходило в истории монгольских народов, в которой, конечно, были и имеются свои специфические особенности, вызванные условиями кочевого быта этих народов, а также тем обстоятельством, что консолидация бурятской и монгольской наций происходит не в эпоху поднимающегося капитализма, а в эпоху социализма. Если в старой Бурятии мы видим ранний этап в развитии этого процесса, применительно к конкретным условиям русской истории проанализированного В. И. Лениным, то в Монголии мы находим ее более поздний этап.

Кроме характера расселения племен и родов, территории, занимаемой ими, экономических и культурных центров, вокруг которых группируются носители диалектов и говоров, на степень диалектной дробности языка очень большое влияние оказывают условия социально-экономической жизни. Достаточно бросить беглый взгляд на этнолингвистическую карту расселения бурят, чтобы установить зависимость степени живучести местных диалектов или говоров от кочевого или оседлого образа жизни. При прочих равных условиях кочевой уклад жизни способствует более быстрому процессу нивелировки диалектов или препятствует дроблению последних на более мелкие говоры, тогда как оседлый образ жизни влияет в обратном направлении. Этим, собственно, объясняется то, почему у восточных бурят мы не видим той диалектной дробности, которая так характерна для западных бурят. То же самое мы видим у халха-монголов в Монгольской Народной Республике, язык которых теперь не дробится на диалекты и которые живут в кочевых условиях, тогда как у внутренних монголов мы видим большую диалектную дробность, ибо они местами давно уже ведут полуседлый образ жизни². Конечно, оседлый уклад жизни мог влиять на ту или иную степень диалектной дробности языка лишь в определенных исторических условиях (натуральный тип хозяйства, отсутствие постоянного переселения крестьян феодалами или отхожего промысла, слабое развитие грамотности, совместное или раздельное пользование пастбищами и т. д.).

Таким образом, на степень диалектной дробности языка влияют самые разнообразные условия в исторической жизни народа. Поэтому не подлежит никакому сомнению, что изучение прошлого и настоящего бурятского народа, истории расселения бурятских родов и племен, истории хозяйственного быта и всего того, что составляет историческую жизнь этого народа, решающим образом должно содействовать уточнению истории образования диалектов бурятского языка. А между тем, к сожалению, мы до сих пор не имеем даже ясного представления о родо-племенном составе бурят, важность изучения которого для монголистики совершенно очевидна в свете марксистского языкознания, разъясняющего, что язык и законы его развития необхо-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137.

² Ср. следующее замечание К. Маркса о кочевых народах: „Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно непосредственно отчуждаемой форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов“ (К. Маркс. Капитал, 1951, т. I, стр. 96. Разрядка наша. — Г. С.).

димо изучать в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, являющегося творцом и носителем изучаемого языка.

Однако и изучение диалектов в свою очередь поможет историкам и этнологам уяснить запутанные во мраке веков сложные вопросы этногенеза бурятского народа и истории отдельных родов и племен. Линии изоглосс, т. е. совпадающих явлений в самых различных диалектах, могут быть линиями передвижения отдельных этнических групп бурятского народа. В этом смысле подробная карта начального „йоканья“ эхиритского типа могла бы помочь установлению родо-племенного состава боханских, баргузинских, кабанских, ленских и идинских бурят. Подробное изучение таких фонетических деталей и как будто бы мелких штрихов, как, например, варианты слова *ᠵᠦᠮᠬᠡ~зᠦᠮᠬᠡ* 'напрягать усилия', могло бы помочь уяснению родового состава бурят Эхирит-Булагатского аймака, где и замечены эти варианты.

Внимательное изучение словарного состава может многое дать и для изучения истории материального быта в отдельных районах Бурятии, — в этом отношении особенное значение имеет исследование хозяйственной терминологии. Почему, например, слово *ᠥᠬᠡᠷ* в одном диалекте означает 'корова' (вообще), а в другом 'вол', 'кастрированный бык'? Не потому ли, что в одном районе рогатый скот сначала ценился преимущественно в качестве удойного животного, а в другом — более всего в качестве вьючного или транспортного животного? Не увязывается ли это с тем, что в эпических творениях одного района герои то и дело выезжают на работу на быках, а в других — только на лошадах? Почему в одном диалекте слово *хадур* значит только 'серп', в другом — и 'серп' и 'коса', а в третьем — только 'коса'? Не находится ли последнее обстоятельство в зависимости от истории хозяйственного быта в различных районах Бурятии? Известно, например, что в одних районах издавна знают и земледелие, и сенокосение, а в других районах — только сенокосение (в дореволюционное время).

В заключение следует подчеркнуть, что современный бурят-монгольский язык делится на местные диалекты, в различной степени отражающие ранние племенные диалекты, которые для эпохи социализма представляют собою давно уже отживающие категории. Само собою разумеется, что в социалистической Бурят-Монголии племена и роды „живут“ лишь в памяти людей старшего поколения, не имея ныне никакой реальности и представляя только исторический интерес.

МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Если в Бурятии процесс бурятизации ойратских и халхаских этнических групп, очутившихся здесь преимущественно с XVII в., является уже пройденным и полностью завершенным этапом, чего нельзя еще окончательно сказать только относительно цонголов и части сартулов, то в Монголии теперь еще имеются отдельные ойратские группы, не подвергшиеся полностью процессу халхаизации, т. е. еще не перешедшие целиком на собственно монгольский язык и сохраняющие в определенной степени черты ойратского языка или диалектов последнего.

Под собственно монгольским языком разумеется тот язык, на котором говорит основное население Монгольской Народной Республики, халхасцы, и население Внутренней Монголии — чахары, удзумчины, горлосы, абаганары, хорчины, харачины, ураты, туметы, ордосцы, джунгары и некоторые другие. Этот язык очень часто и не совсем удачно называют халха-монгольским ввиду того, что халхасцы занимают центральное положение в общемонгольском лингвистическом мире и

составляют наиболее компактную массу среди носителей данного языка. В диалектологическом отношении монгольский язык изучен неполностью, а поэтому нам пока неизвестны многие детали речи внутренних монголов; точно неизвестно, на какие же собственно диалекты или говоры делится эта речь, ибо имеющиеся данные о последней, в том числе и данные А. Д. Руднева, носят весьма отрывочный и случайный характер. Изученными являются диалекты халхаский, на котором говорит основное население Монгольской Народной Республики, и ордосский. Однако все путешественники и исследователи единогласно утверждают, что и все внутренние монголы говорят на том же монгольском языке, на котором также говорят халхасцы и ордосцы, хотя в своей речи внутренние монголы имеют местные диалектные особенности. Вообще известно и твердо установлено, что все внутренние монголы, включая сюда и ордосцев, живущих за пределами современной Внутренней Монголии, в лингвистическом отношении отличаются от халхасцев, поскольку речь может идти пока только о фонетике, преимущественно тем, что в их языке вместо халхаских свистящих аффрикат **дз** и **ц** и шипящих **дж** и **ч** соответственно имеются только шипящие **дж** и **ч**. Данные об ордосском диалекте в совокупности с теми отрывочными и разрозненными сведениями о речи внутренних монголов, которыми мы располагаем, в общем подтверждают сказанное. Что в речи внутренних монголов несомненно имеются грамматические и лексические особенности диалектного характера, также вытекает из совокупности тех же данных и сведений¹. Деление речи внутренних монголов на ряд местных диалектов или говоров, конечно, не может не вытекать из того полуседлого образа жизни, в условиях которого живет население во Внутренней Монголии в отличие от халхасцев, ведущих кочевой образ жизни.

Халхаский диалект на территории всей основной части Монгольской Народной Республики, т. е. Халхи, отличается исключительным единообразием, делясь лишь на местные говоры, характеризующиеся только некоторыми отдельными фонетическими и лексическими чертами. Это исключительное единообразие халхаского диалекта на таком большом пространстве, как вся халхаская территория, как уже сказано, вытекает из кочевого образа жизни, в условиях которого издавна живут халхасцы. Не нужно особенно доказывать, что скотовод-кочевник не в такой степени прикреплен к определенной и ограниченной территории, как земледелец, что он так или иначе перекочевывает с места на место, что часто природные условия (засуха летом, гололедица зимой, т. е. знаменитый джуд — вековечный бич скотоводческого хозяйства, действенная борьба с которым оказалась возможной только после революции) заставляли кочевника временно переходить из одного района в другой. Все это способствовало тому, что халхасцы из различных местностей постоянно приходили в соприкосновение друг с другом, а это не могло не повлиять на процесс нивелирования диалектов или, по крайней мере, не могло не препятствовать процессу дробления языка на диалекты или последних на более мелкие говоры. К сказанному надо добавить важные социальные и исторические факторы, которые действовали в том же направлении и в силу которых собственно и мог кочевой уклад жизни так сильно повлиять на явления языка.

Как известно из истории, в течение веков монгольские араты часто переходили из аймака в аймак, из хошуна в хошун, из одного феода

¹ Наши личные встречи с внутренними монголами, носившие, правда, случайный характер, также убеждали нас в том, что так именно обстоит дело с речью этих монголов: на халхаском диалекте с внутренними монголами можно объясняться очень свободно, часто не замечая специфических диалектных черт.

в другой, либо по собственному почину, либо, чаще всего, вынуждаемые к тому произволом феодалов, которые передавали крепостных аратов друг другу наравне со скотом. Очень часто араты переходили с места на место, убегая от всяческих притеснений со стороны жестоких феодалов. Об этих перебежках аратов монгольского князя много говорили, например, на своем монголо-ойратском сейме 1640 г. К сказанному надо добавить, что в течение последних трех-четырех столетий большое количество аратов передавалось князьями монастырям, в которых постепенно образовался значительный слой так называемых *шабинаров* 'учеников', как буддийские теократы-феодалы, по справедливому замечанию Б. Я. Владимирцова, ханжески именовали своих крепостных аратов. Это обстоятельство также вызывало большие перемещения людей с места на место. Далее. Именно Халха в течение ряда столетий, особенно в XV—XVIII вв., была ареной бесконечных кровопролитных сражений между монгольскими феодалами, ареной тяжелых войн между халхаскими и ойратскими князьями, ареной кровавых маньчжурских походов. Все это было тяжелым бедствием для трудовых аратских масс, от которого эти массы пытались избавиться, бросая насиженные места и в некоторых случаях навсегда уходя в пределы Бурятии, где они искали убежища от тяжелого феодального гнета.

Таким образом, совокупность различных экономических, социальных и исторических условий привела к тому, что население основной части нынешней Монгольской Народной Республики в значительной степени перемешалось, в силу чего местные отличия в халхаской речи оказались стертymi. Любопытно кстати отметить, что из всего монгольского этно-лингвистического мира именно только в Халхе давно уже не сохранилось почти никаких следов от прежних родо-племенных названий, чего нельзя сказать о других кочевниках вообще.

Итак, на более или менее едином и монолитном халхаском диалекте монгольского языка говорит основное население (около девяти десятых) Монгольской Народной Республики. Этот диалект характеризуется следующими основными особенностями:

1) четкое различие между гласными фонемами **о** и **у**, которые, как мы выше видели, смешаны в большинстве бурятских диалектов;

2) отражение ранних общемонгольских согласных **к** и **к'** в виде проточного **ж**;

3) отражение ранних шипящих **дж** и **ч** соответственно в виде **дж**, **дз** и **ч**, **ц** (в качестве шипящих же в положении перед ранним **і**, а в качестве свистящих — перед прочими гласными), тогда как во внутреннемонгольских диалектах имеются только эти же шипящие;

4) перелом гласного **і**, сохранившегося в этом же качестве преимущественно в словах переднего ряда перед гласными следующего слога **е** и **і**, тогда как во внутреннемонгольских диалектах этот перелом произошел в сравнительно редких случаях;

5) лабиализация, как и в бурятских диалектах, в силу которой, если в первом слоге имеются:

а, а̄, у, ӯ, а̄е, ӯі	то в следующем слоге следуют эти же гласные
е, е̄, ӯ, ӯ, ӯі	” ” ” ” ” е, е̄, ӯ, ӯ, ӯі
о, о̄, оі	” ” ” ” ” о, о̄, оі, ӯ, ӯі
о̄, о̄	” ” ” ” ” о̄, о̄, ӯ, ӯ, ӯі

Гласный **і**, как нейтральный, в общем встречается в сочетании с любым другим гласным и в любом слоге за исключением случаев, оговоренных выше в п. 4;

6) усеченность непервых слогов с конечными краткими гласными и согласным **н**, чего нет во внутреннемонгольских диалектах;

7) смешение сильных и слабых согласных $t \leftrightarrow d$ и $x \leftrightarrow g$, наблюдаемое преимущественно в восточных халхаских говорах и внутреннемонгольских диалектах и не поддающееся точной „орфографической регламентации“;

8) переход проточного x в смычный g в положении после согласных c и $t \leftarrow d$ (в тех же восточных халхаских говорах);

9) реализация губного b в виде биллабиального звонкого w , произносимого без большого шума, кроме случаев, когда этот b встречается в начале слова или после согласных $л$ и $м$.

Эти основные особенности халхаского диалекта можно проиллюстрировать следующими примерами:

<i>о́ндор</i> ~ <i>о́ндур</i> ← <i>о́ндур</i>	{высоко'	<i>хар</i> ← <i>кара</i>	{черный'
<i>о́рго</i> ← <i>е́ргү</i>	{поднять'	<i>херёк</i> ← <i>керег</i>	{дело'
<i>үргё</i> ← <i>үрге</i>	{испугаться'	<i>хең</i> ← <i>кен</i>	{кто'
<i>дзун</i> ← <i>джун</i>	{лето'	<i>цагаң</i> ← <i>чаган</i>	{белый'
<i>джоло</i> ← <i>джилуца</i>	{поводья'	<i>чоно</i> ← <i>чину-а</i>	{волк'
<i>мод</i> ← <i>модун</i>	{дерево'	<i>тутам</i> ← <i>дутум</i>	{каждый'
<i>асга</i> ← <i>асха</i>	{выливать'	<i>гатан</i> ~ <i>хатан</i> ←	
		<i>катун</i>	{дама'
<i>багатга</i> ← <i>багадха</i>	{уменьшать'	<i>гарав</i> ← <i>гарба</i>	{вышел'
		<i>жавна</i> ← <i>жабуна</i>	{идет'
<i>орулав</i> ← <i>оруулба</i>	{ввел'	<i>олгур</i>	{вешалка'
<i>мах</i> ← <i>мика</i>	{мясо'	<i>ирүлет</i>	{вызвал'
<i>нудрага</i> ← <i>ндурга</i>	{кулак'	<i>жал</i> ← <i>ила</i>	{победить'

В грамматическом отношении халхаский диалект имеет следующие основные отличия от старописьменного монгольского языка:

1) отсутствие местного и соединительного падежей, второй из которых имеется, однако, во внутреннемонгольских диалектах;

2) отсутствие особого целевого (на **-ра**), „цитатного“, первого и второго условных деепричастий;

3) наличие третьего условного, второго целевого (на **-ха**), заменного, последовательного и попутного деепричастий.

Конечно, фонетическое оформление почти всех словоизменительных и словообразовательных суффиксов халхаского диалекта резко отличается от того, что имеется в старописьменном монгольском языке. В этом отношении некоторые отличия имеются также между халхаским и внутреннемонгольскими диалектами. Так, например, система спряжения глагола в халхаском и ордосском диалектах и старописьменном монгольском языке в ее „схождениях и расхождениях“ может быть показана в сравнительной таблице¹ (см. стр. 59).

Так как описание глагольных форм нами будет дано во втором томе нашей работы, считаем необходимым для предварительного ознакомления читателя с основными значениями этих форм дать ниже пояснения их на примере спряжения одного халхаского глагола в вышеприведенном же порядке (см. на стр. 60).

¹ Так как халхаский диалект положен в основу современного монгольского национального литературного языка, то халхаские формы, в отличие от прочих, приводятся в орфографическом их написании, а не в транскрипции. Ордосский диалект в нашей таблице, как и вообще во всем нашем изложении, будет представлять собой внутреннемонгольские диалекты, конечно, в общем весьма приблизительно. О различиях между диалектами в области склонения имен будет сказано в основной части нашей работы (в главе, посвященной склонению вообще).

№ п/п.	Наименование форм	Халхаский	Ордосский	Старописьменный
--------	-------------------	-----------	-----------	-----------------

Повелительные

1	2-го л.	Основа	Основа	Основа
2	2-го л. будущего времени . .	-аарай	Нет	Нет ¹
3	2-го л. усиленной просьбы . .	-аа	-а	Нет
4	2-го л. вежливого обращения .	-гтун	Нет	-гтун
5	1-го л.	-я, -ѐ, -е	-j, -jā	-ja
6	3-го л.	-г	-га	Нет
7	" "	Нет	-туга̄	-туга̄i
8	Пожелания	-аасай	-аса̄ ²	-суга̄i
9	Опасения	-уузай	-уджа̄ ²	-гуджа̄i

Изъявительные

1	Настояще-будущего времени .	-на	-на ³	-мӯi
2	Настояще-прошедшего времени	-ав	-ба ³	-ба̄i
3	Прошедшего заведомо времени известного действия	-лаа	-ла	-луга
4	Прошедшего времени нежиданного действия	-жээ -чээ	-джи, -дж, -чи, -ч	-джукӯi -чукӯi

Причастия

1	Будущего времени	-ах	-ху, -ха	-ху
2	Прошедшего времени	-сан	-сан	-гсан
3	Настоящего "	-аа	-а	-га
4	Многokrратное	-даг	-дак	-даг
5	„Однократное“	-гч	-гчи	-гчи

Деепричастия

1	Соединительное	-ж, ч	-джи, -чи	-джу, -чу
2	Разделительное	-аад	-ат	-гад
3	Слитное	-н	-н	-н
4	Продолжительное	-саар	-сар	-гсагар
5	Предварительное	-магц	-магча	-магча
6	Совместное или предела	-тал, -тар	-тар, тал	-тала
7	Условное первое	Нет	wasу, -was	-басу
8	" второе	"	-хула, -хуларан, -хала ⁴	-хула
9	" третье	-вал, -бал	-бал, wала ⁵	Нет
10	" четвертое	Нет	-ун	"
11	Уступительное	-вч	Нет	-бачу
12	„Цитатное“	Нет	"	-рун
13	Целевое особое	"	"	-ра
14	" второе	-хаа ⁶	"	-хуж-а
15	Заменное	-нгаа	-хәр	Нет
16	Последовательное	-хлаар	Нет	"
17	Попутное	-нгуут	"	"

¹ Встречается форма -гарай под влиянием устной речи, соответствует халхаской -аарай. ² Имеют разные фонетические варианты и по значению несколько расходятся с халхаскими. ³ Имеют разные фонетические варианты. ⁴ Совпадают с последовательным по значению и форме. ⁵ Имеют разные фонетические варианты. ⁶ Напомним, что халхаские формы даны в орфографическом их написании, по которому долгие гласные передаются удвоенными знаками, — это необходимо помнить при сопоставлении халхаских форм с ордосскими, даваемыми в транскрипции.

Пример:

Повелительные формы (повеления, желания, опасения)

1. *Гар* 'выходи!';
2. *Гараарай* 'выйдешь!' (потом);
3. *Гараа* 'выйди же!';
4. *Гарагтун* 'выходите!';
5. *Гаргя* 'выйду-ка!' 'выйдемте!';
6. *Гараг* 'пусть выйдет!';
7. Ордос.: *гартуга̄* 'пусть выйдет';
8. *Гараасай* 'хорошо бы выйти!';
9. *Гаруузай* 'как бы не вышел!'

Изъявительные формы

1. *Гарна* 'выходит', 'выйдет';
2. *Гарав* 'вышел';
3. *Гарлаа* 'ведь вышел';
4. *Гарчээ* 'вышел, оказывается'.

Причастия

1. *Гарах* 'имеющий выйти';
2. *Гарсан* 'вышедший';
3. *Гараа* 'выходящий';
4. *Гардаг* 'обычно выходящий';
5. *Гарагч* 'выходящий' (подробнее об этом причастии см. в грамматиках).

Деепричастия

1. *Гарч* 'выходя';
2. *Гараад* 'выйдя', 'после того, как вышел' (или: выйдет);
3. *Гаран* 'выходя';
4. *Гарсаар* 'продолжая выходить', *гарсаар байна* 'все еще выходит';
5. *Гармагц* 'как только вышел', 'сразу же после выхода';
6. *Гартал* 'пока не выйдет', 'до выхода';
- 7 и 8. Нет;
9. *Гарвал* 'если выйдет', 'в том случае, если выйдет', 'в случае выхода';
10. Нет;
11. *Гаравч* 'хотя и выйдет', 'даже в случае выхода';
- 12 и 13. Нет;
14. *Гархаа* 'чтобы выйти';
15. *Гарангаа* 'вместо того чтобы выходить, лучше...';
16. *Гарахлаар* 'как только выйдет', 'лишь только вышел' (см. п. 5);
17. *Гарангуут* 'раз вышел, то попутно...'; 'выходя'.

Первое, второе и четвертое условные деепричастия (7, 8 и 10), отсутствующие в халхаском диалекте и наличные в старописьменном языке и ордосском диалекте, по значению и употреблению, как это отражено в их наименованиях, не отличаются чем-либо от третьего условного (9). Точно так же не отличается от второго целевого деепричастия (14) особое целевое (13), имеющееся только в старописьменном языке. „Цитатное“ деепричастие (12), имеющееся только в том же языке, употребляется лишь от основ так называемых „речевых“ гла-

голов, например, *огулерун* 'сказал следующее...', *дзарли; болурун* 'соизволил сказать следующее...'

Уже одно сопоставление халхаских и ордосских глагольных форм показывает, что диалекты монгольского языка представляют известное многообразие. Не исключена возможность того, что последующее изучение всех внутреннемонгольских диалектов выявит наличие каких-либо и других глагольных форм, особенно деепричастных и повелительных. Следует, впрочем, отметить, что это многообразие падает на разные формы условного деепричастия, а также целевого, заменного и попутного, которые употребляются в речи не часто.

Наличие большого количества деепричастий и особый характер употребления причастий позволяют монгольским языкам вообще „обходиться“ без придаточно-подчиненных предложений, которые употребляются только в редких случаях.

Но самая важная отличительная черта в грамматическом строе монгольского языка заключается в том, что здесь мы не имеем так называемого личного спряжения, т. е. лично-предикативных частиц, наличие которых так характерно для бурятского и ойратского языков. Как известно, среди тюркских языков подобных лично-предикативных частиц не знают лишь некоторые уйгурские диалекты, которые, следовательно, вместе с собственно монгольским языком во всей семье алтайских языков представляют в этом отношении исключение. Так, например, на монгольском языке *гарна* значит 'выхожу', 'выходишь', 'выходит', 'выходим', 'выходите', 'выходят' — точное значение в отношении лица определяется в контексте речи по наличию местоименных подлежащих в данном или предыдущем предложении. Что же касается старописьменного монгольского языка, то здесь положение различно — в зависимости от периода в развитии этого языка: в ранних периодах личные местоимения, усеченные формы которых и являются лично-предикативными частицами, ставились в конце предложения, что часто дублировало постановку их в начале предложения (*чи оруба чи* 'ты вошел', дословно: 'ты вошел ты'); в более поздний период, под влиянием устной халхаской речи, постпозиционное употребление этих местоимений уже не наблюдается или наблюдается очень редко. В современной халхаской речи лично-предикативные частицы могут встретиться лишь в виде редких исключений.

Вторая исключительно интересная особенность в грамматическом строе монгольского языка заключается, как уже сказано, в усеченности конечного согласного **н**, разившегося из переднеязычного **н**, в случаях, когда соответствующее имя употребляется в именительном, винительном, совместном и орудном падежах (в старописьменном монгольском языке, если не сказывалось влияние устной халхаской речи, а также в бурятском и ойратском языках этот согласный выпадает в трех последних падежах), что, впрочем, не распространяется на лексические новообразования, например *гшигүн* 'член (организации)', но: *гишигү* ← *гешигүн* 'ветвь'.

Таковы в основном черты монгольского языка, если не иметь в виду то, что безусловно может быть дополнительно выявлено в ходе последующего исследования внутреннемонгольских диалектов. Разумеется, различия между халхаским диалектом, с одной стороны, и внутреннемонгольскими диалектами, с другой, носят не только фонетический и грамматический характер, но и лексический. Выявление же лексических особенностей должно, конечно, составить предмет особого исследования по мере того, как нами будет вестись систематическое изучение всех основных диалектов монгольского языка. Здесь же отметим только, что различия этого рода между монгольскими диалектами либо

отражают ранние диалектные же различия, либо являются результатом тех различных исторических, экономических и иных условий, в которых в течение нескольких последних столетий живут халхасцы и внутренние монголы. Естественно, конечно, что внутренние монголы, живущие в непосредственном соседстве с китайцами, имеют в своей речи несравнимо большее количество китаизмов, нежели халхасцы.

СОВРЕМЕННЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Монгольский язык в качестве национального начинает складываться в эпоху народной революции в процессе сложения монгольской нации нового типа, поскольку монголы, переходя от феодализма непосредственно к социализму, миновали мучительную стадию капиталистического развития, а вместе с тем и стадию консолидации буржуазной нации. Своеобразие постепенного складывания монгольского национального языка, между прочим, заключается в том, что территориальные рамки этого языка несколько шире территориальных рамок языка монгольской народности. Если язык монгольской народности был языком, который со своими диалектами обслуживал население Внутренней Монголии и Халхи (Внешней Монголии), то носителями современного монгольского национального языка являются не только внутренние и внешние монголы, но также ойраты в Западной Монголии и дархаты Хубсугульского аймака. Конечно, изложенное надо понимать лишь в том смысле, что тот постепенный процесс монголизации или халхаизации ойратов и дархатов, который начался еще раньше, до революции, значительно ускорился в эпоху национальной консолидации монголов.

Как уже было отмечено Б. Я. Владимирцовым¹, диалекты и говоры Западной Монголии делятся на две группы: халхаскую, представленную западнохалхаским, сартульским и некоторыми другими говорами, и ойратскую в составе дэрбетского, элэтского, захачинского, торгутского и урянхайского (не смешивать с тувинским языком!) диалектов, каждый из которых порой разбивается на ряд более мелких говоров. В промежуточную группу входят хотогойтский, баитский и другие говоры, которые представляют собой говоры, переходные от ойратского речевого потока к халхаскому. Устойчивость ойратских диалектов объясняется тем, что в силу различных исторических условий родоплеменное деление ойратов сохранялось почти вплоть до XX в.: отдельные ойратские роды продолжали кочевать, не смешиваясь друг с другом и сохраняя исконные отличия в речи, хотя и поддерживали между собой тесные связи. Но в силу исторических условий ойратские племена и роды Западной Монголии оторвались от основной ойратской же массы и оказались в орбите все усиливающегося влияния со стороны халхасцев, которое особенно усилилось в XIX в., в ходе постоянного общения ойратов с халхасцами.

В результате всего этого в речи ойратов стали постепенно проявляться элементы халхаского диалекта, что в конце концов привело к образованию переходных или промежуточных говоров на стыке халхаских и ойратских кочевий, где контакт ойратов с халхасцами был особенно интенсивным и где местами сложилось смешанное население, состоящее как из ойратов, так и халхасцев. Последнее было обуслов-

¹ См. Б. Я. Владимирцов. О двух смешанных языках Западной Монголии. «Яфетический сборник», вып. 2. Петроград, 1923, стр. 32—52.

лено также появлением в феодальной Монголии так называемых „дагачинов“, лиц, вышедших из пределов своего удела-хошуна и живущих вне его.

Для характеристики того, какие промежуточные диалекты и говоры образовались в Западной Монголии, приведем некоторые данные, рисующие состояние одного из таких говоров, а именно байтско-халхаского. В условиях феодального существования монголов эти говоры могли бы сохраняться очень долгое время. Байтско-халхаский говор, носителями которого являются ойраты-байты, в фонетическом отношении характеризуется наличием палатализованного *к'*, отсутствующего как в халхаском диалекте, так и в ойратских говорах. Этот согласный образовался в силу „сочетания“ халхаской и ойратской артикуляций: халхаский диалект имеет палатализованный проточный *х'*, получившийся из более раннего *к* в положении перед ранним же гласным *і*; например, *тах'а* ← *такіја* 'курица', *дах'ат* ← *дакіад* 'снова', букв.: 'повторивши'; в ойратских же говорах этот ранний *к* в данном положении дал непалатализованный *к*, т. е. сохранился; например *така* и *дак'ат*; в байтско-халхаском говоре мы и имеем соответственно *так'а* и *дак'ат*, в которых легко видеть халхаскую палатализацию и ойратскую смычную артикуляцию описываемого согласного *к*. В словах же заднего ряда находим здесь начальный *к* плюс *і* без палатализации последующих гласных. В это же время в ойратских говорах эта палатализация имеет место при сохранении данного согласного, а в халхаском отсутствует при наличии, во-первых, перелома гласного *і* и, во-вторых, перехода *к* в *х'*, например, ойрат. *кімдэ* ← *кімда* 'дешевый', халхаск. *х'амдэ*, байтско-халхаск. *кімдэ*. Далее, если в ойратских говорах ранний гласный *у* сохраняется в этом же виде, а в западнохалхаских — в виде *у* ~ *о*, то в байтско-халхаском находим *о*, например, ойратск. *дун* 'песня', 'голос', западнохалхаск. *дун* ~ *дон*, байтско-халхаск. *дон*.

В лексическом отношении байтско-халхаский говор пестрит смесью как халхаских элементов, так и ойратских, которые претерпевают ряд изменений, например:

Ойратский	Халхаский	Байтско-халхаский	Значение
<i>кіджім</i>	<i>голүм</i>	<i>голмо</i>	'чепрак'
<i>хурҗи</i>	<i>хурү</i>	<i>хурү</i>	'палец'
<i>нар</i>	<i>наёи</i>	<i>наш</i>	'сюда'
<i>асхң</i>	<i>үдёи</i>	<i>үдёш</i>	'вечер'
<i>хотҗ</i>	<i>дзүхэ</i>	<i>хотүң</i>	'печка'
<i>хур</i>	<i>боро</i>	<i>хур, боро</i>	'дождь'

То, что сказано относительно байтско-халхаского говора, может быть в общих чертах распространено и на другие промежуточные говоры, переходные от ойратских диалектов к халхаскому: одни из таких говоров находятся на начальной ступени халхаизации, другие — на завершающей, например хотогойтский. В определенных исторических условиях, когда еще не сложилась нация, процесс нивелировки диалектов и их полного исчезновения не может происходить из-за отсутствия надлежащей экономической и политической концентрации, такие промежуточные говоры и диалекты оказываются живучими и сохраняются на очень долгое время. В этих условиях прежние „чистые“ диалекты в той или иной степени сохраняются в составе разного рода переходных и смешанных диалектов; некоторые из них иногда ложатся в основу того или иного национального языка, как это случилось, например, с франкским диалектом. Так, Ф. Энгельс писал по поводу этого диалекта:

„Еще Я. Grimm был твердо убежден в том, что всякий немецкий диалект должен быть либо верхненемецким, либо нижненемецким. При этом у него совершенно исчез франкский диалект. Так как письменный франкский язык позднейшей каролингской эпохи был верхненемецким (ведь верхненемецкое передвижение согласных затронуло франкский юго-восток), то франкский язык, по взглядам Grimma, в одних местах растворился без остатка в древне-верхненемецком, а в других — во французском. При этом оставалось абсолютно необъяснимым, откуда же пошел нидерландский язык в старосалические области. Лишь после смерти Grimma франкский язык был снова открыт: салический язык в своем обновленном виде в качестве нидерландского, рипуарский язык — в средне- и нижнерейнских диалектах, которые отчасти сместились в различной степени в сторону верхненемецкого, а отчасти остались нижненемецкими, так что франкский язык представляет собою такой диалект, который является *как* верхненемецким, *так и* нижненемецким“¹.

Но в специфических условиях кочевой Монголии „обновление“ ойратских диалектов начало происходить в момент, близкий к периоду национальной консолидации, а поэтому смешанные ойратско-халхаские говоры не могли иметь шансов на длительное сохранение в качестве уже самостоятельных ответвлений общенародного языка. То, что сказано Ф. Энгельсом относительно средне- и нижнерейнских диалектов, применимо к другим монгольским диалектам, особенно во Внутренней Монголии, представляющим собой результат смешения прежних племенных монгольских диалектов раннего периода, следы которых очень прочно сохраняются в современных монгольских диалектах. Так, например, аларский, тункинский и окинский диалекты бурятского языка даже и теперь считают говорами одного хонгодорского диалекта, ибо они очень близки друг к другу.

За отсутствием точных данных о хотогойтском диалекте, самостоятельный характер которого именно как смешанного ойратско-халхаского диалекта отмечается Б. Я. Владимирцовым², мы вынуждены ограничиться здесь кратким обзором дархатского диалекта, который нами был изучен в 1927 г.

Процесс халхаизации дархатского диалекта зашел так далеко, что его можно было бы считать говором халхаского диалекта, если бы не наличие в нем некоторых резко выраженных ойратских черт, заключающихся в следующем:

- 1) отсутствие лабиализации гласных непервых слогов: *долāң* 'семь', *ōgāt* 'давши', халхаск. *доло* и *ōgōt*;
- 2) отсутствие аффрикаты *дж* и непалатализованного *джж*: *загās* 'рыба', халхаск. *дзагās*; *жīmēs* 'плоды', 'ягоды', халхаск. *джīmēs* (палатализованный дархатский *ж'* скорее является аффрикатой *чж*);
- 3) наличие лично-предикативных частиц: *медёбёб* 'я узнал', *медёбёчи* ты узнал';
- 4) наличие сращенной формы несовершенного вида: *сūжāнā* ← *сагуджу* *бајина* 'сидит'.

Есть и другие ойратские черты, а также такие, которых нет ни в ойратских, ни в монгольских диалектах и которые, возможно, появились в дархатском диалекте под влиянием соседних бурятских диалек-

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1950, стр. 171. Салический и рипуарский были говорами франкского диалекта, о чем, см. Ф. Энгельс. Франкский диалект. Партиздат, 1935.

² См. Б. Я. Владимирцов. О двух смешанных языках Западной Монголии. „Яфетический сборник“, вып. 2, стр. 35.

тов. Но учитывая все остальные черты, свойственные дархатскому диалекту, мы должны признать, что это — диалект халхаского типа, что особенно ярко характеризуется областью лексики.

Дархаты представляют собой небольшое территориальное объединение так называемых „шабинаров“, бывших крепостных ургинского монастыря, в составе которых преобладают представители ойратских родов (представителей других монгольских родов немного); живут дархаты издавна обособленно, но в тесном общении с халхасцами.

Процесс исчезновения местных диалектов и говоров в монгольском национальном языке усиливается в послереволюционные годы, чего нельзя еще сказать относительно диалектов Внутренней Монголии. Процесс утраты монгольскими диалектами и говорами Внутренней Монголии своей самобытности будет, конечно, весьма длительным и постепенным, поскольку их носители в течение уже нескольких столетий живут более обособленно от халхасцев. История вообще подтверждает живучесть диалектов национальных языков; среди последних пока редко можно найти такие, которые не имели бы своих местных диалектных ответвлений, что особенно проявляется в сельских местностях, где в условиях капитализма в той или иной степени сохраняются докапиталистические уклады со всеми вытекающими отсюда последствиями. В меру все более и более нарастающих потребностей в условиях общенационального общения и постепенного закрепления национального языка в литературе, как известно, исчезновение местных диалектов и утрата последними своей самобытности прежде всего проявляются в той области лексики, которая касается основных и ведущих отраслей общенационального производства, культуры, литературы, науки. Живучесть и устойчивость местных диалектов национальных языков сказываются, как показывает история этих языков, главным образом в некоторой части сельскохозяйственной лексики и особенно в фонетике.

Можно предполагать, что определенную живучесть диалекты монгольского национального языка проявят в отношении шипящих и свистящих согласных. Значение различия их в этих диалектах примерно такое же, как значение оканья и аканья для северных и южных говоров русского языка. Не исключена возможность, что в течение известного периода в Монгольской Народной Республике и Внутренней Монголии будут существовать отдельные литературные диалекты одного монгольского национального языка, как это имеет место сейчас среди некоторых языков народов Советского Союза (коми-зырянский и коми-пермяцкий; мокша-мордовский и эрзя-мордовский; лугово-марийский и горно-марийский).

Как известно, старомонгольская письменность даже в течение ряда столетий не смогла подготовить закрепления более или менее единообразных норм произношения на всей территории распространения общенародного языка. Писали более или менее единообразно, но приносили написанное всегда по фонетическим нормам местных диалектов. К тому же не следует забывать, что старописьменный монгольский язык имел таких сильных конкурентов, как тибетский и в меньшей степени маньчжурский языки, которые порой оттесняли его на задний план: первый — в сфере религии, средневековой науки, медицины и т. д., а второй — в официальном делопроизводстве.

Значение литературы и письменности вообще в развитии языка очень трудно переоценить. „Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, ещё более нуждавшейся в упорядо-

ченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — всё это внесло большие изменения в развитие языка¹, — пишет И. В. Сталин. О значении и роли литературы в формировании национального языка писал В. И. Ленин: „... для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе“².

Нетрудно видеть, что если нормы или особенности диалекта, легшего в основу национального языка, распространяются по всей национальной территории, вытесняя собой специфические черты прочих местных диалектов, то, конечно, они распространяются, во-первых, преимущественно через литературу, письменность, переписку, школы, театры и, в наше время, радиопередачи и, во-вторых, в литературно обработанной форме, а не в своем неизменном виде.

Об отношении литературного языка к народной диалектной речи прекрасно сказал М. Горький: „... язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами“³. М. Горький писал также, что „... наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого“⁴.

Излагая кратко особенности старописьменного монгольского языка, мы уже отметили, что этот язык по состоянию на последний период своего бытования являлся лишь письменной формой выявления современного общенародного монгольского языка.

Что же в этом старописьменном монгольском языке является архаичным, расходящимся с нормами современной устной народной речи, т. е. того, что монголы называют *хар хэл* букв.: ‘черный’, т. е. ‘простой (разговорный) язык’?

Архаичным является расхождение между формой написания и звуковой системой языка; между написанием, например, в виде *агула* ‘гора’, *ердүсегер* ‘продолжая поднимать’, *хамга* ‘где’, *өрүге* ‘утро’ и соответственно произношением этих же слов в виде *ул*, *оргобр*, *хана*, *огло* и т. д. Разумеется, при таком резком расхождении между письмом и речью трудно допустить, что старописьменный монгольский алфавит мог бы обеспечить потребности дальнейшего развития монгольского национального языка в сторону устранения разрыва между письмом и устной речью. Особенности старомонгольской графики таковы, что она совершенно не в состоянии передавать точно звуки современной монгольской речи.

Правда, одно время Б. Я. Владимирцову казалось, что современный монгольский литературный язык будет в дальнейшем развиваться на основе компромисса между старописьменным языком и халхаским диалектом. Б. Я. Владимирцов исходил при этом из того факта, что в Монгольской Народной Республике в начале 20-х годов нашего столетия старописьменный язык стал усиленно наполняться элементами

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27 (Разрядка наша. — Г. С.).

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 368 (Разрядка наша. — Г. С.).

³ М. Горький. О литературе, 1937, стр. 220.

⁴ Там же, стр. 146.

халхаского диалекта. С другой стороны, Б. Я. Владимирцовым было замечено, что во всех случаях, когда кому-либо приходилось читать какой-нибудь текст вслух, например, на заседании или собрании, произносить речь или делать доклад, заранее подготовленный в письменной форме, тексты читались несколько особым образом, не так, как они читались при других условиях. Объяснялось это тем, что тексты на старописьменном монгольском языке выступающие читали здесь применительно к нормам халхаского диалекта, делая известные замены письменных форм халхаскими, но в основе сохраняя первые. „Весьма возможно, — писал Б. Я. Владимирцов, — что в этом-то явлении и лежит зачаток будущего общемонгольского литературного языка, на котором будут не только писать, но и говорить“¹. Совершенно очевидно, что такое компромиссное решение важнейшей проблемы письма и речи не могло быть исторически оправданным, ибо все-таки при подобном решении оставался бы зияющий разрыв между письменным и устным выявлениями монгольского языка и чтение вслух искусственно подгонялось бы под нормы старописьменного языка, хотя несколько и халхаизированные. Мы уже не говорим о том, что несовершенство старомонгольской графики (один знак передает несколько разных фонем, одна фонема передается несколькими знаками!) никак не могло способствовать устранению разрыва между письмом и речью — нельзя же было всегда читать по догадке, опираясь на контекст!

Что же касается лексики и грамматики, то старописьменный монгольский язык в известной степени мог отражать особенности современной халхаской речи (см. выше сопоставительную таблицу глагольных форм халхаского и ордосского диалектов и старописьменного монгольского языка), если не считать того, что старописьменному языку были присущи формы некоторых вспомогательных глаголов (*a-* ‘быть’, *бү-* ‘наличествовать’), отсутствующих в устной халхаской речи и в совокупности образующих различные аналитические, а также архаические падежные и иные формы.

При таких условиях переход на новую письменность, отвечающую потребностям дальнейшего развития монгольского национального языка, исторически оказался неизбежным. Поэтому решением правительства Монгольской Народной Республики в 1941 г. было установлено, что в целях дальнейшего развития монгольского национального языка вместо старого алфавита, созданного в XII—XIII вв. на основе уйгурского письма, необходимо ввести новый, способный передавать все фонемы современной разговорной речи. Решением правительства Монгольской Народной Республики было определено, что в основу нового монгольского национального алфавита должен быть положен русский алфавит, как наиболее совершенный из всех современных алфавитов и способный наиболее точно передавать фонетическую систему современной монгольской речи, как алфавит литературного языка великого русского народа, языка самой передовой в мире социалистической культуры, изучение которого монгольские трудящиеся считают настоятельно необходимым. Этим же решением было отмечено, что введение нового монгольского национального алфавита на основе русской графики будет способствовать как дальнейшему развитию монгольского национального литературного языка на основе современного разговорного языка, так и лучшему усвоению русского литературного языка, этому важному

¹ Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. „Северная Монголия“, вып. II, Л., 1927, стр. 6.

условию дальнейшего укрепления братских связей с великим русским народом, со всеми народами великого Советского Союза.

Новый монгольский национальный алфавит содержит все знаки русского алфавита, дополнительно к которым были введены два знака — **ө** и **ү** — для передачи специфических монгольских гласных среднего ряда **о** и **у**; буквы **ж** и **з** обозначают халхаские аффрикаты **дж** и **дз**; буква **е** передает **jö** в словах заднего ряда и **je** в словах переднего ряда (для **j** особая буква не вводится), а также **е** — после согласного в словах, заимствованных из русского языка.

Примеры

Орфография	Транскрипция	Значение	Орфография	Транскрипция	Значение
<i>өндөр</i>	<i>öndör</i>	‘высокий’	<i>ес</i>	<i>jös</i>	‘девять’
<i>үнэн</i>	<i>үнэн</i>	‘правда’	<i>ерөнхий</i>	<i>jörönxi</i>	‘всеобщий’
<i>жаргал</i>	<i>джаргал</i>	‘наслаждение’	<i>ленинизм</i>	<i>ленинизм</i>	‘ленинизм’
<i>зун</i>	<i>дзун</i>	‘лето’	<i>өрөгье</i>	<i>örögjö</i>	‘поднимем’

Во всем остальном применение знаков нового монгольского алфавита почти не отличается от употребления их в русском алфавите, если не считать того, что удвоенные гласные буквы обозначают долгие гласные.

Примеры

Орфография	Транскрипция	Значение	Орфография	Транскрипция	Значение
<i>баатар</i>	<i>батар</i>	‘герой’	<i>яам</i>	<i>jām</i>	‘министерство’
<i>уул</i>	<i>үл</i>	‘гора’	<i>юум</i>	<i>jūm</i>	‘вещь’
<i>дээр</i>	<i>дёр</i>	‘выше’, ‘на’	<i>үеэл</i>	<i>үјел</i>	‘двоюродный брат’
<i>долоо</i>	<i>долō</i>	‘семь’	<i>оёд</i>	<i>ojōt</i>	‘сшив’
<i>өөр</i>	<i>ōр</i>	‘иной’	<i>хоюул</i>	<i>хојул</i>	‘вдвоем’
<i>үүд</i>	<i>үд</i>	‘дверь’	<i>хаяа</i>	<i>хaja</i>	‘горизонт’

Долгий **ī** в начале любого слова, после согласных в словах переднего ряда и после палатализованного согласного в словах заднего ряда (условно считается, что в словах переднего ряда нет подразделения на палатализованные и непалатализованные согласные) передается в виде **ий**, а в словах заднего ряда после непалатализованного согласного — в виде **ы**, который всегда обозначает в собственно монгольских словах этот долгий **ī**; например, *ийм* — *īm* ‘такой’, *дэмий* — *демī* ‘зря’, *эхийн* — *ехiн* ‘матери’ (род. п.), *харийн* — *хар'iн* ‘чужого’, *харын* — *харiн* ‘черного’.

Что же касается орфографических правил, то заслуживают быть отмеченными здесь следующие:

1) В непервых слогах из кратких гласных не пишутся **у** и **ү**, соответственно заменяемые знаками **а** и **э**; например, *унах*, а не *унух* ‘садиться на коня’, *үнэр*, а не *үнүр* ‘запах’.

2) Для регулирования написания кратких гласных в непервых слогах, где они крайне редуцированы и на слух являются очень неопре-

деленными или появляются факультативно, согласные условно подразделены на „вокализованные“ (**б, в, г, л, м, н, р**) и „невокализованные“ (остальные согласные). По правилам орфографии не допускается стечение двух „невокализованных“ согласных, кроме **ст, сч, хт, хч**, или двух „вокализованных“ согласных, в силу чего эти „вокализованные“ согласные должны сопровождаться слева или справа соответствующими гласными по закону сингармонизма. Это значит, что:

а) допустимо сочетание одной „вокализованной“ согласной с одной „невокализованной“ буквой, если первая слева „снабжена“ гласным знаком;

б) возможно сочетание трех согласных, если вторая из них оказывается „невокализованной“, первая снабжена гласной слева, а третья — справа.

Примеры:

<i>эвлэ</i>	{соедини!}	<i>боссноос</i>	{потому, что встал}
<i>эрс</i>	{решительно}	<i>боссон</i>	{вставший}
<i>урлал</i>	{мастерство}	<i>усанд</i>	{в воде}
<i>хамтрал</i>	{колхоз}	<i>уснаас</i>	{из воды}
<i>хамт</i>	{вместе}	<i>гэрэл</i>	{свет}
<i>бодот</i>	{вещественный}	<i>гэрлээр</i>	{светом}
<i>уст</i>	{водный}	<i>гарсан</i>	{вышедший}
<i>усч</i>	{водник}	<i>гарснаас</i>	{оттого, что вышел}

Примеры на правой стороне показывают, что лишние гласные, которые образуются в ходе словоизменения, не допускаются и поэтому отбрасываются. Согласный может быть снабжен гласным только с одной стороны: в слове *гэрэл* второй *э* оказался нужен не для *р*, а для *л*, а первый *э* одновременно „обеспечивает“ и *г* и *р* (ср. *гэр* ‘юрта’). Согласные же *г* и *н* могут быть снабжены гласными с обеих сторон, ибо в противном случае они соответственно окажутся глухим *г*, т. е. *к*, и заднеязычным *н*, например *унага* ‘жеребенок’, ср.: *унга* — *унга* ‘вонять’; *унга* — *унга* ‘пусть падает’. В виде исключения согласный *ж* в составе суффикса будущего причастия всегда снабжается гласным слева во избежание графических омонимов: *халах* ‘нагреваться’, но *халх* ‘халхасец’.

Слова, заимствованные из русского языка, в основном сохраняют русский же орфографический облик — отбрасываются лишь конечные *й* и *я* в сочетаниях *ий* и *ия*; например, *геологи* ‘геология’, *пролетари* ‘пролетарий’ и т. д.

Новый монгольский национальный алфавит, созданный на основе русской графики, уже вполне себя оправдал на практике и безусловно обеспечивает такую передачу звуков монгольской речи, при которой дальнейшее развитие монгольского национального языка будет протекать без какого бы то ни было разрыва между письмом и речью, без каких бы то ни было препятствий для единообразия в письменном и устном выявлении этого языка на основе халхаского диалекта.

Монгольский национальный язык в своем новом литературном облике совсем не отбрасывает всего того, что было достигнуто в эпоху существования старописьменного монгольского языка. Наоборот, современный монгольский национальный язык является естественным преемником старописьменного монгольского языка, вбирающим в себя все то положительное, что веками накоплено монгольским народом в формах этого старого языка, а также и во всех современных монгольских диалектах, как в халхаском, так и во внутреннемонгольских. Новое оформление и дальнейшее развитие монгольского национального лите-

ратурного языка на основе халхаского диалекта вовсе не означает того, что этот язык должен отныне опускаться до уровня местного диалекта и отказаться от всего достигнутого в своей старой письменной оболочке и всего того, что было веками отобрано из народной диалектной речи и обработано мастерами слова, — отобрано, обработано и накоплено в старописьменном монгольском языке, постепенно и веками вбиравшем в себя (пусть в далеко не совершенной письменной оболочке!) лучшие элементы живой монгольской речи, особенно в области лексики и стиля. Переход на новую письменность и халхаскую диалектную основу для монгольского национального литературного языка означает только, что ликвидируется вековой разрыв между письмом и речью, что отныне монгольский литературный язык становится доступным и понятным для всех членов монгольской нации, что отныне устраняются всякие препятствия для дальнейшего развития этого языка на основе живой народной речи, те препятствия, которые вытекали из несовершенства старой письменности. Этот переход вовсе не представляет собой какой-то революции в самом монгольском национальном языке, хотя мероприятия, связанные с этим переходом, несомненно, являются актом величайшего революционного значения. Что в данном случае действительно не произошло никакой внезапной языковой революции, видно и из того факта, что нередко написанное на старописьменном монгольском языке (естественно, старшее поколение людей не сразу овладевает техникой быстрого письма на новом алфавите) затем механически переписывается знаками нового алфавита. Такое же явление мы наблюдали около десяти-пятнадцати лет тому назад в Бурят-Монгольской АССР.

В современном монгольском национальном языке имеются такие элементы старописьменного монгольского языка, как союзы *бөгөөд*, *хийгээд*, *ба* 'и', 'да', „цитатная“ форма из причастия плюс частица *нь* (*хэлсэн нь* 'сказал следующее...') и другие, которых нет в халхаском диалекте и без которых трудно себе представить современную литературную речь на монгольском языке. О лексической стороне дела мы и не говорим. Дело заключается только в том, что из практики современного монгольского национального языка устраняются все те лексические и грамматические архаизмы старописьменного монгольского языка многовековой давности, которые противоречат нормам современной монгольской речи и без которых последняя обходится вполне свободно и легко.

Что же касается местных диалектов, то, конечно, их лучшие элементы используются в национальном монгольском литературном языке, ибо если одни языки в ходе длительного скрещивания с другими языками могут обогащаться за счет даже побежденных языков и вообще иноязычных заимствований, о чем говорит И. В. Сталин¹, то тем более какой-либо язык не может не обогащаться за счет своих собственных диалектов. Вопрос заключается только в том, что из этих местных диалектов в национальный литературный язык отбираются лишь необходимые и наиболее точные, яркие слова и веские выражения, что выражения и слова из местных диалектов используются в этом языке не в своей первоначальной диалектной форме, а в форме, обработанной по общим нормам данного национального литературного языка. С другой стороны, не следует думать, что для монгольского национального литературного языка может понадобиться решительно все имеющееся и появляющееся в халхаском диалекте: необходимый отбор и соответствующий отсев нужны будут и здесь. Иными словами, диалект, легший в основу образования национального языка, не может быть

¹ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

предметом чрезмерной идеализации. Более того, местные элементы основного диалекта входят в национальный язык в литературно обработанной форме так же, как элементы и других диалектов. Так было на протяжении нескольких столетий в истории старописьменного монгольского языка. В разные периоды этой истории то в большей, то в меньшей степени вносился сильный вклад в старомонгольский язык от каждого из диалектов монгольского языка с переменным перевесом то в сторону преобладания внутреннемонгольского диалекта, то в сторону халхаского. Доминирующее положение халхаского диалекта в развитии старописьменного монгольского языка стало особенно заметным в XIX в., а решающим — в годы народной революции в Монгольской Народной Республике.

Монгольский национальный язык развивается и всемерно обогащается не только на основе многовекового наследства старописьменного монгольского языка и всех своих диалектов, обслуживающих широкие народные массы на определенных частях общенациональной территории, при доминирующей роли основного, халхаского диалекта. Он обогащается также благодаря заимствованиям из языков своих великих соседей — русского и китайского народов, с которыми монгольский народ связан узами вековой братской дружбы. В образовании современной монгольской терминологии особенно велико значение заимствований из русского языка, языка самой передовой в мире культуры, языка великого русского народа, бескорыстной и братской поддержке которого монгольский народ обязан своей свободой, своей независимостью.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Так как в известной работе Б. Я. Владимирцова „Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика“ (Ленинград, 1929) дается достаточно подробный обзор исторического развития фонетической структуры монгольских языков и диалектов, ниже мы представляем вниманию читателя лишь общий очерк фонетического облика этих языков и диалектов. Мы особо выделили лишь вопросы, связанные с переломом гласного *i* в монгольских языках, ввиду их особой важности для монгольского языкознания по обстоятельствам, которые станут очевидны в ходе дальнейшего изложения.

Глава I

ГЛАСНЫЕ

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ

Монгольские языки и диалекты имеют следующие гласные полного образования заднего, среднего и переднего рядов.

а — гласный заднего ряда, нелабиализованный, широкий; при артикуляции язык более отодвинут назад, нежели при произнесении русского **а**, а губы имеют щелинное отверстие; имеется во всех монгольских языках и диалектах.

ä — гласный среднего ряда, нелабиализованный, полуширокий; этот гласный также имеется почти во всех монгольских языках и диалектах и встречается лишь в положении перед или после переднего **i**. Поэтому он не представляет собой самостоятельной фонемы, а является лишь комбинаторным вариантом предыдущего **а**; часто **i** ассимилируется с **ä**.

ǟ — гласный переднего ряда, имеющийся в большинстве ойратских диалектов, в которых он является самостоятельной фонемой, появившейся в результате развития **ä**.

о — гласный заднего ряда, лабиализованный или иногда полулабиализованный, полуширокий; при артикуляции губы участвуют вяло, хотя и образуют слегка округленное отверстие; наличествует во всех монгольских языках и диалектах, но в ойратских диалектах встречается только в первом слоге.

ö — гласный среднего ряда, полулабиализованный, полуширокий; имеется во всех монгольских языках и диалектах, кроме ойратских; в бурятском языке, кроме некоторых говоров, этот гласный в качестве

самостоятельной фонемы уже не фигурирует, оказавшись вариантом фонемы **ү**.

ö — гласный переднего ряда, полулабиализованный или, чаще, нелабиализованный; имеется только в ойратском языке и отдельных говорах других монгольских языков. В прочих говорах монгольских языков этой фонеме соответствует **ó**.

у — гласный заднего ряда, лабиализованный, полуузкий; имеется во всех монгольских языках и диалектах.

ү — гласный среднего ряда, также лабиализованный и полуузкий; имеется во всех монгольских языках и диалектах, кроме ойратских.

ü — гласный переднего ряда, более лабиализованный, узкий; имеется в ойратском языке и некоторых отдельных говорах других монгольских языков, в остальных диалектах этой фонеме соответствует **ү**.

е — нелабиализованная, полуузкая гласная фонема, наличная во всех монгольских языках и диалектах, в которых она реализуется самым различным образом: 1) в дагурском языке и бурятских диалектах — это звук преимущественно среднего ряда, но под влиянием главным образом соседнего **і** становящийся гласным более переднего ряда и часто приближающийся к узкому **і**, что в транскрипции обозначается знаком **ë**; 2) в халхаском и ойратских диалектах — это гласный переднего ряда, комбинаторно становящийся (в халхаских говорах) узким. Таким образом, эта фонема сильно подвержена различным комбинаторным изменениям, что в монголоведной лингвистической литературе отмечается знаками **ë** (лабиализованный, наличный в дагурском языке), **е** (нелабиализованный, наличный в дагурском языке и бурятских диалектах, акустически близкий к русскому безударному **ы**); **э, е, ё, ё**.

і — гласный переднего ряда, узкий, нелабиализованный; имеется во всех монгольских языках и диалектах; никогда не встречается после согласных **с, ц, т, д, дз, з** в незаимствованных словах, что будет объяснено ниже в связи с шипящими согласными. Но иногда в отдельных говорах, бурятских диалектов встречаются **с'і ~ т'і ← хі, д'і ← де** и т. д.

Кроме этих, так сказать, основных кратких гласных, в разных монгольских языках существуют некоторые другие, представляющие собой варианты или различные реализации этих основных гласных. Так, например, в дагурском языке имеется гласный, средний между **ö** и **ү**, обозначаемый в транскрипции знаком **ȫ**. В байтском говоре имеется звук **ȫ** — средний между **а** и **о**, вариант **а** под влиянием губных согласных. Во многих диалектах Внутренней Монголии очень распространен гласный **ȫ** — средний между **о** и **у**. Однако все эти варианты акустически уловимы весьма слабо и в фонологическом отношении не имеют значения, а поэтому более подробное рассмотрение их не представляет особого интереса.

В монгольском языке XIII—XIV вв., поскольку мы о нем можем судить по данным „Сокровенного сказания“ и орфографии старописьменного, классического, языка, имелись следующие гласные: **а, е, о, у, ö, ү, і**. Кроме того, в некоторых монгольских диалектах XIII—XIV вв., судя по данным квадратной письменности, имелся гласный **ё** — вариант **е** под влиянием соседнего **і** (чаще последующего слога).

Таблица на стр. 74 показывает размещение перечисленных выше гласных полного образования по основным монгольским языкам.

В скобках показаны гласные, не являющиеся самостоятельными фонемами, т. е. комбинаторные варианты основных фонем, представленные в таблице неполностью.

Перечисленные гласные полного образования встречаются преимущественно лишь в первом слоге. Что же касается гласных непервых

Монгольский (халхаский диалект)	Бурятский	Ойратский	Классический
а (á)	а (á)	а (á, ä)	а
е (ë)	е (е, ё, ё)	е	е
о	о	о	о
ó	ó	õ	õ
у	у	у	у
ү	ү (ү)	ү	ү
і	і	і	і

слов, то их принято называть гласными неполного образования, так как они артикулируются очень кратко, что крайне затрудняет их точное определение. Эти гласные неполного образования, представляющие собой варианты (различной степени краткости и редукции) перечисленных выше гласных полного образования, к тому же подвержены различным комбинаторным изменениям, что также осложняет их хотя бы приблизительное определение. Кроме того, в ойратских и халхаских говорах гласные непервых слогов в большинстве случаев вообще исчезли, в результате чего многосложные слова превратились в односложные (халхаск. *мод* ← *модон* ← *модун* 'дерево'; в ойратских диалектах в некоторых случаях многосложные слова сохранились вследствие того, что после выпадения гласных неполного образования согласные **р, л, н** оказались слогаобразующими: *модн* 'дерево'). В бурятских и особенно в некоторых южномонгольских диалектах гласные непервых слогов артикулируются более или менее отчетливо, благодаря чему часто имеет место регрессивная ассимиляция (например, в ордосском диалекте *муду* ← *модун* 'дерево', ср. халхаск. *мод*, бур. *модõн*, ойратск. *модн*; в говорах восточнобурятских и южномонгольских диалектов подобной регрессивной ассимиляции особенно часто подвергаются гласные первого слога в положении перед долгими гласными: *урүлät* ← *орүлät* 'введя', ср. халхаск. *орулат*). Тем не менее, в монголоведной диалектологической литературе принято приближенно отмечать гласные неполного образования знаками **ä, ä, ä, ö, õ, õ, і, ё, у, ү, ү**. Эта транскрипция в общем правильно отражает действительное положение вещей. В некоторых диалектологических записях вместо этих строчных знаков употребляются надстрочные знаки, например, *ax^u* вместо *axä* 'старший'. Эти надстрочные знаки служат для обозначения крайней степени краткости и редукции, когда артикуляция звуков акустически почти неуловима. Иногда вместо только что приведенных знаков употребляются те же знаки в перевернутом виде, например, *ax^v* вместо *axä* или *ax^u*. Кое-когда пытаются отмечать тройную степень краткости: **ä, v, a**; разумеется, такая детализация в транскрипции крайне произвольна и субъективна и объясняется излишней скрупулезностью того или иного диалектолога.

Состав гласных неполного образования какого-либо слова зависит почти во всех случаях от состава гласных полного образования, т. е. характер гласных первого слога влияет на состав гласных непервых слогов: *axä* 'старший', *олдõн* 'много', *гутäl* или *гутүл* 'сапоги', *ехë* 'мать', *ондõр* 'высоко' и т. д. Это в меньшей степени относится к классическому языку, который в непервых слогах не имел **о** (были **а** или **у**) и **õ** (были **е** или **ү**): *ондүр* 'высоко', *олан* 'много', *ебул* 'зима' = халхаск. *обол*, ойратск. *үвүл*.

Приведенная выше таблица размещения гласных полного образования в бурятском, монгольском, ойратском и классическом (старописьменном) языках вместе с тем показывает схождения и расхождения между этими языками. Эта таблица как будто бы показывает, что между названными монгольскими языками в отношении гласных совершенно нет расхождений, если не считать различных вариантов некоторых из этих гласных. Однако в действительности эти расхождения все же имеются даже между диалектами одного и того же языка. Так, если в таблице как будто бы показано, что, например, халхаскому гласному **у** в прочих монгольских языках соответствует тот же гласный **у**, то на самом деле это справедливо не во всех случаях (примерно в девяноста случаях из ста). Этому халхаскому **у** в ряде случаев некоторые монгольские языки противопоставляют другие гласные, чаще всего **о** или, иногда, **і**: халхаск. *дзургаң* 'шесть' = восточнобур. *зургаң*, западнобур. *жоргоң*, севернобур. *јоргоң*, монгол. *джіргөн*, ордос. *джурга*, ойратск. *зургаң*, дагур. *дiргo[ң]* ~ *джiргo[ң]*; халхаск. *гутал* ~ *гутыл* 'сапоги' = бур. *годдһоң*, монгол. *гудусэ*, ойратск. *госң*. Равным образом халхаскому **о** в каком-либо другом монгольском языке может иногда соответствовать, наоборот, **у**: халхаск. *голмтд* 'очаг' = бур. *гулмтә* = ойратск. *голмтә* ~ *гулмтә*.

Причины этих расхождений двоякого рода: во-первых, в них сказывается прежнее, исконное, расхождение между древними монгольскими диалектами, на основе концентрации которых сложились современные монгольские языки; сказанное относится к словам дву- и трехсложным. Например: халхаск. *гутал* 'сапоги' = бур. *годдһоң*, ойратск. *госң*, классич. *гутул* ~ *готусун* (*гутусун?*), — в этом слове второй и третий слоги по языкам вообще различны.

В некоторых отдельных случаях (в словах типа халхаск. *голмтд* 'очаг') эти расхождения не исконные, а более поздние, — они могут быть, например, следствием лабиализующего влияния соседних губных согласных и т. п.

В свете излагаемого является весьма любопытным то, что в некоторых бурятских диалектах (цонгольском и др.) вместо гласного **у** других монгольских языков и диалектов наличествует **о**. Это соответствие отмечается в тех словах, которые некогда и в первом и во втором слогах имели **у**: цонг. *осд* 'вода' = халхаск. *ус* ← *усун*; цонг. *нотдг* 'кочевье' = халхаск. *нутдг* ~ *нутдг* ← *нутуг* ~ *нитуг*; цонг. *ондхд* 'садиться на коня' = халхаск. *ундхд* ← *унуху*.

Во-вторых, эти расхождения являются следствием различной эволюции гласного **і**, который, с одной стороны, подвергся различной ассимиляции, с другой — сам подвергал различной ассимиляции прочие гласные и сильно влиял и на эволюцию согласных, о чем будет сказано в разделе об этих звуках. Благодаря этой эволюции гласного **і**, особенно в ойратских диалектах, многие слова из заднего ряда попали в передний: ойратск. *мөрң* 'лошадь' соответствует, например, бур. *мор'иң*, ойратск. *хәрү* 'ответ' = бур. *хар'у* (← *харизу*) и т. п. Поэтому во всех тех случаях, когда ойратские гласные переднего ряда соответствуют гласным заднего ряда других монгольских языков, следует считать, что эти гласные некогда были задними. Сказанное означает, что в ойратских диалектах эволюция гласного **і** вызвала переход большого количества слов заднего ряда в передний ряд, — это и относится к словам типа *хәрү* 'ответ' = халхаск. *хар'у* ← *харизу*. Как видно из этого, расхождения последнего типа являются не исконными, а более поздними.

Дело в том, что ранний **і** подвергся перелому в разных условиях. В одних диалектах этот гласный изменился, например, еще до образования долгих гласных, в других — после их образования, в третьих —

остался без изменения, а в ойратских диалектах иногда пережил довольно сложную эволюцию (в данном случае мы говорим об одних и тех же словах): халхаск. *б'арү*, западнобур. *бурү*, ордос. *бирү*, ойратск. *бүрү* ← *бiрагу* 'теленки двух лет'. В двух первых случаях эволюция представляется в следующем виде: халхаск. *б'арү* ← *б'арагу* ← *бiрагу*; бур. *бурү* ← *бирү* ← *бiрагу*, если в данном случае отсутствие палатализации начального **б** не является отражением того, что **у** ← **ī**, а не ← **i** (см. ниже — о палатализации согласных вообще). В ойратских же диалектах имеем более сложную эволюцию: *бiрагу* → *бiрiгү* (под влиянием переднего **i**, в порядке прогрессивной ассимиляции, задние гласные второго и третьего слогов перешли в передний же ряд), далее получается *бирү* (т. е. *ägү* → *ү*) → *бүрү* (регрессивная ассимиляция). Иначе говоря, в последнем случае эволюция исследуемого слова началась прогрессивной ассимиляцией и закончилась регрессивной, между которыми произошло стяжение слогов, имевшее свои этапы (*ägү* → *ähү* → *äү* → *öү* → *үү* → *ү*), которые проходили довольно быстро.

С другой стороны, в одном и том же диалекте разные слова прошли через изложенное выше развитие по-разному: халхаск. *джорö* ← *джiрүга* 'иноходец', но *дзурiа* ← *джiрүган* 'шесть' (в первом случае **i** перешел в другой гласный после образования долгого гласного в следующем слоге, а во втором — раньше, повлияв на характер образования долгого гласного, на этот раз другого, ибо после **у** не может следовать **ö**, как это мы видим в первом случае, см. ниже о долгих гласных и аффрикатах **дж** и **дз**). Аналогичные явления очень часты и в других монгольских языках и диалектах, в результате чего получается крайне пестрая картина с перекрещивающимися линиями развития одних и тех же фонем и слов.

Тем не менее, несмотря на наличие ряда расхождений, представленная выше схема в общем верно передает картину значительного схождения между монгольскими языками, поскольку это касается недолгих или нормальных гласных полного образования и, как увидим ниже, долгих гласных, если не считать того, что в ойратских диалектах некоторые гласные более продвинуты вперед, нежели в прочих монгольских языках. Что касается обозначения задних гласных классического языка в виде передних, а не средних, то это известная условность: мы знаем, что задние гласные противопоставлялись задним, но не знаем, были ли они гласными переднего или среднего ряда.

Особо следует сказать несколько слов относительно слияния фонем **ö** и **ү** в восточнобурятских диалектах в одну фонему **ү**: *үдүр* 'день', *үндүр* 'высоко' = *öдөр* и *öндөр* прочих бурятских и других монгольских диалектов. Аналогичное явление наблюдается в ряде восточномонгольских диалектов в результате передвижения прежних передних гласных **ö** и **ү** в средний ряд — в **ö** и **ү**; зарегистрировано это явление и в языке квадратной письменности (один из восточномонгольских диалектов). В дагурском языке и (спорадически) в некоторых диалектах и говорах Восточной Монголии гласные **o** и **u** также совпали в одной фонеме **woa** (в начале слова) ~ **oa** (в середине слова): *woap* 'входить' = халхаск. *орö*; *woanä* 'упасть' = халхаск. *унä*; *доатар* 'внутри' = халхаск. *дотөр*; *доанд* 'посреди' = халхаск. *дундä* ~ *думдä*.

Что касается гласных (и вообще всего фонетического состава) в могольском и монгорском языках, то их уже трудно сопоставлять с гласными прочих монгольских языков, так как первый из них подвергся сильному влиянию иранских языков (прежде всего — таджикского, о чем говорит **o** ← **a**, и языка пушту), а второй — еще большему влиянию китайского языка и северотибетских диалектов.

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ И ДИФТОНГИ

Говоря о долгих гласных, которые являются самостоятельными фонемами, отличными от кратких (халхаск. *ула* ' подошва', *ула* ' гора', *ула* ' подвода'; *ем* ' лекарство', *эм* ' плечо'; *хар'иң* ' возвращаясь', *хар'иң* род. пад. от *хар'и* ' чужой'; *бол* ' будь', *бол* ' раб' и т. п.), следует рассматривать раздельно долгие гласные первого слога и долгие гласные непервых слогов. Необходимо учесть, что, во-первых, долгие гласные первого слога образовались иначе, нежели долгие непервых слогов, а во-вторых, если все монгольские языки и диалекты в основном более или менее сходятся между собою в отношении долгих гласных первого слога, то они резко расходятся в отношении таких же гласных непервых слогов.

Как известно, в монгольских языках долгие гласные в подавляющем большинстве случаев являются результатом исчезновения интервокального проточного согласного, чаще всего **г, ɣ, ʝ** и, реже, **w**, а также следствием „удлинения“ нормального гласного (преимущественно в положении после **г, ɣ**, особенно в составе разного рода суффиксов и окончаний):

халхаск. *улаң*, ойратск. *улан* ← *ула'ан* ← *улаһан* ← *улаған* 'красный', ср. классич. *улаған*;

халхаск. *ула*, ойратск. *ул*. ← *а'ула* ← *аһула* ← *ағула* 'гора', ср. классич. *ағула*, даг. *аула*;

халхаск., ойратск. *сү* ← *са'у* ← *саһу* ← *сағу* 'сиди', ср. классич. *сағу*, могольск. *сөү*, но даг. *сө*;

халхаск. *дөл* ← *де'ел* ← *деһел* ← *дегел* ~ *дешел* 'шуба', ср. классич. *дегел* ~ *дебел*, ойратск. *дешл*, бур. *дегёл*;

халхаск. *дү* ← *де'у* ← *деһу* ← *деғу* 'младший', ср. классич. *деғу*, могольск. *дөүн*, даг. *деү*;

ойратск. *сү* ← *су'у* ← *суһу* ← *суғу* 'подмышки', ср. классич. *суғу*, халхаск. *суга*;

халхаск. *хёр* ← *хе'ер* ← *хеһер* ← *хегер* ~ *хежер* 'гнедой', ср. классич. *кегер*, бур. *хејёр*;

халхаск. *баёгад* ← *бајігад* 'бывший', ср. классич. *бајігад*, ойратск. *багад*;

халхаск. *цагаң* ← *цаған* 'белый'.

Уже этих примеров достаточно для того, чтобы заметить, что в результате неравномерного развития монгольских языков и диалектов некоторые из них сохраняют до сих пор отдельные слова в формах (бур. *дегёл*, ойратск. *дешл* 'шуба' и т. д.), оставленных другими не позднее XII—XIII вв., или в формах (даг. *аула* 'гора', могольск. *дөүн* 'младший'), характерных для большинства монгольских диалектов XIII—XIV—XV вв. Кроме того, эти же примеры показывают общий путь образования долгих гласных в монгольских языках и этапы этого пути:

I — интервокальные проточные согласные **г, ɣ, ʝ, w** около XII—XIII вв. превращаются в проточный же **h** (**h** — хиатус), который во многих диалектах сохраняется в течение всего XIII—XIV вв., о чем говорят данные языка квадратной письменности. Что указанные проточные согласные еще имелись около XII—XIII вв., говорит нам фонетический облик классического (старописьменного) языка;

II — около XIII—XIV вв. интервокальный **h** исчезает, в результате чего образуется двослог — гласный плюс гласный (едва ли дифтонг); об этом говорят данные китайской и среднеазиатской филологии о монгольских диалектах и востока и запада; данный этап еще полностью не пройден могольским и дагурским языками;

III—около XIV—XV вв. двоеслоги—гласный плюс гласный— в течение очень короткого времени стянулись в один слог. Особенно быстро подверглись этому процессу двоеслоги, состоящие из одинаковых гласных (например, $a+a$, $i+i$, $e+e$), которые дали долгие гласные современного типа ($\bar{a}$, $\bar{i}$, $\bar{e}$). Двоеслоги, состоящие из разных гласных (например, $o+a$, $a+y$, $e+\bar{y}$), удерживаются в течение более длительного времени, постепенно развываясь в соответствующие дифтонги, как это в разной степени можно видеть и теперь в могольском и дагурском языках. Эти дифтонги, составные части которых подвергались иногда регрессивной ($o+a \rightarrow a+a$ — в ойратских и прочих диалектах; $a+y \rightarrow y+y$, $e+\bar{y} \rightarrow \bar{y}+\bar{y}$ — во всех монгольских диалектах) или прогрессивной ($o+a \rightarrow o+o$ — в халхаских, бурятских и прочих восточных диалектах) ассимиляции, затем уже быстро превратились в долгие гласные современного типа ($\bar{a}\bar{o}$, $\bar{y}$, $\bar{y}/\bar{y}$).

Схематически изложенный процесс образования долгих гласных в монгольских языках в общем и целом можно изобразить в следующем виде:

$aga \rightarrow aha \rightarrow a\bar{h}a \rightarrow a'a \rightarrow \bar{a}$;
 $agy \rightarrow ahy \rightarrow a\bar{h}y \rightarrow a'y \rightarrow y'y \rightarrow \bar{y}$.

Сказанное относительно комплекса aga в равной мере относится к комплексам ege , ygy , $\bar{y}r\bar{y}$, т. е. к комплексам с одинаковыми гласными в обоих слогах; сказанное же насчет комплекса agy относится в равной мере к другим комплексам с разными гласными в обоих слогах.

Как можно заключить по данным могольского и старописьменного ойратского языков, переход от комплекса $a'y \rightarrow y'y$ не всегда протекал непосредственно, ибо надо предположить еще промежуточную между ними ступень в виде $o'y$; то же самое следует сказать относительно $e'\bar{y} \rightarrow \bar{o}'\bar{y} \rightarrow \bar{y}'\bar{y} \rightarrow \bar{y}$.

Заметим, что во всех примерах, которые нами будут приводиться ниже, промежуточные ступени будут опускаться, например $ул \leftarrow a\bar{y}ула$ 'гора' вместо $\bar{y}л \leftarrow y'ула \leftarrow o'ула \leftarrow a'ула \leftarrow a\bar{h}ула \leftarrow a\bar{h}ула \leftarrow a\bar{y}ула$.

Повторяем, описанный нами процесс протекал далеко не равномерно и не одновременно во всех монгольских языках и диалектах. Неравномерность этого процесса сказывалась не только в том, что он в одних монгольских диалектах протекал медленнее и позднее, нежели в других, и что одни двоеслоги (например, $a+y$) стягивались в один слог также медленнее и позднее других (например, $a+a$), но и в том, что в одном и том же диалекте перечисленные выше интервокальные согласные выпадали неодинаково, сохраняясь в одних словах и выпадая в других (ср. бур. $xur\bar{a}id\bar{a}\bar{h}$ ← $xuru\bar{y}un$ 'палец', но: $dub\bar{u}\bar{h}$ ← $dobu\bar{y}un$ 'холм'). Благодаря этому одно и то же слово в разных монгольских языках и диалектах очень часто имеет различную огласовку ($xuru\bar{y}un$ 'палец' → бур. $xur\bar{a}id\bar{a}\bar{h}$, халхаск. $xur\bar{u}$, ойратск. $xur\bar{u}\bar{h}$; $\bar{o}ber-\bar{y}un$ 'свой' → ойратск. $e\bar{w}\bar{r}\bar{a}\bar{n}$, халхаск., бур. $\bar{o}r\bar{i}\bar{h}$; $cy\bar{u}$ 'подмышки' → ойратск. $c\bar{y}$, бур. $hug\bar{a}$, халхаск. $cug\bar{a}$ и т. д.).

Разумеется, учесть и систематизировать проявления изложенной неравномерности очень трудно. Заметим, что весь процесс образования долгих гласных в монгольских языках акад. Б. Я. Владимирцов неудачно пытался связывать с процессом перехода монголов от охотничьего уклада к кочевому скотоводству¹.

¹ См. Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика..., стр. 241.

Монгольские языки и диалекты знают следующие долгие гласные первого слога:

$\bar{a} \leftarrow a + C[\text{огласный}] + a$;

$\bar{o} \leftarrow o + C + a \sim y$;

$\bar{e} \leftarrow e + C + e$;

$\bar{y} \leftarrow a + C + y$ или $y + C + y$;

$\bar{i} \leftarrow i + C + i$ или $e + C + i$.

Последний долгий гласный в положении после непалатализованного согласного является фонемой среднего ряда, акустически напоминающей русский **ы** ударного слога в словах типа *дýрка*. В начале слова или после палатализованных согласных этот гласный является фонемой переднего ряда, напоминающей ударный русский **и** в словах типа *хíлый*.

Все приведенные долгие гласные имеются почти во всех монгольских языках и диалектах, тогда как нижеследующие имеются не во всех:

$\bar{a} \leftarrow aji$, гласный переднего ряда, нелабиализованный открытый; имеется в ойратских диалектах, а в прочих монгольских диалектах — в непервых слогах (в первом слоге ойратскому $\bar{a}$ соответствует дифтонг *аё*; о дифтонгах вообще см. ниже);

$\bar{o}$ (иногда комбинаторно $\bar{\omega}$) $\leftarrow \bar{o} + C + e$ или иногда $\bar{o} + C + \bar{y}$;

$\bar{y} \leftarrow e + C + \bar{y}$ или $\bar{y} + C + \bar{y}$; как и предыдущий $\bar{o}$, имеется во всех монгольских языках и диалектах, кроме ойратских, в которых соответственно находим $\bar{ö}$ и $\bar{ü}$, т. е. те же фонемы, но значительно продвинутые вперед.

Примеры: ойратск. *батр* 'герой' = халхаск., бур. *батар* $\leftarrow$ *багатур*, все монг. яз. *то* 'число' $\leftarrow$ *тога*; ойратск. *тöсн* 'пыль' = бур. *тоһоң*, халхаск. *тöс* $\leftarrow$ *тогусун*; ойратск., халхаск. *дёр* 'верх' = бур. *дёрё* $\leftarrow$ *дегере*; ойратск., халхаск. *ул* 'гора' = бур. *ула* $\leftarrow$ *агула*; ойратск., халхаск. *бур* 'верблюд' = бур. *бүрә* $\leftarrow$ *бугура*; ойратск., халхаск. *чиг* 'сырой' = бур. *шиг* $\leftarrow$ *чигг*; ойратск., халхаск. *дiл* 'одолеть' = бур. *дiл* $\leftarrow$ *дејил*; ойратск., халхаск. *im* 'такой' = бур. *имё* $\leftarrow$ *ејимү*; халхаск. *тиш* 'туда' и 'к' = бур. *тiшi* 'туда' $\leftarrow$ *тејишi* $\rightarrow$ *тёшi* 'к'; ойратск. *амак* 'поколение', 'род' = халхаск., бур. *аёмак* $\leftarrow$ *ајимаг*; халхаск., бур. *бö* 'шаман' = ойратск. *бö* $\leftarrow$ *бöге*; халхаск. *цöдöң* 'мало' = бур. *сöхöң*, ойратск. *цöкн* $\leftarrow$ *чöгүкен*; халхаск. *ул* 'туча' = бур. *үлён*, ойратск. *үлн* $\leftarrow$ *еүлен*; халхаск., бур. *дур* 'наполниться' = ойратск. *дур* $\leftarrow$ *дүгүр*.

Кроме того, в ойратских диалектах долгий гласный $\bar{y}$ образовался из сочетания *игу*, а в положении после *i* — из *агу*: *хәрү* $\leftarrow$ *харигу* 'ответ' (халхаск. *харү*); *кiрү* $\leftarrow$ *кiрагу* 'иной' (халхаск. *х'iрү* $\sim$ *х'арү*, бур. *хiрү* $\sim$ *х'урү*); *бүрү* $\leftarrow$ *бiрагу* 'теленка' (халхаск. *б'арү*, бур. *бурү* $\sim$ *бiрү*). Таким образом в этих диалектах долгий $\bar{o}$ образовался из сочетания *ојi* или *oi*: $\bar{o} \leftarrow oi$ 'лес' (халхаск. *оё*); $\bar{ö}$ $\leftarrow$ *ојiра* 'близко' (халхаск. *оёрö*); *хön* $\leftarrow$ *хоiн* $\leftarrow$ *хонiн* 'овца' (бур. *хон'иң*, халхаск. *хон'i*); *сö* $\leftarrow$ *сöi* $\leftarrow$ *сöјi* $\leftarrow$ *сөнi* 'ночь' (бур. *һön'i* $\sim$ *һүн'ү*, халхаск. *шönö*, ордос. *сөнi*). Решающее влияние ассимилирующего гласного *i* мы видим и здесь.

Об образовании долгих гласных из сочетания *i + C + i* [гласный] или *Г + C + i* нам придется говорить особо (в связи с изложением вопросов о дифтонгах и палатализации согласных).

Долгие гласные непервых слогов образуются в общем из тех же сочетаний *Г + C + Г*, но со следующими особенностями:

ага $\rightarrow$ $\bar{a}$ (халхаск., бур., ойратск. *барат* 'кончив' $\leftarrow$ *барагад*) или в результате прогрессивной ассимиляции $\rightarrow$ $\bar{o}$ (халхаск., бур. *тöлөт* 'сосчитать' = ойратск. *тöләт* $\leftarrow$ *тогалагад*);

уга $\rightarrow$ $\bar{a}$ (халхаск., бур., ойратск. *дарат* 'подавив' $\leftarrow$ *даругад*) или $\bar{o}$ (халхаск., бур. *олөт* 'найдя' = ойратск. *олат* $\leftarrow$ *олугад*);

еге $\rightarrow$ $\bar{e}$ (халхаск. *емөл* 'седло' = бур. *емөл*), $\bar{a}$ (ойратск. *емал* 'седло' $\leftarrow$ *емегел*), $\bar{o}$ (бур. *хöбö* 'кайма' = халхаск. *хөво* = ойратск. *кöwä*);

үге → **ä** (ойратск. *ösät* 'выросши' ← *ösüged*; *ürät* 'взвалив на спину' ← *eürüged*), **ö** (бур. *ödöt* 'выросши' = халхаск. *ösöt*), **ē** (бур., халхаск. *ürēt* 'взвалив на спину').

Долгие **ū**, **ȳ** (**ȳ̄**) непервых слогов образуются так же, как и в первом слоге; в отношении этих гласных между монгольскими языками и диалектами нет никаких расхождений, кроме единичных случаев, которые имеет смысл рассматривать лишь в специальных монографиях. Таким образом, особенности монгольских языков и диалектов и расхождения между ними в части долгих гласных непервых слогов сводятся к тому, что характер этих гласных определяется по закону гармонии гласных различно:

1) во всех монгольских языках и диалектах после **а**, **ä**, **äē**, **у**, **ū**, **ȳ** первого слога в непервых слогах следует **ä** так же, как после **е**, **ē**, **і**, **ī**, **ȳ**, **ȳ̄**, **ȳ̄** следует **ē** (но в ойратских диалектах — **ä**); 2) во всех монгольских диалектах, кроме ойратских, после **о**, **ö**, **öē** первого слога в непервых слогах следует **ö** (в ойратских диалектах — **ä**) так же, как после **ö**, **ȫ** следует **ȫ** (в ойратских диалектах — **ä**).

В тех бурятских и некоторых других диалектах, в которых **ö** и **ȳ** слились в одну фонему **ȳ̄** (о чем уже говорилось выше), в непервых слогах долгий **ē** следует после **ȳ̄**, а долгий **ȫ** — после **ȳ̄** и **ȫ**, например: *ūdör* 'пером' (птицы), *ūdēr* 'дверью', *börör* 'почкой'. После **е**, **ē**, **і**, **ī** и **ȳ̄** следует **ē**, как и в остальных монгольских диалектах.

Из изложенного видно, что в ойратских диалектах непервые слоги не знают долгих гласных **ȫ**, **ē̄**, **ȫ̄**, вместо которых в словах заднего ряда находим **ä**, а в словах переднего ряда — **ǟ** (соответственно совпадают с **ä**, **ȫ**, **ē̄**, **ȫ̄** других монгольских языков и диалектов).

Кроме рассмотренных выше кратких и долгих гласных, все монгольские языки и диалекты, за исключением ойратских, имеют еще дифтонги, т. е. двугласные, главной особенностью которых является то, что они по преимуществу — полифтонги. Иначе говоря, дифтонги являются сложными сочетаниями гласных, постепенно переходящих друг в друга, которые как бы образуют по существу один долгий гласный, качественно неоднобразный, меняющийся в течение всего периода артикуляции в большей (**öē**, **ȳī**, **ȳ̄ī**) или меньшей (**äē** = **ǟ** и **eī** = **ē̄** ~ **ī̄**) степени. Меньшая или все более уменьшающаяся степень изменения в ходе артикуляции дифтонгов привела в ойратских диалектах к их полному превращению в долгие гласные, вследствие чего эти диалекты совершенно не знают дифтонгов; прочие монгольские диалекты приблизились к ойратским в отношении дифтонга **äē**, который, особенно в непервых слогах, превратился в долгий гласный переднего ряда **ǟ**, и дифтонга **eī**, который во всех слогах превратился либо в **ē̄**, либо в **ī̄** (см. ниже).

Исторически дифтонги в монгольских языках образовались из сочетаний **Г + j + i** (в начале и середине слова) или **Г + i** (в конце слова) и являются нисходящими. Восходящие дифтонги имеются лишь в немногих заимствованных словах типа халхаск. *xūar* ← кит. *xua-эрр* 'искусственный цветок'¹ и т. п. Иногда принято полагать, что образования из сочетаний **i + С + Г** являются восходящими дифтонгами, которые на самом деле оказываются долгими гласными после палатализованных согласных: халхаск. *бар'ат* ← *бар'ада* 'схватив', *ар'үң* ← *ар'ун* 'чистый', *орх'от* ← *орк'ада* 'оставив', *тах'а* ← *так'а* 'курица' и т. п.; эти слова иногда транскрибируют соответственно в виде *бар'ат*, *ар'үң*, *орх'от*, *тах'а* и т. д., что является верным лишь в смысле показа исторического образования подобных гласных.

¹ Как указывает Б. Я. Владимирцов; по-китайски *xūar* значит 'цветок'.

В орфографии современного монгольского языка эти гласные также интерпретируются как восходящие дифтонги и обозначаются сочетанием и+Г: *бариад, ариун, орхиод, тахиа* и т. д.; в бурят-монгольской орфографии эти же гласные интерпретируются как долгие после палатализованных согласных и обозначаются сочетаниями: йотированная гласная +Г: *баряад, арюун, орхёод, тахья* и т. д.

Монгольский язык XIII в. еще не знал дифтонгов, что отражается в классическом языке, схематическое сопоставление с данными которого показывает, как и из чего образовались дифтонги в живых монгольских языках, а в ойратском — и долгие гласные:

Слог	Я з ы к и		
	Классический	Халхаский, бурятский	Ойратский
Первый	aji eji oji uji yji	aë i öë yi yī	ā ī ō ū ~ y ü
Непервый (или в односложных словах с конечным открытым)	ai ei yi yī	ā, öë i, e yi ~ ī yī ~ ī	ā, a ā y ī ~ ü

Примечания: 1) Сочетанию **ai** конечного открытого слога в классическом языке соответствуют в халхаском и бурятском **ā** (после **а, у** предыдущего слога) и **ō** (после **о** предыдущего же слога), а в ойратском языке — либо **ā**, либо **a** (в зависимости от особенностей того или иного диалекта и независимо от характера гласных предыдущего слога); 2) классическому **ei** в халхаском соответствует **ë** только в окончании совместного падежа, а в бурятском — **ī** и **ë**, взаимно чередуясь безразлично, но **e** окончании названного падежа — только **ë**; в дагурском языке чаще всего имеется **ei**.

Примеры:

Классический	Халхаский	Бурятский	Ойратский	Значение
<i>ajimaɣ</i>	<i>äëmäk</i>	<i>äëmäk</i>	<i>āmäk</i>	'аймак'
<i>ɯai</i>	<i>ɯäë ~ ɯā</i>	<i>sā</i>	<i>ɯā</i>	'чай'
<i>noxaɪ</i>	<i>noxoë</i>	<i>noxoë</i>	<i>noxa ~ noxā</i>	'собака'
<i>dejiɮ</i>	<i>dil</i>	<i>dil</i>	<i>dil</i>	'одолеть'
<i>kei</i>	<i>x'i</i>	<i>x'i</i>	<i>k'i</i>	'воздух'
<i>oɟira</i>	<i>öëro</i>	<i>öëro</i>	<i>ör</i>	'близко'
<i>oi</i>	<i>öë</i>	<i>öë</i>	<i>ö</i>	'лес'
<i>xuɟila-</i>	<i>xuɟlä-</i>	<i>xuɟlä-</i>	<i>xüɟl-</i>	'подниматься' (о вихре)
<i>ɟile</i>	<i>ɟilë</i>	<i>ɟilë</i>	<i>ɟil</i>	'деяние'
<i>xaraɨɯi</i>	<i>xaraɨɯi</i>	<i>xaraɨɯi</i>	<i>xaraɨɯi</i>	'темный'
<i>bucɟi</i>	<i>bucɟi</i>	<i>bühëɟi</i>	—	'женщина'
<i>ɟer-tei</i>	<i>ɟertë</i>	<i>ɟertë</i>	<i>ɟertā</i>	'с юртой'

Как видно из всего вышеизложенного, в последнем слоге как односложных, так и многосложных слов дифтонги имеют тенденцию превращения в долгие гласные (процесс, уже заверченный во всех слогах в ойратских диалектах). Это объясняется тем, что в указанных случаях дифтонги по длительности произнесения являются менее долгими, нежели в последнем слоге. В силу этого долгие гласные, некогда бывшие

дифтонгами, в словах типа *ца̄* 'чай' становятся как бы вновь дифтонгами (за исключением, конечно, ойратских диалектов), если подобные слова становятся многосложными в результате наращивания окончаний и суффиксов: *ца̄* → *ца̄е̄* + *ла̄х* 'чаевать'.

Но любопытно то, что дифтонги, превратившись в долгие гласные, в одном отношении не теряют свой дифтонгоидный характер. Как известно, в живых монгольских языках, кроме современного ойратского, окончаниями родительного падежа, в частности, являются: **-ң**, если основа оканчивается на дифтонг (*оё* 'лес'; *оёң* 'леса'), и **-гiң** (халхаск.) или **-гä** (бур.), если основа оканчивается на долгий гласный (*Москва̄* 'Москва'; халхаск. *Москва̄гiң* и бур. *Москва̄гä* 'Москвы'). Если какое-либо имя с конечным долгим гласным, некогда бывшим дифтонгом, принимает окончание родительного падежа, то этот долгий гласный вновь становится дифтонгом и данное имя принимает окончание **-ң** (*ца̄* 'чай'; *ца̄е̄ң* 'чая'). Впрочем, долгие **е̄** и **ī** ← **еi** принимают это окончание и не становятся снова дифтонгами: халхаск. и бур. *х'ī* ← *кеi* 'воздух', род. п. — *х'īң* 'воздуха'; бур. *делхэ̄* ← *делекеi* 'мир', род. п. — *делхэ̄ң* 'мира'.

На этой почве в ойратских диалектах, в которых все дифтонги стали долгими гласными, произошло изменение указанных выше правил оформления родительного падежа, так как ойраты теперь уже не „помнят“, где некогда были дифтонги, а где — долгие гласные. Поэтому в этих диалектах окончанием родительного падежа для имен с конечными долгими гласными, кроме **ү** и **ү̄**, является **-ң**, некогда употреблявшийся только для имен с конечными дифтонгами, например:

такä (халхаск. *тах'ä*) 'курица', род. п. — *такан* (халхаск. *тах'äиң*) 'курицы';

джора (халхаск. *джорö*) 'иноходец', род. п. — *джоран* (халхаск. *джорöиң*, бур. *жорöгöдө*) 'иноходца';

гахä ~ *гахǟ* (халхаск. *гахä*) 'свинья', род. п. — *гахан* ~ *гахан̄* (халхаск. *гахäе̄ң*) 'свиньи'.

Для имен же с конечными долгими **ү** и **ү̄** также безразлично употребляется окончание **-гiң**, некогда имевшее место только в именах с конечными долгими гласными, например:

шугү (халхаск. *шугуi*) 'роща', 'угол', род. п. — *шугүиң* (халхаск. *шугуiң*) 'рощи', 'угла';

дү (халхаск. *дү̄*) 'младший', род. п. — *дүиң* (халхаск. *дү̄иң*) 'младшего'.

Такая различная унификация (по аналогии) окончаний родительного падежа в ойратских диалектах объясняется тем, что имен с конечными дифтонгами **yi** и **yī** было значительно меньше, нежели с конечными долгими гласными **ү** и **ү̄** так же, как имен с прочими конечными долгими гласными меньше, нежели имен с дифтонгами **ае̄**, **еi**, **оё̄**, которые в ойратских диалектах дали **ä** ~ **ǟ** ~ **ī**: вопрос решен, так сказать, „большинством голосов“ (по аналогии).

В сущности, изложенное напоминает то, что происходит с долгими гласными вообще в положениях, когда последние являются „нормально“ долгими в односложных словах или в последнем слоге многосложных слов, но становятся сверхдолгими, оказавшись не в последнем слоге многосложных слов: *цагаң* 'белый', но *цагагар* 'белым'. Как известно, сверхдолгие гласные, в транскрипции обозначаемые знаком ^ над буквой, иногда помогают проводить границу между словами. Так, например, удалось выяснить, что связка *саң* действительно является связкой, а не суффиксом, именно благодаря различению сверхдолготы от нормальной долготы в конечном гласном сказуемого слова: халхаск. *харä саң* 'видел ведь', но *харäсаң*¹ 'ругал'; слова *дөрө* 'наверху' (наре-

¹ Здесь *-саң* — суффикс причастия прошедшего времени.

чие) и *дѣрѣ* 'на' (последлог) различаются таким же образом: *ном дѣрѣ* 'книга (где-то) наверху' и *ном дѣрѣ* 'на книге (что-то лежит)', — последлоги произносятся слитно со словом.

В данном случае дифтонги типа *аѣ* как бы соответствуют сверхдолгому гласному, а *я̄* является гласным нормальной долготы.

СИНГАРМОНИЗМ

Обычно закон сингармонизма, характерного для монгольских языков, формулируется таким образом: гласные заднего ряда не могут находиться в одном слове с гласными переднего ряда. Исходя из такого понимания этого закона, некоторые исследователи приходят к выводу, что в монгольских языках уже нет гармонии гласных. В самом деле, если взять такое слово, как халхаское и бурятское *маня̄* и ойратское (*мана* ~) *маня̄* 'наш', то в нем мы находим гласные и заднего (*а̄*) и переднего (*я̄*) рядов. Но так как в монгольских языках состав гласных строго регулируется определенными правилами, то приходится закон гармонии или сингармонизма гласных признать наличествующим, но формулировать его более гибко: гармония гласных есть закон регулирования состава гласных слова. Сущность этого закона носит двоякий характер: состав гласных слова определяется, во-первых, рядом (задним, средним и передним) и, во-вторых, явлением губного притяжения.

Монгольские языки и диалекты с точки зрения характера сингармонизма гласных и вообще всего вокализма делятся на восточную (бурятский, халхаский и многие диалекты Внутренней Монголии) и западную (ойратский язык и некоторые диалекты Внутренней Монголии) группы, которые придется рассмотреть раздельно.

В восточной группе с точки зрения сингармонизма гласных — назовем эту точку зрения условно фонологической — последние делятся на:

- а) мужские (*ерѣ*) — *а, а̄, аѣ (а̄), у, ӯ, уї, о, о̄, оѣ;*
- б) женские (*емѣ*) — *е (е), е̄, о̄, о̄, ӯ, ӯ, уї, еї;*
- в) нейтральные (*сармаг*) — *і, і.*

Таким образом, фонологическое деление гласных не совпадает с их физиологическим делением по рядам, поскольку в мужскую группу наряду с гласными заднего ряда попадают гласные переднего ряда *аѣ* и *я̄*. Поэтому мы считаем целесообразным употреблять монгольские термины *ерѣ* 'мужской', *емѣ* 'женский' и *сармаг* 'нейтральный' в указанном фонологическом смысле, не считая их, как это делалось ранее, эквивалентными с терминами „задний“, „передний“ и „средний“, каковые надлежит употреблять лишь для физиологической классификации звуков.

Все же нельзя не отметить того, что фонологическое деление гласных в монгольских языках совпадает с их физиологическим делением в историческом смысле, ибо в основном нынешние мужские гласные некогда все были звуками заднего ряда, а женские — переднего ряда (ныне как переднего, так в большинстве случаев и среднего рядов).

Сущность фонологического деления гласных по рядам сводится к тому, что гласные одного ряда не могут находиться в одном и том же слове вместе с гласными другого ряда; лишь нейтральные *і* и *і* могут находиться в одном слове вместе с гласными любого из двух остальных рядов (однако если в слове имеются только эти нейтральные гласные, то они при словоизменении и словообразовании попадают в женский ряд, так как физиологически относятся к переднему ряду, кроме, конечно, заднего варианта долгого *і*).

Как уже сказано, сингармонизм гласных сводится не только к делению их на мужские, женские и нейтральные, но и к явлению губного

притяжения. Сущность последнего заключается в том, что, во-первых, после **а, а, аё (ä), у, у, уі, е (е), е, еі, у, у, уі** одного слога в следующем слоге не могут находиться (соответственно по рядам) **о, о, оё, о, о;** во-вторых, после последних в следующем слоге не могут следовать **а, а, аё (ä), е, е, еі** (стало быть, могут — **о, о, оё, о, о, у, у, у, у, уі, уі**). Сказанное вовсе не означает того, что, например, **а** и **о** не могут находиться в одном и том же слове: такая возможность откроется в том случае, если между **о** первого слога и **а** третьего слога во втором слоге окажется долгий **у** (халхаск. *орүлсәң* 'ввел').

Таким образом, весь закон сингармонизма гласных в восточной группе монгольских языков и диалектов можно свести к следующей таблице:

Если в первом слоге имеется (по группам)	то может следовать в слоге	
	втором	третьем
1) а, а, аё, у, у, уі	а, а, аё (ä), у, у, уі	
2) е (е), е, еі (і), у, у, уі	е, е, еі (і), у, у, уі	
3) о, о, оё	о, о, оё	
4) о, о	у, уі	а, а, аё (ä), у, у, уі е, е, еі (і), у, у, уі
	у, уі	о, о, оё

Из этой схемы видно, что: 1) третий слог относится ко второму так же, как второй к первому; поэтому для определения возможного состава гласных четвертого слога, не показанного в схеме, необходимо третий слог как бы считать первым, а четвертый — вторым; 2) в одном и том же слове после гласных первой и второй групп никогда не могут следовать гласные третьей и четвертой групп, тогда как обратное возможно через слог; 3) гласные первой и третьей групп (мужские) никогда не могут находиться в одном и том же слове вместе с гласными второй и четвертой групп (женскими); 4) в эту таблицу для восточнобурятских, дагурского и некоторых восточномонгольских диалектов, в которых гласные **о** и **у** слились в одну фонему **у**, о чем выше уже говорилось, необходимо внести лишь следующую поправку: после краткого **у** в дальнейшем слове следует **о**, а не **е** (*үрөр* 'семенами', а не *үрер*), а краткий **о** считать отсутствующим.

Что касается сингармонизма гласных в западной группе монгольских языков и диалектов, то здесь картина меняется так, что, во-первых, гласные **а** и **ä** по фонологическому делению относятся к женским, а, во-вторых, гласные **е, е, о, о, оё, о, о** встречаются только в первом слоге. В соответствии с изложенным, схема сингармонизма гласных для западной группы языков и диалектов принимает такой простой вид:

Если в первом слоге имеется	то в непервых слогах возможны
а, а, о, о, у, у	а, а, у, у, ä ~ ä (дифтонгического происхождения)
е, е, ä, ä, о, о, у, у	ä, ä, у, у

Исходя из вышеизложенного, нам легко представить в целом основные соответствия в области гласных между монгольскими языками и диалектами, в отношении вокализма делящимися на восточную и западную группы (см. выше). Эти соответствия можно свести к двум таблицам:

Гласные первого слога

Восточная группа (халхаск., бур. и др.)	Западная группа (ойратск. и др.)	Примечания
<p>а ā а аё о ō о ōё о̄ о̄ і і е ē у ū уї ū ū уї</p>	<p>а ā ā ā о ō ō ō ō ō і і е е у у ӯ ӯ ~ ū ū ū ū ū</p>	<p>в положении перед ранним і часто ~ у в положении перед ранним і иногда → ū — ū сильно подвержен регрессивной ассимиляции часто ~ о</p>

Гласные непервых слогов

Восточная группа (халхаск., бур. и др.)	Западная группа (ойратск. и др.)	Примечания
<p>а ā ō ō ā ōё ē ō і, ē ū ū ū уї ~ і уї ~ і краткие</p>	<p>а ā ā ā ā ~ а ā ~ а ā ā ā ū ū ū ū ū ~ і ū ~ і почти выпали</p>	<p>после а, у, а, у первого слога если некогда в первом слоге было aji или uji после о, о первого слога если некогда в первом слоге было oji после а, у, а, у первого слога " о, о " " " е, у — ū " " " о — ō " " ei; ē — в окончании совместного падежа ← агу, угу (после і), игу ← зависят от гласных первого слога</p>

Разумеется, наши таблицы не могут претендовать на полный охват всех случаев расхождений и схождений в области вокализма между монгольскими языками и диалектами: это должно составить предмет специальной монографии. Очень часто расхождения наблюдаются даже между говорами одного и того же диалекта, а иногда случается и так, что в одном и том же говоре имеет место чередование гласных не-лексико-грамматического характера (например, в унгинско-бурятском диалекте безразлично говорят и *үдөр* и *үдөр* 'дверью', в восточных говорах Халхи — и *урчүл* и *орчүл* 'переводы' и т. д.). В большей степени наши таблицы не отражают особенности вокализма монгорского, могольского и некоторых других монгольских диалектов, развитие которых уже с XIII—XV вв. протекает под сильным влиянием китайского, тибетского и иранских (таджикского и пушту) языков.

Глава 2

СОГЛАСНЫЕ

ОБЩИЙ ОБЗОР СОГЛАСНЫХ

В монгольских языках и диалектах имеются следующие губные согласные: **б, w, п, в, м.**

Губно-губной **б**, слабый смычный, произносится с постепенным разжатием губ, кроме начала слов, где этот звук является абсолютно взрывным. Эта фонема подвержена различным комбинаторным изменениям: 1) в положении между двумя гласными и, иногда, после плавных приближается к билабиальному также слабому проточному **w**, при артикуляции которого губы почти не приходят в соприкосновение друг с другом, особенно в халхаских говорах и ойратских диалектах; 2) в конце слова; особенно многосложного, а также (в конце слога вообще) перед сильными переднеязычными взрывными произносится глухо, т. е. реализуется в виде сильного глухого **п**, хотя в большинстве случаев дрожание голосовых связок полностью не исчезает, а потому производится впечатление звука, среднего между русскими **б** и **п**, что в транскрипции монголоведами отмечается знаком **б**.

Таким образом, губные **w** и **п**, будучи лишь комбинаторными вариантами **б**, не являются самостоятельными фонемами. Только в заимствованных русских и китайских словах последнего периода сильный взрывной **п** оказывается самостоятельной фонемой, которая впрочем артикулируется с заметным дрожанием голосовых связок; в заимствованных словах более раннего периода иноязычный **п** полностью уподобился собственно монгольскому **б**, претерпевая вместе с ним все его комбинаторные изменения.

Губно-зубной **в**, заимствованный из русского и китайского языков, сохраняет свой физиологический характер лишь в новейших заимствованиях, в старых же заимствованиях этот звук уподобился монгольскому **б**, претерпевая вместе с ним все его комбинаторные изменения так же, как и заимствованный **п**. В зависимости от степени знакомства того или иного монгольского населения в том или ином пункте с русским или китайским языком характер местной реализации заимствованных фонем **в** и **п**, конечно, различен и в наше время.

Губно-губной **м**, звонкий смычный, артикулируется почти так же, как и русский **м**; комбинаторным изменениям не подвергается, если не считать его отдельных чередований с губно-губным **б** и переднеязычным носовым **н**, что кое-где имеет место в одном и том же диалекте.

Из переднеязычных согласных монгольские языки и диалекты имеют следующие: **т, д, ц, ч, дж, дз, ж, з, н, с, ш, л, р.** Это — как раз та

самая группа согласных, в области которых между монгольскими языками и диалектами существуют наибольшие фонетические расхождения, не уступающие расхождениям в области вокализма.

Фонема **т** представляет собою переднеязычный сильный взрывной, который произносится с придыхательной инкурсией и рекурсией, что особенно заметно в халхаском и внутреннемонгольских диалектах.

Фонема **д** представляет собой слабый звонкий взрывной, который в халхаском диалекте представляет звук неполного образования и потому часто производит впечатление среднего между русскими **д** и **т**. Во всех монгольских диалектах этот согласный характерен тем, что в конце слогов слегка или полностью теряет свой звонкий характер, комбинаторно становясь почти глухим **т** или **д**, причем в некоторых монгольских диалектах следующий за ним сильный **ж** становится слабым **г** (халхаск. *атга* 'горсть' = бур. *атха*). Эта фонема, в конце слова артикулируемая в виде глухого **т**, так же как и в русском языке, восстанавливает свой звонкий характер при словоизменениях и словообразованиях (халхаск. *тугат* [орфографически *тугад*] 'телята', но *тугдүң* [орфографически *тугадын*] 'телят' — форма род. п.).

Очень часто **д** чередуется с проточным согласным **с**: классич. *даду* ~ *дасу* 'привыкать' = халхаск. *дадā*; классич. *джд* ~ *джес* 'медь' = халхаск. *дзес*, бур. *зед*.

Равным образом этот согласный чередуется и со звонким *дз* ~ *з*: классич. *дзоліг* ~ *доліг* 'выкуп' = халхаск. *дзол'гк*, бур. *дол'гг*; классич. *гадага* 'вне', халхаск. *гадā*, бур., ойратск. *газā*; бур. *досō* (зап.) ~ *зосō* (вост.) 'внутри'.

Эти междиалектные чередования лишены определенной последовательности за исключением того, что в бурятских диалектах в конце слогов проточному **с** прочих диалектов соответствует всегда **д**, конечно, с несколько ослабленной звонкостью.

В восточнохалхаских говорах и внутреннемонгольских диалектах эта фонема в начале слова очень часто превращается в сильный **т**, что составляет характерную особенность названных диалектов и иногда затрудняет взаимное понимание между представителями разных диалектов.

В бурятских диалектах эта фонема с той же потерей своего звонкого характера встречается также вместо проточного **с** в конце слога, причем при словоизменении восстанавливает свою звонкость или заменяется гортанным проточным **һ**, который в этих диалектах образовался из прежнего **с**, сохраняющегося в прочих монгольских диалектах, например в халхаском: бур. *бод* ~ *бот* 'ткань', орудн. п. — *бодор* ~ *бодор* 'тканью' (халхаск. *бос*, орудн. п. — *босор*).

Фонема **с** является переднеязычным зазубным глухим, производящим акустическое впечатление русского **с**. Имеется во всех монгольских языках и диалектах, так же как и фонема **ш**, которая представляет собой переднеязычный альвеолярный глухой. Однако среди всех прочих монгольских языков и диалектов, если оставить в стороне мало изученный монгольский язык в Афганистане и классический язык, бурятские диалекты, кроме цонгольского, приближающегося в этом отношении к халхаскому диалекту, занимают особое положение, благодаря своему ускоренному фонетическому развитию. Дело в том, что в современных бурятских диалектах имеются такие **с** и **ш**, которые соответствуют трем фонемам халхаских (и ойратских) говоров и двум фонемам внутреннемонгольских, например ордосского, а именно: бур. **с**, **ш** = халхаск. (и ойратск.) **д**, **ч**, **ш**; ордос. **ч**, **ч**, **ш**.

Объясняется это тем, что в бурятских диалектах **с** получился из **д**, а шипящий **ш** из двух разных фонем: **ч** и **ш** (в ордосском диалекте

шипящая аффриката **ч** отражает более раннее **ч**, которое в халхаском и ойратских диалектах в силу определенных условий переломов гласного **і** отражается в виде **ц** и **ч**, о чем подробно говорится в разделе об аффрикатах).

Примеры:

Бурятский	Халхаский	Ордосский	Значение
<i>сагаң</i>	<i>цагаң</i>	<i>чаган</i>	‘белый’
<i>шинё</i>	<i>шинё</i>	<i>шинё</i>	‘новый’
<i>шодор</i>	<i>чодор</i>	<i>чодор</i>	‘пути’

О том, что в конце слогов ранний бурятский звук **с** превратился в **д**, уже выше говорилось. В прочих же положениях **с** в бурятских диалектах превратился в гортанный проточный **h** со звонкой или, чаще, глухой артикуляцией, например: бур. *һара* ← *сара* ‘месяц’, *һаёң* ← *саёң* ← *сајн* ‘хороший’, *заһар* ← *дзабсар* ‘промежуток’.

Фонема **н** представляет собою переднеязычный звонкий, который в положении перед согласными **н, м, б, г, ж** не встречается или не встречался, заменяясь чаще всего заднеязычным плавным носовым **ң**; в конце слова переднеязычный **н** не удерживается, превращаясь либо в заднеязычный **ң** (бурятские диалекты), либо назализуя предшествующий ему гласный (халхаский диалект), но в ойратских и, реже, во внутреннемонгольских диалектах этот переднеязычный сохраняется прочно (подробнее см. в разделе об основе и именительном падеже).

Примеры:

Халхаский	Ойратский	Ордосский	Бурятский	Классический	Значение
<i>ула</i>	<i>улан</i>	<i>улан</i>	<i>улаң</i>	<i>улаңан</i>	‘красный’
<i>нара</i>	<i>нарң</i>	<i>нара</i>	<i>нараң</i>	<i>наран</i>	‘солнце’

В ойратских и большинстве внутреннемонгольских диалектов заднеязычный **ң** встречается только в конце некоторых слов, а в середине слова — перед согласными **г, ж** и, иногда, некоторыми другими, например:

Халхаский	Ойратский	Ордосский	Бурятский	Классический	Значение
<i>моңгол</i>	<i>моңгол</i>	<i>моңгол</i>	<i>моңгол</i>	<i>монгол</i>	‘монгол’
<i>аңха</i>	<i>аңх</i>	<i>анха</i>	<i>аңха</i>	<i>анха</i>	‘впервые’
<i>джаң</i>	<i>заң</i>	<i>джаң</i>	<i>заң</i>	<i>жанг</i>	‘нрав’

В парадигмах словоизменения подобный **ң** → **ңг** во всех диалектах, тем самым выдавая свое происхождение: халхаск. *дзаңгара*, ойратск. *заңгара*, ордос. *джаңгара*, классич. *джанг* + *іјар* + *іјен* ‘своим нравом’.

Фонема **л** представляет собою боковой альвеолярный проточный, а фонема **р** — также альвеолярный и сильно вибрирующий проточный. Обе эти фонемы имеются во всех монгольских диалектах, между которыми в отношении их нет каких-либо расхождений, если не считать вариаций в артикуляции, и отличаются тем, что они не встречаются в начале слова (на **л** начинается всего несколько слов, заимствованные слова, конечно, составляют исключение, особенно новейшие), а также тем, что, находясь в одном слове, могут в ряде случаев взаимно меняться местами, например бур. *гур’л* ~ *ул’р* ‘мука’. В ранних заимствованиях начальный **р** почти всегда сопровождается вставкой лишнего предшествующего гласного или метатезой: бур. *урмаё’г* ‘рубашка’; халхаск. *ур’л* ← тиб. *ріл* + *бу* ‘пилюля’; халхаск. *Ор’с* ‘Русь’.

Среднеязычный **ј** представляет собой звонкую фонему, известную во всех монгольских диалектах и напоминающую русский **ј** в словах типа *яма* или *юг*. Эта фонема встречается только перед гласными, но в классическом языке она имеется и в конце слова после гласного, вместе с которым она соответствует дифтонгам других монгольских языков (см. выше). В севернобурятских диалектах, называемых йокающими, эта фонема последовательно встречается при определенных условиях вместо начального **дж** ~ **ж** (**дз** ~ **з**) других монгольских языков и диалектов (см. раздел об этих согласных), например:

севернобур.	<i>јил</i>	<i>јаргај</i>	<i>јоргоң</i>
халхаск.	<i>джил</i>	<i>джаргај</i>	<i>дзургаң</i>
восточнобур.	<i>жил</i>	<i>жаргај</i>	<i>зургаң</i>
западнобур.	<i>жил</i>	<i>жаргај</i>	<i>жортоң</i>
значение	'год'	'счастье'	'шесть'

Знаком **х** в нашей транскрипции обозначается такая заднеязычная фонема, которая в монгольских диалектах реализуется в виде проточного **х**, чередующегося со своим смычным вариантом (в ряде диалектов — нижеудинских бурят, халхасцев, ордосцев) полуаффрикатного характера — **кж** (смычная инкурсия, но проточная рекурсия: такова природа согласных „дифтонгов“ в монгольских диалектах, которые надо отличать от сочетаний смычного и проточного, первые имеют смычные инкурсию и рекурсию, а поэтому **ц**, например, не есть простое сочетание смычного **т** и проточного **с**). Эта фонема обычно не встречается перед согласными **т**, **д**, **ц**, **ч**, **дз**, **дж**, **з**, **ж**, **к** и **г**, а в ойратских диалектах также и в словах переднего ряда вообще (за исключением формы будущего причастия). Во всяком случае между фонемой **х/кж** и согласным из числа перечисленных всегда наличествует крайне редуцированный гласный, который акустически иногда неуловим, а потому в орфографии современного монгольского литературного языка не обозначается (например, *ахдаа* = *ахāдā* 'своему старшему брату'). В торгоутском (из числа ойратских) и некоторых других говорах эта фонема стремится превратиться в гортанный проточный **h** (звонкого характера). Исторически эта фонема восходит к согласному **к**, который в словах заднего ряда был велярно-заднеязычным сильным, а в словах переднего ряда — заднеязычным сильным и который сохранился только в ойратских диалектах в словах переднего ряда, а в словах заднего ряда, оказываясь перед гласным **і** или любым гласным заместителем последнего, он сохранил свой взрывной характер и при словоизменении (*сал'кин* ~ *сāлкāн* 'ветер', *сал'кар* ~ *сāлкār* 'ветром').

Примеры:

Халхаский	Бурятский	Ойратский	Классический	Значение
<i>јаwāх</i>	<i>јābāхā</i>	<i>јowāх</i>	<i>јабуху</i>	'идти'
<i>ірēх</i>	<i>јірēхē</i>	<i>ірēх</i>	<i>іреку</i>	'приходить'
<i>херēк</i>	<i>херēг</i>	<i>керēк</i>	<i>керег</i>	'дело'
<i>хара</i>	<i>хара</i>	<i>хар</i>	<i>хара</i>	'черный'
<i>хел</i>	<i>хелē</i>	<i>кел</i>	<i>келе</i>	'говорить'

Таким образом, в ойратских диалектах имеются две фонемы **х** и **к** вместо одной **х** всех прочих монгольских диалектов, в которых, однако, фонема **к** появляется в заимствованных словах, где в более раннее время она реализовалась в виде **х**.

Знаком **г** мы обозначаем такую заднеязычную слабую фонему, которая имеет различную реализацию: 1) **г** — велярно-заднеязычный звонкий неполного образования (в словах заднего ряда) и **г** — заднеязычный того же качества (в словах переднего ряда), производящие впечатление

русского **к**, а иногда и артикулируемые таким образом; встречаются перед согласными смычными **т, д, дз, з, дж, ж**, а также и перед проточными **с** и **ш**; 2) **г** — велярно-заднеязычный слабый звонкий неполного смыкания с дрожанием голосовых связок в момент последнего (в словах заднего ряда) и **г** — заднеязычный того же качества (в словах переднего ряда); встречаются перед гласными и плавными **р** и **л**; 3) **в** — проточный слабый, отдаленно напоминающий аналогичный русский согласный в словах типа *ага!* и наличный главным образом в ойратских и бурятских диалектах в положении между двумя гласными. Так как эти варианты данной фонемы акустически различаются довольно слабо, то мы в своей транскрипции употребляем только знак **г** или, иногда, (в конце слогов) **к** и **г**¹.

Примеры:

Халхаский	Бурятский	Ойратский	Классический	Значение
<i>гадā</i>	<i>газā</i>	<i>газā</i>	<i>гадага</i>	'вне'
<i>герёл</i>	<i>герёл</i>	<i>герл</i>	<i>герел</i>	'свет'
<i>цагаң</i>	<i>сагаң</i>	<i>цагаң</i>	<i>чагаң</i>	'белый'
<i>агта</i>	<i>агта</i>	<i>агт</i>	<i>агта</i>	'мерин'
<i>булак</i>	<i>булаг</i>	<i>булаг</i>	<i>булаг</i>	'источник'

Представляем ниже схему наиболее существенных соответствий между основными или типичными монгольскими языками и диалектами в области консонантизма. Обзор согласных **дз (з), дж (ж), ч** и **ц** выделяется особо, ввиду их крайне важного значения.

Я з ы к и					Примечания
Халхаский	Бурятский	Ойратский	Ордосский	Классический	
с	h	с	с	с	перед гласными в конце слога
с	д	с	с	с	
ц	с	ц	ч	ч	исторически перед i
ч	ш	ч	ч	ч	
дз	з	з	дж	дж	исторически перед i
дж	ж	дж	дж	дж	
дж	ј	дж	дж	дж	" " " в начальном положении
ң	ң	н	н	н	в конце слога и перед г, х
ң	ң	ң	ң	нг	
г	г	г	ң ~ г	нг	перед н в словах переднего ряда
х	х	к	х ~ к	к	
		ж		ж	в словах заднего ряда
		г		г	" " " "
		г		г	" " переднего "
б, м, н (перед гласными и некоторыми смычными), т, д, ј, ш, л, р,					расхождений почти нет
в, п, ф, в					
					в и п в незаимствованных словах — комбинаторные варианты б

¹ Лишь в двух вводных главах мы используем знак **г** для передачи гаммы старописьменного монгольского алфавита, посредством которой изображался согласный заднего ряда.

АФФРИКАТЫ Ч и Ц

Нам надлежит разобрать аффрикаты **Ц, Ч, ДЗ** и **ДЖ**, а также соответствующие им спиранты **с, ш, з** и **ж** (иногда ~ **ʃ**, но в определенном положении), ибо эти согласные занимают совершенно особое место в консонантизме монгольских языков, а разбор их в связи с судьбою гласного **і** имеет исключительное значение, так как проливает свет на многие вопросы, связанные с явлениями сингармонизма гласных и агглютинации.

Аффриката **Ц**, представляющая самостоятельную фонему в халхаском и ойратских диалектах, произносится с придыхательной рекурсией и, иногда, инкурсией. В бурятском языке этой аффрикате последовательно соответствует спирант **с**, а в классическом, монгольском и дагурском языках и южномонгольских (ордосском, чахарском, харачинском и др.) диалектах — шипящая аффриката **ч**:

классич.		Ч
ордос.		Ч
халхаск., ойратск.	Ц	Ч
бур.	с	ш

Схема дана с учетом шипящего **ч**, о чем см. ниже.

Примеры (сделаем оговорку, что ниже ордосский диалект будет представлять собою всю шипящую группу монгольских языков и диалектов, кроме классического):

классич.	чаган	чаг	чола
ордос.	чаган	чаг	чоло
халхаск.	цагаң	цаг	цолд
ойратск.	цаган	цаг	цол
бур.	сагаң	саг	солд
значение	‘белый’	‘время’	‘звание’

Аффриката **ч**, представляющая собой самостоятельную фонему во всех монгольских языках, кроме бурятского, также произносится с придыхательной рекурсией и, иногда, инкурсией. В бурятском языке этой аффрикате последовательно соответствует шипящий спирант **ш** (конечно, в новейших заимствованиях из русского языка аффриката **ч**, так же как и **Ц**, имеется).

Примеры:

классич.	чида	чидур	чинг
ордос.	чида	чодор	чинг
халхаск.	чада	чодор	чинг
ойратск.	чада	чодор	чинг
бур.	шадда	шодор	шинг
значение	‘суметь’	‘путы’	‘роса’, ‘сырость’

В ордосском диалекте вместо этого **ч** также встречается в отдельных словах слабый **дж**: *джиххе* вместо халхаск. *чихе* ‘ухо’, *джасу* вместо халхаск. *цас* ‘снег’.

В конце слога аффриката **ч** (так же как и **Ц, ДЖ, ДЗ**) не встречается, поэтому заимствования из тюркских языков с **ч** в конце слога отражаются в монгольских со спирантом **с** или **ш**: классич. *ос*, байт. *ош* = уйг., кирг. *ош* ‘месть’; классич. *коске*, халхаск. *хосой* ~ *хосхө* ‘подвода’, груз. = алт. *коч* ‘кочевать’; халхаск. *ишиг*, байт. *ишкө* ‘козленок’ = уйг. *ечкү* ‘коза’.

Таким образом оказывается, что монгольские языки делятся по характеру артикуляции своих аффрикат на шипящие (могольский в Афганистане, дагурский и диалекты Южной Монголии: ордосский, чахарский, харачинский и другие, до сих пор еще достаточно не изученные) и свистящие (халхаский диалект и ойратский, а также, условно, бурятский языки; в бурятском вместо аффрикат имеются спиранты **с** и **ш**). Что касается классического языка, то он начал создаваться на основе одного из шипящих диалектов XII—XIII вв., когда, впрочем, повидимому, свистящих диалектов не было, а потому он относится к группе шипящих монгольских языков. Такое деление монгольских языков и диалектов, как мы видим, основано на том, что в шипящих языках и диалектах имеется лишь одна фонема **ч**, которой в свистящих языках соответствуют две фонемы — **ч** и **ц** (в бурятских диалектах, кроме некоторых говоров, соответственно спиранты — **ш** и **с**). Поэтому последние было бы точнее назвать шипяще-свистящими языками, но ради краткости мы будем впредь называть их свистящими.

Изложенное вовсе не означает того, что в свистящих языках фонемы **ч** и **ц** (в бурятском — **ш** и **с**) развились из одной и той же фонемы **ч**, как это до сих пор фактически утверждалось в монголоведной лингвистической литературе. На самом деле в свистящих диалектах **ч** и **ц** (**ш** и **с**) представляют собою результат длительной эволюции двух фонем ранних монгольских диалектов — **ч** (в положении перед любым гласным, кроме **і**) и смычного **т** в положении перед гласным **і**. В результате длительной эволюции в свистящих языках из первой фонемы **ч** получились **ц** и (в бурятском) **с**, а из второй — смычного **т** — образовались **ч** и (в бурятском) **ш**, тогда как в шипящих языках из обеих этих ранних фонем получилась одна — **ч**; иначе говоря, в последних две фонемы в своем длительном развитии слились в одну, как это будет показано в схеме ниже. А между тем в монголоведной литературе утверждается, что эти фонемы являются результатом эволюции одной и той же фонемы **ч** диалекта классического языка (так мы будем называть один из монгольских диалектов XII—XIII вв., на основе которого сложился этот классический, или старомонгольский письменный язык). При этом делается, правда, оговорка, что фонема **ц** образовалась из такого классического **ч**, который восходит к более раннему **ч**, а современный **ч** развили из классического же **ч**, который некогда получился из раннего смычного **т** в положении перед гласным **і** ~ **ī**. Таким образом, один из диалектов XII—XIII вв., на котором первоначально стал создаваться классический монгольский язык, фактически оказался у монголистов „праязыком“, к которому якобы восходят все современные монгольские языки и диалекты. Конечно, показания классического языка для монголистов действительно очень важны, так как этот язык в целом отражает наиболее характерные особенности, общие для большинства монгольских диалектов XII—XIII вв., которые тогда все же различались между собою, но в своем дальнейшем развитии не могли исходить из норм лишь одного диалекта, называемого нами диалектом классического языка условно, т. е. не в том смысле, что последний делился на диалекты. И поскольку в частном проявляется общее, постольку необходимо и теперь обратиться к данным классического языка, из коих мы должны будем всячески отсеивать такие частности, которые не были присущи всем монгольским диалектам XII—XIII вв. Дело в том, что во всех современных монгольских диалектах, кроме шипящих, шипящий **ч** (бур. **ш**) чаще всего соответствует такому **ч** классического языка, который мы находим лишь в положении перед гласным **і**. Но этому же **ч** классического языка, отражающего фонетический облик одного из монгольских диалектов XII—XIII вв., в положении

перед остальными гласными соответствует свистящий **ц** (бур. **с**); имеются, конечно, исключения, которые будут пояснены ниже. Следовательно, в классическом языке надо различать сочетания **чи** и **ч** плюс любой гласный, кроме **и**, в соответствии с чем впредь мы будем говорить о сочетаниях **чи** и **ч+Г**, подразумевая под последним любой гласный, кроме **и**.

Но **чи** классического языка в основном восходит к более раннему ***ти**, еще наличному в монгольских диалектах около VII—X вв., о чем можно судить по соответствующим данным тех тюркских языков, которые некогда были расположены в Центральной Азии, а также по показаниям эвенкийского языка. Например, **чи** 'ты' восходит к ***ти**, что ясно видно из сопоставления с местоимением того же лица множественного числа по аналогии с местоимениями 1-го лица:

<i>чи</i> ← <i>*ти</i> 'ты'	<i>та</i> — 'вы'
<i>би</i> — 'я'	<i>ба</i> → <i>ма[н]</i> — 'мы'

Ср. еще следующие соответствия:

классич. <i>зучин</i> = эвенк. <i>зутин</i> 'тридцать'	
„ <i>чинна</i> = алт. <i>тыңда</i> 'слушать'	
„ <i>бичиг</i> = уйг. <i>битиг</i> 'письмо'	
„ <i>ачи</i> = орхон. <i>ати</i> 'внук'	

В отношении классического **чинг** 'истинный', 'верный', 'твердый', 'непоколебимый' Б. Я. Владимирцов полагал, что оно якобы не восходит к *тинг* ~ *тин* на том основании, что в тюркских языках имеются кирг. *чын*, алт. *чын* 'истина', 'истинный', 'справедливый'¹. Но Б. Я. Владимирцов не учитывал неравномерности в развитии языков, а равно очень важное явление фонетической дифференциации, вызываемой и сопровождаемой семантической филиацией, которая наблюдается в тюркских и особенно в монгольских языках:

классич. *чинна* ~ *чинла*, бур. *шанă*, халхаск. *чанă* 'слушать', но: классич. *танна*, бур., халхаск. *танă* 'разведывать'; ср. алт. *тыңда* 'слушать', 'подслушивать', 'искать'²; классич. *чинг* 'твердый', 'непоколебимый', 'истинный', 'верный', ср. кирг. *чын* 'истина', 'истинный', 'действительный', но: классич. *тунг* 'истинно', 'весьма', 'очень', ср. кирг. *тың* 'крепкий', 'бодрый'.

Что же касается классического **ч+Г**, то оно показывает наличие такого сочетания в монгольских диалектах около VII—X вв.

Но около X—XII вв. сочетание ***ти** постепенно переходит в **чи**, удерживающийся полностью во всех монгольских диалектах в течение всего этого времени и XIII—XIV вв., а в шипящих диалектах — почти до сих пор в очень многих словах, например: классич. *чина*, халхаск. *чанă*, бур. *шанă*, ордос. *чина*, монгор. *чинă* 'варить'.

Таким образом, около X—XIV вв. в монгольских диалектах имеются **чи** ← ***ти** и исконный **ч+Г**. Однако в XIII—XIV вв. исконный **ч+Г** начинает переходить в **ц+Г** в ряде тех диалектов, на основе которых потом складываются современные свистящие языки (в бурятских диалектах этот **ц+Г** затем переходит в **с+Г**), но сохраняется в современных шипящих диалектах, вследствие чего здесь наличествует лишь одна шипящая фонема, так как фонема **ц** не образовалась. Что же касается **чи** ← ***ти**, то в этом сочетании шипящий характер согласного сохраняется и в свистящих диалектах, а не только в шипящих; в бурятских диалектах аффриката **ч** затем переходит в спирант **ш**.

¹ Ср. кит. *чэн* ← *чин* ← *шин* ← *ж'иин* в том же значении; Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика... стр. 405.

² Ср. кит. *тань* ← *там* 'разведовать'.

Гласный **і** в составе сочетания **чи**, начиная примерно с XIV—XV вв., а в некоторых диалектах — с XIII в., почти повсеместно подвергается регрессивной ассимиляции, но в шипящих диалектах этот гласный сохраняется прочно почти до нашего времени (см. приведенные выше примеры со значением 'варить' *чина, чанā, шанā, чина*).

Длительный процесс регрессивной ассимиляции гласного **і** назовем третьим переломом. Этот перелом гласного **і** монголисты называли поздним переломом, имея в виду ранний перелом того же гласного **і**, который ими условно относился к X—XII вв., т. е. к периоду, когда у монголов не было еще письменности.

Монголисты до сих пор исходили из теории двух переломов гласного **і**, тогда как в действительности в монгольских диалектах мы сталкиваемся с фактами наличия трех переломов, о чем речь будет идти ниже. Так как самые ранние письменные данные о монгольских языках относятся лишь к началу XIII или к концу XII в., то второй и первый переломы гласного **і** приходится датировать весьма условно и с учетом данных тюркских языков и всего хода исторического процесса развития народов и племен Центральной Азии.

Все изложенное относительно третьего перелома гласного **і**, а также перехода **т** → **ч** и **ч** + **Г** → **ц** + **Г**, схематически можно изобразить следующим образом (знак **Г** означает любой гласный, кроме **і**; знак **г** — любой гласный, в том числе **і**):

Период (века)	Диалекты, на основе которых складывались современные языки и диалекты					
	шипящие могольск., дагур., ордос., чахар. и др.	свистящие		шипящие могольск., дагур., ордос., чахар. и др.	свистящие	
		ойратск. и халхаск.	бур.		ойратск. и халхаск.	бур.
1	2	3	4	5	6	7
VII — X	* ti	* ti	* ti	ч + Г	ч + Г	ч + Г
X — XII	чи	чи	чи	ч + Г	ч + Г	ч + Г
XIII — XIV	чи	чи	чи	ч + Г	ц + Г	ц + Г
XIV — XV	ч + г	ч + г	ш + г	ч + Г	ц + Г	с + Г
Примеры	ордос.	халхаск.	бур.	ордос.	халхаск.	бур.
VII — X	* <i>ti dūr</i>	* <i>ti dūr</i>	* <i>ti dūr</i>	<i>оңгача</i>	<i>оңгача</i>	<i>оңгача</i>
X — XII	<i>чи дур</i>	<i>чи дур</i>	<i>чи дур</i>	<i>оңгача</i>	<i>оңгача</i>	<i>оңгача</i>
XIII — XIV	"	"	"	<i>оңгуча</i>	<i>оңгуча</i>	<i>оңгуча</i>
XIV — XV	<i>чодор</i>	<i>чодур</i>	<i>шодор</i>	<i>оңгочо</i>	<i>оңгочо</i>	<i>оңгосо</i>
Значение		'путы'			'лодка'	

Следует обратить особое внимание на то, что в X—XII вв. наличествовала лишь одна аффриката, а именно — шипящий **ч**, который продолжает сохраняться до сих пор в шипящих диалектах.

Необходимо также иметь в виду, что третий перелом гласного *i* никак не отразился на дальнейшей судьбе шипящего *ч* (и *ш* в бурятских диалектах).

Но изложенные в нашей схеме соответствия между современными монгольскими языками и диалектами имеют во многих словах исключения, если иметь в виду показания свистящих диалектов:

классич. *чохум*, восточнохалхаск., ойратск. *чохом*, ока-бур. *шохо́м*, западнохалхаск. *цохо́м*, алар.-бур. *сохоб* 'собственно, именно';

классич. *күчүн* ~ *күчин*, ойратск. *күчн*, халхаск. *хүчи*, западнобур. *хүшиң*, восточнобур. *хүсёң* 'сила';

классич. *чисун*, бур. *шуһаң*, халхаск. *цус*, ойратск. *цусң* 'кровь'.

Пока обратим особое внимание на тот важный факт, что в первых двух словах классический язык показывает после шипящего *ч* не *i*, а другие гласные — *о* и *ү*, тогда как в третьем слове мы находим искомый *i*. Заметим, что для этого языка первые случаи встречаются значительно реже, нежели тот, который мы нашли в третьем слове. Обращаем на этот важный факт внимание потому, что он привел монголистов к неправильному выводу по обстоятельствам, которые будут изложены ниже в связи с разбором слова *еджен* 'хозяин' (классич.) и значения тюркских языков для монголистики.

Шипящий характер согласных в одних свистящих диалектах (*ч*, *ш*) вместо свистящего (*ц*, *с*) в других свистящих диалектах говорит, несомненно, о том, что соответствующие слова, подобные приведенным, некогда имели в своем звуковом составе сочетание *ti во всех монгольских диалектах VII—X вв. (теперь в шипящих диалектах эти слова содержат, конечно, только *ч*). Наличие же свистящих вариантов свидетельствует о более раннем переломе гласного *i* в сочетании *чи* ← *ti (но не ранее X в., ибо в таком случае вместо, например, *цохом* мы имели бы теперь что-нибудь вроде *тохом*). Поэтому в одних, ныне свистящих, диалектах эти слова в своем дальнейшем фонетическом развитии попали в группу слов, имевших исконный *ч*+Г(ласный), выпав из „своей“ группы. По нашей схеме подобные слова из третьей или четвертой графы попали соответственно в шестую или седьмую графу, разделив свою дальнейшую судьбу с судьбою слов из этих последних двух групп. Переход же слов из второй группы в пятую не вызывал изменения согласного, так как в современных шипящих диалектах характер аффрикат до сих пор в общем остается неизменным. Но эти же слова в других свистящих диалектах, при условиях более позднего, третьего перелома гласного *i*, в своем дальнейшем фонетическом развитии продолжали идти вместе со словами „своей“ группы, имевшими в своем звуковом составе сочетание *ti около VII—X вв. (отсюда в восточнохалхаск. и ойратск. *чохом*, но не *цохо́м*, которое в западнохалхаск. получилось при условии более раннего перелома гласного *i*).

Этот более ранний перелом гласного *i* мы назовем вторым переломом, который протекал довольно неравномерно около X—XII вв. (эта неравномерность перелома и вызвала расхождения внутри разных свистящих диалектов, если говорить об одних и тех же словах; или внутри одного и того же свистящего диалекта, если говорить о разных словах) и которому предшествовал еще более ранний, первый перелом, до сих пор остававшийся не известным в монголистике.

Этот второй перелом гласного *i* протекал под влиянием регрессивной или взаимной ассимиляции (именно поэтому в односложных словах нет отмеченных выше расхождений между современными монгольскими языками и диалектами) и неравномерно, затронув сравнительно небольшое количество слов. В противном случае в современных халхаских говорах и ойратских диалектах мы теперь вообще не имели бы аффри-

каты **ч**, которая около XIII—XIV вв. полностью перешла бы в свистящий **ц**, а в бурятских диалектах в подобных словах находили бы **с**, а не шипящий **ш**, поскольку здесь **ц** → **с** (около XIV—XV вв. или несколько позднее, вплоть до XVI—XVII вв.).

Таким образом, **ч** ← **т(i)** сохраняется полностью во всех шипящих диалектах при всех условиях второго и третьего переломов гласного **i**, а в свистящих — при условии третьего перелома, переходя затем в бурятских диалектах в спирант **ш**. Исконный же **ч**, после которого не следовал гласный **i**, целиком сохраняется в шипящих диалектах, а в свистящих — полностью переходит в свистящий **ц**, а позднее в бурятских диалектах — в спирант **с**, как и в сочетании **чи** ← ***ti** при условии второго перелома гласного **i** данного сочетания, как бы увлекая за собою и этот **ч**.

В связи с изложенным характерно и не случайно то обстоятельство, что во всех современных монгольских языках и диалектах нет ни одного слова, в котором гласный **i** был бы в положении после согласных **т**, **ц** и **с** (а также **д**, **дз**, **з**, о чем см. ниже), если не считать заимствований новейшего времени и долгого **i** (чаще ← **eji**, **ei**, о чем говорилось в разделе о гласных), а также явления типа **сi** ~ **т'i** ← **xi** или **д'i** ← **де** в некоторых диалектах бурятского языка.

Однако некоторые исключения из того, что нами изложено выше, не могут быть объяснены различными условиями перелома гласного **i**. Эти, так сказать, исключения из исключений объяснимы чередованиями **ц** ~ **с**, частью являющимися результатом диссимилиации (классич. *чеге* ~ *сече*, халхаск. *цэцэк*, бур. *сесэг* 'цветок'; классич. *чичаргана* ~ *чисаргана*, халхаск. *чицаргана* ~ *чисаргана* 'облепиха'), частью результатом ассимиляции (классич. *сачуз* ~ *чачуз*, халхаск. *цацаг* 'висячая кисть', 'бахрома'; классич. *сучал* ~ *чучал*, халхаск. *цуцал* 'расплетать'; классич. *ченкер*, халхаск. *сеңхёр* ~ *цеңхёр* 'сизый'; в последнем примере на чередование оказали влияние проточные согласные второго слога так же, как в словах *хосёр* ~ *хоцёр* 'оставаться позади', 'отставать', *асар* ~ *ацар* 'приносить', однако подобные случаи в халхаском диалекте крайне редки и имеют место, повидимому, в районах, смежных с бурятскими).

В ряде ранних заимствованных слов иноязычное сочетание **ши** или **ша** иногда проявляется в монгольских диалектах в виде **чи** или **ча**: согд. *шмн'нч* → классич. *шибаганча* → халхаск. *шатганца* ~ *чатганца* 'монахиня'; перс. *шакар* → классич. *шikir* ~ *шiker* → халхаск. *чихёр* → (обратно) классич. *чikir* 'сахар'. Такой переход иноязычного **ш** → **ч** объясняется тем, что спирант **ш** некогда отсутствовал в монгольских диалектах (еще около XIII в.) и образовался из свистящего **с** в положении перед гласным **i**.

В некоторых крайне немногочисленных случаях подобные исключения из исключений монголистам казались совершенно необъяснимыми: классич. *чимуген*, халхаск. *чомог*, ойратск. *чимҕ*, бур. *семейҕ* 'берцовая кость', 'костный мозг'. Так как бурятское *семейҕ* ← *цемеген* имело место в условиях второго перелома гласного **i**, а в халхаском и ойратском вариантах наличие **ч** объяснимо третьим переломом того же гласного или вообще отсутствием перелома, то казалось бы, что объяснение напрашивается само собою по аналогии с *чохом* ~ *цохом* 'собственно', 'именно'. Однако подобное объяснение отвергалось монголистами вследствие предпринятого ими сомнительного сопоставления этого слова с орхонским *сөнук*, уйгурским *сөнүк* 'кость', ольчским *сөксө*, маньчжурским *сенги* 'кровь'.

То же, что действительно является пока необъяснимым, заключается лишь в соответствии классического **ч** и диалектных **с** (в бурятском

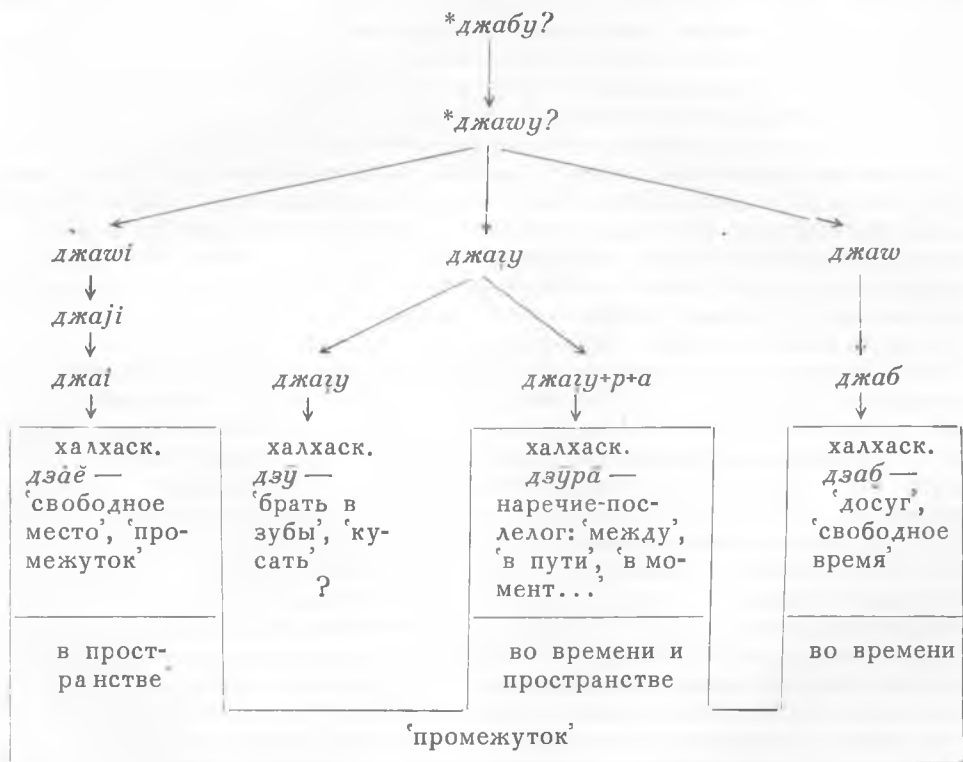
языке **h**) в окончании исходного падежа: классич. **а+ча** = халхаск. **ас**, бур. **ha**; ср. маньчж. **чи**.

Как уже сказано выше, монголисты до сих пор не учитывали наличия первого перелома гласного **i**, исходя в своих исследованиях из теории двух переломов, которые нами определены как второй и третий переломы. Этот первый перелом принципиально отличается от второго и третьего переломов двумя важными особенностями, а именно:

1) второй и третий переломы не затрагивают сферу лексики в том смысле, что изменение звуков не вызывает соответствующих изменений в значении слов, тогда как первый перелом во многих случаях был связан с такими изменениями, о чем см. ниже;

2) второй и третий переломы произошли после того, как в ранних монгольских диалектах смычный ***t** перед гласным **i** уже начал переходить в аффрикату **ч** (надо полагать, в результате своей палатализации, что в свою очередь было вызвано переходом заднего **i** в передний **i**), т. е. около X—XII вв. (второй перелом) и XIV—XV вв. (третий перелом), в то время как первый перелом произошел еще тогда, когда этот смычный **t** перед тем же гласным **i** не начал переходить в аффрикату **ч**¹.

Первый перелом гласного **i** по времени протекал, надо полагать, в ту же эпоху, когда интервокальные **г** и **б ~ w** начали переходить в среднеязычный спирант **ж**, ибо последнее в большинстве случаев сопровождалось также постепенной семантической филиацией слов, что схематически может быть продемонстрировано следующим примером:

¹ О теории двух переломов гласного **i** в монгольских языках см. Б. Я. Влади-
мирцов. Сравнительная грамматика... стр. 176—190, 399.

Нужно заметить, что в современных монгольских диалектах примеры, иллюстрирующие первый перелом гласного *i* после смычного *t*, пока обнаружены в единичных случаях, а именно¹:

1) *чи* ← *mi 'ты',

та ← *mi 'вы', ср. тюрк. *siz*;

2) *чагнā* ← *чинна* ← *тинна ← *тинна 'слушать',

тагнā ← *танна* ← *тинна 'разведовать';

3) *цаёшii* ← *чи* + *на* + *шii* ← *mi + *на* + *шii* 'дальше', 'туда';

4) *терё* ← *те* (ср. *те* + *гун* — основа этого же местоимения) + *ре* ← *mi + *ре* 'тот'.

Ср. бур.: *т'шii* ← *те* + *ji* + *шii* 'туда', *саёшii* ← *чи* + *на* + *шii* ← *mi + *на* + *шii* 'дальше', *тёшii* ← *те* + *ге* + *шii* 'к (туда)'.

Любопытно, во-первых, что вследствие отсутствия условий перелома гласного в соответствующих тюркских эквивалентах двух монгольских слов второй пары не имеет места семантическая филиация: кирг. *тыңшō*, алт. *тыңда* 'слушать', 'подслушивать'.

Во-вторых, очень знаменательно, что в тюркских языках местоимения по числам различаются средствами агглютинации, особым окончанием множественности, тогда как в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках то же самое (кроме включительного местоимения 1-го лица множественного числа, образуемого агглютинативно и, следовательно, возникшего позднее исключительного) достигается средствами внутренней флексии.

Количественная незначительность примеров на первый перелом гласного *i* после сильного смычного *t, которые мы пока обнаружили в монгольских языках, объясняется тем, что в этих языках некогда, вероятно, преобладал в качестве фонемы слабый смычный *d, комбинационным вариантом которого и был первый согласный. Ниже мы увидим, что примеры на первый перелом гласного *i* обнаруживаются в значительно большем количестве именно после этого слабого смычного *d, а поэтому более подробный разбор явлений первого перелома мы сделаем ниже в связи с историей слабой аффрикаты *дж* ~ *ж* ~ *j* ~ *d*.

Повидимому, в силу изложенного и заметно преобладание соответствующих слабых фонем в диалектах Южной Монголии, где обитает около двух третей всего монголоязычного населения Азии (например, ордос. *джусу* 'кровь', *джасу* 'снег', *джиххё* 'уши' и др.; ср. халхаск. соответственно *цус*, *цас*, *чихё* и др.; ср. квадр. письм. *Джиңгис* вместо *Чигис* 'Чингис'). Что фонемы *d* и *t* тесно связаны между собою и дифференцировались сравнительно поздно, видно не только из весьма известных теперь чередований между монгольскими языками и диалектами, но и из окончаний соединительного деепричастия (-*джу*, -*чу*) и одной из форм прошедшего времени изъявительного наклонения (-*джукуй*, *чукуй*), в которых выбор слабого или сильного варианта зависит только от характера конечной фонемы в основе спрягаемого глагола. То же обстоятельство, что согласные *d* и *t*, а также соответствующие им аффрикаты (*дж*, *дз*, *ч*, *ц*, соответственно бурятские *ж*, *з*, *ш*, *с*) не вызывают семантической филиации от одних и тех же первичных основ, также говорит о значительно поздней их фонологической дифференциации, когда в монгольских языках и диалектах внутренняя флексия, как один из лексико-грамматических приемов, уже стала достоянием далекого исторического прошлого в развитии этих языков и диалектов, в которых агглютинация оказалась в это время главным средством выражения лексико-грамматических связей.

¹ Ввиду полной согласованности всех монгольских языков и диалектов, примеры даем только из халхаского диалекта.

Фонема **дз** представляет собой слабую аффрикату с глухой инкурсией и имеется лишь в халхаском диалекте. Этой аффрикате в ойратском и бурятском языках соответствует звонкий спирант **з**, а в классическом, могольском и дагурском языках и южномонгольских (ордосском, чахарском, харачинском и др.) диалектах — шипящая аффриката **дж**, например:

халхаск. *дзүң* = ойратск. *зүн*, бур. *зүң* = дагур. *джау*, ордос. *джү*, классич. *джагун* 'сто';

халхаск. *дзүрә* = бур. *зүрә* = могольск. *джөүрө*, монгор. *джөро*, ордос. *джүрә*, классич. *джагура* 'промежуток', 'середина' (наречие-послелог).

Следовательно, монгольские языки и диалекты делятся на шипящие и свистящие группы и в отношении реализации слабых аффрикат и спирантов.

Фонема **дж**, представляющая собою слабую шипящую аффрикату и произносимая чаще всего с глухой инкурсией, имеется во всех монгольских языках и диалектах, кроме бурятских, где этой аффрикате соответствует звонкий спирант **ж**, аналогичный русскому **ж**.

Таким образом, одной аффрикате **дж** шипящих диалектов соответствует в свистящей группе два звука: в халхаском — **дж** и **дз**, в ойратском — **дж** и **з**, а в бурятском — **ж** и **з**, например:

1) ордос. *джоҗо*, классич. *джоҗу* = халхаск. *дзоҗо* = бур. *зоҗо* ойратск. *зокә* 'остановиться', 'стать';

2) ордос. *джіл*, классич. *джіл*, халхаск. *джил*, ойратск. *джил* = бур. *жил*, севернобур. *јил* 'год'.

В первом случае **дж** ~ **дз** ~ **з** ← **дж** + гласный, кроме **і**, а во втором случае **дж** ~ **ж** ~ **ј** ← **дж** + **і** ← ***ді**, как это разъясняется ниже. В севернобурятских диалектах среднеязычный спирант **ј** (= **дж** ~ **ж** других диалектов) встречается только в начале слова перед **і** (подвергшимся регрессивной ассимиляции в многосложных словах).

Относительно этих междиалектных соответствий следует сказать то же самое, что и относительно соответствий по линии глухих аффрикат **ц** и **ч**, о чем речь шла уже выше. Дело здесь опять-таки в том, что **дж** и **ж** свистящих диалектов соответствует такому **дж** классического языка, который находится в положении перед гласным **і**. Перед остальными гласными **дж** классического языка соответствует халхаскому **дз**, бурятскому и ойратскому **з** и, конечно, ордосскому, чахарскому и другим — **дж**, которые развились из **дж** + гласный, кроме **і**, как выше уже сказано. Развитие этих слабых аффрикат и звонких спирантов такое же, как и развитие сильных аффрикат **ц** и **ч** и глухих спирантов **с** и **ш** (см. выше в схеме), и протекало в общем одновременно с последним в сущности по той же схеме, что видно из таблицы на стр. 100 (Г — гласный, кроме **і**; г — любой гласный).

Но внутри свистящей группы языков и диалектов эти соответствия между ними дают ряд исключений и расхождений, которые объяснимы частью явлениями ассимиляции или диссимиляции (классич. *үсүг* ~ *үдзүг*, халхаск. *үсэг* ~ *үдзэг*, хотогойту *үшүг* 'перо'), частью так же, как и описанные выше явления типа *чохом* ~ *дохом* 'собственно', 'именно', т. е. различными условиями перелома того же гласного **і** (наша схема составлена применительно к третьему перелому) в сочетании ***ді** → **джі**. Например: халхаск. *едзэн*, ойратск. *езн*, классич. *еджен*, бур. *ежн* 'хозяин'.

В шипящих диалектах это слово содержит, конечно, шипящий **дж**.

Период (века)	Диалекты, на основе которых складывались современные языки и диалекты					
	шипящие могольск., дагур., ордос., чахар. и др.	свистящие		шипящие, могольск., дагур., ордос., чахар. и др.	ойратск. и халхаск.	бур.
		халхаск.	ойратск. и бур.			
VII—X	дж + Г	дж + Г	дж + Г	*ді	*ді	*ді
X—XII	дж + Г	дж + Г	дж + Г	джі	джі	джі
XIII—XIV	дж + Г	дз + Г	дз + Г	дж	дж	дж
XIV—XV	дж + Г	дз + Г	з + Г	дж + г	дж + г	ж + Г
Примеры	ордос.	халхаск.	ойратск.	ордос.	халхаск.	бур.
VII—X	джоб	джоб	джоб	*діруга	*діруга	*діруга
X—XII	"	"	"	джіруга	джіруга	джіруга
XIII—XIV	"	дзоб	дзоб	джіро	джіро	джіро
XIV—XV	"	дзoш	зoш	"	джорo	жорo ~ јорo
Значение	'правильный'			'иноходец'		

В данном случае из формы VII—X вв. *едін (ср. орхон. *іді*, уйг. *іді* ~ *еді*, совр. уйг. *едә*) через стадию развития X—XII вв. *еджін* получились:

1) в диалекте классического языка и современных халхаском диалекте и ойратском языке — форма второго перелома гласного *і* того же периода (X—XII вв.) в виде *еджен*, которая после общего перехода *дж* → *дз* продолжала свое дальнейшее фонетическое развитие вместе с общим потоком слов, содержавших искони *дж* + гласный, кроме *і*, выключившись тем самым из потока слов с ранним *ді → *джі*; в результате всего этого получились приведенные выше свистящие формы данного слова;

2) в бурятских диалектах — форма третьего перелома гласного *і* — *ежің* ~ *ежён*, так как при этом переломе шипящий характер изучаемого согласного сохраняется (заметим, что этот третий перелом может и не состояться, так же как и второй, и в обоих случаях характер шипящих согласных остается в общем неизменным).

Иначе говоря, это слово в первом случае развивалось по типу *цохом*, а во втором — по типу *чохом*, о чем выше уже говорилось. Таким же образом объясняются расхождения внутри свистящих диалектов в отношении слов типа: халхаск. *дзурга*, ойратск. *зурган*, восточнобур. *зургаң*, западнобур. *жоргоң*, севернобур. *јоргоң*, классич. *джіруган* 'шесть'.

Следовательно, и здесь третий перелом гласного *і* или отсутствие такого перелома способствует сохранению более раннего, шипящего характера согласного в слоге *джі* ~ *жі* ← *ді. Как уже ясно из изложенного, третий перелом гласного *і* означает отсутствие второго перелома, ибо, конечно, этот гласный в одном и том же слове одного и того же диалекта может подвергаться перелому только один раз.

Поэтому трудно согласиться с утверждением Б. Я. Владимирцова о том, что в данном частном случае форма *еджен* является образова-

нием из *еден*¹. Чтобы разобраться в этом утверждении Б. Я. Владимирцова, нам необходимо сделать некоторые пояснения предварительного характера, в равной степени касающиеся расхождений и по линии глухих **ч—ш** и **ц—с**.

В некоторых словах, которые являются исключениями, приводящими к расхождениям внутри свистящих диалектов, классический язык после **дж** и **ч** имеет не **і**, а какой-либо другой гласный, например: приведенное *еджен*, а также *джалхан* = халхаск. *джахаң ~ джалхаң ~ дзәхаң*, бур. *жахаң ~ зәхаң*, ойратск. *джахан ~ джалхан* 'маленький'. Кроме того, в формах соединительного деепричастия и прошедшего времени мы также находим гласный **у**, а не **і** соответственно **-джу** и **-джухуі**), хотя в этих формах все живые монгольские диалекты содержат лишь шипящий **дж~ж**. Здесь мы видим то же самое явление, которое обнаруживалось выше при разборе слов типа классических *чохум* 'собственно', 'именно' и *күчүн* 'сила', к которым теперь присоединим глухие варианты окончаний соединительного деепричастия и прошедшего времени (**-чу** и **-чухуі**, в диалектах также только глухие **-чи ~ -ши** и **-че ~ -ше**).

Б. Я. Владимирцов исходил из того, что диалект, на основе которого впервые сложился классический язык, не мог иметь перелома гласного **і** ранее XIII—XIV вв. Таким образом, Б. Я. Владимирцов, как видно из его работ, рассуждал примерно так: коль скоро в классическом языке то или иное слово не имеет гласного **і** после аффрикат, то все диалектные чередования по линии этих согласных не могут и не должны объясняться условиями второго или, по-нашему, третьего перелома гласного **і**. При этом Б. Я. Владимирцов фактически полагал, что в словах, вроде *еджен*, гласного **і** никогда не имел ни один монгольский диалект.

Поэтому Б. Я. Владимирцов не находил возможным слова типа халхаск. *чохом ~ цохом* 'собственно', 'именно', *едзен* 'хозяин' или приведенные выше глагольные формы (в халхаской реализации **-джи**, **-дже**, **-чи** и **-че**) рассматривать наряду со словами типа халхаск. *цус* 'кровь' или *адзәргә* 'жеребец', поскольку последние в классическом языке имеют гласный **і** (*чисун*, *аджирга*), тогда как первые не имеют (*чохум*, *едзен*, а глагольные формы соответственно **-джу**, **-чу**, **-джухуі**, **-чухуі**). Исходя из тех же соображений, Б. Я. Владимирцов форму *еджен* совершенно неожиданно возводил к *еден*, не учитывая бурятскую форму *ежиң* и им же приводимые тюркские формы: орхонскую *иді* и уйгурские *еди ~ иди* в том же значении 'хозяин', 'владелец'. Далее Б. Я. Владимирцов аналогичным образом утверждал, что в словах типа *чохом* 'собственно', 'именно' и приведенных глагольных формах шипящие согласные являются исконными и сохраняются до сих пор, не учитывая при этом известную глагольную форму в тюркских языках на **-ди ~ -ди**. Относительно классического слова *киджагар*, халхаск. *х'адзәәр* 'край', 'граница' этот исследователь писал, что оно содержит аффрикату **дж ~ дз**, восходящую непосредственно к смычному **д** в положении перед **а**, впрочем, тут же приводя уйгурское *кыды* в том же значении². Поразительнее всего то, что Б. Я. Владимирцов при этом совершенно не учитывает им же приводимый большой материал на чередование начального среднеязычного спиранта **ј** и аффрикаты **дж**, что бывает лишь при образовании этих звуков из смычного **д** перед гласным **і**, вследствие чего только и может иметь место чередование **ј ~ дз**, **з**, в кото-

¹ См. Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика... стр. 398.

² См. там же, стр. 393—399 и 406.

ром *ж* ← *дж* третьего перелома, а *дз*, *з* ← *дж* — второго, например: классич. *джиджү*, ордос. *джүдхү*, севернобур. *јүтхё* = халхаск. *дзүтгё*, западнобур. *зүтхё*, ойратск. *зүткё* 'напрягать усилия', 'тянуть'; в первых трех случаях мы имеем результат третьего перелома, а в последних трех — второго; но ср. халхаск. *дзасā*, бур. *zahā* = севернобур. *jahā*, ойратск. *јасā* 'исправить', — об этом см. ниже, на стр. 113, где разбираются эти факты вместе со словами типа современного халхаск. *дзам* и старомонг. *јам* (?) 'путь', 'почтовая станция'.

Эти ошибочные построения Б. Я. Владимирцова, совершенно непонятные на первый взгляд, являются следствием того, что часто формы классического языка неукоснительно служили исходной точкой лингвистического анализа данных современных монгольских языков и диалектов почти без какого бы то ни было изъятия в качестве „праформ“. Лишь в случае явной неувязки различных фактов некоторые формы классического языка объявлялись не отражениями фонетических норм устной речи, а орфографическими отступлениями от этих норм, — при этом допускались ошибки обратного порядка, так сказать, „в ущерб“ этому языку, как это мы покажем ниже при разборе слова *джирүца* 'иноходец'.

Исходя из той же монголоведной традиции, Б. Я. Владимирцов чередования *дз*, *з* ~ *д*, наличные как между языками и диалектами (халхаск. *гада*, классич. *гадаца* = бур., ойратск. *газа* 'вне'), так и внутри одного и того же диалекта, где они дают разные слова (халхаск. *гадзэр* 'земля' = *гадэр* 'покров внешний', 'покрой платья'), считал наследием простого чередования более ранних *д* и *дж* (*дз*, *з* — сравнительно новые фонемы, которые еще не были известны всем монгольским диалектам около XIII—XIV вв.). А между тем эти чередования, встречающиеся в немалом количестве, оказываются результатом закономерного развития определенной фонемы, относящегося примерно к дописьменному периоду и подлежащего пояснению ниже, после того, как мы остановимся на разборе нижеисследующих явлений, вообще в монгольских языках немногочисленных.

Словам классического языка *джіца* 'показать' и *джиге* 'дети сестры' (дочери) во всех свистящих монгольских языках, не исключая йокающих диалектов, соответствуют их эквиваленты со свистящим согласным: халхаск. *дзā* и *дзё*, бур., ойратск. *зā* и *зё*; в шипящих диалектах мы имеем, конечно, соответственно *джā* и *джё*, но показания этих диалектов в данном случае значения не имеют в виду полного отсутствия в них свистящих аффрикат. Эти примеры любопытны тем, что они не имеют среднеязычного спиранта *ј*, как следовало бы ожидать вместо начального классического *дж* в положении перед *і* по аналогии со словами типа классич. *джіл*, бур. *жил* = севернобур. *јіл* 'год'. Равным образом прочие свистящие диалекты в этих словах не имеют шипящего *дж* или *ж*, как это показано выше.

Можно было бы думать, что подобное явление объясняется отсутствием в начальном слоге во всех монгольских свистящих языках и диалектах шипящих аффрикат (в бурятских диалектах, конечно, спирантов *ж* и *ш* ← *ч*) в положении перед долгими гласными. И действительно, в этих языках и диалектах шипящие аффрикаты перед долгими гласными первого слога почти не встречаются, за исключением единичных примеров. Выше мы уже имели случай привести халхаск. *джāхāң* ~ *дзāхāң*, бур. *жахāң* ~ *зāхāң* 'маленький'; ср. классич. *джалхан* — шипящий вариант его начального согласного обозначает, что это слово заимствовано из шипящих диалектов (наличие *дз* или *з* свидетельствует о стремлении свистящих диалектов избавиться от начального шипящего *дж* или *ж* перед долгим гласным). В ойратских диалектах подоб-

ный шипящий согласный обнаружен пока лишь в двух словах: в том же *джахан* и, что очень загадочно, в слове *джолн* 'мягкий'. Но в обоих этих ойратских словах шипящий **дж** не восходит к сочетанию **джи**, а долгий гласный образовался так же, как в халхаск. *дзобн*, бур. *зобн* 'мягкий' (о первом слове см. выше), т. е. из **дге**.

Для полноты картины необходимо также учесть и то, что в свистящих диалектах перед долгим гласным первого слога равным образом не встречается и сильная аффриката **ч**, кроме как в исключениях типа:

1) халхаск. *чуллаң* 'сейм', но это слово заимствовано из южно-монгольских шипящих диалектов, центра средневековой феодальной Монголии, и получилось из *чиуллаң*, явной метатезы *чуллаңан*, ср. классич. *чуз* 'вместе', халхаск. *цуллаң*, бур. *суглаң* 'собрание', 'сбор';

2) ойратск. *ча гьрәсн* 'ездовой олень', но халхаск. *ца гьрәс* 'белый олень';

3) ойратск. *чүчал'и* 'кулик'.

Таким образом оказывается, что в свистящих монгольских диалектах шипящие аффрикаты или соответствующие им шипящие спиранты не обычны или крайне единичны в положении перед долгими гласными первого слога. Разумеется, заимствованные слова в данном случае не могут быть учитываемы, пока их влияние не окажется заметным в фонетическом облике того или иного монгольского языка или диалекта (вроде монгорского или могольского). В незаимствованных словах обозреваемые аффрикаты или спиранты встречаются лишь перед долгим *и* первого слога: бур. *жи* 'вытягиваться', халхаск. *чик* 'сырость', но это явления особого порядка.

Начальный звонкий шипящий **дж** или **ж** в свистящих диалектах отсутствует и перед гласными в тех случаях, когда классическому **дж** в йокающих диалектах соответствует свистящий **з**, но не среднеязычный **ж** (как это бывает при наличии классического **джи**), например: классич. *джиҕасун*, халхаск. *дзайс*, ойратск. *загсн*, бур. (включая и йокающие диалекты) *загһаң* 'рыба' (но в языке западных монголов XIV в., по данным Араба-Филолога, — *джаҕасун*, но тогда, во-первых, **дж** еще вообще не перешел в **дз** и, во-вторых, запись могла быть сделана у представителей шипящего диалекта).

Чем же в таком случае объяснить классическое написание **джи** в приведенных нами словах *джиҕа* 'показывать', *джиге* 'сын сестры (дочери)', *джиҕасун* 'рыба' и, прибавим еще, *кеджије* = халхаск. *кедзэ* 'когда', а равно *кеджиге* = халхаск. *кедзэге* 'коса', 'волосы'?

Б. Я. Владимирцов, разбирая некоторые из этих слов¹, предполагал, что **дз** ← **дж** объясняется переломом гласного *и* в более раннее время (по нашему определению, здесь речь идет о втором переломе этого гласного). Но это объяснение не может удовлетворить нас полностью, ибо при этом в общей совокупности не учитываются изложенные нами выше обстоятельства, а соответствующие примеры разбираются вкуче со словами часто иного рода, которые в своем звуковом составе хотя и содержат сочетание **джи**, но в разных диалектах дают как **дж**, **ж** и **дз**, **з**, так и **ж**, например: классич. *джирүҕан*, ордос. *джурә*, халхаск. *дзурә*, ойратск. *зурган*, восточнобур. *зургаң*, западнобур. *жоргоң*, севернобур. *јоргоң*, дагур. *д'ирго* ~ *джирго*, бур. (нижнеудинск.) *јиргоң* 'шесть'.

¹ См. Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика..., стр. 397—399.

Наш разбор мы начнем с последнего примера, в котором свистящий характер аффрикаты **дз** или спиранта **з** объясняется, как уже сказано, условиями второго перелома, т. е. переходом гласного **і** в лабиализованный **у** под влиянием такого же гласного второго слога. И так как после лабиализованного **у** по закону сингармонизма гласных в монгольских языках никоним образом не может следовать в следующем слоге нелабиализованный **о**, то вполне естественно, что это числительное в своих свистящих вариантах принимает вид *дзургаң* или *зургаң*. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в монгольских языках процесс стяжения слогов действительно начал иметь место сравнительно поздно, после того как в свистящих ныне диалектах процесс перехода исконого **дж** в свистящий **дз** уже в основном завершился:

*дирүған → (X—XII вв.) *джирүған* → (примерно к концу X—XII в.) *джурүған* → *дзурүған* → *дзурүһан* → *дзурү'ан* → *дзурга'ан* → *дзургаң*, или *зургаң* 'шесть'.

В некоторых шипящих (ордосском, чахарском и др.) диалектах мы находим *джургаң* или *джурга*, в которых перелом гласного **і** под влиянием лабиализованного **у** второго слога произошел рано, поскольку речь идет о данном слове, т. е. до стяжения слогов, до того, как *уга* перешло в долгий **о** или **а**, ибо в противном случае получилось бы *джоргон* и *джиргон*, что произошло в дагурском языке, или *джаргаң* и *джиргаң*, как это случилось в западномонгольской речи XIV в., где мы находим также любопытный пример: *шибан* ← *шиба'ан* ← *шиба'ун* ← *сбагун* 'птица' (все прочие монгольские диалекты дают это слово в виде *шубу* ~ *шобу* ~ *шуву* ~ *шогу* ~ *шибу* ~ *шiwу*, но монгор. *шү*). Но как рано произошел этот перелом в шипящих диалектах, мы не можем сказать, так как при всех условиях перелома в этих диалектах прочно сохраняется шипящий характер аффрикат. Иначе обстоит дело со свистящими диалектами, где самый факт наличия свистящей аффрикаты **дз** или спиранта **з** говорит о происшедшем втором переломе гласного **і** (отсюда халхаск. *дзургаң*, ойратск. *зургаң*, восточнобур. *зургаң*). Такова история этого слова с вариантом **у**.

В других шипящих и свистящих диалектах фонетическая эволюция разбираемого нами слова проходит, наоборот, при условиях более позднего, или третьего перелома гласного **і** или отсутствия этого перелома, что с точки зрения судьбы начального согласного одно и то же. В этих диалектах сначала слоги *уга* образуют долгий **о** (или **а**, как в некоторых западномонгольских диалектах XIV в.), что было неизбежно при отсутствии в первом слоге лабиализованного **у**, а затем гласный **і** переходит в краткий **о** или сохраняет свое прежнее качество: монгор. *джиргон*, дагур. *джирго* ~ *дирго*, бур. (нижнеудинск.) *жиргон*, севернобур. *жоргон*, западнобур. *жоргон*, ср. квадр. письм. *джирго'ан* — по документу 1276 г.

Последние варианты имеют исключительно важное значение в том отношении, что они позволяют установить более поздний характер чередования **дж** ~ **ж**, ибо в противном случае мы в каком-нибудь монгольском диалекте должны были бы найти йокающий вариант с гласным **у** — что-нибудь вроде *жургаң*, которого так же нет, как и нет *дзоргон* или *зоргон* (ср. также отсутствие явлений типа *дзол* ~ *зол* или *дзор* ~ *зор* вместо *джил* ~ *джол* ~ *джол* ~ *жол* ~ *жол* ← *джилуга* 'поводья', или *джир* ~ *джор* ~ *джора* ~ *жор* ~ *жор* ← *джируга* 'иноходец').

Выяснение последнего обстоятельства и было основной целью нашего длительного экскурса, так как оно должно будет иметь очень важное

значение при решении поднятых нами выше вопросов о межязыковых и междиалектных соответствиях и лексических чередованиях, а именно:

1) классич. **джі** = совр. языки **дж** ~ **дз** ~ **з** + гласный, кроме **і** (слова типа классич. *джігасун*, халхаск. *дзайгс* 'рыба');

2) соответствия между языками и диалектами **д** ~ **дз**, **з** (слова типа халхаск. *гада*, ойратск., бур. *газа* 'вне');

3) лексические, точнее, фонетические чередования, имеющие лексическую значимость, **д** ~ **дз**, **з** (слова типа бур. *гадър* 'внешний покров', 'покрой одежды', *газәр* 'земля' — табуистическое наименование нашей планеты), и

4) ранние чередования между языками и диалектами **дж** ~ **ј** (типа *джам*, *јам* 'дорога', 'почтовая станция'), частично имеющиеся и теперь [ойратск. и северно- и восточноордос. *јасә*, ольхон. и бур. (нижнеудинск.) *јаһә*, классич., ордос. *джаса*, халхаск. *дзасә*, бур. *заһә* 'исправить'; северно- и восточноордос. *јасә* отражает, вероятно, ойратизм, ибо ойратские этнические элементы мелкими оазисами разбросаны по всей Южной Монголии, например, *элэты* и т. д.].

Относительно чередований или соответствий первого типа вопрос, собственно, ставится так: почему в словах *джігасун* 'рыба', *джіга* 'показывать', *джиге* 'дети дочери или сестры', *геджиге* 'коса', *кеджиге* 'когда' и др. наличествует написание **джі**, несмотря на то, что во всех свистящих диалектах имеется не шипящий согласный, а свистящий **дз**, **з**? В данном случае, принимая во внимание вышеизложенное, априорно можно сделать два предположения.

Во-первых, можно думать, что классическое написание **джі** вместо ожидаемого **джа** или **дже** объяснимо узаконением позднейшего южно-монгольского обыкновения писать **джі** и там, где **дж** никоим образом не восходит к смычному ***д** сочетания ***ді** → **джі**. Это, с одной стороны, как бы приближает написание к норме южномонгольского произношения, а, с другой — создает искусственно архаизированные формы для свистящих диалектов и фактов исторической фонетики. Нужно заметить, что подобные архаизированные формы написания встречаются даже в самых обыденных словах, например: *киі* или *кејі* вместо *кі*, ибо в устной речи произносят *х'і* 'делать' (таким образом, здесь отражается долгота, которая образовалась в этом слове не из стяжения двух слогов, а в силу того, что краткие гласные открытого односложного слова удлинились во многих монгольских диалектах).

Такая гипотеза предполагает, что классическое написание **джі** воспроизводит в этих словах **дж** + гласный, кроме **і**, X—XII вв.; это сочетание позже в свистящих диалектах дало **дз** и **з**, которые в данном образовании не могут чередоваться со среднеязычным спирантом **ј** йокающих диалектов типа севернобурятского (остальные йокающие диалекты совершенно не изучены, а данные внутрнемонгольского туметского диалекта, якобы йокающего, еще не проверены). А эти известные нам йокающие диалекты йотируют лишь начальный **дж** (+ **і** ← ***ді**), но не исконный **дж** ~ **ж** → **дз** ~ **з**. Поэтому это йотирование не следует смешивать с более ранним йотированием, а эти севернобурятские йокающие диалекты не могли сложиться из тех монгольских диалектов XIII в., в которых наблюдалось наличие начального же среднеязычного спиранта **ј** вместо **дж** (позже → **дз** и **з**) других диалектов, как склонен был думать Г. Рамstedt. Нет никаких оснований предполагать, что севернобурятские диалекты в период отражения сочетания **джі** ← ***ді** в йотированном виде перестали йотировать в словах типа *захә* 'край' или *зун* 'сто'.

Во-вторых, можно также предположить, что не позднее VII—X вв. эти слова действительно произносились в виде *дигасун*, *дига*, *диге* и т. п.,

может быть, и без нынешних формантов **-сун, -га** или **-је**. Если это так, то в X—XII вв. смычный ***д** перед **і** перешел в аффрикату **дж**, а этот гласный **і** затем подвергся перелому в конце тех же X—XII вв. во всех монгольских диалектах того времени, вследствие чего **дж** ← ***д** в своем последующем развитии попал в свистящий ряд, дав **дз** или **з** во всех современных монгольских диалектах. А мы уже знаем, что **дз** или **з** подобного образования, как следствие второго перелома гласного **і**, также не может чередоваться со среднеязычным **і**.

Следовательно, тот факт, что йокающие диалекты в обозреваемых словах не имеют этого спиранта **ј**, может быть объяснен и при втором нашем предположении.

Только в диалектах, близких тому, на основе которого сложился в XII—XIII вв. классический монгольский язык, этого второго перелома гласного **і** не произошло, а потому в обозреваемых словах этот язык сохраняет написание **і**. И, действительно, в устной западно-монгольской речи XIV в. среднеазиатские филологи того времени зарегистрировали форму *джігасун* 'рыба'. Если даже считать все диалекты этой разноплеменной речи шипящими (такими их описывают среднеазиатские филологи, к тому же в XIII—XIV вв. свистящих диалектов вообще еще не было), то все же наличие гласного **і** в первом слове этого слова абсолютно исключает первую нашу условную гипотезу (но ср.: *джа'а* 'указал' или, у Араба-Филолога, *джігасун* 'рыба', что, впрочем, говорит о наличии второго перелома). Кроме того, туркм. *джіні* 'младший брат' или 'младшая сестра' как будто бы вполне оправдывает монгольское *джіге* 'дети дочери или сестры'.

Следовательно, классические формы *джігасун*, *джіга* и т. д. отражают состояние, происшедшее почти всеми монгольскими диалектами к концу XII в., в период второго перелома гласного **і**. Через этот этап развития несколько позже проходили лишь немногие монгольские диалекты средневековья, на основе одного из которых складывался классический язык. Таким образом, этот классический язык является уж не таким субстратом, к которому надо во всех случаях прибегать при решении вопросов истории монгольских языков.

Изложенное обязывает нас учитывать то обстоятельство, что разные монгольские диалекты по-разному проходили через три этапа перелома гласного **і**. Процесс перелома этого гласного протекал далеко не равномерно даже в рамках одного и того же диалекта, в рамках его лексического состава. Мы не говорим уже о одновременности прохождения этого процесса в разных монгольских диалектах, что надо строго учитывать в их конкретных схождениях и расхождениях, обусловленных бурными социальными событиями, в силу которых в исторически засвидетельствованное время происходило то смешение ряда племен и наречий, то расселение одноплеменных родов и поколений от Байкала до Кукунора, от Хингана до Кавказа. Именно поэтому и получились многочисленные исключения из изложенных правил перелома гласного **і**.

Кроме рассмотренных нами случаев второго и третьего переломов гласного **і**, как уже сказано выше, в монгольских языках имеются явления, которые могут быть объяснены лишь условиями первого перелома и к которым Б. Я. Владимирцов присоединял исключения типа халхаск. *едзёң* 'хозяин', исходя только из данных классического языка, без учета бурятской формы этого слова (*ежің*), и из теории лишь двух переломов: раннего, до XIII в., и позднего, около XIII—XIV вв. Мы имеем в виду чередования и соответствия второго и третьего типов (по приведенному выше перечню вопросов, подлежащих рассмотрению), а именно (пока даем примеры на чередования и соответствия второго

типа): классич. *хаджаңар*, староклассич. *хадаңар* (вместо *кадаар?*), могольск. *кадър*, западномонг. XIV в. *кадър* ~ *кадл*, дагур. *хаддла*, монгор. *гадар*, шара-уйг. *кадыр*, бур., ойратск. *хазар*, халхаск. *хадзар*, ордос. *хаджар* 'узда'; классич. *джергеле*, халхаск. *дзергелё*, западномонг. XIV в. *джергеле* 'сравниваться'; классич. *гадаңа*, халхаск. *гада*, монгор. *гада*, бур., ойратск. *газа* 'вне', 'во дворе'; западнобур. *досб*, восточнобур. *зосб* 'внутри'.

В этих примерах, которые можно было бы еще умножить, мы видим межязыковые и междиалектные чередования **дз (з, дж) ~ д** в составе одних и тех же слов, характеризующихся общностью своих значений, отклонения от которых в случаях наличия таковых могут быть объясняемы факторами нефонетического порядка. С чисто фонетической точки зрения эти примеры ничем не отличаются от чередований третьего типа, т. е. чередований не между языками и диалектами, а между разными словами одного и того же диалекта, в том же порядке повторяющимися иногда почти во всех остальных монгольских языках и диалектах. Иначе говоря, в примерах второго типа мы видим лишь фонетическую дифференциацию слов по диалектам, а в явлениях третьего типа — то же самое внутри одного и того же диалекта, но сопровождаемое семантической филиацией слов: классич. *адугун*, халхаск. *адү*, ойратск. *адүн*, бур. *адун* 'лошадь' (вообще), 'конский табун', *√аду-*; классич. *адугусун* ~ *адагусун*, халхаск. *адусан* ~ *адгусан*, ойратск. *адусн*, бур. *аданан* 'скот', 'скотина', 'зверь', 'животное' (вообще), *√аду-*; классич. *аджирга*, халхаск. *адзргга*, ойратск. *аджргга*, бур. *азргга* 'жеребец', *√адж-*.

Так как сущность примеров подобного рода одна и та же, то следующие примеры приводим, опуская совпадающие показания разных диалектов: халхаск. *гадзэр* 'земля', *гадэр* 'внешний покров', 'покрой платья'; бур. *зергё* 'ряд', 'сорт', 'степень', *дергедё* (наречие-послелог ← ← *дерге* + *де* — окончание дательного-местного падежа) 'рядом, около'; халхаск. *гедёртё*, монгор. *идёртү* 'назад', 'обратно', халхаск. *гедзёгё*, ордос. *геджиге*, ойратск. *иджигё* 'коса' (волосы), *√гед-* и *гедж-*; ср. халхаск. *гед* ← *гедей* 'откидывать голову назад, приподнимая грудь' и *гетё* 'следить', 'выслеживать'; классич. *доліг* ~ *дзоліг* 'выкуп', бур. устар. *доліг* 'изгой', *золіг* 'ламские фигурки из теста, заменяющие человека-изгой'; бур. *цүзён* 'желудок', 'требуха', 'брюхо', *гүдөһөн* 'кишки'; ср. халхаск. *цүзё* 'брюшко', *гедёс* 'брюхо', 'живот', 'кишки'; бур. устар. *наёжа*¹ 'покровитель дома из шаманов', *наёда* 'надеяться'; халхаск. *дам* 'через' (кого, вторые руки, например, взять у кого или дать кому взятое у третьего лица; *дам дам* 'от одного к другому'), *дзам* 'дорога', 'путь' ← старомонг. *джам* ~ *јам* 'почтовая станция', 'передаточный пункт' (ср. загадочные севернобур. *зем* 'тропа', 'дорога' и *јем* 'тропа' — связь этих слов с приведенным *дзам* крайне сомнительна, хотя Т. А. Бертагаев склонен ее допускать)²; севернобур. *ажал* 'работа', *адал* 'хозяйство'.

Подобного рода чередования и соответствия в монгольских языках и диалектах учтены далеко не полностью, так как последние в лексическом отношении совершенно или почти не изучены. То обстоятельство, что мы выше так подробно остановились на разборе явлений типа *дзурган*, *жортоң*, *јортоң* и *джурган* 'шесть' и т. п., должно нам теперь помочь решить вопрос и о последнем явлении. При решении этого вопроса мы должны учесть, что:

¹ Б. Я. Владимирцов ошибочно сопоставлял это слово с тюркским *јара* 'подходить', 'быть годным', так как он не предполагал наличие первого перелома гласного *і*; см. его: Сравнительная грамматика... стр. 370.

² Ср. кит. *чжльнь* ← *чжам* в том же значении.

1) с фонетической точки зрения приведенные типы чередования **дж** (**дз**, **з**) ~ **д** — явления одного и того же порядка, хотя они и по-разному используются в речи;

2) эти чередования имеют и лексическое значение, т. е. служат средством семантической филиации слов, в результате чего получаются разные по значению слова, восходящие к одному и тому же слову. В этом смысле явления, связанные с первым переломом гласного **і**, существенно отличаются от явлений второго и третьего переломов этого же гласного, представляя собою отдаленный отзвук того, что было одной из норм в давно затерянном в глубине веков состоянии алтайских или, может быть, даже „протоалтайских“ языков, ибо ко времени образования алтайской или монголо-тюркской разноплеменной речи эра доагглютинативного состояния была уже далеким историческим прошлым;

3) чередование **дж** (**дз**, **з**) ~ **д** никоим образом не следует смешивать с чередованием **дж** ~ **дз** (**з**), ибо последнее в целом отражает различное развитие шипящего **дж** в условиях второго и третьего переломов гласного **і** в разных монгольских языках и диалектах;

4) в ордосском и монгорском диалектах мы соответственно находим *джіге* и *джерге* вместо, например, бурятского *зерге* ‘ряд’, ‘сорт’, ‘степень’, т. е. гласный **і**, так же, как в ойратском *иджігё*, классическом *геджіге* ‘коса’ (волосы);

5) в соответствующих случаях тюркские и тунгусо-маньчжурские языки иногда имеют гласный **ы** или **и**, а также согласные **д** и **ј**, например: халхаск. *адзэриг* ~ *адзэригэ* — якут. *атыр*, орхон. *адгыр*, кирг. *ајгыр*, эвенк. *адирга* ‘жеребец’; халхаск. *адүң* ‘лошадь’ (вообще), ‘конский табун’, *адүсэң* ~ *адүсэң* ‘скот’, ‘скотина’, ‘животное’, ‘зверь’, *√аду* ← ← *аді*; ср. тувин. *адык*, кирг. *ају*, тур. *ајі* ‘медведь’; халхаск. *гедэриг* ‘назад’, ‘обратно’, *√еде* ← *геді*; ср. кирг. *кіјин*, уйг. *кидин* ‘после’;

6) в ряду приведенных чередований согласных в рамках современных монгольских языков и диалектов отсутствует среднеязычный спирант **ј**, которого с известным вероятием можно было бы ожидать со стороны севернобурятских йокающих диалектов и который так обычен в тюркских языках, где он чередуется со смычным **д** или (якутским) **т**, тем самым обнаруживая общую этимологию слов со значениями ‘жеребец’ и (вероятно, в результате табу) ‘медведь’.

ПЕРЕЛОМЫ ГЛАСНОГО **і**

Все изложенное выше позволяет нам установить, что чередование **дж** (**дз**, **з**) ~ **д** восходит к X—XII вв., когда аффриката **дж** уже была результатом развития палатализованного ***д** перед гласным **і** в ходе второго перелома последнего. Это — тот самый **дж**, который затем в свистящих диалектах развился в свистящий **дз** или **з** (в условиях второго перелома гласного **і**: халхаск. *едзэң* ← *еджен* ← *еджін* ← *едін ‘хозяин’) или сохранил свой шипящий характер (в условиях третьего перелома того же гласного или отсутствия этого перелома вообще: бур. *ежің* ~ *ежен* ← *еджін* ← *едін), о чем мы уже много говорили.

Что же касается второго компонента в нашем чередовании, т. е. смычного **д**, то он представляет собою современное отражение в монгольских языках более раннего согласного ***д** (надо полагать, приблизительно этого же качества) в положении перед гласным **і** ~ **і**, сохранившегося до сих пор благодаря перелому последнего еще в VII—XII вв. Следовательно, этот **д** относится к свистящим **дз** и **з** так же, как последние в свою очередь к шипящим **дж** и **ж**: в том и другом случае мы видим опережение на один перелом гласного **і**.

Поэтому совершенно не случайно, что в современных монгольских языках и диалектах согласный **д** так же, как и сильный **т**, а равно и соответствующие аффрикаты **дз**, **д** и спиранты **з** и **с**, никогда не встречаются в положении перед **і** (конечно, за исключением заимствованных слов последнего времени).

Таким образом, в истории развития монгольских языков и диалектов ранний гласный ***і̄** ~ **і** в положении после раннего смычного ***д** подвергся перелому три раза, если иметь в виду его судьбу в разных словах одного и того же диалекта или в одном и том же слове, но в разных диалектах, что с точки зрения схемы развития одно и то же. Иначе говоря, мы видим здесь следующие три перелома:

а) первый (около VII—X вв.) — согласный ***д** еще не переходит в аффрикату **дж** и сохраняется благодаря тому, что ***і̄** ~ **і** переходит в другой гласный (***кад̄гар** → **кадгар** → могольск. **кад̄ар** 'узда');

б) второй (около X—XII вв.) — согласный ***д** переходит в аффрикату **дж**, а гласный ***і̄** ~ **і** в части диалектов в ряде случаев подвергается перелому, вследствие чего образуются междиалектные **джи** и **дж** + любой гласный, кроме **і** и **о**; в этих словах аффриката **дж** затем в ряде диалектов переходит в свистящие **дз** и **з** (***кад̄гар** → **каджгар** → **кадзар** → **кадзар** → халхаск. **хадз̄ар**, бур. **хазар** 'узда');

в) третий (около XIV—XV вв.) — аффриката **дж** сохраняется как при наличии данного перелома гласного **і**, так и при отсутствии его (классич. **хаджгар**, ордос. **хаджар** ← **каджгар** 'узда'; в свистящих диалектах этого варианта данного слова не могло получиться, так как в этих диалектах перелом гласного **і** и развитие **дж** → **дз** в данном слове произошли раньше), но в бурятских диалектах изменяется в спирант **ж**, а в йокающих (в начальном положении и именно в это время, что подтверждается характером стяжения вторых слогов с гласными **у** + **а** → **о**, о чем см. выше) — в среднеязычный спирант **ј** (халхаск. **джарг̄ал** ← **джиргал** → бур. **жарг̄ал** ~ **јарг̄ал** 'счастье'; халхаск. **джил** ← **джил** → бур. **жил**, севернобур. **јил** 'год').

Здесь мы показали такой путь фонетического развития формы VII—X вв., который дал в разных монгольских языках и диалектах различные варианты одного и того же слова, не создав семантическую филиацию в рамках одного и того же диалекта. Теперь в схематическом виде проследим судьбу одного коренного слова, которое в VII—X вв. имело форму ***кад̄і** с разграничившимися потом значениями так, как последние отложились в рамках одного аларо-бурятского говора (см. таблицу на стр. 110).

Ср. халхаск. **хаджас** 'оторочка', **хаджі** 'оторачивать', **хадур** 'коса', **тар'ан'і хадур** 'серп' (букв.: „хлебная коса“); харач. **хадур** 'топор', монгор. **гадир** 'серп'.

Как видно из схемы, в чередование **дз**, **з** ~ **д**, поскольку это касается свистящих монгольских диалектов, вклинивается еще и шипящий **дж** или **ж** — как следствие третьего перелома гласного **і**. Ср. еще бур. **ажал** 'работа' (следствие третьего перелома) ~ **адал** 'хозяйство' (следствие первого перелома) или весьма любопытное развитие в халхаск.: **джурум** ← **джирум** ← **дирум** ← ***д̄ирум** → **дирум** → **дурум** → **дурим** (в первом случае при третьем переломе получилось слово со значениями 'порядок', 'обычай', 'строй', а во втором при первом переломе с „метатезой“ гласных — другое слово с иными значениями 'обычай', 'положение', 'устав'; корень этих слов √**д̄ир**-, который в условиях второго перелома дал **джир** → **джур** → **дзур** → халхаск. **дзур** = ордос. **джура**, классич. **джир** 'рисовать', 'чертить', отсюда бур. **зур** 'обычай', 'линия поведения').

Последние примеры весьма любопытны тем, что они дополняют наши редкие данные о метатезе звуков или слогов, сопровождаемой

Период (века)	*kadī-				
VII—X	*kadī-			kadu-	
X—XI	kadjī-				
XII—XIII	каджа-				
XIII—XIV	кадза-				
XIV—XV	хадза-	хаджі-	хаджі + ʒур	хаду + ʒур	хаду-
Современное	хазā-	хажі-	хажур	хадур	хадā-
Значение	‘кусать’, ‘брать в зубы’	‘отграти- вать’	‘коса’, ‘серп-гор- буша’	‘серп (со- временный)’	‘жать хлеб’, ‘заколачи- вать’

семантической филиацией: 1) халхаск. *шүтэ* ← *шитү* ‘уповать’, ‘верить’, ‘веровать’, *түши* → *түши* ‘опираться на что’, ‘надеяться на кого; 2) классич. *хабур* ‘весна’, *хубар* → халхаск. *ховор* ‘скудный’, ‘редкий; 3) бур. *хашā* ← *хаші* ‘прижимать’, ‘притеснять’, *шахā* ← *шиха* ‘выжимать’, ‘вжимать; 4) бур. *зү* ← *джегү* ‘носить, привесив, пристегнув или приколол’, *зө* ← *джүге* ‘тащить’, ‘перевозить’, *зү* ← *джагу* ‘взять в зубы; ‘нести в зубах’, ‘кусаться’, *зө* ← *джуга* ‘собирать’, ‘таскать в одно место (в этих примерах метатеза гласных переплетается с чередованием их по рядам, в результате чего получается четыре глагола с разными, но сравнительно близкими, значениями от одного пока не ясного корня).

Таким образом, мы можем теперь проследить развитие смычного *д, находившегося или оказавшегося к VII—XII вв. в положении перед гласным *ī ~ і, в разных монгольских диалектах, развитие, которое определялось в зависимости от периодов перелома этого гласного и может быть со своими закономерностями схематически представлено в следующем виде:

Положение исходного *dī ~ dī в слове	Современные мон- гольские диалекты	Согласные		
Начальное	свистящие	д	дз, з	дж, ж
	йокающие			ј
	шипящие		нет	дж, ж
Срединное	свистящие	д	дз, з	дж, ж
	йокающие			
	шипящие		нет	
Примерная дата перелома гласного *ī ~ і (века) в поло- жении после:	д	VII—X	X—XII	нет
	дж	нет	”	XIV—XV
Переломы гласного ī ~ і (порядок) в целом		I	II	III

Как видно из схемы, для сочетания *дї ~ дї не было третьего перелома гласного *ї ~ і, так как это сочетание полностью исчезло к концу XII в., а для сочетания джі не было первого перелома, ибо оно развилось из *дї ~ дї лишь около X—XII вв.; шипящие диалекты не знали второго перелома, а поэтому у них нет соответствующих свистящих фонем. Даты даны, конечно, сугубо ориентировочно, с возможным учетом первых данных о монгольских языках и их параллелей в тюркских языках, а также исторических сведений о народах Центральной Азии первого тысячелетия нашей эры.

Представленная нами шкала соответствий и чередований как между разными монгольскими языками с их диалектами, так и внутри каждого из них раскрывает лишь общую картину их фонетического развития, которая в каждом данном конкретном случае нуждается в уточнении. Так, например, если в одном каком-либо диалекте находятся примеры на разные переломы гласного *ї ~ і, то из этого никак не следует думать, что эти переломы в какой-нибудь группе слов произошли именно в данном диалекте, ибо всегда необходимо учитывать беспрерывный поток заимствований из одного диалекта в другой. Такое явление может быть следствием контакта, общения и схождения разных диалектов, каждый из которых вступает в эти процессы, уже имея свой ранее сложившийся лексический запас со своими фонетико-семантическими особенностями и особыми нормами грамматического развития. Если, например, в севернобурятском диалекте мы ныне находим и *зүтхэ* (← *зүдхү* ← *джүдкү* ← *джидкү* → *јидкү* → *јүдкү* →) и *јүтхэ* 'тянут', то это, вероятно, потому, что на данном диалекте теперь говорят племена булагат и эхирит, ранее имевшие свои особые диалекты, в одном из которых данное слово прошло через второй перелом гласного *і*, а в другом — через третий.

Таким образом, наша шкала показывает довольно пеструю картину образования современных монгольских языков и диалектов, даже таких, как севернобурятские, которые считались наиболее „чистыми“ среди прочих бурятских диалектов. Эта шкала дает нам также возможность как-то, хотя бы приблизительно, периодизировать трансформацию лексико-грамматических категорий (например, установить, когда ориентировочно в монгольских языках сложились формы соединительного деепричастия и прошедшего времени изъявительного наклонения) и характер словотворчества на ранней ступени развития этих языков, тем самым установить периоды развития последних и причины, вызвавшие это развитие, поскольку такая периодизация позволяет приурочивать излагаемое к определенному моменту в истории народов и племен Центральной Азии.

Теперь мы можем и должны отделаться от того своеобразного тюркологического тумана, в наведении которого тюркологи и монголисты повинны в равной степени. Так, монголисты упорно считали и считают, что знак *yod*, обозначающий в старомонгольском алфавите и среднеязычный спирант *j* и гласный *i* во многих словах типа классич. *джіруға* (халхаск. *джорō*, севернобур. *јорō*, ордос., дагур. *джірō*, монгор. *джіоро*, эвенк. *дїре ~ джірō*) 'иноходец', передает не гласный *i*, а другой, а именно *o*, т. е. форма классического языка в данном случае якобы представляет собою лишь орфографическую особенность, продиктованную стремлением ранних монгольских грамотеев изобразить в этом слове не *джіруға*, а *джоруға*. Стало быть, это слово в устной монгольской речи якобы никогда не имело фонемы *i*, хотя ни один монголист не возражал и не возражает против того, что здесь эта фонема в случае своей наличности в устной речи непременно была бы в письме изображена именно с применением того же знака *yod* по

аналогии со словами типа классич. *джілуға* = халхаск. *джолō*, севернобур. *јолō* 'поводья', в котором все монголисты видят действительное отражение реального в устной речи гласного *і*. При этом монголисты упорно игнорировали такие важные обстоятельства, как то, что:

1) в письме знак *yod* действительно допускается для передачи любого гласного в положении после шипящих и палатализованных согласных либо малограмотными писцами, либо в заимствованных словах, а также в случаях, когда какое-либо малоупотребительное слово из устной речи впервые попадает в лексику письменного языка очень поздно, ибо при этом подобное слово оказывается графически представленным в своей новой фонетической оболочке, чего не бывает со словами, попавшими в этот язык столетиями раньше в своей ранней форме (ср. английскую орфографию); возможны и обратные случаи, когда слово, попадая в письменность, искусственно архаизируется;

2) в монгорском, ордосском, дагурском и прочих монгольских языках и диалектах, а равно в говорах эвенкийского языка, это слово и ныне содержит гласный *і* (примеры см. выше);

3) в йокающих диалектах это слово содержит начальный спирант *ј*, который во всех словах подобного типа соответствует шипящему *дж* ~ *ж* других диалектов, только в положении перед *і*, переходящим часто в другой гласный.

Почему же монголисты упорно твердят о том, что монгольские языки в подобных словах никогда не имели гласного *і*? Да потому только, что в соответствующих тюркских лексических параллелях имеются другие гласные, а не наш *і*, например, кирг. *джорго*, алт. *јорго* 'иноходец' и т. д. Раз, говорят монголисты, в тюркских языках нет гласного *і*, то его не было и не должно быть в монгольских языках, ибо эти, мол, тюркские языки отличаются исключительным „консерватизмом“ по части сохранения „исходного“ вокализма. А если иногда такой гласный находился в каком-нибудь монгольском языке, то он объявлялся либо случайным фактом, либо новым образованием.

Таким образом, современный тюркский вокализм ошибочно представляется явлением, которое сохраняется якобы в „чистоте“ с незапамятных времен и по которому должна строиться историческая фонетика монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Ни один лингвист не задумывался над тем, что современный тюркский вокализм может быть результатом эволюции иного, прошлого состояния, о котором правомерно было бы судить по данным других языков. Почему? Да потому только, что хронологически енисейско-орхонская письменность на несколько столетий древнее монгольской и маньчжурской, а „исходное“ состояние всех алтайских языков рассматривается применительно к строю тюркских языков середины I тысячелетия нашей эры.

Совершенно очевидно, что если бы все монгольские слова с написанием *джи* или *чи* имели свои этимологические параллели в тюркских языках с иной огласовкой, то во всех этих словах такое написание было бы объявлено лишь орфографической особенностью, обусловленной характером монгольской графики, и не соответствующим состоянию монгольского вокализма. И это невзирая на все показания живых монгольских языков и закономерности в их фонетическом развитии! К счастью, не все монгольские слова имеют свои этимологические параллели в тюркских языках, с которыми монгольские языки в угоду ложной концепции оказались в целом связанными так же в антиисторическом плане, как в случае с приведенным словом *джіруға* 'иноходец', что дает искаженную картину.

Равным образом по той же причине объявляется лишь орфографической особенностью написание *і* в словах типа классич. *джірукен* =

халхаск. *дзүрэх*, бур. *зүрхён*, дагур. *джүрүг*, монгор. *джерге* 'сердце'; ср. тюркские *джүрөк* или *јүрөк* (будто бы от *джүр* или *јүр* 'быть в движении', но в таком случае: халхаск. *ир*, классич. *ире*, бур. *јир* 'приходить, прибывать!'). А между тем это написание отражает всего лишь отсутствие второго перелома гласного *і* в диалекте классического языка, тогда как в свистящих диалектах соответствующие формы оказываются следствием именно этого второго перелома в данном слове, а в шипящих диалектах — третьего перелома, который не произошел лишь в монгорском варианте *джерге*, совершенно не учтенном при решении данного вопроса. В последнем случае нужно было учесть также наличие гласного *і* в слове, этимологически связанном с *джи-рүкен* 'сердце', а именно — *джикелі* 'жертвенная шкура животного со всем осердием'. Это слово зарегистрировано в „Сокровенном сказании“, и ему соответствует форма второго перелома гласного *і*: классич. *джүкүлі*, бур. *зүхёлі*.

После того как мы рассмотрели соответствия и чередования: классические *джи* ~ диалектные *дз* или *з*, междиалектные *дж* (*дз*, *з*) ~ *д* и лексические *дж* (*дз*, *з*) ~ *д*, для полноты картины нам нужно остановиться еще на четвертом типе чередования или соответствия в начале слова, а именно *дж* (*дз*, *з*) ~ *ј*, которое никакого отношения не имеет к чередованию классич. *дж* (в положении перед *і*) со спирантом *ј* йокающих диалектов (классич. *джил* ~ севернобур. *јил* 'год'), ибо оно встречается в положении перед любым гласным, кроме *і*.

Нужно заметить, что в современных монгольских языках подобное чередование встречается чрезвычайно редко, всего в нескольких словах, а именно: 1) между языками и диалектами — ойратск., северно- и восточноордос. *јасă*, бур. (нижнеудинск.) *јаһă* = ордос., классич. *джаса*, халхаск. *дзасă*, бур. *захă* 'исправлять', ср. тюрк. *јаса*, маньчж. *даса*; в данном случае мы никаких семантических последствий не обнаруживаем; 2) внутри каждого из языков и диалектов, например, бур. *задăрă* 'разваливаться', 'раскрываться', *јадăрă* 'изнемогать', 'уставать' (так и в прочих монгольских языках); здесь мы видим чередование с последствием лексического порядка. Так как другие случаи такого чередования нами пока не зарегистрированы, то трудно что-либо сказать по поводу одного-двух случаев, и лишь насчет первого из них можно не без сомнения предположить тюркское влияние. Мало чем тут помогают некоторые случаи подобного чередования в немногих парных сочетаниях слов с описательными, почти непереводаемыми значениями вроде точно трудно переводимого бур. *зантагар янтагар* — описание неуклюжей головы, — обычно второй компонент (с начальным *ј*) подобных парных слов самостоятельного значения и употреблений не имеет.

Что касается монгольских диалектов прошлого, то пока можно лишь гадать о возможности их деления на йокающие и джокающие по начальному согласному, так как все данные о монгольской речи средневековья (китайская и среднеазиатская филологическая литература того времени, квадратная письменность XIII—XIV вв. и т. п.) единогласно совпадают с показаниями современных монгольских диалектов, среди которых пока не удалось обнаружить ни одного с йоканьем тюркского типа. Севернобурятское йоканье — явление сравнительно позднее и совершенно другого порядка, как это мы видели выше, а сведения о якобы йокающем туметском диалекте в районе Хуху-Хото пока еще весьма сомнительны.

Предположения о наличии йокающих монгольских диалектов в XII—XIII вв. основаны, во-первых, на том, что в старомонгольском алфавите знаком *уод* в начале слова передаются и среднеязычный спирант *ј* и аффриката *дж*, тогда как в середине слова эти согласные знаками

данного алфавита различаются; впрочем знаком *yod* в середине и конце слова передается и гласный *i*. Во-вторых, те немногие монгольские слова, которые вошли в русский язык после XIII в., содержат начальный *j* вместо классич. **дж.** = халхаск. **дз.** бур., ойратск. **з.** например: *есаул* = классич. *джасаул*, халхаск. *дзасул* 'исполнитель'; *ям* = классич. *джам*, халхаск. *дзам* 'дорога', 'путь' ← старомонг. *джам* 'почтовая станция'; *ярга*, *ярыжник* = классич. *джаруга*, халхаск. (устар.) *дзарга* 'нижний военно-административный чин'; *ярлык* = классич. *джарлгз*, халхаск. *дзарлгз* 'приказ', 'указ'; *ясак* = классич. *джасаг*, халхаск. *дзасг* 'власть'; (устар.) 'дзасак' (феодалный чин), 'закон', 'управление', 'правитель'; 'кара', 'наказание'.

Но так как эти монгольские слова проникали в русский язык через тюркское посредство, а удельный вес старомонгольского алфавитного знака *yod*, как доказательства, весьма незначителен, то на основании всех наших данных о живых монгольских диалектах настоящего и прошлого приходится считать, что среди последних, возможно, не было и нет йокающих диалектов. Сказанное, конечно, не означает абсолютное отрицание наличия спиранта *j*, имеющегося во всех монгольских языках и диалектах: мы говорили лишь о таком *j*, который по тюркскому образцу, т. е. независимо от позиции, заменял бы собою шипящий **дж** или **ж**.

АФРИКАТЫ В СВЕТЕ ДАННЫХ АЛТАИСТИКИ

Совершенно очевидно, что в связи со всем вышеизложенным мы должны теперь по-иному представлять себе монголо-тюркские или даже монголо-тюркско-тунгусские языковые отношения. Дело в том, что лингвисты, занимавшиеся этими отношениями, не сумели провести различие между двумя разными процессами в развитии тюркских и монгольских языков, между прочим, в силу того, что эти процессы хронологически протекали в общем параллельно. Раннее фонетическое развитие тюркских языков находится за пределами письменно засвидетельствованного периода, т. е. оно протекало задолго до VI в. нашей эры, к которому относятся самые ранние памятники тюркской письменности. Но этот же процесс фонетического развития в монгольских языках проходил значительно позже, начиная с XII—XIII вв.

Следовательно, тюркологи и монголисты не учли того, что пройденное тюркскими языками примерно около начала нашей эры повторилось в монгольских диалектах многими столетиями позже, но в более ускоренном темпе, а кое в чем и более последовательно.

Повтому в монгольских диалектах раннее сочетание *дi ~ *дi или *тi ~ *тi видоизменилось во всех слоговых положениях, тогда как в тюркских языках оно сохраняется часто в средних слогах, а иногда и в начальных (например, халхаск. *чаняр* ← *тиняр ← *тiняр 'сущность', 'качество' = алт. *тiн* 'душа', 'способность к жизни', 'дыхание'). Многие из того, что сохранялось в монгольских языках до X—XII вв. или значительно позже, в определенных слоях лексики уже было утрачено тюркскими языками примерно к началу нашей эры, во всяком случае — до периода енисейско-орхонской письменности, т. е. до VI в. Эти тюркские языки и в ходе своего дальнейшего эволюционного развития продолжали постепенно и очень неравномерно утрачивать такие пережитки далекого прошлого, которые сохранились в монгольских языках так же, как архаизмы последних прочнее сохраняются в тунгусо-маньчжурских языках, несколько позднее вступивших в новый этап своего развития и в общение с монгольскими языками. Вообще замечено, что те архаизмы одного языка прочнее сохраняются в другом,

которые здесь оказываются сравнительно новыми элементами, поздними заимствованиями, а не „исходными“, сохраняющимися якобы в силу большей или меньшей „консервативности“ заимствовавшего языка. Так, например, в эвенкийских диалектах сохраняется *дiре* 'иноходец' потому, что оно было поздно заимствовано этими диалектами из монгольских точно так же, как последние позднее тюркских языков познакомились со словом *дiруга → *джируга* → *джорō* 'иноходец'. Признание старого в одном языке старым же в другом (заимствовавшем это старое, но новое для него, в более позднее время) и есть один из многих недостатков сравнительно-исторического метода. Слова, развивавшиеся в первом языке по его внутренним законам, попадают во второй и, тем самым, оказавшись вне влияния этих внутренних законов развития, сохраняются в своих старых формах.

Возможно, что фонетическое развитие тюркских языков, протекавшее за пределами письменно засвидетельствованного времени, имело свои периоды перелома в вокализме и консонантизме, имело свои специфические особенности, свои особые закономерности, в зависимости от которых разобранное нами выше сочетание в современных тюркских языках также отражается различным образом. В этом отношении применительно к словам типа современного киргизского *джорго* 'иноходец', в которых гласный первого слога признается якобы исконным ввиду почти полного сходства между всеми тюркскими языками, особое значение имеет наличие в некоторых эвенкийских диалектах уже знакомого нам слова *дiре* с тем же значением 'иноходец'.

А что в этих тюркских языках также имели место фонетические образования, сопровождающиеся семантической филиацией, как это мы видели в монгольских языках, подтверждается хотя бы уже приведенным нами развитием $\sqrt{adi}$ с формантами: 1) якут. *атыр*, орхон. *адiр* (ср. эвенк. *адiра*, халхаск. *адзрiдi*, ← *аджiрiа*), кирг. *айiр* 'жеребец' и 2) тувин. *адык*, общетюрк. *аjу* 'медведь' (явно — табу, прежде 'скотина', 'зверь', 'животное' (вообще) как в монг. *адусан* восходящем к тому же *адi*). Ср. еще: тувин. *адак*, хакасск. *азак*, кирг. *аjак* 'нога', *азык* 'съестные припасы', алт. *азык* 'запас', 'припасы', *адак* (← монг. *адаг*?) 'последний', 'меньший', 'худший (оставшийся после выбора)'. Что в ряде случаев, если не в очень многих, и начальный тюркский *дж ~ ж ~ j* восходит к смычному *д перед *i*, говорит и следующее сопоставление, интересное во многих отношениях: татар. *джiлiн*, узб. *jелiн* = монг. *деленг* → маньчж. *делен* 'вымя' (в монгольских языках, как уже сказано, смычный *д* сохраняется благодаря первому перелому гласного *i*). Замечательную картину в отношении этого слова дает эвенкийский язык: *дядан* (явное развитие из *дiлен*, которое при ассимиляции согласного → *дiдан*, о чем говорит палатализованный характер начального согласного) 'оленье вымя' и *дэлэнг* (← бур. *деленг*) 'коровье вымя'! В данном случае мы говорим о фактах, которые более известны самим тюркологам, но из которых вследствие ошибочной теории „консерватизма“ тюркских языков не делаются надлежащие выводы как тюркологами, так и монголистами.

Все наши изыскания так или иначе основаны на прослеживании судьбы гласного *i—*i* и смычного согласного *д. Но все вышеизложенное — лишь частный случай отражения фонетической эволюции тюркских и монгольских языков в ходе их разновременного развития, которое происходило в течение многих и многих столетий. В чем же выражалось историческое развитие монгольских и тюркских языков вообще? Ответить на этот вопрос — значит показать, из какого состояния монгольские и тюркские языки перешли в состояние, доступное лингвистическому наблюдению.

Как известно, современные монгольские и тюркские языки в общем характеризуются наличием так называемого сингармонизма гласных и, частично, согласных, а также весьма развитой агглютинацией, которая в сочетании с порядком слов в предложении определяет синтаксическое положение слова и служит почти монопольным средством словообразования. Развитость агглютинации и значение ее в этих языках иллюстрируются хотя бы тем фактом, что в монгольских языках имеется около тридцати пяти глагольных форм, каждая из которых имеет свои особые форманты и обладает своим особым значением.

И это не считая глаголообразующих суффиксов и так называемых сложных временных и иных форм, образуемых при помощи вспомогательных глаголов (как в новых индоевропейских языках), которые не всегда даже учитываются в монографиях по грамматике монгольских языков.

Но если нам в какой-то степени ясно назначение агглютинации в монгольских и тюркских языках, то каково назначение сингармонизма гласных и отчасти согласных в этих языках? Не вдаваясь в какой бы то ни было разбор весьма скудных существующих на сей счет мнений и высказываний, заметим, что в современных тюркских и монгольских языках сингармонизм звуков существует лишь как формально-фонетическая система, более формальная, нежели категория рода в современных индоевропейских языках. Сингармонизм звуков как формально-фонетическая система существует в обозреваемых нами языках в качестве пережитка, или реликтового остатка уже пройденного далекого прошлого. Этот пережиток прошлого в современных монгольских и тюркских языках сосуществует вместе с агглютинацией, которая всячески стремится нарушить сингармонизм звуков, что особенно ярко заметно в современных тюркских языках, например, в уйгурском и узбекском.

Но тысячелетия назад сингармонизм гласных в монгольских, тунгусо-маньчжурских и, конечно, тюркских или даже в „протоалтайских“ языках, как это показал еще Б. Я. Владимирцов¹, был не только формально-фонетической системой. Эта система, теперь формально-фонетическая, некогда обладала реальной значимостью, иными словами — была лексико-фонологической системой, которая представляла собой более сложную систему, нежели современный формальный сингармонизм звуков, ибо она восполнялась и перекрещивалась еще с системой регулирования консонантного состава лексики. Эта лексико-фонологическая система — своеобразная и специфическая внутренняя флексия основ, которая не получила своего полного развития и отдельные пережитки которой вскрываются теперь в монгольских языках благодаря уже известным трудам Б. Я. Владимирцова и затем Т. А. Бертагаева, давшего несколько работ о флексии основ по данным бурятских диалектов.

Следовательно, сингармонизм звуков как лексико-фонологическая система, будучи своеобразной и специфической формой внутренней флексии и отвечая потребностям выражения различных понятий своего времени, был присущ ранним тюркским, монгольским и маньчжуротунгусским языкам или тем неизвестным нам „протоалтайским“ племенным языкам, на основе многовекового развития которых образовались современные алтайские языковые группы. Этим языкам данная лексико-фонологическая система была присуща в ранний период и в некоторых случаях соответствовала современным суффиксальным приемам словотворчества. Она соответствовала последним не только в плане семантической филиации слов в рамках одной, по современной норме, части речи, но и по линии первоначального разграничения слов разных частей речи,

¹ См. Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика... стр. 126—140.

прежде всего имен вообще и глаголов. Сказанное может быть подтверждено следующим лексическим чередованием в монгольских языках звуков **р** и **с**, которое соответствует известному, уже не монголо-монгольскому, а монголо-тюркскому чередованию **р** с **з**:

классич.	<i>егүр</i>	‘гнездо’	<i>егүс</i>	‘начаться’
”	<i>сонур</i>	‘чуткий’	<i>сонус</i>	‘слушать’
”	<i>үнүр</i>	‘запах’	<i>үнүс</i>	‘нюхать’
”	<i>бајар</i>	‘радость’	<i>бајас</i>	‘радоваться’
”	<i>мөр</i>	‘след’	<i>мөс + кі</i>	‘следовать’

Ср. еще: классич. *тегүс*, халхаск. *тогос* ‘полный’, ‘совершенный’, классич. *дегүр*, халхаск. *дур* ‘наполниться’. К этим явлениям не следует присоединять примеры типа *көлүре* ‘потеть’ и *көлүсүн* ‘пот’, так как **-ре** и **-сүн** здесь разные форманты разного происхождения. Б. Я. Владимирцов¹, обративший внимание на эти явления, требует — и совершенно справедливо — не упускать из виду и того, что конечному тюркскому **з** соответствует в монгольском языке не только **р**, но и **с**. К сожалению, он не продолжил свои изыскания в этом направлении.

Следовательно, сингармонизм звуков в сочетании с чередованием согласных составляет лексико-фонологическую систему.

В процессе длительного развития ранней алтайской или „протоалтайской“ речи сингармонизм звуков из системы лексико-фонологического характера превращается в формально-фонетическую систему, так как постепенно уступает свое место сосуществующей вместе с ним агглютинации, не будучи в состоянии полностью и более совершенно отвечать потребностям выражения результатов длительной, абстрагирующей работы человеческой мысли. Агглютинация является более совершенным способом в языке потому, что она оказывается способной не только выражать более сложные лексические понятия, но и передавать более сложные синтаксические отношения во все усложняющемся строе предложения в целом. Для этого прежних грамматических приемов (порядок слов, примыкание, интонационное членение фразы и т. д.) оказывается явно недостаточно, ибо сингармонизм звуков оперировал лишь в лексической сфере, куда победоносно вторгается и агглютинация.

Этот постепенный и длительный процесс смены сингармонизма звуков агглютинацией и есть формальное выражение того, что первый, т. е. сингармонизм звуков, продолжает в дальнейшем свое бытие лишь в преобразованном виде, но непрерывно оказывает сопротивление агглютинации.

Но это историческое развитие в разных алтайских языках происходило далеко неравномерно. Прежде всего надо отметить, что элементы агглютинации имелись еще и раньше, сосуществуя с сингармонизмом звуков. В одних языках, например ранних монгольских, агглютинация развивалась значительно быстрее, чем в других, например тюркских. То же можно сказать и о ранних маньчжуро-тунгусских языках, в которых агглютинация развивалась быстрее, чем в монгольских. Это означает, что в монгольских, и особенно маньчжуро-тунгусских, языках, с одной стороны, процесс исторического развития протекал значительно быстрее и иногда более последовательно, нежели в тюркских, переживших это состояние многими столетиями раньше, а с другой — в большей степени сохраняются черты и отзвуки далекого прошлого, нежели в тех же тюркских языках. Поэтому является совершенно неправильным то, что в алтаистике развитие тех или иных явлений в монгольских,

¹ См. Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика. . . , стр. 361.

тюркских и маньчжуро-тунгусских языках рассматривается только в плане хронологически совпадающих линий как параллельная, но различная эволюция одного и того же „праязыкового“ состояния. Отсюда и смешение раннего эволюционного развития тюркских языков с более поздним развитием монгольских, о чем уже говорилось выше и в чем также проявляется один из серьезных недостатков сравнительно-исторического метода.

Сингармонизм звуков не может не предполагать наличие более или менее четких фонем, ибо четкость последних представляет собой необходимое условие действительного применения самого этого сингармонизма звуков речи. Поэтому является глубоко ошибочным и наивным утверждение о том, что якобы современные чередования звуков в монгольских языках являются пережитками... „диффузной“ речи с ее нерасчлененными на фонемы звуками, как это представлялось с точки зрения марризма. Но когда в речи агглютинация уже прочно занимает отведенное ей историей монопольное место, то сингармонизм звуков как лексико-фонологическая система постепенно отмирает, превратившись, как уже сказано, лишь в формально-фонетическую систему.

Однако в речи идет непрерывная борьба между двумя противоположными началами — между агглютинацией и сингармонизмом звуков, в которой последний постепенно все более и более утрачивает свое значение и уступает место агглютинации. С фонетической точки зрения эта борьба выражается в наличии и действительном сочетании двух типов ассимиляции — регрессивной и прогрессивной. Стало быть, регрессивная и прогрессивная ассимиляции в основном и генетически не являются случайностями и не могут быть объяснены лишь факторами акцентуации. Специальный исторический разбор этих типов ассимиляции в монгольских и тюркских языках (конечно, не в плане только голой регистрации и систематизации случаев того или другого) с этой точки зрения представил бы исключительный интерес для исторической грамматики.

В этой борьбе между двумя противоположностями постепенно изменяется фонетическая система речи. В частности, выражением постепенного изменения фонетической системы речи является, например, конвергенция двух ранее самостоятельных фонем переднего ряда *ö* и *ü* в некоторых бурятских диалектах, где теперь имеется лишь одна фонема *у*. Аналогичные явления имеют место и в тюркских языках, например в уйгурском и узбекском (в последнем по говорам имеется шесть гласных фонем вместо девяти-десяти в других говорах и прочих тюркских языках).

На одном из начальных этапов борьбы между сингармонизмом звуков и агглютинацией фонемы *ī и *î* в ранних монгольских диалектах подверглись полной конвергенции, слившись в одну фонему *î* различного качества, а последняя затем начала подвергаться регрессивной ассимиляции, т. е. исчезать в начальном положении, превращаясь в другие гласные фонемы, но исчезать в большинстве случаев не бесследно, а отражаясь в виде палатализованного характера предшествующего ей согласного.

Борьба между агглютинацией и сингармонизмом звуков в монгольских и тюркских языках представляет собой весьма длительный процесс, который затянулся на целые столетия, на различных этапах развития речи принимая различный характер. Отсюда и различия, которые мы старались показать выше, в характере первого и двух последующих переломов гласного *î* в монгольских языках и диалектах.

Вот почему для монгольского языкознания особенное значение имеет прослеживание судьбы фонемы *î* и не только в связи с аффрикатами, эволюция которых отражает собой лишь частный случай

в историческом развитии монгольских языков и диалектов. Разумеется, мы далеко не исчерпали всего круга вопросов и явлений, связанных с затронутой здесь проблемой.

Ко всему изложенному следовало бы добавить, что палатализирующее действие на согласные со стороны гласного *i* не влечет за собой семантическую филиацию одних и тех же первичных основ, хотя теперь в монгольских языках палатализованные согласные образуют ряд фонем, которые противопоставлены ряду непалатализованных, например в бурятском языке мы видим:

<i>хар'а</i> ← <i>хари</i> 'чужеродец'	<i>хара</i> ← <i>хара</i> 'черный'
<i>хар'иң</i> ← <i>хари-јин</i> 'чужеродца'	<i>хариң</i> ← <i>хара-јин</i> 'черного'
<i>бол'от</i> ← <i>болизад</i> 'перестав'	<i>болот</i> ← <i>болузад</i> 'сделавшись'
<i>хал'ат</i> ← <i>хализад</i> 'разлетевшись'	<i>халат</i> ← <i>халазад</i> 'нагревшись'
<i>хал'уң</i> ← <i>хализун</i> 'выдра'	<i>халуң</i> ← <i>халазун</i> 'горячий'
<i>дах'ат</i> ← <i>дакизад</i> 'повторив'	<i>дахат</i> ← <i>дақизад</i> 'проследовав'

Это означает, что палатализация, как фонологически значимый фактор, представляет собою явление, которое обязано своим происхождением именно влиянию гласного *i*, действующему и после исчезновения этого гласного, и относится к периоду второго и третьего переломов *i*.

Как уже сказано выше, в условиях первого перелома гласного *i, еще не перешедшего в передний ряд, т. е. не ставшего гласным *i*, палатализация не имеет места, например: халхаск. *мах* ← *мака* ← *мика* 'мясо' = бур. ← *маха* ← *миха* ← *мика* ← *мика*; халхаск. *нах* ← *нагаху* ← *нигаху* ← *нигаху* 'клеить' = бур. *наха* ← *нигаху* ← *нигаху* ← *нигаху*.

В ойратском языке, как уже говорилось, именно под влиянием гласного *i* слова заднего ряда переходят в передний ряд, например; *мөрөн* ← *мөрін* ← *морін* 'конь', ср. бур. *мор'оң* ~ *мор'иң*, халхаск. *мор'и*; *бурū* ← *бирū* ← *бiрагу* ← *бiрагу* 'тенок по второму году', ср. западнбур. *буру*, халхаск. *б'ару*.

Из вышеизложенного видно, какое исключительное значение имеет гласный *i ~ *i* в исторической фонетике монгольских языков и диалектов. Отсюда вполне понятен тот повышенный интерес, который проявляется в монгольском языкознании к прослеживанию роли, значения и судьбы этого гласного в названных языках.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Глава I

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СТРУКТУРЕ РЕЧИ

1. СТРОЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В монгольских языках порядок членов предложения в общем, как известно, таков: 1) обстоятельства времени и места, 2) подлежащее, 3) дополнения, 4) обстоятельства образа действия, 5) сказуемое. Определение всегда предшествует определяемому. Например (выражения „халхаский“ или „халха-монгольский“ ниже нами применяются как к данным халхаского диалекта, так и к примерам из современного монгольского литературного языка, в основу которого и лег названный диалект): халхаск. *одоо манай энд л та бол хэний морь яаралтайгаар эмээллэж байна вэ?* 'теперь у нас здесь вы чью лошадь торопливо седлаете?' В этом предложении:

одоо 'теперь' — обстоятельство времени;

манай 'у нас' (букв.: 'нас' — род. пад.) — определение к *энд* 'здесь', которое является обстоятельством места;

л — частица логического ударения;

та 'вы' — подлежащее;

бол — показатель подлежащего;

хэний 'чей' — определение к *морь* 'лошадь', являющемуся прямым дополнением;

яаралтайгаар 'торопливо' — обстоятельство образа действия;

эмээллэж байна 'седлаете' — сказуемое;

вэ — частица вопроса.

В зависимости от того или иного логического ударения приведенный порядок членов предложения может измениться: слово, на которое падает наибольшее логическое ударение, ставится ближе всего к сказуемому, позиция которого, как и определения по отношению к определяемому, всегда остается неизменной.

Однако в отношении позиции сказуемого между бурятскими и ойратскими диалектами, с одной стороны, и прочими монгольскими (например, халхаским) — с другой, имеется различие. Это различие сводится к тому, что в бурятских и ойратских диалектах, благодаря наличию особых лично-предикативных частиц, сказуемое может оказаться и не на последнем месте, если того требует определенное логическое ударение. В прочих же монгольских диалектах, где нет указанных частиц, сказуемое почти всегда остается на последнем месте, в силу чего здесь чаще всего применяется частица логического ударения. Из сказанного следует, что в одних монгольских диалектах мы наблюдаем более частое перемещение сказуемых, что особенно характерно, конечно, для устной речи, тогда как в других диалектах имеет место более частое употреб-

ление частиц логического ударения. К изложенному следует добавить, что в бурятских и ойратских диалектах в качестве сказуемых чаще всего или почти всегда употребительны изъявительные формы, тогда как, например, в халхаском диалекте в указанном синтаксическом употреблении чаще всего или почти всегда встречаются именные и причастные формы глагола, что также закрепляет за сказуемым его последнее место в предложении.

В монгольских языках прямое дополнение (в особенности то, которое дано в форме винительного падежа, а не в нулевой форме основы) в отличие от того, что мы находим в некоторых других языках, удаляется от своего управляющего глагола как можно дальше, что вызвано необходимостью расположить различные обстоятельства (образа действия и комитативности) непосредственно перед глаголом, ибо в противном случае последние могли бы оказаться понятыми как именные определения к прямому дополнению, например: *морь түргэн барив* 'коня быстро поймали' (түргэн *морь барив* 'быстрого коня поймали').

Остается сказать несколько слов относительно показателя подлежащего, в качестве которого употребляются: 1) *болбол* или, сокращенно, *бол* — форма условного деепричастия от *бол-* 'быть', 'становиться' и 2) частицы личного притяжания, о которых подробнее речь будет ниже. Показатель подлежащего употребляется в силу того, что именительный падеж, не имеющий специального форманта, чаще всего внешне совпадает с основой, в форме которой очень часто выступают прочие именные члены предложения, вследствие чего подлежащее может быть принято за какой-либо второстепенный член предложения, например: *Цэрэн бол Доржид бичив* 'Цэрэн Дорджию написал'. Без показателя *бол*, вместо которого может быть употреблен и другой показатель (*нь*, *чинь*, *минь* и другие лично-притяжательные частицы), в этом предложении *Цэрэн* (подлежащее) было бы понято как часть составного имени и получилось бы: 'Цэрэн-дорджию написали'. Разумеется, только в устной речи имеется возможность обойтись и без показателя подлежащего, который можно заменить паузой или интонацией (ниже отмечаем знаком тире):

Цэрэн — Доржид бичив 'Цэрэн написал Дорджию'.

Кроме того, показатель подлежащего не является обязательным в том случае, если после него следует какое-либо лексически не однородное с ним (по отношению к каждому данному конкретному глаголу) имя. Иначе говоря, в определенных контекстах показатель подлежащего не обязателен: *морь ус ув* 'конь выпил воду' (разумеется, не 'коня и воду' или 'конь и вода выпили!').

Так как в халхаском диалекте основа и именительный падеж по своей внешней форме совпадают значительно чаще, нежели в ойратских и бурятских диалектах, то показатель подлежащего употребляется в нем также значительно чаще, нежели в названных диалектах.

В классическом и современном монгольском литературном языках подлежащее, если оно обозначает должностных лиц или социальные термины (*нам* 'партия', *эвлэл* 'союз', *засаг* 'власть' и т. д.), часто ставится в исходном падеже. В классическом языке подлежащее сопровождалось частицей *бар* (калька с тибетского языка), если оно также обозначало людей вообще. Необходимо строго оговорить, что в последних случаях не следует усматривать так называемую эргативность и что эргативность совершенно не имеет и не имела места во всех живых монгольских диалектах, если не считать того, что в халхаской речи под влиянием письменности за последнее время все чаще начинает употребляться подлежащее в исходном падеже при тех же условиях, т. е. при обозначении должностных лиц и социальных единиц.

Каждый из членов предложения может быть простым, выраженным каким-либо одним словом, или развернутым, выраженным каким-либо синтаксическим сочетанием. Развернутый член предложения в любом каком-либо языке представляет собою: 1) придаточное предложение (определятельное или подчиненное), 2) именное словосочетание типа: 'наша победа над фашистской Германией', 3) инфинитивный оборот; 4) деепричастный оборот; 5) причастный оборот и 6) назывное предложение. Что касается монгольских языков, то в них развернутый член предложения представляет собою причастный или деепричастный оборот; прочих же видов развернутого члена предложения до самого последнего времени не было в силу, во-первых, отсутствия особых союзов подчинения и, во-вторых, того, что в этих языках какое-либо сложное словосочетание возможно лишь при помощи глагола. В последнем легко убедиться путем перевода с русского языка нескольких именных словосочетаний типа: 'стол из карельской березы' *карелийн хусаар хийсэн иширээ* (букв.: 'карельской березой сделанный стол'); 'кузен из Житомира' *Житомираас ирсэн үеэл* (букв.: 'из Житомира прибывший кузен'); 'комиссия по приему дома' *байшинийг хүлээн авах комисс* (букв.: 'дом принимающая комиссия'); 'орудие для ловли рыбы' *загас барих зэвсэг* (букв.: 'рыбу ловить орудие') и т. д. Лишь некоторые именные словосочетания возможно перевести на монгольские языки (примеры здесь даем только по-халхаски) без помощи глагола, но посредством совместного падежа со значением 'иметь' или частицы *-хи* со значением 'находящийся', т. е. в обоих случаях со значением, имеющим нечто от глагола: 'девушка в красной шапочке' *улаан малгайтай хүүхэн* (букв.: 'с красной шапочкой девушка'); 'кот в сапогах' *гуталтай муур* (букв.: 'с сапогами кот'); 'дом в Коломне' *Коломна дахь байшинг* (букв.: 'в Коломне находящийся дом') и т. п. Однако следует заметить, что в языке современных монгольских газет не без влияния со стороны русского языка начинают все чаще и чаще появляться в виде заголовков и заглавий статей именные сочетания, представляющие собою в сущности незаконченные или неполные предложения: *тарианы урагцад өдөр, тутмын анхаарал!* 'урожаю повседневное внимание!'

Но послеоложные сочетания без глаголов все еще не встречаются в монгольских языках.

Развернутый член предложения в монгольских языках представляет собою такую же организацию слов, как и любое обычное предложение вообще, с одной только разницей, заключающейся в следующем: причастие или деепричастие второй группы путем обрастания дополнениями, обстоятельствами и подлежащими преобразуется в причастный или деепричастный оборот. Причастные и деепричастные обороты в монгольских языках по своему составу тем отличаются от подобных оборотов в русском языке, что они имеют или могут иметь свое подлежащее. Последнее выражается каким-либо именем в именительном (реже), родительном, винительном и, иногда, исходном падежах (в тюркских языках — чаще в именительном падеже, иногда называемом неопределенным или основным). Следовательно, является совершенно неверным, когда причастные и деепричастные обороты монгольских языков некоторые исследователи называют придаточными предложениями потому лишь, что они в отличие от подобных русских оборотов характеризуются наличием своего отдельного подлежащего.

По своему значению причастные и деепричастные обороты в монгольских языках соответствуют русским именным словосочетаниям, причастным оборотам и придаточным предложениям:

хотоос ирэхэд 'при прибытии [его] из города' = 'когда [он] прибудет из города';

одоо хотоос ирсэнд нь 'теперь из города прибывшему' = 'тому, кто теперь прибыл из города';

одоо хотоос ирсэн багш 'теперь из города прибывший учитель' или 'учитель, прибывший теперь из города' = 'учитель, который теперь прибыл из города';

хотоос орой ирснээс 'из-за позднего прибытия из города' — 'из-за того, что из города прибыл поздно'.

В тех случаях, когда причастный или деепричастный оборот не имеет своего отдельного подлежащего (т. е. когда в соответствующем русском эквиваленте одно подлежащее и для главного и для придаточного предложений, в одном из которых подлежащее дублируется местоимением), то данное причастие или деепричастие второй группы (кроме условного и уступительного) сопровождается частицей возвратного притяжания: [*ах*] *энд ирэхдээ* [*ном авчирсан*] 'когда [брат] прибыл сюда, [он привез книгу]' = '[брат] при своем прибытии сюда [привез книгу]'.

В отношении оформления подлежащего причастного и деепричастного оборотов монгольские языки различаются между собою следующим образом: 1) бурятский язык прибегает к родительному падежу; 2) ойратский и халхаский языки — к винительному (чаще всего при непереходном глаголе) или к родительному (преимущественно при переходном глаголе); 3) классический язык — преимущественно к родительному падежу (к винительному — под влиянием халхаской речи). К исходному падежу классический язык прибегает в тех случаях, что и при оформлении обычного подлежащего. К именительному падежу (точнее было бы сказать — ко второй основе) одинаково прибегают все монгольские языки главным образом в тех случаях, когда подлежащим причастного или деепричастного оборота оказываются имена, обозначающие светила, природу и ее явления (солнце, дождь, трава и т. п.). Отсюда можно было бы предположить, что употребление винительного падежа в качестве формы подлежащего причастного или деепричастного оборота в халхаском и ойратском языках объясняется заменой второй основы названным падежом. Объяснять данное явление тем, что винительный падеж некогда имел локальное значение, едва ли возможно, ибо в этом случае хотя бы в каком-нибудь одном монгольском диалекте мы должны были бы найти дательного-местный падеж в качестве формы подлежащего излагаемых оборотов. К сказанному добавим, что в ойратских диалектах Б. Х. Тодаевой замечено употребление второй основы в излагаемой синтаксической функции в тех случаях, когда основы данного причастия или деепричастия и заключительного сказуемого оказываются основой одного и того же глагола.

Наряду с причастными и деепричастными оборотами в монгольских языках наблюдаются такие придаточные предложения, в которых вопросительные слова, потеряв свой вопросительный характер, начинают употребляться в определенной синтаксической функции: бур. *хэмнай модо холо шидэнэб*, *тэрэмнай оброк абаашуужа* (из перевода сказки А. С. Пушкина) 'кто из нас далее палку бросит, тот пусть и уносит оброк', *хайша шиглэнэб*, *тэрэ зүгтэ ябана* 'куда повернут, туда и идут'; ойратск. *кезä ирнäч*, *тийхлä би йовнав* 'когда ты придешь, тогда я и пойду!' *кен икär кöднä*, *тер икär олна* 'кто много работает, тот много и получает', *хама бäйнäч*, *тендän бä!* 'где стоишь, там и стой!'

В этих придаточных предложениях сказуемыми являются изъявительные формы, снабженные лично-предикативными частицами, которые никогда не употребляются в тех случаях, когда причастия не являются заключительными сказуемыми, каковыми деепричастия вообще не бывают. Иными словами, эти частицы никогда не употребляются при сказуемом причастного и деепричастного оборотов.

2. ЧАСТИ РЕЧИ

В отношении именных частей речи монголисты не согласны между собою лишь постольку, поскольку речь идет о так называемых предметных и качественных именах, по определению одних исследователей (А. А. Бобровников и Г. Д. Санжеев), или именах существительных и прилагательных, по определению других авторов. Полагая, что подробный обзор именных частей речи должен составить предмет исследования частных грамматик, мы в своей работе считаем возможным ограничиться общими замечаниями относительно названных частей речи.

В данное время мы склонны вопрос относительно того, что монголисты называют предметными и качественными именами или именами существительными и прилагательными, рассматривать несколько иначе, нежели прежде. Ныне мы считаем, что попытка монголистов рассматривать указанные части речи только как имена существительные (или предметные) и прилагательные (или качественные) потому не может увенчаться успехом, что невозможно в угоду традиционному числу частей речи, установленному в соответствии с особенностями индоевропейских языков, устанавливать части речи в языках иных структур непременно в том же самом количестве.

Анализ значения и употребления именных частей речи в монгольских языках заставляет нас ныне устанавливать в этих языках наличие имен существительных, прилагательных, предметных и качественных, которые в определенных случаях перекрещиваются между собою.

Предметные имена—это такие имена, которые лексически обозначают какие-либо предметы, могущие послужить материалом для создания других предметов, а в своем синтаксическом употреблении одинаково соответствуют такого рода именам существительным и прилагательным, например, русского языка, которые обозначают конкретную предметность, например: *халхаск. төмөр олов* 'нашел железо'; *төмөр зам* 'железная дорога'.

В данном случае одной части речи в монгольском языке соответствуют две части речи в русском языке: *төмөр* и 'железо' и 'железная'. Но изложенное вовсе не означает того, что одно и то же русское относительное прилагательное во всех случаях будет соответствовать одному и тому же монгольскому предметному имени. Например, то же русское относительное прилагательное 'железный' в другом синтаксическом или, точнее, лексическом сочетании на монгольский язык по форме должно переводиться иначе: 'железная воля' *төмөр мэт зориг* (букв.: 'железоподобная воля' или 'воля, подобная железу'); 'железная руда' *төмрийн хүдэр* (букв.: 'железа руда').

Точно так же по-разному будет переводиться русское прилагательное 'конный': 'конные грабли' *бур. морин тармуур* (букв.: 'конь грабли'); 'конный завод' *бур. мориной завод* (букв.: 'коня завод').

Таковую же картину мы увидим и с русскими топонимическими прилагательными: 'московский' *москвагийн* (род. пад.; 'принадлежащий Москве', например: *москвагийн сургууль* 'московская школа', т. е. 'школа на московском бюджете') и *Москва дахь* (послелог; 'находящийся в Москве', например: *Москва дахь ах минь* 'мой московский брат', т. е. 'проживающий в Москве'). В определенных случаях русские топонимические прилагательные на монгольский язык должны переводиться целыми лексическими сочетаниями: 'африканский корпус' *Африкад үйлдэх корпус* (букв.: 'в Африке действующий или должный действовать корпус'); 'хангайский гость' *Хангайгаас ирсэн зочин* (букв.: 'из Хангая прибывший гость').

Из изложенного ясно, что русские относительные прилагательные соответствуют монгольским предметным именам в том случае, если они обозначают конкретную предметность, т. е. предмет, из которого сделан или состоит другой предмет, выраженный определяемым, а равно и в тех случаях, когда эти прилагательные являются такого рода определениями, которые обозначают двигательную силу (бур. *морин тармуур* 'конные грабли', *уһан тээрмэ* 'водяная мельница'; исключением из этого правила является халхаский термин, ныне уже вышедший из употребления: *уурын тэрэг* 'автомобиль', букв.: 'пара¹ телега' или по значению 'паровая телега'), или оказываются определениями вида (преимущественно по этническому признаку): *монгол хэл* 'монгольский язык', *монгол морь* 'монгольская лошадь', *хасаг тэрэг* 'казахская телега' и т. п.

Имена существительные тем отличаются от предметных имен, что они в лексическом отношении не могут обозначать предметы, могущие послужить материалом для создания какого-либо предмета. Из этого видно, что имена существительные служат для обозначения преимущественно абстрактных понятий, предметов общественного пользования и т. д. и являются категорией относительно более позднего периода. В синтаксическом отношении имена существительные отличаются от предметных имен тем, что они в форме своей основы или именительного падежа не могут быть в предложении определениями.

К именам существительным относятся слова типа халхаских *эвлэл* 'союз', *улс* 'государство', 'народ', *байшин* 'дом', *гудамж* 'улица', *ухаан* 'ум', *зориг* 'воля' и т. п.

Таким образом, монгольские имена существительные полностью соответствуют определенной части русских имен существительных и исторически являются категорией более поздней, нежели предметные имена, категорией, особенно усилившейся в период после появления письменности.

Качественные имена — это такие имена, которые лексически обозначают какое-либо качество, а в своем синтаксическом употреблении соответствуют русским качественным именам существительным, качественным же прилагательным и наречиям образа действия. Иными словами, особенность качественного имени состоит в том, что оно обозначает качество не только предмета, но и действия и состояния, тогда как имя прилагательное обозначает только качество предмета, синтаксически являясь только определением или сказуемым, а наречие образа действия — только качество действия (и состояния). Нижеследующие примеры поясняют сказанное: *Энэ мориной сайн нь гайхамшигтай „хорошесть“* 'этой лошади изумительна' (т. е. 'изумительно хороша эта лошадь'); *Энэ сайн морь хэний вэ?* 'эта хорошая лошадь чья?' *Энэ морь сайн явна* 'эта лошадь хорошо идет', *мориной хурданыг яах вэ!* (из песни) 'что поделаешь с **быстрою** лошадью!'

Как видно из изложенного, монгольские качественные имена соответствуют русским:

- а) качественным прилагательным, если в предложении оказываются определениями или сказуемыми;
- б) качественным существительным, если в предложении оказываются в положении подлежащего или дополнения, и
- в) наречиям образа действия, если в предложении оказываются обстоятельствами образа действия, находясь перед глаголами.

К сказанному следует добавить, что за последние десятилетия, особенно после революции, качественные имена в положении обстоятельства образа действия стали употребляться в форме орудного падежа, что раньше наблюдалось лишь в тех случаях, когда качественные

¹ Родительный падеж от 'пар'.

имена в данной синтаксической позиции в силу логического ударения, которое связано с местом того или иного слова в предложении, оказывались удаленными от своего глагола.

Имена существительные, предметные и качественные, в монгольских языках могут быть коренными или производными; в первом случае между этими частями речи нет никакого формального различия. В этом состоит отличие этих частей речи от имен прилагательных, которые в монгольском языке почти всегда бывают только производными (от имен существительных и предметных).

Имена прилагательные в монгольских языках, будучи только производными, характерны тем, что они в отличие от предыдущих частей речи обозначают только качество или признак предмета. В силу последнего обстоятельства имена прилагательные в монгольских языках существенно отличаются от качественных имен, которые, как уже сказано, обозначают качество как предмета, так и действия. Но монгольские имена прилагательные тем существенно отличаются от имен прилагательных других языков, что они имеют весьма суженное лексическое значение, как это будет показано ниже.

Монгольские имена прилагательные, будучи производными, имеют следующие основные два форманта:

а) **-т ~ -т + гласный** (бур. **-та**, классич. **-ту ~ -тү**) — прилагательные с этим формантом определяют предмет по обладанию им другим предметом, например: халхаск. *морьт* 'конный' только в смысле 'имеющий коня' (*морьт цэрэг* 'кавалерист', 'воин с конем' от *морь* 'конь'; *цогт* 'пламенный', 'величественный' от *цог* 'пламя', 'величие'; вместо этих прилагательных чаще всего употребляются предметные имена в форме совместного падежа, формант которого имеет генетическую общность с приведенным формантом **-т** (подробнее см. в главах об этом падеже);

б) **-хь ~ хи ~ х** (бур. **-жи**, классич. **-ки**) — прилагательные с этим формантом образуются от основ с родительным или дательно-местным падежом, а также от наречий времени и места. От основ с родительным падежом подобные образования могут быть названы прилагательными весьма условно, так как они в сущности как бы субстантивируют указанные основы и не могут употребляться в качестве определения, соответствуя по своему лексическому значению русским притяжательным прилагательным, например: *минийхь* 'мой' от *миний* 'меня', *фронтынхи* 'фронтальной', 'фронтальной' от *фронтын* 'фронта'; *батынхи* 'батыевский' от *Батын* 'Батяга' (род. пад. от *Бат* — собств. имя). В тех же случаях, когда подобные образования получаются от основ с дательно-местным падежом, наречий места или наречий времени, то мы имеем локальные прилагательные, например: *эндэх* 'здесь' от *энд* 'здесь'; *өцөгдөрх* 'вчерашний' от *өцөгдөр* 'вчера'; *уулдахь* 'горный' (только в смысле 'находящийся в горах'; в прочих случаях употребляется род. пад.: *уулын ногоо* 'горная трава'; *уулын хүн* 'горец, горный человек'); *Азидахь* 'азиатский' (только в смысле 'находящийся в Азии').

Что касается остальных именных (наречий, местоимений, числительных) и неименных частей речи (глаголов, послелогов, союзов, частиц и междометий), то в отношении их между монголистами никаких разногласий нет, и поэтому их мы оставляем без рассмотрения в этом плане, тем более, что, во-первых, они в той или иной степени описываются в существующих грамматиках монгольских языков и, во-вторых, в области этих частей речи нет особых различий и расхождений между монгольскими языками, если не говорить о послелогох и глаголах, подлежащих особому разбору ниже.

СКЛОНЕНИЕ

Данные современного монголоведения позволяют нам представить себе с достаточной четкостью систему падежного склонения в монгольских языках и диалектах. Поскольку в данном случае мы имеем дело с языками агглютинативного типа, постольку мы можем полностью отвлечься при рассмотрении форм образования падежей от системы обозначения категории числа, категории, которая не имеет никакого особого склонения, особых парадигм, если иметь в виду лишь одну формальную сторону. Равным образом по той же причине мы можем полностью отвлечься от рассмотрения форм падежей отдельно по частям речи, как это совершенно необходимо при изучении падежных форм и отношений во флективных языках. Особняком мы будем рассматривать образование основ лишь от местоимений — по обстоятельствам, которые будут разъяснены в специальном разделе ниже.

Как известно, сущность агглютинации сводится к тому, что к основе какого-нибудь слова при любом его изменении или образовании механически наращивается или приклеивается соответствующий суффикс, причем основа всегда остается неизменной. Кроме того, наращиваемый суффикс в агглютинативных языках имеет лишь одно значение, а не несколько, как это мы находим во флективных языках. Например, в халха-монгольском *моринд* 'коню' мы имеем: 1) основу *морин* 'конь' и 2) суффикс дательного-местного падежа *-д*, в котором содержится только значение данного падежа, тогда как, напротив, в русском окончании *-у* имеется не только значение дательного падежа, но и указание на единственное число и род (в монгольских языках указание на число содержится в самой основе, а категория рода, как известно, в этих языках отсутствует).

Изложенное выше накладывает определенный отпечаток на всю систему склонения в монгольских языках и вынуждает нас рассматривать образование форм числа и падежей раздельно. Совершенно очевидно, что поскольку указание на число содержится в монгольских языках в самой основе соответствующего имени, постольку рассмотрение форм образования множественного числа должно предшествовать изучению форм образования падежей. А поскольку так называемое притяжательное склонение в монгольских языках по своему формальному выражению строится на основе простого склонения, то и оно должно быть изложено после того, как описано простое склонение. Разбор притяжательного склонения в монголоведении имеет особое значение, так как при помощи этого склонения уточняется не только соотносимость одного предмета другому, но и детализация выражения субъекта в разного рода причастных и деепричастных оборотах. Иными словами, притяжательное склонение в монгольских языках играет исключительно важную роль в синтаксисе, без учета и рассмотрения которой невозможно более полное и сколько-нибудь исчерпывающее изложение основных особенностей в строе предложения в этих языках. Такой порядок рассмотрения категории числа и склонения в монголоведении и является в общем обычным.

ЧИСЛО

В монгольских языках наиболее распространенным средством выражения категории множественного числа и множественности являются специальные суффиксы, употребление которых регулируется главным образом характером конечных звуков основы единственного числа соответствующих имен и которые механически наращиваются на эту

основу, за исключением случаев, когда последняя оканчивается на согласный **н** и, иногда, дифтонг. Единственное число, как известно, в монгольских языках особых суффиксов не имеет, иными словами, это число имеет нулевой показатель. За весьма редкими исключениями показатели множественного числа в монгольских языках и диалектах одни и те же; различия между этими языками в употреблении нижепоименованных показателей (суффиксов) множественного числа в общем очень незначительны. Отсутствие некоторых суффиксов множественного числа в могольском и дагурском языках можно считать еще не доказанным, так как эти языки не могут считаться достаточно изученными: можно предполагать, что последующие исследования их позволят установить наличие в них ныне не обнаруженных суффиксов множественного числа. К числу последних относятся для дагурского языка: **-с**, **-ут**, **-чут**, **-чүл**, **-нут**, а для могольского — **-нар**, **-чүт**, **-чүл** и некоторые другие.

Ниже рассмотрим каждый из показателей множественного числа в отдельности.

1. Показатель **-с**. Этот показатель употребляется в тех случаях, когда основа имени оканчивается на гласный и дифтонг, причем последний в халха-монгольском и классическом языках теряет свой второй компонент **й** ~ **і**, например:

ойратск.	<i>бү</i>	‘ружье’	<i>бус</i>	‘ружья’
	<i>махлā</i>	‘шапка’	<i>махлас</i>	‘шапки’
	<i>нохā</i>	‘собака’	<i>нохас</i>	‘собаки’
	<i>хулгāнā</i>	‘мышь’	<i>хулгāнās</i>	‘мыши’
халхаск.	<i>нохой</i>	‘собака’	<i>нохос</i>	‘собаки’
	<i>их</i>	‘большой’	<i>ихэс</i>	‘большие’
	<i>эр</i>	‘муж’	<i>эрс</i>	‘мужи’
классич.	<i>нере</i>	‘имя’	<i>нерес</i>	‘имена’
	<i>үјіле</i>	‘дело’	<i>үјілес</i>	‘дела’
	<i>ағула</i>	‘гора’	<i>ағулас</i>	‘горы’
	<i>гахай</i>	‘свинья’	<i>гахас</i>	‘свиньи’

В ордосском диалекте мы находим то же самое, но слово *еджің* ‘владелец’ имеет форму множественного числа в виде *еджіс* ‘владельцы’, т. е. образует ее путем замены конечного **-ң** на **-с**.

Что касается языка „Сокровенного сказания“, то этот язык в данном отношении не дает ничего нового по сравнению с теми данными, которые представляют нам указанные выше языки. То же самое следует сказать относительно могольского языка, в котором особенным является лишь то, что суффикс множественного числа **-с** подвергается озвончению в положении после гласных основы, например: *чінб* ‘волк’; *чінбз* ‘волки’.

В бурятских диалектах суффикс **-с** в этом виде не сохраняется, но его можно найти в составном суффиксе **-һууд**, который разложим на **-һ** (← **-с**) + **-ууд** (← **-уд**), например:

<i>нохой</i>	‘собака’	<i>нохойһууд</i>	‘собаки’
<i>эрэ</i>	‘муж’	<i>эрэһууд</i>	‘мужи’
<i>шоно</i>	‘волк’	<i>шоноһууд</i>	‘волки’

Но в бурятских диалектах этот **-һ** встречается в составе сложного суффикса и от таких основ, которые в прочих монгольских языках образуют форму множественного числа посредством суффикса **-д**, например: бур. *хониһууд* ‘овцы’, халхаск. *хонид*, классич. *хонід*; ед. ч. халхаск. *хонь* ‘овца’, классич. *хонін* ~ *хоні*.

Самостоятельное наличие суффикса **-h-** в бурятских диалектах обнаруживается, однако, в формах некоторых падежей: *хониһой* 'овцы' (род. пад.), *мориһы* 'коней' (вин. пад.), *шоноһы* 'волков' (вин. пад.).

Суть дела заключается в том, что в бурятских диалектах старьёй **с** в конце слова (и слога вообще) превратился в **д**, например: *улус* → *улад* 'люди', *мангус* → *мангадхай* 'мангусы', *асха* → *адха* 'лить'.

Но так как в положении между гласными и перед гласными старьёй **с** представлен в виде современного **h** (например: *часун* → *саһан* 'снег', *сара* → *һара* 'луна'), то и суффикс множественного числа **-с-** в положении между двумя гласными и в составном суффиксе представлен в виде **-h-**. А так как суффикса **-h-** как самостоятельного суффикса нет, то по аналогии звук **-д-** отражается в виде **-h-** там, где он в этом виде не ожидался, о чем свидетельствует тот факт, что ни в одном другом монгольском языке или диалекте не встречается **-с** от основ с конечным **h**, если не считать лишь одного ордосского примера, приведенного выше: *еджис* 'владельцы'.

2. Показатель **-ут**. Этот показатель употребляется в тех случаях, когда основа имени оканчивается на согласный, например:

бур.	<i>ном</i>	'книга'	<i>номууд</i>	'книги'
	<i>була</i>	'ключ'	<i>булагууд</i>	'ключи'
классич.	<i>гер</i>	'юрта'	<i>гер-уд</i>	'юрты'
	<i>бичи</i>	'письмо'	<i>бичи-уд</i>	'письма'

Прочие монгольские языки и диалекты в отношении употребления данного показателя представляют ту же картину, что и бурятский и классический. Однако в ойратских диалектах этот показатель употребляется чаще всего от основ с конечным согласным **г**, например:

<i>цери</i>	'войско'	<i>цериуд</i>	'войска'
<i>бул</i>	'источник'	<i>булууд</i>	'источники'

Достоин внимания то обстоятельство, что во всех живых монгольских диалектах гласный в составе этого показателя множественного числа оказывается долгим вопреки тому, что в классическом языке, а равно в памятниках монгольской речи эпохи средневековья, в этом показателе отсутствует интервокальный или оказывающийся интервокальным (как, например, в окончаниях многократного или несовершенного причастия) согласный **г**. Изложенное несомненно говорит в пользу того, что в ранних монгольских диалектах на гласный **у** ~ **ү** в составе суффикса множественного числа **-уд** ~ **-үд** падало динамическое или музыкальное ударение, ибо, как известно, долгие гласные в современных монгольских диалектах получились в результате либо постепенного стяжения двух кратких слогов в один долгий слог, что в свою очередь было результатом постепенного выпадения интервокальных **г** ~ **w** ~ **б**, либо трансформации ударных гласных.

Ниже будет показано, что суффикс **-үд** входит в состав сложного суффикса того же множественного числа в качестве неперменного второго компонента.

3. Показатель **-д**. Во всех монгольских языках и диалектах показатель **-д** наиболее часто употребляется главным образом в тех случаях, когда основа соответствующего имени оканчивается на согласный **h**, например:

ойратск.	<i>терги</i>	'телега'	<i>терд</i>	'телеги'
	<i>аргьсн</i>	'кизяк'	<i>аргьсд</i>	'кизяки'
халхаск.	<i>морин</i>	'конь'	<i>морьд</i>	'кони'
	<i>ноён</i>	'князь'	<i>ноёд</i>	'князья'

бур.	<i>морин</i>	‘конь’	<i>морид</i>	‘кони’
	<i>хонин</i>	‘овца’	<i>хонид</i>	‘овцы’
классич.	<i>модун</i>	‘дерево’	<i>модуд</i>	‘деревья’
	<i>шібаун</i>	‘птица’	<i>шібауд</i>	‘птицы’

Как видно из этих примеров, при наращении суффикса **-д** в основе соответствующего имени выпадает конечный **-н**. Такое же выпадение конечного согласного имеет место и в тех сравнительно редких случаях, когда данный показатель используется при образовании множественного числа от основы с иными конечными согласными, нежели **н**, например:

классич.	<i>тугул</i>	‘теленок’	<i>тугуд</i>	‘телята’
	<i>тушімел</i>	‘чиновник’	<i>тушімед</i>	‘чиновники’
	<i>нөкүр</i>	‘друг’	<i>нөкүд</i>	‘друзья’

Аналогичные явления имеют место и во всех других монгольских языках: бур. *тугад* ‘телята’, *нүхэд* ‘друзья’, *тушэмэд* ‘чиновники’; халхаск. *тугад* ‘телята’, *нөхөд* ‘друзья’.

Невольно возникает вопрос, имеем ли мы в данном случае агглютинацию или флексию, поскольку в приведенных примерах конечный согласный в основе соответствующих имен по сути дела подвергается замене суффиксом **-д**, который, как мы видим, не просто наращивается на основу, что свойственно агглютинации. Во всяком случае при образовании формы множественного числа посредством данного суффикса об агглютинации приходится говорить весьма условно и не столь категорически, как в других случаях.

Посредством суффикса **-д** в классическом языке, а также в языке более раннего периода, форму множественного числа образуют также основы с конечным **-сун**, который при этом выпадает, например:

<i>хубчасун</i>	‘одежда’	<i>хубчад</i>	‘одежды’
<i>нугусун</i>	‘утка’	<i>нугуд</i>	‘утки’

В некоторых случаях посредством данного суффикса форму множественного числа образуют и от основ с конечными гласными, например:

классич.	<i>бусу</i>	‘иной’	<i>бусуд</i>	‘иные’
	<i>агта</i>	‘мерин’	<i>агтад</i>	‘мерины’

4. Показатель **-нүд**. При помощи суффикса классич. **-нугуд** и совр. **-нүд** форма множественного числа образуется от самых разнообразных основ: с конечными гласными (преимущественно в классическом языке) и согласными (особенно в бурятских диалектах). В ойратских диалектах этот суффикс представлен в виде **-мүд** ~ **-мүд** и употребляется при основах с конечными согласными, кроме **н**. В классическом и халхаском этот суффикс употребляется и от основ, которые оканчиваются на дифтонг и неустойчивый **н**, благодаря чему соответствующие основы как бы приравняются к основам с конечными гласными. Примеры:

классич.	<i>арга</i>	‘способ’	<i>арга-нугуд</i>	‘способы’
	<i>керіје</i>	‘ворона’	<i>керіје-нүд</i>	‘вороны’
	<i>мори</i>	‘конь’	<i>мори-нугуд</i>	‘кони’
халхаск.	<i>нохой</i>	‘собака’	<i>нохойнүд</i>	‘собаки’
	<i>адуу[н]</i>	‘лошадь’	<i>адуунүд</i>	‘лошади’
бур.	<i>гар</i>	‘рука’	<i>гарнууд</i>	‘руки’
	<i>аяга</i>	‘чашка’	<i>аяганууд</i>	‘чашки’
ойратск.	<i>туг</i>	‘знамя’	<i>тугмүд</i>	‘знамена’
	<i>терз</i>	‘окно’	<i>терзмүд</i>	‘окна’

Относительно употребления этого суффикса в ордосском диалекте А. Мостаэр замечает, что посредством него форма множественного числа образуется от основ с конечными гласными, обозначающих наименования животных по масти, и местоимений:

<i>хара</i> 'черный'	<i>харанут</i> 'черные'
<i>джирō</i> 'иноходец'	<i>джиронут</i> 'иноходцы'
<i>бида</i> 'мы'	<i>биданут</i> 'мы' (вместе с теми) ¹

В том же ордосском диалекте вариантами суффиксов **-ут** и **-нут** являются **-ус** и **-нус**, например: *биданус* 'мы' (вместе с теми), *еденус* 'эти' (вместе с теми).

Изложенным выше исчерпывается список неспециализированных суффиксов множественного числа в монгольских языках, употребление которых представляет довольно пеструю картину в том отношении, что от одних и тех же основ форма множественного числа может образоваться при помощи самых разнообразных суффиксов, например: классич. *нохай* 'собака', *нохас*, *нохад*, *нохажі-нууд* 'собаки'; халхаск. *нохой* 'собака', *нохос*, *ноход*, *нохойнууд* 'собаки'; бур. *гахай* 'свинья', *гахайнууд*, *гахайнууд*, *гахайд* 'свиньи'.

Такое разнообразие как суффиксов множественного числа, так и употребления их объясняется тем, что эти суффиксы некогда были специализированными по своему значению, подобно суффиксам, подлежащим рассмотрению ниже. Не может быть сомнения в том, что только утрата описанными выше суффиксами множественного числа специализированных значений привела к тому, что они стали употребляться лишь для выражения множественности вообще в зависимости от характера конечных звуков соответствующих именных основ. В этом смысле употребление в ордосском диалекте суффикса **-нут** является так же знаменательным, как и употребление специализированных суффиксов, о которых речь будет идти ниже. Вопрос о том, какое специализированное значение мог иметь некогда тот или иной из современных суффиксов множественного числа, может быть более детально освещен лишь после того, как в достаточной степени будет изучена лексика монгольских языков и диалектов как прошлого, так и настоящего. В частности, подлежит специальному изучению вся терминология, относящаяся к этническим наименованиям и топонимике, в которых явственно проявляется фиксация родственных отношений по мужской и женской линиям.

Пестрота и разнообразие в употреблении суффиксов множественного числа тем значительнее, чем большее скопление диалектов и языков имеет место в том или ином пункте. Поэтому не случайно то, что именно в классическом языке, который всегда испытывал влияние самых разнообразных диалектов, и в бурят-монгольском языке, который дробится на ряд более разнородных диалектов, нежели ойратские, мы замечаем наибольшую „путаницу“ в употреблении суффиксов множественного числа.

Тем не менее, мы можем установить тенденции к регулированию в употреблении описанных выше суффиксов множественного числа. Так, например, можно установить, что в ойратских диалектах: а) суффикс **-с** употребляется при основах с конечными гласными (долгими, краткими или редуцированными); б) суффикс **-д** — при основах с конечным **н**; в) суффикс **-уд** — при многосложных основах с конечным **г**; г) суффикс **-муд** — при основах с прочими согласными, кроме **н**, а также **г** в односложных основах.

¹ См. А. Mostaert. Textes oraux Ordos. Peiping, 1937, стр. XXI—XXIV.

В халхаском диалекте суффикс **-д** употребляется преимущественно при основах с конечными **н** и, иногда, **л** или **р**; суффикс **-нууд** ~ **-нүүд** — при основах с конечными дифтонгами и неустойчивым **н**, а суффикс **-ууд** ~ **-үүд** — при основах с прочими звуками. Что касается суффикса **-с**, то его для халхаского диалекта можно считать исчезающим и редко употребляемым.

Что касается бурят-монгольского языка, то тенденция к регулированию проходит различно в зависимости от того или иного диалекта. В нормативной грамматике бурят-монгольского литературного языка имеется попытка установить следующие правила употребления суффиксов множественного числа: а) **-гууд** ~ **-гүүд** — при основах с исконным заднеязычным **н**; б) **-нууд** ~ **-нүүд** — при основах, которые оканчиваются на гласный и согласный **л** или **р**, а в заимствованных словах — на шипящие и сочетания из нескольких согласных; в) **-ууд** ~ **-үүд** — при основах с прочими конечными согласными, в том числе иногда и на исконный переднеязычный **н**; г) **-д** — при основах с конечным исконным переднеязычным **н**, который при этом, как уже сказано, выпадает.

Кроме описанных выше суффиксов множественного числа, монгольские языки и диалекты имеют еще специализированные показатели множественности, к изложению которых мы и переходим.

1. Показатель **-нар**. Этот показатель во всех монгольских языках употребляется при основах имен, обозначающих людей и божеств и оканчивающихся на гласные (в современном халха-монгольском — и на согласный), например:

классич.	<i>багш</i>	‘учитель’	<i>багш-нар</i>	‘учителя’
	<i>дегүү</i>	‘младший’	<i>дегүү-нер</i>	‘младшие’
халхаск.	<i>сайд</i>	‘министр’	<i>сайднар</i>	‘министры’
	<i>ах</i>	‘старший’	<i>ахнар</i>	‘старшие’
бур.	<i>эгэшэ</i>	‘сестра’	<i>эгэшэнэр</i>	‘сестры’
	<i>вождь</i>	‘вождь’	<i>вождьнор</i>	‘вожди’
ойратск.	<i>эмч</i>	‘врач’	<i>эмчнр</i>	‘врачи’
	<i>зэ</i>	‘племянник’	<i>зэнр</i>	‘племянники’

В бурятских диалектах чаще чем **-нар** встречается суффикс **-над**, который представляет собою контаминацию суффиксов **-нар** и **-д**, например: *аханад* ‘старшие’, *ламанад* ‘ламы’, *ашанад* ‘внуки’.

2. Показатель **-чуд**. Этот показатель, имеющийся во всех монгольских диалектах, несомненно, представляет собою контаминацию суффиксов **-чул** и **-д**, первый из которых употребителен самостоятельно преимущественно в бурятских диалектах в виде **-шуул** и изредка в халхаском. При помощи этого показателя образуют форму множественности от основы с конечными гласными, плавным **л** и переднеязычным **н**, которое при этом выпадает. Примеры:

классич.	<i>бага</i>	‘малый’	<i>багачуд</i>	‘детвора’
	<i>джалагу</i>	‘молодой’	<i>джалагучуд</i>	‘молодежь’
	<i>бајан</i>	‘богатый’	<i>бајачуд</i>	‘богачи’
халхаск.	<i>монгол</i>	‘монгол’	<i>монголчууд</i>	‘монголы’
	<i>бүсгүй</i>	‘женщина’	<i>бүсгүйчүүд</i>	‘женщины’
бур.	<i>дархан</i>	‘кузнец’	<i>дархашуул</i>	‘кузнецы’
	<i>золтой</i>	‘счастливый’	<i>золтойшуул</i>	‘счастливыцы’

Как видно из приведенных выше примеров, данный суффикс служит преимущественно средством субстантивации качественных (прилагательных — по традиционной терминологии) имен: *бага* ‘малый’, *багачуд* ‘малыши’. В тех же случаях, когда в восточнобурятских и некоторых

других монгольских диалектах эти качественные имена образуют множественность без субстантивации и употребляются лишь атрибутивно, используется суффикс **-нууд**, например:

бага 'малый' *баганууд* 'малые' (а не 'малыши');

ехэ 'большой' *ехэнууд* 'большие' (а не 'взрослые', противопоставленные 'малышам' или 'детворе').

Как известно, в восточнобурятских диалектах и в языке „Сокровенного сказания“ подобные формы множественности атрибутивных частей речи (причастий и качественных имен) весьма употребительны.

3. Показатель **-н**. В монголоведной литературе уже указывалось на то, что в монгольских языках, в том числе и в бурят-монгольском, в определенных случаях **-н** является показателем множественности при основах с конечными **-чи** ~ **-ша** и **-та**¹, например:

классич.	<i>үсүчи</i>	'парикмахер'	<i>үсүчин</i>	'парикмахеры'
	<i>джигасучи</i>	'рыбак'	<i>джигасучин</i>	'рыбаки'
бур.	<i>хаалиша</i>	'доярка'	<i>хаалишан</i>	'доярки'
	<i>мэдээшэ</i>	'знаток'	<i>мэдээшэн</i>	'знатоки'

Этот показатель **-н** превратился в показатель множественности не потому, что он стал наращиваться на основу с конечным **-чи** ~ **-ша**. Здесь дело обстоит совершенно иначе, нежели с другими показателями множественности, ибо в монгольских языках форма **-чи** ~ **-ша** как форма единственного числа сложилась позднее: первоначально имена с окончаниями **-чин** обозначали наименования целых коллективов, целых социальных групп и употреблялись, в частности, в качестве родовых и племенных названий (*керемучин* 'керемучины' от *керемү* 'белка', *булагачин* 'булагачины' от *булага* 'соболь' и т. д.). И лишь потом путем отсечения или выпадения конечного **н** образуется форма единственного числа на **-чи** ~ **-ша**. Таким образом, в данном случае сначала было множественное число, а потом — единственное. Иными словами, суффикс **-чин** ~ **-шан** с исторической точки зрения является неделимым и неразложимым показателем множественности.

Несколько иначе обстоит дело с показателем **-тан**. Приведем сначала примеры:

классич.	<i>джигүртен</i>	'пернатые'	<i>джигүр</i>	'перо', 'крыло'
	<i>моритан</i>	'всадники'	<i>морин</i>	'конь'
халхаск.	<i>хөрөнгөтөн</i>	'буржуазия'	<i>хөрөнгө</i>	'капитал'
	<i>хөрөнгөтө</i>	'буржуазный'		
бур.	<i>малтан</i>	'скотовладельцы'	<i>мал</i>	'скот'
	<i>малта</i>	'имеющий скот'		

Из этих примеров видно, что: а) суффикс **-тан** обозначает категорию животных ('пернатые') и людей ('скотовладельцы'), которые обладают тем, что обозначено в основе (*джигүр* 'крыло', 'перо', *мал* 'скот'); б) суффикс **-та** (классич. **-ту** ~ **-тү**, примеры ниже) собственно не употребляется при именах с субстантивным значением и поэтому не может считаться полноценным антиподом по отношению к **-тан** как форма единственного числа, ибо имена с этим окончанием употребляются лишь атрибутивно без дифференциации в отношении числа; например: классич. *мориту күмүн* 'конный человек', *мориту күмүс* 'конные люди'.

Поэтому суффикс **-тан**, хотя он и является средством образования имен с собирательным значением (наименований социальных групп и

¹ Впервые это было отмечено П. О. Доржиевым. Учебник бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1938, часть II, стр. 27.

животных, но никоим образом не предметов), не может собственно считаться показателем формы множественного числа. Еще меньше оснований считать показателем множественности конечный согласный **н**, ибо суффикс **-тан** является цельным и неразложимым. Если, с другой стороны, верно то, что в общем **-тан** обозначает социальную множественность, а **-та** — единичного человека или животного, чем-то обладающего (но в атрибутивном употреблении), то эта множественность с исторической точки зрения обусловлена вовсе не наличием конечного **н**, а иными обстоятельствами. В данном случае нельзя не обратить внимания на то, что в классическом языке мы имеем пары **-ту** и **-тан**, например: *мориту* 'конный' или 'конные', 'обладающий или обладающие конем' (определяется числом определяемого) и *моритан* 'всадники'.

Из изложенного нетрудно заметить, что множественность и субстантивность исторически определены не наличием конечного **н**, а наличием гласного заднего ряда **а** (**-тан**), которому в атрибутивном суффиксе противостоит гласный **у** ← **ī**. Стало быть, мы здесь имеем то же самое, что и в личных местоимениях:

<i>mi</i> → <i>či</i>	'ты'	<i>ta</i>	'вы'
<i>bī</i>	'я'	<i>ba</i>	'мы'
* <i>in</i>	'он'	* <i>an</i>	'они'

Следовательно, в данном случае мы исторически имеем флексию, а не агглютинацию, и опять-таки **-та** ~ **-ту** ← ***-tī** — развитие единственного и множественного числа от более раннего только множественного или множественности по отношению к живым существам, чем-то обладающим. Более того, суффикс **-тан** исторически, несомненно, является вариантом другого суффикса, описанного выше, а именно **-чин** ← ***-tīn** ~ **tīn**. Это расщепление некогда единого суффикса на ***-tīn** → **-чин**, **-тан** и **-ту** имело место, надо думать, в очень ранний период. В результате этого расщепления суффикс **-чин** стал обозначать непосредственных производителей (отсюда его дальнейшее и современное значение как показателя профессии или деятеля), тогда как суффикс **-тан** обозначает уже не непосредственных производителей, а лиц, чем-либо обладающих, в том числе готовыми дарами природы, т. е. группового владельца: *мал* 'скот', *малчин* 'скотовод', *малтан* 'скотовладельцы'.

Лишь затем суффикс **-тан** в порядке внутренней флексии, в порядке использования уже наличного тогда в местных и племенных диалектах различного происхождения, раздваивается на **-тан**, употребляющийся субстантивно, и **-ту**, употребляющийся лишь атрибутивно: *моритан* 'владелец коней, всадники', *мориту* 'конный', 'имеющий коня' (или 'коней').

Отметим общеизвестные случаи употребления двойных показателей множественного числа, имеющих во всех монгольских языках. В ряде случаев от одной и той же основы имени форма множественного числа образуется посредством двух суффиксов, например: ойратск. *ах* 'старший', *ахнар* 'старшие', *ахнрмуд* (т. е. *ах* + **нр** + **муд**) 'старшие'; бур. *тугал* 'теленок', *тугад* 'телята', *тугадууд* (т. е. *тугал* + **д** с выпадением конечного **л** основы + **ууд**) 'телята'; халхаск. *ноэн* 'князь', *ноёд* 'князья', *ноёдууд* (т. е. *ноён* + **д** + **ууд**) 'князья'; классич. *лама* 'монах', *лама-нар* 'монахи', *лама-нар-уд* (т. е. *лама* + **нар** + **уд**) 'монахи'.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что двойные формы множественного числа без видимого особого оттенка в значении образуются лишь от основ, обозначающих живые существа (преимущественно людей и, изредка, животных). Что же касается генезиса употребления этих двойных форм множественного числа, то некоторые соображения предварительного характера необходимо сделать после

краткого обозрения синтаксического употребления этих форм. В отдельных случаях употребление двойного множественного числа легко объяснимо тем, что некоторые основы со значением единственного числа, но в форме множественного числа потеряли значение последнего, получив иное лексическое значение (примеры из классического языка): 1) *кейкен* 'девушка', *кейкед* 'дитя', а не 'девушки', *кейкедүд* 'дети'; 2) *еке* 'мать', *екенер* 'жена', а не 'матери', *екенерүд* 'жены'; 3) *сајин* 'хороший', *сајид* 'министр', а не 'хорошие', *сајид-уд* или *сајид-нар* 'министры'; 4) *аран* (в старых текстах) 'простолюдин', *арад* 'простолюдин', 'арат', 'крестьянин', а не 'простолюдины', *арад-уд* 'простолюдины'.

Если случаи 3 и 4 вполне понятны, то как понять первые два? Относительно первого случая—*кейкед* из *кейкен*—следует иметь в виду, что само *кейкен* разлагается на *кей* 'сын' и *-кен*—уменьшительная частица, поэтому можно было ожидать, что *кейкен* должно значить не 'девушка', а 'сыночек'. В чем здесь дело? Ответить на этот вопрос пока трудно, но следует указать на существующий, например у бурят, обычай ласкательно именовать—*хүбүүн* 'сыноком' девочку, если она у родителей является единственным ребенком, а мальчика—девочкой *басаган*—по тому же поводу. В связи с этим можно предполагать, но не утверждать, что *кей* первоначально обозначало вообще 'дитя' без различия пола, а затем 'сынок' (отсюда и *көбөгүн* 'сын', 'молодец'), а с наращением частицы *-кен* (в настоящее время мы не знаем, откуда эта частица появилась)—'девочка'.

Что касается *еке* 'мать' и *екенер* 'жена', то можно думать, что такое переосмысление имело место после полигамии, сменной моногамией, когда общее наименование для всех жен, следовательно, и матерей сохранилось за одной женой.

Как мы видели, в монгольских языках и диалектах имеется большое разнообразие показателей множественного числа, чем эти языки существенно отличаются от тюркских языков. Ныне употребление этих показателей в морфологическом отношении отличается большой пестротой. Так, например, от одной и той же именной основы образуются параллельные формы множественного числа, например:

ойратск.	<i>терз</i>	'окно'	<i>терзс</i>	и	<i>терзмүд</i>	'окна'
бур.	<i>дархан</i>	'кузнец'	<i>дархад</i>	и	<i>дархашуул</i>	'кузнецы'
халхаск.	<i>нохой</i>	'собака'	<i>нохос</i>	и	<i>нохойнууд</i>	'собаки'
классич.	<i>баши</i>	'учитель'	<i>баши-нар</i>	и	<i>башид</i>	'учителя'

Кроме перечисленных выше суффиксов множественного числа, в некоторых монгольских наречиях имеются суффиксы, заимствованные из других языков. Так, в западномонгольской речи средневековой мы находим тюркский суффикс *-лар*, употреблявшийся даже при изъявительных формах глагола: *дёл* 'шуба', *дёллер* 'шубы'; *абалаба* 'охотился', *абалабалар* 'охотились'.

В дагурском языке находим суффикс *-сал*, повидимому, тунгусского происхождения: *берё* 'невестка', *берёсёл* 'невестки'; *кү* 'человек', *күсүл* 'люди'.

В некоторых случаях можно установить, что различные формы множественного числа от одной и той же основы имеют различные оттенки, что особенно заметно при личных местоимениях, например: *бид* (халхаск.) 'мы'—безразлично, *бид нар* 'мы'—с оттенком приподнятого подчеркивания, *биднүүд* 'мы'—уничижительно; *та* 'вы', *танууд* 'вы'—пренебрежительно и *та нар* 'вы'—почтительно.

Вообще можно думать, что современные показатели множественности некогда были показателями различной племенной принадлежности. А в том обстоятельстве, что в современных монгольских языках употреб-

ление того или иного показателя множественности зависит от характера конечного согласного в именной основе, следует видеть не просто голый фонетический факт, а то, что сам характер конечного согласного некогда обладал какой-то семантической окраской, а различные показатели множественности имели различное значение, как это и теперь видно при разборе таких показателей, как **-нар, -чүд ~ -шүд, -чүл ~ -шул, -тан** и т. д. Когда же позже различные показатели множественности с некогда различными значениями утратили дифференциацию в смысловом отношении, то и при оформлении суффиксом множественности в современных монгольских языках наметился разбой при явно выраженном стремлении регулировать употребление различных показателей множественности на чисто формальной фонетической основе. Развитие этого процесса в настоящее время не может считаться завершенным.

Переходим теперь к рассмотрению употребления показателей множественного числа. Как известно, в современных монгольских языках имя формально остается в единственном числе, хотя в смысловом отношении имеется в виду множественность, в следующих случаях:

а) когда число предметов определено количественными числительными: ойратск. *тави гер* 'пять юрт'; бур. *хоёр нохой* 'две собаки'; халхаск. *долоон морь* 'семь коней'; классич. *арбан үкер* 'десять коров';

б) когда определяемое имя сопровождается неопределенно-множественными словами, обозначающими большую или меньшую совокупность предметов: ойратск. *дала цасн* 'много бумаги', *кесг дегтр* 'несколько книг'; бур. *зарим хүн* 'некоторые люди' (но: *нэгэ зарим хүн* 'какой-нибудь один человек'); халхаск. *олон гер* 'много юрт'; классич. *чөкен гер* 'немногие юрты'.

В отличие от того, что мы имеем в русском языке, имена употребляются в форме единственного числа, когда количество предметов строго обусловлено по своей природе. Таковы слова, обозначающие руки, ноги, глаза, уши и т. д. Так, вместо 'мыть руки' и 'своими глазами' принято говорить *гараа угаах* и *нүдээрээ* букв.: 'мыть руку' и 'своим глазом', хотя, конечно, разумеют две руки и два глаза. Выражения 'одна' или 'две руки', 'один' или 'два глаза' и т. п. употребительны в тех случаях, когда то или иное количество представляется необычным или неясным в условиях данной обстановки. Например, говорят: *гараа өргөх* 'поднимать руку' (при голосовании и сигнализации) и 'поднимать руки' (при сдаче в плен), — в обоих этих случаях *гар* 'рука' формально стоит в форме единственного числа, хотя в первом случае имеется в виду одна рука, а во втором — обе. Но если, например, речь идет о болезни и т. д., то необходимо указать количество, ибо заболеть может или одна рука или обе.

В этих случаях в монгольских языках обнаруживается общее правило, которое гласит: когда что-либо ясно само по себе, оно не получает в речи особого формального выражения (отсюда употребление чистой основы или, как ее часто называют, неопределенного падежа, вместо винительного или дательного-местного падежа, о чем речь будет идти в разделе об употреблении падежей; отсюда же употребление соединительного деепричастия вместо ожидаемого разделительного).

Однако имеются случаи несколько иного употребления множественного числа: а) употребление определяемого во множественном числе при наличии количественного определения, б) употребление во множественном числе определения при определяемом в единственном числе и в) употребление во множественном числе и определения и определяемого.

В современном бурят-монгольском языке мы находим бесчисленные примеры двух последних случаев употребления множественного числа,

что характерно для восточнобурятских диалектов: *баганууд тугал* 'маленькие телята' (по форме 'маленькие телянок'); *хайнууд морид* 'хорошие кони' (множественное число и по форме и по содержанию).

Почти во всех старых монгольских текстах XIV—XVII столетий характерным является подобное же употребление множественного числа. То, что последнее было повсеместным, можно видеть из факта наличия примеров подобного употребления множественного числа (необычного для современной грамматической нормы) в памятниках, отражающих как восточномонгольские диалекты („Сокровенное сказание“, документы квадратной письменности, разные буддийские сочинения средневековья и т. п.), так отчасти и западномонгольские наречия, с представителями которых встречались различные филологи Среднего и Ближнего Востока. Здесь достаточно привести лишь некоторые примеры (в скобках — буквальный перевод в случае расхождения с русским): *теде ирген* („Сокровенное сказание“, § 29) 'те люди' ('те народ'); *теджигесед койд* (там же, § 74) 'вскормленные дети' ('вскормившие дети', т. е. 'дети, которых вскормили', так как причастие дано не в форме страдательного залога); *тархагсад тајичигуд* (там же, § 82) 'ушедшие тайчигуты' (племенное название); *еде угес* (там же, § 107) 'эти слова'; *дөрбен койд* (там же, § 11) 'четыре сына' ('четыре сыны'); *иргесед еле боді-нар* (Панчаракша, т. I, стр. 4) 'пришедшие эти существа' ('пришедшие этот существа', *боди* — существа, достижения определенного состояния); *најіман јекес чідкүд-үн күреген-і теригүлегчид* (там же, т. I, стр. 2) 'вожаки лагеря восьми великих чертей' ('восемь великие чертей лагеря вожаки'); *унагсад амитан* (там же, т. IV, стр. 6) 'павшие существа'; *сайт һаран* (Мукаддимат ал-Адаб) 'хорошие люди' ('хорошие люд'); *долан обүгет* (там же) 'семь старцев' ('семь старцы' — общемонгольское название созвездия Большой Медведицы).

Относительно употребления формы множественного числа при наличии количественного определения можно лишь при некоторых случаях установить в диалектах его отличие от употребления формы единственного числа: халхаск. *долоон өвгэд* 'семь старцев' ('старцы'), *долоон өвгөн* 'семь старцев' ('старец'), в первом примере речь идет о созвездии Большой Медведицы, а во втором — о семи старцах (нарицательно); классич. *гучин гурбан тенгри[-нер]* 'тридцать три небожителя' (вся совокупность небожителей, количество которых не превышает по мифологии указанного числа); *гучин гурбан джил* 'тридцать три года' ('год' — метафорическое определение времени, мыслимого в любом количестве лет).

Равным образом в выражении *минган бурхад ~ бурхан* 'тысяча будд' ('тысяча будда') указывается вся совокупность определенных будд, а не просто указанное количество будд из возможно большего числа таковых. Но, с другой стороны, выражения типа *гурбан ердени* 'три драгоценности', в которых определяемое дано в форме единственного числа (хотя по буддийской вере количество „драгоценностей“ строго определено цифрой три: будда, учение, община), как будто бы противоречит изложенному. Дело, однако, в том, что определяемое дается в форме множественного числа почти исключительно в тех случаях, когда речь идет о живых существах.

Если случаи употребления определяемого в форме множественного числа подразделить на такие, в которых определения представляют собою: а) количественные числительные, б) слова, обозначающие большую или меньшую неопределенную численность (*олон* 'много', *цөөн* 'немного' и т. д.), и в) различные имена в форме множественного числа (*тархагсад* 'ушедшие', *хојитус* 'последующие' и т. д.), то в общем можно установить, что при количественных числительных определяемые в форме множественного числа обозначают главным образом живых

существ (примеры см. выше). Исключения из последнего правила в заметном количестве можно найти в старых текстах, например в „Сокровенном сказании“ (§ 145 и 129): *гурбан тусас* 'три заслуги', *далан тогоод* 'семьдесят котлов'.

Таким образом, в данное время установлено, что чем дальше мы будем идти от современности к засвидетельствованным впервые данным монгольской речи XII—XIII столетий, тем более часты случаи согласования в числе определения и определяемого. Сверка С. А. Козиным параллельных мест „Сокровенного сказания“ и летописи Лубсан-Данзана показала, что между XIII и XVII вв. уже произошел большой сдвиг в сторону современных норм¹, согласно которым количество указывается только либо в определении, либо в определяемом. В XVII в. случаи согласования в числе определения и определяемого значительно реже, нежели в XIII в., но более часты, чем в наше время, когда такое согласование можно иногда встретить у восточных бурят. Если же наличие показателя множественности в определяемом при наличии количественного определения, выраженного числительными или словами, обозначающими множество (типа *олон* 'много'), имеет место иногда и в наше время (особенно в тех случаях, когда речь идет о живых существах), и если это можно как-то считать согласованием, то это согласование по содержанию и форме несколько напоминает то, что было в XIII в. Что же касается согласования в числе определяемого с определением, выраженным нечислительными, то в этом отношении мы имеем полный разрыв между тем, что было в XIII в., и тем, что есть сейчас, если исключить случаи согласования указанных членов предложения у восточных бурят. Более того, атрибутивные части речи (причастия—в особенности) в форме множественного числа в современных монгольских языках субстантивированы, и после них теперь уже невозможна постановка определяемого, что особенно заметно в халха-монгольском и классическом (последнего периода) языках: халхаск. *оролдогсод* 'участники', а не 'участвующие'; классич. *ябугсад* 'те, которые ушли', а не 'ушедшие'.

В данном случае такое употребление причастий в монгольских языках напоминает субстантивацию причастий и прилагательных в русском языке ('заведующий', 'командующий', 'белые', 'твердолобые' и т. д.) еще и в том отношении, что в подобной субстантивации речь идет только о людях, а не вообще о живых существах.

Таким образом, показатели множественности в монгольских языках можно свести к следующим архетипам:

- 1) **-д ~ -с** — представлены в виде **-д, -уд** (после конечных согласных в основе имен), **-д, -уд, -с, -худ** (составной из **-с + -уд**);
- 2) **-нар** — представлен в виде **-нар, -нар, -над**;
- 3) **-чул** — представлен в виде **-чул, -чул, -шул, -чуд** (составной из **-чул + -д** с выпадением в первом компоненте конечного л), **-шуд**.

Из этих суффиксов собственно только первый архетип является показателем множественного числа, тогда как последние два являются показателями множественной собирательности живых существ (причем только людей) так же, как **-тан** (противопоставленный единственному **-ту**) и **-чин**, являющиеся результатом расщепления общего архетипа ***-тин** → **-тан** и ***-тин** → **чин**.

В заключение следует напомнить одно весьма знаменательное замечание А. Бобровникова, который, указав на примеры образования форм множественного числа в словах типа *балгасун* 'город' (*балгад* 'города'),

¹ См. С. А. Козин. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке. „Ученые записки Ленинградского государственного университета“, Л., 1946, вып. 10, стр. 120—135.

нөкүр 'друг' (*нөкүд* 'друзья'; ср. *нөкүчекү* 'дружиться'), пишет: „В производстве множественного числа заметно, что иногда не множественное число происходило от единственного, а единственное от множественного, иногда и множественное и единственное число произошло, какется, от корня, который в отношении числа был безразличен, например, сличая слова *нөкүр*, *нөкүд* и *нөкүчекү* 'дружиться', можно заключить, что корень был *нөкү*. Для слов *модун* ('дерево') и *модуд* ('деревья') находим корень в древнем слове *мод* 'деревья', для слов *аран* 'человек' (неупотребительное) и *арад* 'люди' находим у бурят корень *ар* 'человек'¹.

ПАДЕЖИ

По характеру и составу основ имен предметного значения монгольские языки и диалекты, в зависимости от наличия или отсутствия конечного переднеязычного носового **н**, делятся на определенные группы.

1. Могольский (язык афганских монголов) и классическо-монгольский языки сохраняют конечный **н** в основах всех падежей. Однако под влиянием диалектов халхаского типа конечный **н** выпадает в ряде падежей классического языка последних периодов, но, тем не менее, в этом языке сохранение конечного **н** во всех падежах не признается ненормальным и в настоящее время.

2. Все бурятские (кроме некоторых, смежных с халхаскими) и ойратские диалекты сохраняют конечный **н** в основах именительного, родительного, дательного-местного, исходного, соединительного или совместно-комитативного и направительного падежей (назовем их **н**-падежами).

3. Все халхаские и южномонгольские (ордосский и другие) диалекты конечный **н** сохраняют в тех же падежах, кроме именительного.

Таким образом, все монгольские языки и диалекты, кроме классического последних периодов и могольского, не сохраняют конечный **н** при склонении имен предметного значения в орудном, винительном и совместно-определятельном падежах (падежи без **-н**).

Особняком стоят дагурский и монгорский языки. Первый из них в неодносложных именах предметного значения не сохраняет конечный **н** вообще. Что касается монгорского языка, то в нем конечный **н** сохраняется далеко неравномерно, но наличие или отсутствие этого согласного никоим образом не сказывается на парадигме склонения.

К сказанному выше необходимо сделать некоторые оговорки. Во-первых, в халхаском и особенно в ордосском диалектах некоторые предметные имена то сохраняют конечный **н**, то теряют его (ордос. *тергенёс* 'с телеги', *тергені* 'телеги', *тергендү* 'на телеге', *тергенлэ* 'с телегой', но: *тергёс*, *тергін*, *тергедү* и *тергелэ*). Во-вторых, по аналогии некоторые предметные имена типа *үла* 'гора' в этих диалектах начали принимать в **н**-падежах конечный **н**, которого раньше не было в этих именах (отсюда *үлнэс* 'с горы' и *үланда* 'на горе' вместо *үлэс* и *үлада*, как это было раньше и есть теперь в классическом, бурятском и ойратском языках). В-третьих, не следует думать, что абсолютно все имена с конечным **н** теряют его в падежах без **н**: некоторые имена (собственные, новообразования, заимствованные, односложные и другие) составляют исключения. Более того, некоторые имена, за последнее время получившие новые значения и поэтому ставшие своеобразными омонимами, в своем старом значении теряют конечный **н**, а в новом — сохраняют его. Например, от старого *гешигүн*

¹ А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 85—87.

‘ветвь’, ‘часть тела’ получились в халхаском два разных по форме и значению слова со следующей парадигмой склонения:

им.	<i>гешү</i> ‘ветвь’	<i>гешүн</i> ‘член’ (соц.-полит. термин)
род.	<i>гешүни</i>	<i>гешүни</i>
дательно-мест.	<i>гешүндө</i>	<i>гешүндө</i>
исходн.	<i>гешүнэс</i>	<i>гешүнэс</i>
орудн.	<i>гешүгэр</i>	<i>гешүгэр</i>
вин.	<i>гешүг</i>	<i>гешүниг</i>
совм.	<i>гешүтэ</i>	<i>гешүнтэ</i>

Следовательно, имеется различие в именительном и трех последних падежах. В ордосском и халхаском диалектах имя *сар(а)* в именительном падеже имеет одну форму, но в **н**-падежах по две формы, в зависимости от того, что оно обозначает:

Значение		‘луна’	‘лунный месяц’
ордос.	род.	<i>саран</i>	<i>сарāн</i>
халхаск.	„	<i>сариг</i>	<i>сариг</i>
ордос.	дат.	<i>саранду</i>	<i>сараду</i>
халхаск.	„	<i>сарāндā</i>	<i>сардā ~ сарād</i>
ордос.	исходн.	<i>саранас</i>	<i>сарас</i>
халхаск.	„	<i>сарнас</i>	<i>сарас</i>
ордос.	совм.	<i>саранлā</i>	<i>саралā</i>

Ср. халхаские *ор[он]* ‘кровать’ и *орон* ‘страна’, ‘место’, оба из *оран* ‘кровать’, ‘место’.

Кроме того, конечный **н** сохраняется в тех случаях, когда соответствующие предметные имена в предложении оказываются сказуемыми (в халхаском и ордосском **н** не сохраняется и в этом случае), определением и дополнением или обстоятельством с послелогами. Здесь, как уже сказано выше, эти имена даны в первой основе, а в халхаском и ордосском диалектах в положении сказуемого (и подлежащего) — во второй. Этот согласный **н** не сохраняется в тех случаях, когда те же имена оказываются в положении первых компонентов парных слов и часто вообще однородных членов предложения (в выражениях типа бурятского *шулуу модонһоо барилсаба* ‘удержался за камни и деревья’).

Из изложенного и всего строя речи видно, что конечный **н**, который сохраняется в указанных выше случаях, в истории монгольских (и тунгусо-маньчжурских) языков играет определенную роль при выражении атрибутивно-предикативных и посессивных отношений, ибо, как увидим ниже, этот согласный оказывается также неизменным компонентом формата родительного падежа. История этого согласного в названных языках не подверглась до сих пор специальному исследованию. Особое положение согласного **н** отмечается и в германских языках.

Основа и именительный падеж

Общие именные основы

В лингвистической литературе принято считать, что основа и именительный падеж в монгольских языках совпадают, между тем это не совсем верно. На самом деле это — разные по форме и содержанию категории, хотя не приходится отрицать того, что в большинстве случаев основа и именительный падеж внешне действительно совпадают, образуя как бы омонимы. Последнее обстоятельство, а также и то, что основа в речи употребляется вместо винительного и дательного-местного

падежей, вынудили ряд исследователей говорить то о неопределенном падеже, то о неоформленном падеже, то о неоформленном винительном или просто именительном падеже, а у Н. И. Фельдман, изложившей историю вопроса, промелькнул именительный самостоятельный падеж¹.

Оставляя пока в стороне рассмотрение различий в синтаксическом употреблении основы и именительного падежа в монгольских языках, нам надлежит рассмотреть здесь то, что формально различает эти грамматические категории. Следует с самого начала строго оговорить, что формальные различия между основой и именительным падежом очень невелики и поддаются установлению с большим трудом лишь в области определенных групп слов, а именно таких, которые в большинстве монгольских языков имеют так называемый неустойчивый или скрытый **н**, являющийся конечным. Различия эти проявляются и в склонении местоимений. Что же касается всех остальных имен из любой части речи, то в их склонении нет ничего такого, что давало бы основание проводить формальное различие между основой и именительным падежом.

Если мы формой именительного падежа будем называть ту форму, в которой то или иное имя в речи оказывается подлежащим, то установим, что разные монгольские языки дают довольно пеструю и весьма запутанную картину. Монгольский отличается в этом отношении от бурят-монгольского и ойратского, а классическо-монгольский язык, если иметь в виду последний период в его развитии, имеет черты как монгольского, так и бурят-монгольского и ойратского.

В монгольском языке имя с неустойчивым конечным **н** в именительном падеже теряет его, тогда как в бурят-монгольском и ойратском языках то же имя прочно сохраняет этот согласный: халхаск. *морь явна*, бур. *морин ябана*, ойратск. *мёрн йовна* 'лошадь идет'.

Если же это слово дать в форме так называемого неоформленного винительного падежа, то получим следующее: халхаск. *морь барив*, бур. *мори бариба*, ойратск. *мёр барв* 'поймали лошадь'.

Таким образом, в монгольском языке имя в положении субъекта и объекта иногда дается в одной и той же форме, а в бурят-монгольском и ойратском языках — в разных. Если, следовательно, в двух последних языках именительный падеж явно отличается по своей форме от винительного, хотя бы и „неоформленного“ (будем пока пользоваться этим неопределенным и неправомерным термином!), то что же такое мы имеем в монгольском, ведь не можем же мы говорить, что объект в этом языке дается в именительном падеже?! Вывод здесь как будто бы напрашивается такой, что в монгольском языке категория именительного падежа еще не сложилась и что вместо этого падежа мы имеем прямой или даже абсолютный падеж. В этом отношении монгольский язык XIII в. в известном смысле совпадает с современным монгольским в том, что имена с конечным **н** сохраняют его в положении как субъекта, так иногда и „неоформленного“ объекта. Так, в „Сокровенном сказании“ мы читаем: *хојар көүн төреүлби* (§ 10) 'родила двух сыновей' (букв.: 'два сын родила').

Таким образом, и монгольский язык XIII в. тоже как будто бы говорит в пользу возможного вывода относительно отсутствия именительного падежа и наличия, вместо последнего, прямого падежа. На этом выводе можно было бы остановиться, если бы не те обстоятельства, к разбору которых мы и переходим.

¹ См. Н. И. Фельдман. Об именительном самостоятельном в современном японском языке. „Труды Военного института иностранных языков“, М., 1945, вып. 1, стр. 47—81.

При употреблении имен с конечным согласным **н** при послелого, например, *дээр* 'на' монгольский язык так же сохраняет этот **н**, как и бурят-монгольский и ойратский языки: халхаск. *морин дээр*, бур. *морин дээрэ*, ойратск. *мөрн дёр* 'на лошади'.

Точно так же этот конечный согласный **н** сохраняется при атрибутивном употреблении соответствующих имен во всех монгольских языках: халхаск. *морин жил*, бур. *морин жил*, ойратск. *мөрн жил* 'год лошади'.

Какой же падеж мы в данном случае имеем? Можно было бы этот вопрос для разных монгольских языков разрешать различно, имея в виду их неравномерное развитие, и формулировать такое разрешение данного вопроса в том смысле, что в халха-монгольском языке наличны прямой падеж и атрибутивный, или неопределенный, падеж, употребительный в положении перед послелогом и атрибутивно. Исходя из этого, мы должны были бы установить, что в монгольском языке родительный, исходный и дательно-местный падежи образуются от формы неопределенного падежа, а прочие (винительный, орудный и совместный) — от прямого падежа. Относительно явлений в ойратском или бурят-монгольском языке мы должны были бы говорить, что в нем наличны: 1) именительный падеж, употребительный в положении подлежащего, атрибута, предиката и перед послелогом, а также заменяющий основу при образовании форм родительного, исходного и дательно-местного падежей, и 2) основа, употребительная в положении объекта и локатива и служащая базой для образования винительного („оформленного“), орудного и совместного падежей. Правда, в этом случае мы должны были бы утверждать, что при помощи одного и того же суффикса (орудного падежа) образуются два разных падежа: 1) собственно-орудный — от основы и 2) комитативный — от именительного падежа: бур. *мориор* 'на лошади', 'лошадью' (орудный падеж), *мориноор* 'с лошадью' (комитативный падеж).

Эти примеры показывают, что если при образовании орудного падежа конечный согласный **н** выпадает, то получается орудный средства, тогда как при сохранении этого согласного мы имеем орудно-комитативный падеж. Казалось бы, что это единство или формальное сходство в окончаниях двух различных падежей можно игнорировать, что имеет место в формах продолжительного деепричастия и прошедшего причастия в орудном падеже: халхаск. *явсаар* 'с тех пор как идет', *явснаар* 'в результате того, что пошел'.

В первом случае мы имеем продолжительное деепричастие, которое представляет собою (исторически!) прошедшее причастие в орудном падеже, но с утратой конечного согласного **н**, а во втором случае — то же прошедшее причастие в том же орудном падеже, но с сохранением конечного **н**. Какое же основание в примерах *мориор* 'на лошади' и *мориноор* 'с лошадью' видеть один и тот же орудный падеж (хотя и уточняемый в виде орудного средства или собственно-орудного и орудно-комитативного аналогично родительному субъекта, объекта, части и т. д.), а не два, поскольку различное содержание утверждено и в форме? Казалось бы, никакого!

Но оказывается, что разбор склонения местоимений обязывает нас решать поставленные выше вопросы иначе, ибо у местоимений основа, именительный и винительный падежи различаются очень строго и четко, как это видно из следующих халхаских примеров:

им. пад.	<i>би</i>	'я'	<i>чи</i>	'ты'
вин. „	<i>намайг</i>	'меня'	<i>чамайг</i>	'тебя'
основа	над-		чам-	

Местоименные основы самостоятельно в речи не употребляются, они служат именно в качестве основ при образовании падеж-

ных форм (кроме именительного и родительного, если говорить о единственном числе обоих первых лиц) и употребительны перед некоторыми послелогогами, например: халхаск. *чам-шиг* 'вроде тебя', *над-шиг* 'вроде меня'; бур. *нам-дээрэ* 'на мне', *шам-шиг* 'вроде тебя'.

Поскольку местоимения строго различают основу, именительный и винительный падежи, то такие же категории можно было бы установить и для прочих частей речи, чтобы поставленные выше вопросы не решать различно и раздельно для каждой данной части речи. Стало быть, местоимения могли бы дать прочную синтаксическую опору в тех случаях, когда формальный анализ других имен с конечным **н** ставит нас в тупик. Правда, личные местоимения в отличие от прочих имен по своей лексической природе никогда не употребляются атрибутивно, находясь в форме именительного падежа и основы (они в родительном падеже могут быть притяжательными определениями). Эта возможная синтаксическая опора, даваемая местоимениями (особенно указательными), позволила бы нам разрешить поставленные выше вопросы по аналогии так же, как решается вопрос об именительном и винительном падежах имен существительных среднего рода в русском языке. Возможно ли это? Прежде чем ответить на этот вопрос, попытаемся в соответствии с изложенным выше представить схематически ту пеструю и весьма противоречивую картину, которую представляют в этом отношении монгольские языки:

Части речи	Язык	Падеж, или форма			Управляемая послелогогом (<i>дээр-дээрэ, дёр</i>) форма	Форма, от которой образуются падежи	
		субъекта	объекта	атрибута		вин., орудн. и совместн.	род., исходн. и дательн.-местн.
Имена с конечным согласным н	бур.,	имен.	основа	имен.	имен.	основа	имен.
	монг.	прямой	прямой	неопр.	неопр.	прямой	неопр.
Личные местоимения	все	имен.	вин.	нет	основа	основа	основа
Указательные местоимения	все	имен.	вин.	имен.	основа	основа	основа

Представленная схема ясно и наглядно показывает, что наше стремление как-то унифицировать определение оформления различных частей речи в синтаксическом их употреблении встречает непреодолимые препятствия: живая ткань языка пришла в явное противоречие с любой возможной схемой. Существующие в монголоведной литературе схемы этого противоречия не преодолевают. Больше того, авторы этих схем даже не замечают тут противоречия. Обычно монголистами устанавливается, что: 1) основа и именительный падеж по форме совпадают, а 2) местоимения имеют разные основы. Эта схема является безупречной, если не замечать в ней несоответствия по синтаксическим координатам. Интересы исторической грамматики и схемы нормативной грамматики, построенной преимущественно в педагогических целях, явно расходятся. Поскольку в противоречивых формах и явлениях языка отражена неравномерность в историческом развитии частей речи,

никак не могущих считаться и быть стабильными, постольку мы, очевидно, должны излагать явления и категории языка такими, какими они застываются нами на данном этапе своего исторического развития, т. е. излагать их пока без оглядки на схемы нормативной или школьной грамматики.

Поэтому представленная выше схема, в которой определения были даны нами условно, должна быть в целях некоторой частичной унификации подвергнута определенному изменению. При этом в основу унификации мы должны положить местоимения (особенно — указательные) и не смущаться тем, что в некоторых случаях эти местоимения будут расходиться с прочими именами; еще менее нас должны смущать расхождения между языками.

В таком случае для бурят-монгольского и ойратского языков мы установим наличие следующих категорий:

1) именительный падеж, который для имен с конечным согласным **н** и местоимений совпадает с первой, или полной, основой;

2) первая, или полная, основа имен с конечным согласным **н** и указательных местоимений;

3) вторая, или усеченная, основа тех же имен и местоимений.

Для монгольского языка мы получим такую же схему с той разницей, что именительный падеж для имен с конечным согласным **н** будет совпадать со второй, или усеченной, основой.

Поскольку в этом языке основа без своего конечного **н** стала формой именительного падежа, постольку многие имена с конечными гласными (в положении атрибута, при управлении послелогами типа *дээр* 'на' и наращении окончаний родительного, исходного и дательного падежей) стали по аналогии со словами типа *мори[н]* 'конь' создавать первую основу, наращивая к себе как бы „лишний“ согласный:

им. — *уул* ← *агула* 'гора'

дательн.-местн. *ууланд* вместо *уулд* ← *агула-дур*

исходн. — *уулнаас* вместо *уулаас* ← *агула-ече*

им. — *шил* ← *шил* 'стекло'

атриб. — *шилэн* [лонх] 'стеклянная' [бутылка] вместо *шил* ← *шил*!

Но такие явления в современном монгольском языке — лишь некоторые ростки будущего, хотя и все возрастающие в своем количестве.

Теперь мы уже можем приведенную выше схему представить с учетом основных синтаксических координат в следующем виде (см. стр. 145).

В нормативной, или школьной, грамматике противоречие между именительным падежом и основой устраняется замечаниями, что они внешне совпадают и что в определенных случаях конечный согласный **н** в основе склоняемого слова выпадает (в бурят-монгольском и ойратском языках) или восстанавливается (в монгольском языке), и согласный **н** поэтому называется неустойчивым (в бурят-монгольском и ойратском языке) или скрытым (в монгольском языке) — в зависимости от наличия или отсутствия его в форме именительного падежа. Что касается местоимений, то их склонение излагается аналогично тому, как описывается сильное склонение во флективных языках, или просто оговаривается, что местоимения имеют различные основы.

Таким образом, первая, или полная, основа отличается от второй, или усеченной, только тем, что в ней сохраняется или восстанавливается конечный согласный **н**, тогда как во второй, или усеченной, основе этого согласного нет:

	имен. пад.	I основа	II основа
халхаск.	<i>морь</i>	<i>морин</i>	<i>морь</i>
бур.	<i>морин</i>	<i>морин</i>	<i>мори</i>

Части речи	Язык	Падеж, или форма			Форма, управляемая послелогом типа <i>дээрэ-дер</i>	Форма, от которой образуются падежи	
		субъекта	объекта без логического выделения	атрибута		вин., орудн. и совместн.	род., исходи. и дательн. местн.
Имена с конечным н	бур., ойратский	имен. = I основе	II основа	I основа	I основа	II основа	I основа
	монг.	имен. = II основе	II основа	I основа	I основа	II основа	I основа
Личные местоимения	все	имен. — с основной не совпадает	вин.	—	I основа	разные	разные
Указательные местоимения	все	имен. = I основе	вин.	I основа	разные	разные	разные

Архетип этого имени — *морін* 'лошадь'.

Как уже указывалось, имена, не имеющие конечного согласного **н**, имеют лишь одну основу, которая полностью совпадает с формой именительного падежа. Таким образом, вопрос об именительном падеже и основах всех имен, кроме местоимений, решается в том смысле, что они в монгольских языках имеют нулевой показатель. Не то с местоимениями, имеющими супплетивные основы, т. е. не совпадающие друг с другом в разных падежах. Поэтому нам надлежит перейти к несколько более подробному обзору местоименных основ.

Местоименные основы

1-е лицо единственного числа

Язык, диалект	Имен. пад.	Основы для падежей			
		род.	вин.	дательн. местн.	исходн., орудн., совместн. и др.
классич.	<i>би</i>	<i>мин-</i>	<i>нама-</i>	<i>на[да]</i>	<i>нада-</i>
халхаск.	<i>би' ~ би</i>	<i>мин-</i>	<i>нам[а]-</i>	<i>на[д]-</i>	<i>над[а]-</i>
ордос.	<i>би' ~ би</i>	<i>мин-</i>	<i>нам[а]-</i>	<i>на[д]-</i>	<i>над[а]-</i>
дагур.	<i>би' ~ би</i>	<i>мин-</i>	<i>нам[а]-</i>	<i>на[д]-</i>	<i>нам[а]-</i>
дагур.	—	—	—	<i>нам[а]-</i>	—
бур.	<i>би' ~ би</i>	<i>мин-</i>	<i>нам[а]-</i>	<i>нам[а]-</i>	<i>нам[а]-</i>
ойратск.	<i>би' ~ би</i>	<i>мин-</i>	<i>нам[а]-</i>	<i>нам[а]-</i>	<i>нам[а]-</i>
ойратск.	—	—	—	<i>нан-</i>	<i>нан-</i>
монгор.	<i>бу</i>	<i>мун-</i>	<i>нда</i>	<i>нда</i>	<i>нда-</i>
могольск.	<i>би</i>	<i>мин-</i>	?	<i>нан</i>	?
могольск.	—	<i>нам-</i>	<i>нам-</i>	?	?

Схема показывает, что в отношении состава именительного падежа и основы родительного падежа местоимения 1-го лица единствен-

ного числа между монгольскими языками и диалектами нет никаких расхождений; в данном случае, как и в других, мы игнорируем различия в фонетической реализации одних и тех же основ, например монгол. **бу** (← *бʷi?) и **мун-** (← *мʷiн-?). В остальных падежных основах чаще всего встречается основа **нама-** ~ **нам[а]-**, наряду с которой в дагурском языке встречается также и **на[д]-** в качестве основы для дательного-местного падежа. Основа **нам[а]-** отсутствует в дательном-местном, исходном, орудном и совместном падежах классического языка и хахасского и ордосского диалектов, в которых мы находим основу **над[а]-**. Любопытно, что в ойратском языке наряду с основой **нам[а]-** для только что перечисленных падежей наличествует (как в монгольском) основа **нан-**.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в монгольском языке, **нда-** является, во-первых, формой дательного-местного и винительного падежей и, во-вторых, основой для прочих падежей (кроме, конечно, родительного и именительного). Последнее обстоятельство говорит, повидимому, о том, что в нем находится указание на позднее появление исходного, орудного и совместного падежей на основе винительного и дательного или местного падежей, о чем говорят также данные классического и монгольского языков и ордосского диалекта, а также и история образования исходного падежа от основы ныне мертвого местного падежа с показателем **-а**.

В ойратской и могольской основе **нан-**, которая в ойратском языке бытует наряду с **нам-**, следует видеть наиболее архаичную форму, не усложненную наращением других морфем, о чем речь ниже.

Таким образом, в монгольских языках и диалектах местоимение 1-го лица единственного числа имеет форму именительного падежа и две три основы:

1) **мін-** → **мʷiн-** ~ **мун-** для родительного падежа; эта основа представляет собою результат фонетического развития самого местоимения *би* или, наоборот, более архаичный вариант последнего (ср. тюркское *мен* 'я');

2) **нама-** ~ **нам[а]-** — только для винительного или, в зависимости от того или иного языка (см. выше в схеме), всех падежей, кроме родительного, а в могольском и для родительного; эта основа членима на две морфемы: **на-** и **-ма**;

3) **на[да]-** ~ **на[дә]-** — в некоторых языках и диалектах для всех падежей, кроме родительного и винительного (см. выше в схеме), а в монгольском **-нда** — форма винительного и дательного-местного падежей и **нда** основа для остальных; эта основа также членима на две морфемы: **на-** → **н-** и **да-**.

Следовательно, в основах монгольского местоимения 1-го лица единственного числа вскрываются следующие элементы:

1) **мін-** → **мʷiн-** ~ **мун-** (объяснение дано выше);

2) **на-** — эту морфему в „чистом“ виде легко обнаружить в ойратской и могольской основе **нан-**, могольской основе **чина-** (местоимение 2-го л. ед. ч.) и, например, указательном местоимении *ене* 'этот';

3) **-ма-** — эту морфему мы находим в *чима-* (основа местоимения 2-го л. ед. ч.) и *јагума* 'вещь', 'нечто'; об этой морфеме см. ниже, в разделе о местоимениях 2-го лица;

4) **-да-** — эта морфема входит также в состав местоимения 1-го лица множественного числа *биде* ~ *бида* 'мы' и *еде* 'эти' и *теде* 'те'.

Генезис этих морфем для нас пока не совсем ясен (особенно **да-** и **на-**).

Местоимения 1-го лица множественного числа, не одинаково представленные в монгольских языках и диалектах, делятся на включительное и исключительное. Включительное местоимение употреблялось в тех случаях, когда говорящий включал в понятие 'мы' и 2-е или 3-е лицо ('я' и 'ты' или 'он', 'мы' и 'вы' или 'они' — члены одного коллектива), а исключительное — при исключении этих лиц из той группы, к которой относил себя говорящий.

В настоящее время в монгольских языках и диалектах, кроме некоторых (например, дагурского), различие между этими местоимениями стерлось почти бесследно, вследствие чего эти местоимения в названных языках представлены не одинаково, а при наличии обоих употребляются в общем безразлично. Но, тем не менее, в некоторых случаях нельзя одно местоимение употреблять вместо другого; например вместо *манайд 'у нас', 'к нам'* (в дом) ни один монгол не скажет в том же значении *биднийд 'у нас с вами'*.

Включительное или некогда бывшее таковым местоимение 'мы' различно во всех монгольских языках и диалектах: классич. *биде ~ бида* (*биден- ~ бидан-*); халхаск. *бид ~ бид(е)н-*; ордос. *бида* (*бидан-*); дагур. *б'ад* (*б'адн-*); бур. *бидэ* (*бидэн-*); ойратск. *бидн* (*бидн-*); могольск. *бида*; монгор. *буда* (?).

Эти же формы именительного падежа являются основой для образования прочих падежей с наращением или, скорее, сохранением конечного согласного **-н**, как это показано в скобках, уже наличного или, вернее, сохранившегося в ойратском языке. От этой основы образуются все прочие падежи почти повсеместно, кроме некоторых западнобурятских и ордосского диалектов и дагурского языка, где от нее образуется лишь форма родительного падежа; данные монгорского языка нам пока полностью не известны. В ойратском языке, как и во многих бурятских говорах, падежные формы от основы *бидн-* употребительны значительно реже, нежели в монгольском языке и восточнобурятских диалектах, или даже почти не встречаются.

Что же касается формы самой основы данного местоимения, то она разлагается на *би+де* (по оформлению в классическом языке, который не расходится в этом отношении с прочими монгольскими языками и диалектами), т. е. на местоимение 1-го же лица, но единственного числа, и морфему **-де**, которую мы ниже найдем в составе основ указательных местоимений множественного числа, а выше находили и в основе местоимения 1-го лица единственного числа. Что это за морфема и каков ее генезис? Учтем пока, что эта морфема генетически может быть представлена и в виде **-да**, поскольку в дагурском и монгорском языках и ордосском, восточнобурятском и других диалектах, а также в языке „Сокровенного сказания“ и западномонгольской речи средневековья мы находим именно **-да**. В тюркологической литературе по поводу состава аналогичного местоимения (например, киргизские *биз 'мы'* и *сиз 'вы'*; единственное число: *мен 'я'* и *сен 'ты'*) существуют различные гипотезы. Согласно одной из них, впервые высказанной Бётлингом и поддержанной Радловым, *биз 'мы'* разлагается на *би+си*, т. е. 'я'+ 'ты' (при этом предположении остается необъяснимым переход глухого *с* в звонкий *з*), а *сиз 'вы'* на *си+си*, т. е. 'ты'+ 'ты'. По мнению авторов другой гипотезы, элемент *з* в этих местоимениях является просто суффиксом множественного числа; в этом смысле высказывались В. Шотт, Г. Рамстедт, Л. Лигетти, В. Котвич и др.

Если относительно монгольского *-де ~ -да* в составе *биде ~ бида* 'мы' судить по аналогии с гипотезой Бётлинга, то окажется, что этот элемент есть видоизменение местоимения 2-го лица множественного числа *та* 'вы', иными словами, *биде* ← *би + та*, т. е. 'я' и 'вы'. Такое предположение приходится отклонить, как оно ни соблазнительно, так как при этом нельзя будет объяснить, каким образом понятия 'те' и 'эти' (*теде* и *еде*) могли сложиться соответственно из понятий 'тот' и 'этот' (*тере* и *ене*) в сочетании с понятием 'вы'. Но, с другой стороны, за изложенное предположение важным аргументом могло бы явиться само местоимение *биде ~ бида*, если бы оно было таким включительным, которое бы содержало некогда понятия 'мы' и 'вы' или 'я' и 'ты'. Это очень важное семантическое обстоятельство должно было быть учтено в первую очередь, а возможность или невозможность явлений, которые лежат в плоскости исторической фонетики, — во вторую; ведь различные выводы последней еще нуждаются в серьезной доработке. Однако приходится отвести и это предположение, так как в лингвистике не очень точно уловлено различие между включительным и исключительным местоимениями. Обычно думают, что будто бы при этом имеется в виду различие между говорящим и слушающим. А между тем последнее тут роли не играет (или, точнее, не играло первоначально), ибо речь тогда шла о проведении границы между своими и чужеродцами. Говорящий мог обратиться к своему сородичу и с тем и с другим местоимением в смысле 'только мы одни' (исключительное местоимение) и 'не только мы одни, члены одного рода, но и еще кто-то' (включительное).

Таким образом, данные современного монгольского языкознания пока не дают точной опоры для того или иного решения затронутой проблемы, но мы не склоняемся к тому, чтобы в *биде ~ бида* видеть *би + та*, т. е. 'я' + 'вы' (ибо, повторяя, тогда остается неясным, как *де ~ де* могло оказаться в основе *нада*-'я' и как в *еде* и *теде* понятия 'эти' и 'те' могли соответственно сложиться из понятий 'этот' + 'вы' и 'тот' + 'вы'). В. Котвич, высказавшись за то, что *-де ~ -да* в этих местоимениях есть суффикс множественного числа, относительно серьезного препятствия для такого предположения (имеется в виду конечный гласный *-е ~ -а*) пишет, что „...e constitue un élément déictique“¹. Весьма возможно, что элемент *-да ~ -де* можно сопоставить с союзом *да* 'также', наличным в ряде тюркских языков, а также в монгольском языке со значением 'также', 'и' и особенно в тунгусо-маньчжурских языках, на что наше внимание обращает В. Котвич. Возможно, что этот же элемент наличен в глаголе *дахих* 'повторять'.

В заключение укажем, что в монголоведной лингвистической литературе уже установлено, что местоимение *биде ~ бида ~ бид ~ бидā* 'мы' является или, точнее, являлось включительным. В качестве доказательства правильности этого утверждения (а такие доказательства не приводились, и дело ограничивалось априорным высказыванием, хотя и правильным) приводим примеры: 1) халхаск. *манайд явъя* 'пойдем к нам' (конечно, пригласающий в данном случае не причисляет приглашаемого к категории 1-го лица; поэтому в данной фразе взято не включительное *биднийд* — кстати сказать, не употребительное, — а исключительное *манайд*); 2) халхаск. *манай мэднэ* 'наше знает (в смысле 'я знаю')'.

Исключительное местоимение *ба* 'мы' в чистой форме именительного падежа зарегистрировано только в единичных текстах старого периода, а из живых языков и диалектов — только в дагурском (*ба*). Кроме

¹ Wl. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, стр. 8.

того, в говоре ойратов Чкаловской области Б. Я. Владимирцовым это местоимение было обнаружено во фразе *ма дөрвөлэй* 'нас четверых' (т. е. с обычным переходом смычно-губного *б* в губной носовой *м*), но эту форму, т. е. *ма*, В. Котвич справедливо считает не именительным падежом, а основой со значением винительного падежа, хотя едва ли можно отрицать формальное совпадение именительного падежа с основной (таким образом, находка Б. Я. Владимирцова не может быть обесценена замечанием В. Котвича). Но зато В. Котвич абсолютно прав, когда он подвергает сомнению утверждение Г. Рамстеда о том, что в могольском языке сохраняется реликт исключительного местоимения *ба* в лично-предикативной частице *-ү*.

Это же исключительное местоимение можно найти также в сложной форме номинатива у некоторых бурят, ордосских монголов и других: бур. *манар* ~ *манад* 'мы'; ордос. *манус* ~ *манут* 'мы'.

Эти формы представляют собою номинатив с обычными окончаниями множественного числа и отличаются от *бидэ* (бур.) ~ *бида* (ордос.) тем, что употребляются с оттенком самоуничижения, которое, конечно, трудно относить к слушающему.

В целом, таким образом, некоторые монгольские языки и диалекты сохраняют исключительное местоимение 1-го лица множественного числа в номинативе лишь пережиточно. Тем более замечательно и заслуживает внимания то обстоятельство, что все эти языки и диалекты прочно и предпочтительно сохраняют основу исключительного местоимения. От включительного местоимения сохраняется преимущественно форма номинатива, а от основы исключительного — формы прочих падежей! Такова общая картина и общая тенденция, которую проявляют почти все монгольские языки и диалекты. В этом, повидимому, необходимо усмотреть генезис супплетивных форм местоимений, наличие которых характерно для самых разнообразных языков мира. Но монгольские языки и диалекты застаются нами в тот период, когда процесс сложения супплетивных форм местоимений еще далеко не завершен, в чем и проявляется неравномерность в историческом развитии этих языков и диалектов.

Основой исключительного (или бывшего таковым) местоимения для всех падежей является форма: классич., ойратск., халхаск., ордос., бур. **ман-**; могольск. **мон-**; дагур. **ман-**.

Кроме того, бурятские диалекты имеют еще **ма-** в приведенном выше составном номинативе *манар* ~ *манад* 'мы' (самоуничижительно), а некоторые ойратские диалекты (например, бузава) — **мадн-**.

О том, что некогда эта основа **мадн-** для всех падежей была распространена во всех ойратских диалектах, говорит то обстоятельство, что во всех этих диалектах личной частицей при притяжательном склонении является **-мдн** ← **мадн** (*малдмдн* 'нашему скоту', *ахинмдн* 'нашего брата' и т. д.). Наличие согласного **д** в этой основе объяснимо, повидимому, тем, что сама эта основа представляет собою результат контаминационного развития **биден-** и **ман-** ← **ба**, т. е. результат своеобразного сложения двух основ.

Как известно, исключительное местоимение 1-го лица множественного числа *ба* (дагур. *ба̄*) 'мы', которое в своем развитии дало основу **ман-** ~ **мон-** ~ **ман-** (см. выше), противопоставляется местоимению того же лица единственного числа *би* ~ *бӣ* 'я' по схеме:

Единственное число	Множественное число
<i>би</i> 'я'	<i>ба</i> 'мы'
* <i>ми</i> → <i>чи</i> → <i>чӣ</i> ~ <i>шӣ</i> 'ты'	<i>та</i> 'вы'
<i>инү</i> 'его'	<i>ану</i> 'их' (род. пад.)

Приведенные данные говорят о том, что в современных монгольских языках сохраняются отзвуки весьма далекого прошлого, того про-

шлого, которое относится к периоду, когда наряду с агглютинацией важным средством для различения ряда как лексических, так и грамматических категорий служила внутренняя флексия.

Явления, связанные с разобранными местоимениями, необходимо доставить в общую связь с тем, что выше нами говорилось относительно судьбы гласного *i* периода его первого перелома.

Из всего изложенного выше вытекает, что включительное *биде ~ бiда* и исключительное *ба* вышли и сложились из одной и той же основы различными путями и, стало быть, в разное время: первое — путем сочетания местоимения *би 'я'* с элементом *-де ~ -да*, т. е. путем агглютинации; сложилось оно в тот период, когда местоимение единственного числа как таковое уже было налично в речи. Второе, исключительное, местоимение *ба* появилось и сложилось в результате использования в семантических целях сложившегося или, точнее, складывающегося тогда чередования гласных (первоначальная внутренняя флексия). Это, исключительное, местоимение множественного числа появилось как бы одновременно с местоимением единственного числа того же лица, о чем говорилось выше. Оно, это местоимение, первоначально и было, конечно, исключительным, а не стало или не начало становиться таковым одновременно со становлением включительного *биде ~ бiда*.

Одним словом, исключительное (повторяем, бывшее таковым с самого начала) *ба* сложилось значительно раньше включительного *биде ~ бiда*, сложилось в более ранний период и не путем агглютинации. Вот почему это местоимение в своей номинативной форме не сохранилось во всех монгольских языках и диалектах, кроме, как уже выше говорилось, дагурского, а его основа для прочих падежей претерпела относительно значительную фонетическую эволюцию. Включительное местоимение *биде ~ бiда*, сложившееся значительно позже исключительного, в период агглютинации вытеснило собою номинативную форму более раннего по времени исключительного местоимения *ба* почти повсеместно и не успело претерпеть существенной фонетической эволюции, вследствие чего номинативная форма совпадает полностью с основами для других падежей (особенно в ойратском языке).

В тунгусо-маньчжурских языках мы находим такой же путь развития двух местоимений 1-го лица множественного числа, как и в монгольских. Разница лишь та, что в тунгусо-маньчжурских языках, кроме нанайского (включая и ульчский диалект), еще до сих пор продолжают в полном объеме наличествовать оба местоимения (единственное число везде *би 'я'*):

Языки	Исключительное местоимение	Включительное местоимение
эвенк.	<i>бу</i> 'мы без вас'	<i>мит</i> 'мы с вами'
ламут.	" " " "	<i>мут</i> " "
негид.	" " " "	<i>битта</i> " "
солон.	<i>бү</i> " " "	<i>мити</i> " "
маньчж.	<i>бэ</i> " " "	<i>мусэ</i> " "

И здесь включительное местоимение оказывается образованным от основы единственного числа путем агглютинации, тогда как исключительная форма и форма местоимения единственного числа того же лица являются результатом деривации, или расщепления, более ранней и общей для них основы путем внутренней флексии (в период сложения гармонии гласных).

В тюркских языках исключительное местоимение не сохранилось, и его прежнее наличие можно лишь предполагать по аналогии.

О том, что исключительная форма местоимений по времени своего сложения предшествует включительной, говорят данные и других язы-

ков. Так, например, в абхазском языке мы находим: *хьард* 'мы' (исключительная форма), *хьардт* 'мы' (включительная форма), *твара* 'вы' (исключительная форма), *тварат* 'вы' (включительная форма).

Ясно, что включительные формы являются здесь производными. Надо добавить еще несколько слов по поводу включения и исключения, в связи с решением вопроса о том, было ли первоначально только исключение или понятия, связанные с исключением и включением, не различались. В лингвистической литературе, как уже выше сказано, включение и исключение, т. е. инклюзив и эксклюзив, обычно интерпретируются в смысле противопоставления друг другу только говорящего и слушающего. Но поскольку первоначально это противопоставление шло по линии определения родовой или племенной (а затем иной социальной: цеховой, сословной, кастовой, профессиональной и т. п.) принадлежности индивидов вообще, то говорящий мог обратиться к своему сородичу и в форме исключительного местоимения, имея в виду исключать не его, слушающего сородича, а какое-то третье лицо. Исключительное 'наше' при обращении к сородичу обозначало тогда, что нечто принадлежит только роду, к которому относится как говорящий, так и слушающий. Так как первоначально подобные местоимения определяли родовую или племенную принадлежность, то чужеродец или иноплеменник, безусловно, должен был исключаться при обращении к нему с местоимением 'мы', если в данном языке было налицо только одно местоимение этого лица и числа. Следовательно, монгольское *ба*, тунгусо-маньчжурское *бу*, абхазское *хьард* 'мы' и т. д. были исключительными с самого начала. Об этом приходится говорить во избежание возможной трактовки этих местоимений в том смысле, что они до появления включительных форм якобы употреблялись безразлично, ибо безразличное употребление местоимений возможно лишь тогда, когда возможно перемещение индивида из одной социальной группы в другую, а этого как раз первоначально и не было.

3) 2-е лицо обоих чисел

После только что сделанного опыта исторического обзора сложения местоимений 1-го и 2-го лица немного остается сказать относительно форм именительного падежа и основы местоимений 2-го лица обоих чисел. Немного остается сказать еще и потому, что местоимения 2-го лица во всех монгольских языках и диалектах не отличаются особенным разнообразием форм своих основ, что имело место при рассмотрении местоимений 1-го лица. Основы местоимений 2-го лица можно схематически представить в следующем виде:

Язык, диалект	Единственное число			Множественное число	
	имен. пад.	род. пад.	прочие падежи	имен. пад.	прочие падежи
классич.	<i>чи</i>	<i>чин-</i>	<i>чима-</i>	<i>та</i>	<i>тан-</i>
халхаск.	<i>чи</i>	<i>чин-</i>	<i>чам-</i>	<i>та</i>	<i>тан-</i>
ордос.	<i>чи</i>	<i>чин-</i>	<i>чам-</i>	<i>та</i>	<i>тан-</i>
бур.	<i>ши</i>	<i>шин-</i>	<i>шам-</i>	<i>та</i>	<i>тан-</i>
дагур.	<i>ши</i>	<i>шин-</i>	<i>шам-</i>	<i>та</i>	<i>тан-</i>
ойратск.	<i>чи</i>	<i>чин-</i>	<i>чам-</i>	<i>та</i>	<i>тан-</i>
монгор.	<i>чи</i>	<i>чин-</i>	<i>чим-</i>	<i>та</i>	<i>тан-, тас-</i>
могольск.	<i>чи</i>	<i>чин- (?)</i>	<i>чина-</i>	<i>то ~</i> <i>тот ~</i> <i>тод</i>	<i>тон-</i>

Как видно из схемы, в местоимении единственного числа в составе второй основы мы находим тот же элемент *-ма- ~ -м-*, который оказывается и в составе основы (винительного и прочих падежей, см. выше) местоимения 1-го лица единственного числа. Содержится эта морфема также в составе основы местоимения 3-го лица единственного числа, которое (местоимение) еще не было утрачено в монгольской речи XIII—XIV столетий (*имадур* 'ему' и *имаји* 'его'). Г. Рамстедт относительно этой морфемы сделал разделявшееся другими алтаистами предположение, что в нем следует видеть первоначальный показатель винительного падежа, который затем стал употребляться и в других случаях. Ошибка Г. Рамстедта заключается в том, что он, найдя форму *има* в значении винительного падежа, не учел того, что в монгольских языках вообще является обычным употребление чистой основы в определенных случаях в значении ряда падежей (локативного, и тем более, винительного). Следовательно, необходимо решение вопроса искать в другом направлении, повидимому, в том, что некогда эта морфема *-ма-* была показателем субстантивации своеобразного характера (по весьма отдаленной аналогии с немецким *das Ich*), ибо эту морфему мы находим в классическом *јагума* 'нечто', 'вещь' (халхаск. *юум* 'нечто', 'вещь', 'что-то' и т. д. во всех монгольских языках), которое разложимо на *јагу(н)* вопросительное 'что' + наш суффикс субстантивации *-ма*. Далее этого внешнего и формального сопоставления наш анализ пока не может быть продвинут, ибо это должно составить предмет специальных исследований в плане проверки самых различных и порою противоречивых гипотез предварительного характера, которые трудно излагать в работе общего, а не специального типа.

4) Указательные местоимения

Как известно, личные местоимения 3-го лица в монгольских языках и диалектах не сохранились, от них ныне сохранилась лишь притяжательная частица 3-го лица *-нь ~ -н*. Относительно этой частицы установлено уже давно, что она представляет собою форму родительного падежа двух местоимений 3-го лица (единственного и множественного числа), от которых в классическом языке сохранились только некоторые формы, а именно:

Падежи	Единственное число	Множественное число
род.	<i>инү</i>	<i>ану</i>
дательно-местн.	<i>имадур</i>	—
вин.	<i>имаји</i>	<i>ани</i>
имен.	<i>*i(?)</i>	<i>*a(?)</i>

Формы ~~им~~винительного падежа восстанавливаются предположительно и по аналогии с маньчжурским *i* 'он', а формы дательно-местного и винительного падежей, ныне не сохранившиеся повсеместно, находятся только в старых монгольских текстах XIII—XIV столетий.

Отсутствие личных местоимений 3-го лица в современных монгольских языках, а также в классическом языке второго и третьего периодов, выполняется употреблением указательных местоимений, часть из которых субстантивирована и формально.

Основными формами указательных местоимений являются следующие:

<i>энэ</i>	'этот'	<i>эдэ</i>	'эти'
<i>тэрэ</i>	'тот'	<i>тэдэ</i>	'те'

Почти все монгольские языки и диалекты, в том числе и классический язык, имеют именно такие указательные местоимения (в данном случае мы игнорируем различия в характере гласного *э* и отпадение в некоторых языках конечного гласного). В отношении *энэ* 'этот' исключения представляют монгорский язык, где имеется *nie*, и могольский с формой *энá*, а в отношении *тэрэ* 'тот' исключения представляют те же монгорский (*mie*) и могольский (*mэ*), в которых не зарегистрированы пока формы множественного числа. Ойратский язык характерен тем, что вместо *тэрэ* 'тот', *эдэ* 'эти', *тэдэ* 'те' имеет соответственно *тэрн*, *эдн* и *тэдн*.

Таким образом, все монгольские языки и диалекты в отношении указательных местоимений обнаруживают полное схождение по форме их, за исключением, конечно, монгорского и могольского языков, которые в некоторых отношениях весьма архаичны.

От форм множественного числа образуются также особые, так сказать, двойные формы того же множественного числа, а именно:

халхаск.	<i>эдгээр</i> ~ <i>эднэр</i>	<i>тэдгээр</i> ~ <i>тэдиэр</i>
бур.	<i>эднэр</i>	<i>түүнэд</i> ~ <i>тэдэнэр</i> ~ <i>тэдэнүүд</i> ~ <i>тэдээнүүд</i>
ордос.	<i>эдэнүт</i> ~ <i>эдэнүс</i>	<i>тэдэнүт</i> ~ <i>тэдэнүс</i>
классич.	<i>едегер</i> ~ <i>еде-нер</i>	<i>тедегер</i> ~ <i>теде-нер</i>

Нельзя сказать, что двойные формы множественного числа указательных местоимений в монгольских языках и диалектах уже полностью учтены исследователями. Основы склонения этих двойных местоимений полностью совпадают с приведенными номинативными формами, чего совершенно нельзя сказать относительно коренных указательных форм. Появление этих двойных форм указательных местоимений следует объяснить тенденцией к образованию личных местоимений 3-го лица множественного числа и как-то выделить их от указательных по форме.

Как известно, эти указательные местоимения по составу членятся на следующие элементы (ввиду единообразия их даем в классической форме):

<i>е-не</i>	'этот'	<i>е-де</i>	'эти'
<i>те-ре</i>	'тот'	<i>те-де</i>	'те'

В формах множественного числа мы видим тот же элемент **-де**, который мы находили во включительном личном местоимении 1-го лица того же числа *биде* ~ *бидá* 'мы'. Следовательно, эти формы множественного числа указательных местоимений образовались относительно поздно — в период, когда агглютинация стала уже нормой. В этом смысле характерны и весьма знаменательны данные изолированных монгольских языков — могольского и монгорского, в которых не зарегистрированы формы множественного числа указательных местоимений, а форма единственного числа „дальнего“ указательного местоимения 'тот' (тот, который находится далеко или дальше) является одноморфемной: *тэ* (могольск.) и *тiэ* (монгор.). Следовательно, двухморфемность (корень и суффикс) указательных местоимений в монгольских языках и диалектах связана с возникновением категорий единственного и множественного числа, по крайней мере, в рамках этих местоимений. Стало быть, раньше, как теперь в могольском и монгорском языках, в монгольских языках одноморфемный *те* был указательным местоимением (?) для обоих чисел, каковых, вероятно, тогда еще и не было, ибо ведь и в современных монгольских языках и диа-

лектах употребление формы множественного числа строго ограничено и распространено преимущественно на имена, обозначающие людей, да и то главным образом при отсутствии количественных определений. Наличие же согласования в числе определения с определяемым в средневековой монгольской речи следует объяснить тем, что около X—XIII вв. в этой речи имела место высшая точка процесса сложения категории множественного числа. После этого уже на новой основе вновь возобладало простое примыкание определения к определяемому. Это явление частично напоминает нам то, что происходило, например, с прилагательными в истории английского языка.

Переходим теперь к рассмотрению форм основ склонения указательных местоимений (литературные формы в орфографическом начертании, а диалектные — в транскрипции).

а) Единственное число 'этот' (и 'тот'):

классич. — имен. пад. **ене**, основа **егүн-** (в орудном некомитативном падеже конечный согласный выпадает иногда, тогда как во всех прочих монгольских языках и диалектах — всегда, что ниже особо не оговаривается).

халхаск. — имен. пад. **энэ**, основа **үүн-**, иногда **энүүн-**, изредка **энээн-**, бур. — имен. пад. **энэ**, основа **энээн- ~ энэн-**, иногда под халхаским влиянием по говорам **үүн- ~ энүүн-**.

ойратск. — имен. пад. **ене**, основа **үн- ~ энүн-**.

ордос. — совпадают с халхаскими, только нет **энээн-**.

дагур. — имен. пад. **ене**, основа **енн- ~ ен-**.

Могольские и монгорские основы полностью пока нам не известны, но в могольском основой будет, повидимому, **ена-**, а в монгорском — **ние-**. Как видим, основа совпадает с формой именительного падежа только в дагурском языке. Что касается преимущественно употребительных бурятских основ, то они (**энэн- ~ энээн-**) от формы именительного падежа отличаются лишь наличием вставного конечного согласного **н** (весьма загадочного по своему происхождению для всех монгольских и тунгусо-маньчжурских языков) и, иногда, долгого гласного **ээ** во втором слоге, употребительного в эмпатическом речении и, возможно, образовавшегося в результате стяжения слога **-ген** (см. ниже о слоге **-гүн**). Любопытно, что западномонгольская речь средневековья имела форму винительного падежа в виде **енені** 'этого'. Таким образом оказывается, что те монгольские языки и диалекты, которые располагаются вне Центральной Азии, в отношении указательного местоимения **энэ** 'этот' и его основы сохраняют единство форм именительного падежа и основы. Нечто подобное обнаруживают эти языки и диалекты и в других аспектах речи (особенно в лексике).

Классические, халхаские, ордосские и ойратские основы представляют собою сохранение (в классическом) или развитие более ранней формы **егүн-**, которая состоит из **е+гүн**. Как мы уже отметили, само указательное местоимение в номинативе состоит из **е+не**. Таким образом, как будто бы сам собою вытекает вывод, что некогда в монгольских языках и диалектах первоначально образовалось два падежа: прямой с показателем **-не ~ -на** (почему в западномонгольской средневековой речи аккузатив наличествовал в виде **енені**?) и косвенный с показателем **-гүн**, на основе которого (косвенного падежа) образовались после все падежи, кроме именительного. Но этот **-гүн ~ -гү ~ -гун ~ -гу** мы находим также в качестве имяобразующего суффикса:

<i>хата-</i>	‘сохнуть’	<i>хатагу</i>	‘твердый’
<i>хала-</i>	‘нагреваться’	<i>халагун</i>	‘горячий’ ¹
<i>үле-</i>	‘остаться’	<i>ілегү</i>	‘избыточный’, ‘лишний’
<i>да-</i>	?	<i>дагун</i>	‘голос’, ‘песня’
<i>сіба-</i>	?	<i>шібагун</i>	‘птица’
<i>гала-</i>	?	<i>галагун</i>	‘гусь’
<i>ја-</i>	‘ничто’	<i>јагун</i>	‘что’

Отсюда возможно и другое предположение относительно *егүн-* или, точнее, *-гүн* (~ *-гун*).

Весьма возможно, что в ряде ранних монгольских диалектов посредством этого элемента или суффикса производилась какая-то субстантивация ранних местоимений (?) *е-*, *те-* и *ја-*, в результате чего и получились *егүн*, *тегүн* (см. ниже) и *јагун* ‘что’.

Во всяком случае вопрос относительно *-гүн* ~ *-гун* следует подвергнуть специальному исследованию.

Однако *-гүн* наращивался не только на первоначальную основу *е*, но и на более позднюю форму именительного падежа *ене*, в результате чего мы имеем в халхаском, ойратских, некоторых бурятских и ордосском диалектах параллельную с *үүн-* и *үн-* форму *энүүн-* ~ *енүн-* ~ *енүн-*.

Отсюда мы можем сделать вывод, что в разных монгольских диалектах процесс развития основ от архаичного *е-* протекал неравномерно и совершенно различно. От него через наращение элемента *-на* в результате последующей деривации получились *ене* ‘этот’ и *іна-*, наличный ныне в составе классических *інагші* ‘сюда’, *інаду* ‘ближайший’, *інару* ‘к’ (в прочих монгольских диалектах архаичный *-на* дает развитие этих слов без *і*: *наші* ~ *наёші* ‘сюда’ и *надд* ‘ближайший’, а *інару* в этих диалектах своей параллели не имеет).

В диалектах, на путях развития которых сложились современные дагурские и бурятские диалекты, от загадочного *е-* только через наращение не менее загадочного *-не* образуется *ене* → *енё* ~ *энэ* ‘этот’.

В других диалектах, от которых получилась часть современных халхаских и ойратских говоров, наряду с тем же *ене*, через посредство также загадочного *-гүн* от того же *е-* образуется *егүн-* → *үн-* ~ *үн-*, который оказался в современных диалектах основой склонения ныне указательного местоимения *ене* ‘этот’.

И, наконец, в другой части современных диалектов (халхаском и ойратских) *-гүн* наращивается не на *е*, а на уже сложное *ене-*, — отсюда *енегүн* → *енүн-* ~ *енүн-*, которое в халхаском и ойратских диалектах в момент углубления их концентрации оказалось основой склонения наряду с указанными выше *үн-* ~ *үн-*.

Упомянутый классический *егүн-*, халхаский *үн-* и ойратский *үн-* мы не можем не поставить в генетическую связь со словами:

1) классич. *егүс-*, халхаск. *үс-*, ойратск. *үс-* ‘начинаться’, ‘возникать’; но *тегүс-* ‘кончиться’;

2) классич. *егүден*, халхаск. *үд(ёң)*, бур. *үдёң*, ойратск. *үдң* ‘дверь’.

К этим двум словам можно присоединить также и классич. *егүр*, халхаск. *үр*, ойратск. *үр* ‘гнездо’, едва ли находящееся в связи с маньчжурским *феје* ‘гнездо’, как думал Г. Рамстедт,

¹ Ср. монгольские *халдң* ← *хала* ‘горячий’, *шү* ← *шіба* ‘птица’ (сомнительно, чтобы это *шү* ← *шувү* ← *шібагун*). Заметим, что в *халдң* гласный второго слога не долгий, а назализованный.

хотя монгол. *фор* 'гнездо' делает такую связь возможной (ср. якут. *үөр* 'стадо', 'толпа', уйгр., джагат. и осман. *öür* 'стадо', 'табун', 'живущие вместе животные').

Таким образом, в монгольских языках и диалектах мы имеем следующие типы основы „ближнего“ указательного местоимения:

1) *эн- ~ энэн- ~ энэн-* (бурятские и дагурские диалекты), *не-* (? монгольский), *ена* (? могольский);

2) *үн-* ~ *үн-* ~ *егүн-* (часть халхаских, ойратских и ордосских говоров и классический язык);

3) *енүн-* ~ *енүн-* (другая часть только что названных говоров, а также донгольский и сартульский говоры бурят-монгольского языка).

„Дальнее“ указательное местоимение *тере ~ тэрэ ~ тэр ~ тер* 'тот', как уже выше сказано, является сложным: *те+ре*, и только в могольском и монгольском находим соответственно архаичное и несложное (простое) местоимение *те* и *те*.

Оставляя без разбора второй элемент *-ре* до специального исследования, укажем, что, как уже установлено в литературе, первый элемент *те-* противопоставляется как „дальний“ „ближнему“ *е-* во многих других словах, часть которых приведем здесь лишь в форме классического языка, так как они имеются во всех монгольских языках и диалектах и почти идентичны классическому, наиболее архаичному:

<i>е-дүй-и</i>	'столько, как это'
<i>те-дүй-и</i>	'столько, как то'
<i>е-н-де</i>	'здесь'
<i>те-н-де</i>	'там'
<i>е-ји-</i>	'сделать как это'
<i>те-ји-</i>	'сделать как то'
<i>е-ји-мүй</i>	'такой, как этот'
<i>те-ји-мүй</i>	'такой, как тот'
<i>е-үй-с-</i>	'начинаться, возникать'
<i>те-үй-с-</i>	'кончатся'
<i>е-дүй-ге</i>	'теперь'
<i>те-дүй-ге (?)</i>	такое слово пока не обнаружено
<i>е-ши</i>	'к' (по направлению сюда)
<i>те-ши</i>	'к' (по направлению туда)
<i>е-ји-ши</i>	'сюда'
<i>те-ји-ши</i>	'туда'

Заметим, что в монголоведной литературе до сих пор не было проведено различие между приведенными последними послелогоми и наречиями и не было учтено, что во многих живых диалектах *теши* дает *тэши* 'к', а *тејиши* → *тиши* 'туда'; *тэши*, повидимому, образовалось сложным образом, а именно: *те+ге* (*-ге* — формант местного падежа, ср. *тер тэ* 'там, на той стороне') + *ши*.

Если учтем, что *е* чередовалось с *и*, о чем сказано уже выше, то к этим словам или парам следует добавить еще следующие:

<i>и-на-ши</i>	'сюда'
* <i>ти-на-ши</i> → <i>чи-наши</i>	'туда'
<i>и-на-ду</i>	'ближе, ближний'
* <i>ти-на-ду</i> → <i>чи-наду</i>	'дальше, дальний'
<i>и-на-ру</i>	'к' (ближайшему)
* <i>ти-на-ру</i> → <i>чи-нару</i>	'к' (дальнему)

(в старых рукописях; ныне это слово не сохранилось).

Аналогичные данные, исследованные В. Котвичем и другими, обнаруживаются и в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках. Но ныне наши данные не позволяют нам установить, каким образом элемент с согласным **т** оказался противопоставленным закономерно элементу без этого согласного — **е ~ і**. Сблизительно, конечно, сопоставить элемент **і** с маньчжурским личным местоимением 3-го лица единственного числа **і** 'он', а элемент **т** — с монгольским **чи** 'ты' и тунгусо-маньчжурским **чи ~ ци** (← ***ti** более раннего периода, ср. **-ti** — личный суффикс 2-го лица единственного числа, например, в ульчском диалекте нанайского языка) 'ты'. И тогда все указательные и личные местоимения 2-го и 3-го лица вместе со многими местоимениями атрибутивно-глагольно-локативно-наречного характера (примеры см. выше) в генетическом отношении оказались бы связанными между собою, будучи вышедшими из общей для них единой основы. Повторяем, весьма сблизительно предположить, что **те** и **ти** представляли какое-то единство: **т** плюс гласный переднего (?) ряда, из которого затем путем использования раннего чередования гласных в монгольских (и тунгусо-маньчжурских) языках получились, с одной стороны, 3-е лицо **те** (вроде могольского **те**) 'тот' и, с другой стороны, 2-е лицо единственного (***mi** → **чи** → **чи** → **ши**, **си** 'ты') и множественного (**та ~ та**, **су** 'вы') числа!

Но все это пока не объясняет нам антиподы **те ~ ти** и **е ~ і**. Тут возможны два предположения, по одному из которых в **т** следовало бы видеть какой-то „префикс“, в сочетании с **е ~ і** дававший то, что изложено выше. Если бы пришлось отвергнуть это предположение, то выходило бы, что при **е ~ і** выпал какой-то начальный согласный, вместе с которым упомянутый смычный **т** восходил к какому-то согласному. В качестве такого начального согласного напрашивается проточный **с** (ср. местоимения 2-го лица в тунгусских и тюркских языках), который должен был развиваться в **h**, а затем отпасть. Нам кажется, что возможность третьего предположения исключается.

Относительно развития основ излагаемого „дальнего“ указательного местоимения и наличия их в современных монгольских языках и диалектах в общем можно сказать почти слово в слово то же самое, что и относительно развития основ „ближнего“ **ене ~ ене** (см. выше):

- 1) **тэр- ~ тэрэн- ~ тэрэн-** (дагурские и бурятские диалекты);
- 2) **түн- ~ түн-** (часть халхаских и ордосских говоров, некоторые бурятские и все ойратские) ~ **тегүн-** (классический язык);
- 3) **тэрүн-** (другая часть только что названных говоров);
- 4) **тэн-** (в западнобурятских говорах) ~ **тиән- ~ тиен-** (монгольский язык) ~ **те- ~ тен- ~ тенә-** (? могольский язык).

Последняя основа, точнее, последний вариант основы „дальнего“ указательного местоимения является наиболее любопытным в том отношении, что в нем архетипный корень **те** сохраняется без каких бы то ни было наращений **-ре** или **-ре+гүн**. Не совсем ясно пока наличие долгого **э** в западнобурятской основе **тэн-** (← **те+ген-?** или эмфазис?).

б) Множественное число 'эти' (и 'те').

После всего сказанного выше относительно основ указательных местоимений („ближнего“ и „дальнего“) множественного числа нам остается сказать лишь несколько слов. Эти основы, в отличие от основ других местоимений, характерны поразительным единообразием (здесь мы также игнорируем фонетическую окраску звуков, входящих в состав этих основ в разных монгольских языках: большую или меньшую степень лабиализации, краткости, редукции и т. п.) и могут быть представлены в следующем виде:

имен. пад. **еде** (классич.) ~ **эдн** (ойратск.) ~ **эдэ** (прочие монгольски языки) 'эти';

основа **еден-** (классич.) ~ **эдэн-** (прочие языки);

имен. пад. **теде** (классич.) ~ **тэдн** (ойратск.) ~ **тэдэ** (прочие) 'те';

основа **теден-** (классич.) ~ **тэдэн-** (прочие языки).

Кроме того, в ряде бурятских говоров основы этих местоимений во втором слогe имеют долгий **э** (**эдэн-** и **тэдэн-**), который пока так же неясен, как и в основе единственного числа **тэн-** и **энэн-** (см. выше). Затем в селенгинско-бурятских и смежных с ними хилокско-бурятских говорах встречаются основы **эдүн-** ← **едегүн-** для **эдэ** 'эти' и **тэдүн-** ← **тедегүн-** для **тэдэ** 'те'. Здесь мы видим то же самое образование, что и при **энүн-** и **тэрүн-**, относительно которых речь уже шла выше.

Таким образом, в разнообразии форм местоимений в монгольских языках и диалектах мы видим следы и показатели исключительно неравномерного развития этих языков и диалектов, развития то спонтанного, то на путях взаимных схождения и расхождения.

После сделанного нами обзора именительного падежа и основ мы приступим к обзору прочих падежей в монгольских языках и диалектах, не выделяя особо склонения местоимений.

Родительный падеж

Этот падеж в монгольских языках и диалектах характерен тем, что его формативы по сравнению с таковыми других падежей отличаются исключительной пестротой и по звуковому составу и по употреблению. Эти формативы родительного падежа можно видеть на следующей схеме, на которой мы для наглядности даем их в транскрипции, сведенной к одному знаменателю (без учета нюансов в произношении: назализация, краткость, ряд и т. д.), как это делается иногда в орфографии (см. стр. 159).

Представленная таблица не исчерпывает полностью все вариации и разновидности формантов родительного падежа, которыми так богаты отдельные монгольские диалекты и говоры. Так, например, в дэрбэтском диалекте (район города Кобдо, Монгольская Народная Республика) основы с краткими конечными гласными образуют форму родительного падежа при помощи суффикса **-ан** ~ **-эн** ~ **-он** ~ **-өн** ~ **-үн**; в торгоутском диалекте (там же) этот суффикс также употребляется, но параллельно с суффиксом **-ин**. В ойратском письменном языке после основ на конечный **н** употреблялся суффикс **-и**, наличный и теперь в некоторых ойратских диалектах в виде долгого **-і**. В ордосском диалекте после основ с конечным кратким гласным вместо **-ин** иногда употребляется **-ән** ~ **-өн**, после основ с конечным **н** вместо **-и** — долгий **-а** ~ **-і** ~ **-ө**. В этом же диалекте различные формативы родительного падежа от одной и той же основы используются в семантическом отношении, например: *унага̄е̄ бұрдū* 'пруд жеребенка' (как название местности), но *унаган джүсү* 'масть жеребенка' (основа *унага* 'жеребенок'); *чондō кōдō* 'степь волка' (как название местности), но *чонон арусу* 'шкура волка' (основа *чоно* 'волк').

Затем в ордосском диалекте долгий гласный **-а** ~ **-і** ~ **-ө** вместо **-и** употребляется в тех случаях, когда соответствующее имя выступает в родительном падеже предикативно и субстантивно (*мині сән, чині мū* 'мое лучше, а твое хуже'), а также и атрибутивно с логическим ударением (*тере күні малла күні неге мал баху аджик шән* 'кажется, среди скота того человека имеется **чужой** [букв.: 'человека'] скот').

Форматив	Имеет распространение в языках, диалектах	При основе, которая оканчивается на
-у, -ү	классическом	согласный н
-ун, -үн		прочие согласные
-jin		любой гласный
-ī	халхаском	согласный н
	могольском	любой звук
	дагурском	любой звук, кроме долгих гласных и дифтонгов
-i	ордосском	согласный н
	некоторых западно-бурятских говорах	согласные н, л, р, б, м , обычно палатализованные
-ji	дагурском	дифтонг и долгий гласный
-н	халхаском, бурятском	дифтонг
	ордосском	дифтонг или гласный с конечным неустойчивым н
	ойратском	долгий гласный (в неодносложных словах)
-in	халхаском, ордосском, ойратском, большей части бурятских	краткий гласный и любой согласный, кроме н
-gin	халхаском, ордосском, бурятском	долгий гласный
	ойратском	долгий гласный в односложных словах
-a, -ā	ойратском	согласный н , по говорам — любой согласный
-aё, -eї, -oё	бурятском	любой согласный
-ni	монгорском	любой звук

А. Мостэр указывает, что в родительном падеже имя с этим формантом употребляется также локативно, обозначая время продолжительного

прошлого (*намурā* 'уже осенью', *ōwōlī* 'уже зимою', *урдānā* 'еще давно' и т. д.)¹. Однако в данном случае мы склонны думать, что в долгом гласном **-ā ~ -ī** следует видеть суффикс омертвелого местного падежа, который в классическом языке представлен в виде **-ā ~ -ē**.

Подобная форма родительного падежа во всех монгольских языках и диалектах употребляется и в тех случаях, когда этот падеж, субстантивируясь, оказывается первым компонентом в двойном — родительно-дательном-местном — падеже (например, ордос. *ахāнду* = бур. *ахāндā ~ ахīндā* 'у старшего брата').

Но как бы ни были разнообразны вариации и разновидности формативов родительного падежа, они все же ничего существенно нового не привносят по сравнению с тем, что приведено в таблице. Все эти формативы, представленные в нашей таблице, сводимы к тому или иному сочетанию гласный (**ī ~ i ~ ā ~** дифтонг) плюс согласный **н**, ибо согласные **ј** (в классическом и дагурском языках) и **-г-** (в других, кроме монгольского и могольского) являются лишь вставками между двумя гласными и, следовательно, в состав самого форматива родительного падежа не входят. Там, где форматив состоит из одного гласного (**-ī ~ -i** и, в классическом, **-у**), согласный **н** оказывается лишним потому, что он уже имеется в конце основы. Наличие в бурятских диалектах **-аё** (в литературном языке **-ай ~ -эй ~ -ой**) после основ с любым конечным согласным, а в могольском и дагурском — одного долгого **-ī** объясняется развитием по аналогии с формативом после основ с конечным **н** на путях возможной унификации. Наличие же одного согласного **-н** после конечного дифтонга легко объяснимо тем, что дифтонги заканчиваются своим вторым компонентом **і**, претерпевшим в диалектах различные модификации.

Из всех перечисленных в таблице формативов наиболее интересными являются случаи употребления согласного **-н** в ордосском диалекте после основ с конечными гласными при выпавшем конечном же согласном **н** (например, имен. пад. *морі* ← *морін* 'конь', род. пад. *морін* вместо *морині* 'коня'). Следовательно, в этом диалекте форма родительного падежа в некоторых случаях совпадает с формой первой основы (*морін сұл* 'хвост коня' и *морін джил* 'год коня'; ср. халхаск. *мор'ині сұл* и *мор'иң джил*).

Любопытно образование ойратских формативов родительного падежа от основ, которые некогда имели конечные дифтонги и долгие гласные. Вообще после дифтонгов формативом родительного падежа является (в ойратском языке являлось раньше) **-н**, а после долгих гласных **-гін**, в котором согласный **-г-** есть вставной звук между двумя гласными („буфер“). А так как в этом языке прежние дифтонги, сохранившиеся в большинстве прочих монгольских языков и диалектов, превратились в долгие гласные, то сохранившиеся (на путях развития по аналогии) прежние формативы стали употребляться так: **-н** — после неодносложных основ с конечными долгими гласными, а **-гін** — после односложных основ с теми же конечными гласными. Отсюда и расхождение между ойратскими диалектами, с одной стороны, и прочими монгольскими — с другой, в отношении употребления этих формативов.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в дагурском, монгольском и могольском языках формативы родительного падежа, соответственно единственные для всех основ, полностью совпали с формативами винительного падежа, также единственными для всех основ. Аналогичные явления частично имели и имеют место в классическом языке, западномонгольской средневековой речи и некоторых говорах

¹ См. А. Mostaert. *Textes oraux Ordos*. Peiping, 1937, стр. XXXVI.

бурятских диалектов, а также в ойратском письменном языке. Это говорит об определенном единстве категорий родительного и винительного падежей, и недаром во многих монгольских языках и диалектах (кроме бурятских) эти падежи в равной степени оказываются средствами выражения субъекта в причастных и деепричастных оборотах, т. е. в так называемых членных предложениях, которые соответствуют придаточным предложениям и именным оборотам других языков.

В заключение приведем в форме родительного падежа некоторые слова с разными конечными звуками в своих основах (вариации оговорены выше):

Значение Падежи	'лошадь'		'место'		'юрта'	
	имен.	род.	имен.	род.	имен.	род.
Язык, диалект						
классич.	<i>морін</i>	<i>морін-у</i>	<i>орун</i>	<i>орун-у</i>	<i>гер</i>	<i>гер-үн</i>
халхаск.	<i>мор'ї[н]</i>	<i>мор'їні</i>	<i>ороң</i>	<i>орні</i>	<i>гер</i>	<i>герің</i>
ордос.	<i>морі</i>	<i>морін</i>	<i>орон</i>	<i>ороні</i>	<i>гер</i>	<i>герін</i>
ойратск.	<i>мөрн</i>	<i>мөрнā</i>	<i>орң</i>	<i>орнā</i>	<i>гер</i>	<i>герін</i>
бур.-хорин.	<i>мор'иң</i>	<i>мор'иноё</i>	<i>ороң</i>	<i>орноё</i>	<i>гер</i>	<i>герің</i>
бур.-алар.	<i>мор'иң</i>	<i>морн'і</i>	<i>ороң</i>	<i>орн'і</i>	<i>гер</i>	<i>герē</i>
дагур.	<i>мор'і</i>	<i>мор'і</i>	<i>ор</i>	<i>орі</i>	<i>гер</i>	<i>гері</i>
могольск.	<i>морін</i>	<i>морині</i>	?	?	<i>гер</i>	<i>гері</i>
монгор.	<i>морі</i>	<i>морині</i>	<i>уроң</i>	<i>уроңні</i>	<i>гер</i>	<i>герні</i>

Значение Падежи	'собака'		'младший'		'старший'	
	имен.	род.	имен.	род.	имен.	род.
Язык, диалект						
классич.	<i>нохаї</i>	<i>нохаї-јін</i>	<i>дегүү</i>	<i>дегүү-јін</i>	<i>аха</i>	<i>аха-јін</i>
халхаск.	<i>нохоё</i>	<i>нохоёң</i>	<i>дүү</i>	<i>дүүиң</i>	<i>ахā</i>	<i>ахиң</i>
ордос.	<i>нохō</i>	<i>нохōн</i>	<i>дүү</i>	<i>дүүин</i>	<i>аха</i>	<i>ахāн</i>
ойратск.	<i>ноха</i>	<i>нохан</i>	<i>дүү</i>	<i>дүүин</i>	<i>ах</i>	<i>ахин~</i>
бур.	<i>нохоё</i>	<i>нохоёң</i>	<i>дүү</i>	<i>дүүиң~</i> <i>дүүе</i>	<i>ахā</i>	<i>ахиң~</i> <i>ахāң</i>
дагур.	<i>ногō</i>	<i>ногōи</i>	<i>деүү</i>	<i>деүүји</i>	<i>агā</i>	<i>агāи</i>
могольск.	<i>нокєі</i>	<i>нокєі</i>	<i>дōун</i>	<i>дōуні</i>	?	?
монгор.	<i>нохуē</i>	<i>нохуēн</i>	<i>дiу</i>	<i>дiуни</i>	<i>ага</i>	<i>агани</i>

Винительный падеж

Этот падеж в монгольских языках и диалектах отличается меньшей пестротой по своим формативам, чем родительный. Формативы винительного падежа можно представить в таблице (см. стр. 162).

Имеющиеся по диалектам и говорам некоторые единичные вариации приведенных ниже формативов винительного падежа принципиально ничего нового в нашу таблицу не вносят. Так, например, в ордосском диалекте иногда вместо форматива *-i[ɣ]* появляется еще *-iŋ* (*yci[ɣ] ~ uciŋ* 'воду' от *усу* 'вода'). В торгоутском диалекте вместо общеойрат-

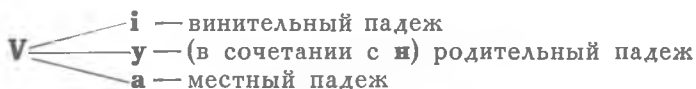
Форматив	Имеет распространение в языках, диалектах	При основе, которая оканчивается на	
-i	классическом	любой согласный	
-ji		любой гласный	
-r[i]	халхаском, ойратском	дифтонг или долгий гласный	
-ir[i]	халхаском, ойратском	краткий гласный или согласный	
-i[r]	ордосском		краткий гласный в именах, восстанавливающих конечный н в н -падежах
-i[r] ~ -ā[r] ~ -ō[r]			
-ri[r]		дифтонг или долгий гласный	
-ī		могольском	
	дагурском	краткий гласный или любой согласный	
-jī			дифтонг или долгий гласный
-nī	монгорском	любой звук	
-ijě	бурятском	согласный или краткий гласный	
-jě		дифтонг или долгий гласный	
-ā ~ -ě	некоторых бурятских говорах	согласный, при этом палатализирующийся	
-āějě -ōějě		краткий гласный или неустойчивый согласный н	
-ge			монгорском

ского формата *-i/[i]* чаще употребляется *-āi/[i] ~ -āi/[i]* (*āwāi* 'дедушку' от *āwā* 'дедушка', *gerāi* 'юрту' от *ger* 'юрта'); в отдельных именах то же самое находим и в ордосском (*axāi* 'старшего').

В качестве архетипа перечисленных выше формативов винительного падежа следует предполагать гласный **-i**, тогда как **г ~ j** является лишь вставочным согласным („буфером“) между двумя гласными (конечным гласным основы и гласным формата **-i**). Повидимому, этот глас-

ный -i каким-то образом генетически связывает винительный падеж с родительным и омертвелым ныне местным. Выше мы уже указывали, что в монгорском, могольском, дагурском и бурятском языках (по отдельным говорам) формативы этих двух падежей совпадают. То же самое частично наблюдается иногда в классическом, письменно-ойратском и средневековом западномонгольском языках. Едва ли все это случайно; сомнительно, чтобы объяснение этого явления было найдено только в фонетике, в якобы случайных звуковых эволюциях формативов. Замечательно, однако, что в монгорском языке формы винительного падежа личных местоимений единственного числа 1-го и 2-го лица совпадают с формами дательного-местного падежа (*ндā* 'меня и 'мне', *чим* 'тебя' и 'тебе'), а не родительного, имеющего другое, общемонгольское оформление, и являются основами для образования других падежей, кроме того же родительного.

Если верно наше предположение относительно возможной генетической связи винительного падежа с родительным и омертвелым (но наличным в классическом языке и, пережиточно, во всех монгольских диалектах) местным, то эта связь может быть раскрыта или найдена в развитии на путях расщепления некоего, ныне еще не установленного, гласного — обозначим его условно знаком **V** по схеме:

Как бы ни был решен — положительно или отрицательно — вопрос об этой схеме (с точки зрения исторической фонетики монгольских языков она не может встретить препятствий), кажется совершенно очевидным, что от этих падежей (или одного из них) произошли и образовались все прочие: орудный, исходный и совместный, как это мы попытаемся показать ниже, при разборе соответствующих падежных формативов. Сказанное особенно затрагивает падежные формативы личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа.

В заключение приведем склонение в винительном падеже ряда имен, вышеприведенных в таблице примеров на родительный падеж:

Значение Язык, диалект	'лошадь'	'место'	'юрту'	'собаку'	'млад- шего'	'старшего'
классич.	<i>морin-i</i> ~ <i>морi-ji</i>	<i>орун-i</i>	<i>гер-i</i>	<i>нохai-ji</i>	<i>дегүү-ji</i>	<i>аха-ji</i>
халхаск.	<i>мор'iŋ</i>	<i>орнiŋ</i>	<i>гер[i]ŋ</i>	<i>нохōŋ</i>	<i>дүү</i>	<i>ахiŋ</i>
ордос.	<i>мор'i[ɣ]</i>	<i>орон'i[ɣ]</i>	<i>герi[ɣ]</i>	<i>нохōi[ɣ]</i>	<i>дүү[i]</i>	<i>ахā[ɣ]</i>
ойратск.	<i>мōriŋ</i>	<i>орiŋ</i>	<i>герiŋ</i> ~ <i>герāi</i>	<i>нохāi</i> ~ <i>нохāŋ</i>	<i>дүү</i>	<i>ахiŋ</i> ~ <i>ахāi</i>
бур.	<i>мор'ijě</i>	<i>орijě</i> ~ <i>орōjě</i>	<i>герijě</i> ~ <i>гер'ě</i>	<i>нохōjě</i>	<i>дүүjě</i>	<i>ахijě</i> ~ <i>ахājě</i> ~ <i>ахāejě</i>
монгор.	<i>морige</i>	?	<i>герni</i>	?	?	?

Примеры из могольского и дагурского языков в этой таблице не проводятся, так как в этих языках винительный падеж по формативам полностью совпадает с родительным, примеры на который уже даны на стр. 161.

Дательно-местный падеж

Формативы этого падежа по монгольским языкам и диалектам в общем представлены более или менее однообразно, что можно видеть из прилагаемой таблицы:

Форматив	Имеет распространение в языках, диалектах	При основе, которая оканчивается на
-дур, -дүр	классическом	гласный или согласные л, м, н
-да̄ ~ -дә̄ ~ -до̄ ~ -д᠋᠔̄ ~ -д᠋᠔̄	халхаском, бурятском, дагурском, ойратском	
-ду ~ -дү	ордосском	
-ду	могольском	любой звук
	монгорском	
соответственно -тур, -та, -ту, -тү	соответственно те же языки и диалекты, кроме монгорского	любой согласный, кроме л, м, н

К таблице следует сделать две оговорки: а) в дагурском языке формант со слабым **-д-** часто употребляется как бы вместо другого с сильным **-т-**; б) в современном монгольском литературном языке употребление формативов с разными согласными (**-д** и **-т**) регулируется несколько иначе — как в силу некоторых особенностей в фонетическом развитии халхаских говоров, так и по орфографическим соображениям.

Из таблицы видно, что в современных монгольских языках и диалектах форматив дательно-местного падежа является сочетанием слабого или сильного смычного с кратким гласным, а в классическом языке в этом сочетании имеется еще конечный сонорный **-р**. Таким образом, перед историком языка встают три вопроса в отношении звукового состава данного форматива: 1) первоначальный характер смычного согласного (**д** или **т**), 2) значение и место конечного сонорного **р** в классическом языке, отсутствующего во всех других монгольских языках нашего времени, и 3) первоначальный же характер гласного (**а ~ е** или **у ~ ү**).

Если иметь в виду так называемое первоначальное время, т. е. период, когда дательно-местный падеж как таковой уже стал в речи общей и установившейся нормой выражения дательно-местных отношений, то вопрос о приоритете одного из двух смычных (**д** и **т**) едва ли правомерен. Сомнительно, чтобы в то время эти согласные уже стали самостоятельными фонемами, и потому надо предположить, что в формативе дательно-местного падежа **д** и **т** употреблялись безразлично. Но, с другой стороны, данные средневековой восточномонгольской речи, отраженной в квадратной письменности (XIII—XIV вв.), монгорского и отчасти дагурского языков определенно говорят в пользу слабого **д**. Дело в том, что все отступления от ныне господствующей нормы в фонетическом оформлении форматива дательно-местного падежа идут по линии „замены“ сильного **т** слабым **д**, тогда как случаи обратной замены пока не установлены ни в одном из монгольских языков прошлого и настоящего. Если мы в монгорском и отчасти дагурском языках и средневековой восточномонгольской речи встречаем слабый **д** там, где в прочих языках находим сильный **т** (т. е. после конечных

согласных основы **д, с, в, г, р**), то обычно полагают, что это слабый **д** вытесняет собою сильный **т** или что, наоборот, в этом проявляется исконное господство слабого **д**, который еще не сдал своих позиций сильному **т**. Дело, стало быть, в том, что исследователи представляют себе раннюю монгольскую речь так, как будто бы она обладала более четко отработанной фонологической системой, нежели современная монгольская речь.

Наши данные как будто бы подтверждают то предположение, что развитие начального смычного согласного в составе форматива дательного-местного падежа шло в двояком направлении. После того, как смычные **д** и **т** стали различаться в качестве самостоятельных фонем, в ранней восточномонгольской речи в составе названного форманта все более и более закреплялся слабый **д**. Именно поэтому преимущественно в памятниках квадратной письменности и монгорском и дагурском языках находим монополию или преобладание этого слабого **д**. Спорадическое появление сильного **т** в дагурском языке следует объяснить влиянием соседней халхаской речи, влиянием, которое все более и более возрастало и от которого ускользнул лишь монгорский язык и язык квадратной письменности. Восточная халхаская речь, как и внутренне-монгольская, и до сих пор характерна наличием слабых фонем там, где западная халхаская речь обнаруживает сильные фонемы (отсюда то, что современными лингвистами Монгольской Народной Республики называется „смещением слабых и сильных“ в монгольском языке), например: *дóрòв ~ тóрòв* ‘четыре’; *дòхòм ~ тòхòм* ‘удобный’; *готò ~ хотò* ‘город’; *гасàх ~ хасàх* ‘сокращать’.

Как иногда в таких случаях бывает, те монгольские диалекты из числа восточных, которые испытывают влияние западных диалектов, начинают по аналогии „усиливать“ свои слабые согласные в большей степени, чем сами последние (отсюда *тóрòв* вместо *дóрòв* ‘четыре’ в Восточной Халхе).

Следует сказать, что еще в конце XII или начале XIII в. уже наличествовало четкое различие слабого **д** и сильного **т** как самостоятельных фонем. Именно поэтому в западнохалхаских, ойратских, могольском, бурятских диалектах и средневековой западномонгольской речи четко различаются согласные **д** и **т** в составе форматива дательного-местного падежа по правилам, указанным выше в таблице. Является чрезвычайно загадочным и весьма знаменательным то обстоятельство, что в монгольском классическом языке графическое различие между **д** и **т** проводится только в орфографическом написании обозреваемых формативов, если не считать преконсонантный и конечный **д** и транскрипции иноязычных заимствований.

Таким образом, нет никакой необходимости искать для более раннего периода обязательно или слабый или сильный смычный там, где в составе форматива дательного-местного падежа западная группа диалектов имеет сильный **т**, поскольку ранняя монгольская речь была, конечно, многодиалектной.

Отмечая все же, что в классическом, бурятском, ойратском, могольском и прочих языках и диалектах форматив **-тур ~ -та** употребителен при основах с конечными **б, г, д, р** и **с**, мы не можем не обратить внимания на возможность и факты наличия в основах и разных суффиксах сочетаний **бд** (*абдар* ‘ящик’), **гд** (*баргдах* ‘быть схваченным’) и **рд** (*шүрдех* ‘место’). Спрашивается, почему же именно в формативе дательного-местного падежа избегаются подобные сочетания? Это вопрос, на который пока трудно дать ответ.

Переходим к вопросу относительно конечного согласного **р**, наличного в формативе дательного-местного падежа в классическом языке.

Судя по данным памятников квадратной письменности и среднеазиатской филологии, этот согласный спорадически наличествовал в средневековой монгольской речи как на востоке, так и на западе. Таким образом, можно думать, что около XIII—XV вв. наличие этого согласного в составе данного формата было повсеместным, чего, впрочем, нельзя определенно сказать относительно бурятских диалектов того периода, так как для суждения по этому вопросу мы никакими данными не располагаем.

Вопрос об этом согласном **р** ставится так: является ли форматив дательно-местного падежа „**д ~ т + краткий гласный**“ следствием сокращения более раннего **-дур ~ -тур**, т. е. выпадения конечного **р**, или же он является исконным и параллельным с **-дур ~ -тур**? Некоторые исследователи решают этот вопрос во втором смысле на основании следующих данных: а) в монгольских языках, в том числе и классическом, существует **-да ~ -де ~ -та ~ -те** как суффикс наречий и послелогов типа *енде* 'здесь', *дергеде* 'около', *ерте* 'рано' и т. д.; б) в письменном языке форма дательно-местного падежа с безличным притяжением имеет вид **-таган ~ -даган**, но будто бы никогда — **-дур-іев**; в) суффикс атрибутивно-локативного значения **-кі** присоединим только к **-да ~ -та**; г) в составном дательно-местно-исходном падеже первым компонентом суффикса является только **-да ~ -те**. При таком решении вопроса формы **-да ~ -та** и даже **-ду ~ -ту** признаются проникшими в классический язык из живой речи, где наличествовал или наличествует только формант без конечного **р**, хотя такой формант в немалом количестве находится даже в наиболее ранних памятниках монгольской классической литературы (XIV в.).

Что суффиксы **-дур** и **-да** по своей внешней форме являются двумя разными формантами, — бесспорно. Но приведенные выше доводы никоим образом не говорят о том, что эти форманты являются разными и в генетическом отношении, а в этом как раз и состоит существо вопроса. Не говорят потому, что прежде всего в том и другом случае мы имеем дело с одним и тем же дательно-местным падежом: ни в прошлом, ни в настоящем не установлен и не найден ни один пример, из которого можно было бы видеть в этих суффиксах различные по значению падежные показатели. Суффикс **-дур ~ -тур** является поэтому наиболее архаичным формантом дательно-местного падежа, который сохранялся в письменной речи, благодаря литературной традиции, вплоть до настоящего времени. Этот формант по традиции сохранялся даже тогда, когда монголы иногда создавали новую письменность; в этом отношении особенно знаменательными являются вся ранняя орфография и весь стиль ойратского письменного языка, алфавит которого был создан только в середине XVII в. и который первоначально слепо копировал особенности монгольского классического языка, восходящие к XIII—XIV вв.

Стало быть, формант **-да ~ -та ~ -ду ~ -ту** является более поздним вариантом весьма раннего **-дур ~ -тур**, вариантом, потерявшим свой конечный **р**, если суффикс **-дур ~ -тур** является несоставным. Очевидно, что процесс утраты этого конечного **р** в монгольских языках протекал очень длительно и неравномерно, начавшись задолго до XII в., о чем говорят примеры типа *енде* 'здесь', и повсеместно закончился не ранее XV в., о чем говорят данные и квадратной письменности и среднеазиатской филологии.

При этом мы должны все же учитывать, что в наречиях типа *енде* 'здесь', *ерте* 'рано' и т. п. обнаруживается только значение местного, или локативного, падежа, но никоим образом не дательного. Это обстоятельство как будто бы говорит в пользу тех, кто в форматах **-да ~ -де** и **-дур ~ -дур** видит разные категории. Но в таком случае подобные

исследователи должны были бы утверждать другое, а именно: форматив **-да ~ -дэ**, наличный в наречиях и послелогах, с одной стороны, и формативы дательного-местного падежа **-да ~ -дэ** и **-дур ~ -дүр** — с другой, являются выражениями разных категорий. А между тем эти исследователи на одну и ту же доску ставят и **-да ~ -дэ** из наречий и послелогов и **-да ~ -дэ**, являющийся формативом дательного-местного падежа и характерный, как они говорят, только для устной речи.

С наречиями и послелогами, однако, дело обстоит так, что они потому и стали таковыми, что перестали выражать все понятия, передаваемые дательным-местным падежом, что их первоначальные основы могли передавать понятия только местного (не дательного-местного!) падежа в силу своей лексической природы.

Поэтому, если предположить, что обозреваемые суффиксы являются разными (генетический? по значению?), то очевидно пришлось бы также предположить, что формант **-дур ~ -дүр** является составным, в котором **-ду ~ -дү** — показатель собственно дательного (не дательного-местного!) падежа, а **-р** — местного, локативного. Но как из дательного падежа, а не из местного, могли появиться локативные наречия? Причем **-р** пришлось бы сопоставлять с таковым же конечным элементом в формате орудного падежа, а также и с полными формативами орудного и локативного падежей монгольского языка, о которых речь будет идти ниже.

Что касается написания некоторых наречий типа *енде* 'здесь', которые никогда не писались в виде *ендү*, то это объясняется тем, что в таких словах либо корневые элементы типа **ен** давно стали омертвелыми, потеряв самостоятельное бытие, либо — при сохранении самостоятельных и семантически полноценных корневых элементов (*maši* 'очень' и т. п.) — регистрируется переход слов из одной части речи в другую. Последнее аналогично явлениям типа классического *jabuuga-gar* 'продолжая идти' (форма продолжительного деепричастия) из *jabuuga-san-i-ger* 'вследствие ухода' (форма орудного падежа прошедшего причастия), в которых исследователи никак не могут видеть генетически различные категории. В классическом языке такие явления, графически различаемые, наблюдаются во множестве, а они — общие в генетическом отношении, но различные по сложившемуся значению: *josugar* 'согласно' ~ *josu-bar* 'по закону, обычаю'; *dзүгер* 'просто', 'так' ~ *dзүг-i-ger* 'стороною'; *талар* 'зря' ~ *тала-бар* 'по равнине' (в устной речи это своеобразные омонимы — *jосор*, *дзүгөр*, *талар* — типа русских 'в течение' — 'в течении', 'за тем' — 'затем', 'по тому' — 'потому' и т. д.).

В соответствии с изложенным решается и третий вопрос, вопрос о „первоначальном“ характере гласного в составе форматива дательного-местного падежа. Гласные **а ~ е** и **у ~ ү** должны были бы быть признаны гласными разного происхождения при условии, что форманты **-да ~ -де ~ -ду ~ -дү** и **-дур ~ -дүр** — тоже разного происхождения. Но, как мы видели, даже при последнем предположении **-ду ~ -дү ~ -ту ~ -тү** из возможно составного **-дур ~ -дүр ~ -тур ~ -түр** все же находится в генетической связи с **-да ~ -дэ ~ -та ~ -те**. Стало быть, эти гласные являются местными вариантами одной и той же фонемы, которая произносилась различно в раннее время так же, как она произносится различно и теперь (в этом свете любопытно, что в монгольском языке мы находим *ндэ* 'здесь', *тіндэ* 'там', *идіе* 'рано', хотя в формате дательного-местного падежа этот же язык последовательно показывает **-ду**; это заставляет нас думать, что появление перечисленных и им подобных наречий и послелогов относится к весьма отдаленному прошлому).

Приводим в заключение ряд имен в форме дательного-местного падежа:

Значение Падежи Язык, диалект	'лошадь'		'собака'		'юрта'	
	имен.	дательно-местн.	имен.	дательно-местн.	имен.	дательно-местн.
классич.	<i>морін</i>	<i>морін-дур</i>	<i>нохаі</i>	<i>нохаі-дур</i>	<i>гер</i>	<i>гер-түр</i>
халхаск.	<i>мор'і[н]</i>	<i>мор'індө</i>	<i>нохөө</i>	<i>нохөөдө</i>	<i>гер</i>	<i>гертө</i>
ордос.	<i>морі[н]</i>	<i>морінду</i>	<i>нохө</i>	<i>нохөду</i>	<i>гер</i>	<i>гертү</i>
ойратск.	<i>мөрн</i>	<i>мөрнд[ө]</i>	<i>ноха</i>	<i>нохад[а]</i>	<i>гер</i>	<i>герт[э]</i>
бур.	<i>мор'иң</i>	<i>мор'иңдө</i>	<i>нохөб</i>	<i>нохөдөб</i>	<i>гер</i>	<i>гертө</i>
дагур.	<i>мор'і</i>	<i>мор'ід[ө]</i>	<i>ногө</i>	<i>ногөд[ө]</i>	<i>гер</i>	<i>герт</i>
могольск.	<i>морін</i>	<i>морінду</i>	<i>нокөі</i>	<i>нокөіду</i>	<i>гер</i>	<i>гертү</i>
монгор.	<i>морі</i>	<i>моріду</i>	<i>нохуө</i>	<i>нохуөду</i>	<i>гер</i>	<i>герду</i>

Значение	'страна', 'люди'		'сторона'		'вода'	
классич.	<i>улус</i>	<i>улус-тур</i>	<i>дзүг</i>	<i>дзүг-түр</i>	<i>усун</i>	<i>усун-дур</i>
халхаск.	<i>улās</i>	<i>улāsт ~ улсād</i>	<i>дзүг</i>	<i>дзүгтө</i>	<i>ус[аң]</i>	<i>усāндā</i>
ордос.	<i>улус</i>	<i>улусту</i>	<i>джүг</i>	<i>джүгтү</i>	<i>усу[н]</i>	<i>усунду</i>
ойратск.	<i>улс</i>	<i>улст</i>	<i>зүг</i>	<i>зүгт[э]</i>	<i>усн</i>	<i>уснд[а]</i>
бур.	<i>улāt</i>	<i>улātдā</i>	<i>зүг</i>	<i>зүгтө</i>	<i>уһаң</i>	<i>уһаңдā</i>
дагур.	<i>улүс</i>	<i>улүст</i>	<i>джүг</i>	<i>джүгт</i>	<i>ос</i>	<i>ост</i>
могольск.	<i>улус</i>	<i>улусту</i>	?	?	<i>усун</i>	<i>усунду</i>
монгор.	<i>лусэ</i>	<i>лусэду</i>	<i>д'с'iaг</i>	<i>д'с'iaгду</i>	<i>фузу</i>	<i>фузуду</i>

Местный падеж

Речь идет о падеже, которого в современных монгольских языках и диалектах нет, но который имеется в классическом языке, особенно более раннего периода; мы находим этот падеж и в текстах квадратной письменности. Этот падеж имеет преимущественно локативное значение и потому обычно называется местным (в современных монгольских языках и диалектах такого особого падежа нет, а есть рассмотренный выше дательно-местный падеж). Но часто этот падеж употребляется и со значением дательного.

Форматив этого падежа состоит из одного гласного **-а** ~ **-ө** и находится в связи с **-га** (формативом дательного-направительного падежа в тюркских языках), **-а** (формативом винительно-назначительного падежа в тунгусо-маньчжурских языках) и **-га-** (наличным в сложных форматах монгольских же языков). Характерным для этого формата (и, стало быть, падежа) является то, что он в классическом языке второго и третьего периодов наращивается только на основу лишь с некоторыми конечными согласными (**р**, **н**), например: *газар-а* 'в стране'; *хотан-а* 'в город'; *эдүр-ө* 'в день'; *тан-а* 'вам'.

Стало быть, этот местный падеж является категорией, свойственной лишь ограниченной части лексики, — явление, которому пока трудно дать какое-либо удовлетворительное объяснение. Впрочем, можно думать, что некогда этот местный падеж употреблялся значительно шире, если текст „Сокровенного сказания“ расшифрован абсолютно правильно и если во многих определенных и, так сказать, застывших речениях

видеть именно данный падеж. Так, например, в могольском *убула* 'зимой' Г. Рамстедт с оговоркой склонен видеть наличие формата местного падежа в виде -а¹.

В современном монгольском литературном языке этот падеж обнаруживается лишь в некоторых словах, причем как явно заимствованный из классического языка: *танаа* 'вам' (в адресах), *хотнаа* ~ *хотноо* 'в городе', 'в город', *хороонаа* ~ *хороноо* 'в комитет', 'комитету' и т. п.

Исходный падеж

Форматив этого падежа, являющийся по своему происхождению составным, в монгольских языках и диалектах представлен более или менее однообразно, как это можно показать в следующей таблице:

Форматив	Имеет распространение в языках, диалектах	Примечания
-ача ~ -ече	классическом	иногда -ча ~ -че
-ас[а]	халхаском, ордосском, дагурском, ойратском	соответственно гласный меняется (по гармонии гласных)
-ha	бурятском	
-aha	диалектах баргу-бурятском, нижеудинском	
-аса	могольском	после основ с конечными согласными
-са		после основ с конечными гласными
-дза ~ -дзе	монгорском	

В халхаском, ордосском и ойратском после основ с долгими гласными и дифтонгами вставляется г (иногда — после дифтонгов н), а в дагурском — j.

Этот исходный падеж является одним из тех падежей, при которых имена выступают в своей первой основе. Но многие слова, вообще имеющие лишь одну основу без конечного согласного н, по аналогии с именами с конечным н, при исходном падеже начали принимать этот согласный, таким образом создавая себе новую, как бы псевдопервую основу (халхаск. *улнас* вместо *улс* 'с горы'). Некоторые имена подобного рода имеют в исходном падеже две основы — без конечного н и с н (халхаск. *хадас* и *хаднас* 'с горы'), причем отдельные слова в исходном падеже с такими основами имеют семантические различия, что очень любопытно; например, в ордосском диалекте от *оёро* 'близко' находим: *оёрас* 'из ближнего места' и *оёронас* 'с недавнего времени'.

Как видно из представленной таблицы, в бурятском (кроме диалектов баргу-бурят и нижеудинского) и монгорском языках форматив

¹ См. G. Ramstedt. *Mogholica*. Helsingfors, 1905, стр. 58.

исходного падежа не имеет в начале долгого гласного (не происходит ли в бурятском языке удлинение конечного краткого гласного за счет начального, т. е. своеобразная метатеза?). В отношении монгорского формата трудно сказать, утрачен ли в нем начальный гласный или форма **-дза ~ -дзе** является исконной, никогда не имевшей этого гласного.

Как известно, форматив исходного падежа **-ача ~ -ече ~ -ас ~ -аса -аһа ~ -һа** (← **-аһа?**) является составным и разлагается на два формата: **-а** (разобранный выше форматив местного падежа) и **-с(а) ~ -һа** (← **-ча**, старый форматив исходного падежа, зарегистрированный в классическом языке средневековья и, вероятно, наличный в монгорском языке с озвончением согласного **с** или **ч**).

В некоторых бурятских диалектах (аларском, унгинском и т. д.) между основой с конечным долгим гласным или, иногда, согласным и формативом исходного падежа вставляется слог **га**, например, *бурү* 'теленка', *бурүдһа* 'от теленка'. В этом вставном слогe некоторые исследователи хотели видеть обычный вставной же согласный **г** как в примерах типа *бурүгар* (**бурү + г + ар** — форма орудного падежа) 'теленком'. Эти исследователи полагали, что наличие этого „вставного“ согласного **г** свидетельствует о недавнем наличии формы **-аһа**, из которой развилась современно-бурятская форма **-һа**, ибо этот согласный обычно вставляется во избежание скопления двух гласных подряд. Но, может быть, в данном случае следует признать, что этот якобы вставной **г** (собственно — обращаем на это особенное внимание — **га!**) свидетельствует о сохранении древнейшей формы суффикса местного падежа **-га ~ -ге** (ср. наличный теперь в тюркских языках **-га**)? В этом смысле замечательно то, что форматив **-а** является долгим, а долготы гласных, как известно, в монгольских языках является преимущественно результатом постепенной утраты согласного **г ~ б ~ ж** в интервокальном положении.

Как обычно, в заключение приводим некоторые слова в исходном падеже:

Значение Падежи	'лошадь'		'юрта'		'волк'	
	имен.	исходн.	имен.	исходн.	имен.	исходн.
Язык, диалект						
классич.	<i>морін</i>	<i>морін-ача</i>	<i>гер</i>	<i>гер-ече</i>	<i>чино-а</i>	<i>чино-а-ача</i>
халхаск.	<i>мор'и</i>	<i>мор'инѳс</i>	<i>гер</i>	<i>герѳс</i>	<i>чонѳ</i>	<i>чонѳс</i>
ордос.	<i>морі</i>	<i>морінас ~ морінѳс</i>	<i>гер</i>	<i>герѳс</i>	<i>чоно</i>	<i>чонѳс</i>
ойратск.	<i>мѳрн</i>	<i>мѳрнѳс</i>	<i>гер</i>	<i>герѳс</i>	<i>чонѳ</i>	<i>чонѳс</i>
бур.	<i>мор'иң</i>	<i>мор'ноһѳ</i>	<i>гер</i>	<i>герһѳ</i>	<i>шонѳ</i>	<i>шонѳһѳ</i>
дагур.	<i>мор'и</i>	<i>мор'ѳс</i>	<i>гер</i>	<i>гер'ѳс</i>	?	?
могольск.	<i>морін</i>	<i>моріwѳса</i>	<i>гер</i>	<i>герѳса</i>	<i>чино</i>	<i>чинѳса</i>
монгор.	<i>морі</i>	<i>морідза</i>	<i>гер</i>	<i>гердзе</i>	?	?
баргу-бур.	<i>мѳрі</i>	<i>морінһа ~ морінһѳ</i>	<i>гер</i>	<i>герһѳ ~ герһѳѳ</i>	<i>шонѳ</i>	<i>шонһѳһа</i>

Орудный падеж

Форматив этого падежа, также являющийся, как мы полагаем, по своему происхождению составным, представлен в следующем виде:

1) В классическом языке — **-іјар** (после основ с конечными согласными) ~ **-бар** (после основ с конечными гласными); в тех случаях, когда

то или иное имя в орудном падеже стабилизируется в качестве наречия или послелога, то форматив пишется слитно с основной имени, приняв вид **-гар** ~ **-гер**, например: *гагчагар* 'в одиночку' (*гагча-бар* не встречается или не является правомерным); *јосугар* 'согласно', но *јосу-бар* 'по закону'; *тала[га]р* 'зря', но *тала-бар* 'стороною'; *джүгер* 'так себе', 'ничего', но *джү-іјер* 'направлением'; *оругсагар* 'с тех пор как вошел', но *оругсан-іјар* 'в результате того, что вошел'.

Во всех этих случаях прочие монгольские языки и диалекты будут иметь своеобразные омонимы, не различаемые в новых литературных языках средствами орфографии, как это имеет место в русском языке (*в течение* — *в течении*, *ввиду* — *в виду*, *поэтому* — *по этому*, но *летом я был* — *летом я доволен*): *ёсоор* 'согласно' и 'по закону', *талаар* 'зря' и 'стороною'. Но, с другой стороны, формы продолжительного деепричастия и орудного падежа прошедшего причастия (из второй образовалась первая) в устной речи различаются повсеместно, о чем выше уже говорилось: *орсөр* 'с тех пор как вошел' и *орснөр* 'в результате того, что вошел'.

2) Во всех монгольских языках и диалектах (кроме монгорского) — **-ар** или, после основ с конечными долгими гласными и дифтонгами, **-гар** (в дагурском и могольском языках — **-јар**), причем гласный **-а-** меняется в соответствии с тем, как в каждом данном диалекте проявляется сингармонизм гласных, например:

Значение Язык, диалект	'братом'	'деревом'	'лекарством'	'высотой'	'голосом'
халхаск.	<i>ахар</i>	<i>модөр</i>	<i>емёр</i>	<i>ондрөр</i>	<i>дүгәр</i>
ойратск.	<i>ахар</i>	<i>модәр</i>	<i>емәр</i>	<i>ондрәр</i>	<i>дугәр</i>
ордос.	<i>ахар</i>	<i>модәр</i>	<i>емёр</i>	<i>ондрөр</i>	<i>дүгәр</i>
дагур.	<i>ахар</i>	<i>модәр</i>	<i>емёр</i>	<i>үндрөр</i>	<i>дүјар</i>
бур.	<i>ахар</i>	<i>модөр</i> ¹	<i>емёр</i>	<i>ондрөр</i> ~ <i>үндрөр</i>	<i>дугәр</i>

В могольском языке мы находим примеры: *чинөр* (имен. пад. *чинө!*) 'волком', *нокејар* (имен. *ноке!*) 'собакою', *морінәр* 'на коне', *герәр* 'юртою', *хогар* 'землею', *көлар* 'ногою', *тонәр* 'с вами'. Пример *чинөр* при наличии именительного *чинө* заставляет нас думать, что в могольском языке после основ с долгими конечными гласными формативом орудного падежа является только **-р** (ср. монгорский **-ра**), если в данном случае со стороны Г. Рамштедта не сделана ошибка в записях или если в форме *чинөр* могольский язык не учитывает того, что *чинө* 'волк' некогда было представлено с кратким конечным гласным (*чiно*, хотя при наличии архетипа *чiну-а* появление долгого [о] не является неожиданным). Но малочисленность имеющих у этого исследователя могольских текстов не дает нам оснований для того или иного заключения.

Если мы учтем, что в классическом **-іјар** начальный *і* является вставным гласным, то получаем формы **-јар** ~ **-бар**, в которых мы находим вполне закономерное чередование согласных **ј** ~ **б**, также закономерно чередующихся с согласным **г**, **г**. Обычно считают, что архетипом суффикса орудного падежа является сочетание **-гар** ~ **-гер**, которое якобы впоследствии дало **-јар** ~ **-бар**. Мы же, наоборот, полагаем, что первоначально монгольская речь имела в этом сочетании начальный **ј** ~

¹ В баргутском диалекте — *модәр*.

б ~ г. В ходе уточнения и появления одного падежа за другим в монгольской речи для форматива орудного падежа утверждалась фонема **г ~ ɣ**, тогда как фонемы **ж ~ б**, судя по данным тунгусо-маньчжурских языков, закреплялись в составе форматива винительного падежа.

Если мы далее учтем, что в современных монгольских языках и диалектах долгие гласные являются результатом исчезновения интервокального согласного **г ~ ɣ ~ б ~ ж**, то все формативы орудного падежа, выше перечисленные, возводимы к архетипу **-гар ~ -геп** (← **-гар ~ -геп ~ -бар ~ -бер ~ -жар ~ -жер**), к архетипу, который отнюдь не является абсолютно первоначальным ни в фонетическом отношении, ни по составу своих морфем. Мы полагаем, что этот архетип является составным, так как его можно разложить на две морфемы: 1) **-га**, давший начало разобранному выше формативу местного падежа (ср. тюркский **-га** — показатель локативных падежей), и 2) **-р**, наличный в составе ряда морфем (*деге-р-е* 'наверху', *доу-р-а* 'внизу', *те-р-е* 'тот' и 'там видимое' [*тен-де* 'там невидимое'], *джагу-р-а* 'между' и т. п.).

Замечательно, что в монгольском языке, относительно которого мы выше сделали оговорку, формантом орудного падежа является **-ра**, например:

<i>нојбнра</i>	'чиновником'	<i>бијера</i>	'лично' (букв.: 'телом')
<i>хонира</i>	'овцой'		
<i>фудзура</i>	'водою'	<i>д'ієсёра</i>	'веревкой'

Прежде всего заметим, что в этом монгольском формативе орудного падежа не соблюдается гармония гласных и наличествует всегда гласный заднего ряда (с гласным переднего ряда, как увидим ниже, реализуется другой падеж — локативный). В данном случае, идя обычным путем, исследователи могут предполагать либо метатезу (**-ра** ← **-ар**), либо скорее всего утрату начального **-а** ← **-га**.

Если верно наше предположение относительно составного характера форманта орудного падежа **-гар**, то что же некогда происходило с этим формантом в ранних монгольских языках и диалектах? При этом надо учесть, что маньчжурский и тюркские языки не знают орудного падежа. Картина сложения современного орудного падежа в монгольских языках и диалектах нам может рисоваться в следующем виде.

Первоначально эти языки знали местный падеж с показателем **-га** → **-а** и, кроме того, пока неопределенный для нас формант **-р**. Затем сочетание обоих этих элементов постепенно дало начало появлению орудного падежа с составным показателем **-гар**, когда в нем стали испытывать необходимость. Такова была, повидимому, картина сложения орудного падежа в большинстве монгольских диалектов: присоединение морфемы **-р** к формативу местного падежа. В диалектах же монгольского типа, наоборот, форматив местного падежа стал присоединяться к элементу **-р**, отсюда современный монгольский форматив орудного падежа **-ра** и элемент **-ра** в словах локативного значения типа *дегере* → *дёре* 'наверху'. Поэтому, быть может, совершенно не случайно то, что во всех монгольских (да и многих других) языках и диалектах орудный падеж имеет и локативное значение.

Наличие элемента **-ра** ← **р + а** в локативных словах с омертвелыми основами заставляет нас думать, что второй, монгольский путь образования орудного падежа является более ранним, нежели тот первый путь, который характерен для прочих монгольских языков и диалектов. Такое предположение вытекает еще и из того факта, что в том же монгольском языке передняя огласовка того же форматива **-ра** дала форматив **-ре**, являющийся показателем локативного падежа, например: *баргә-сере* (*баргәсе* 'стена') 'на стене', 'по стене'; *сараре* (*сара* 'месяц') 'в месяце';

бијере (*бије* 'тело') 'на теле'; *бијеренā* (*-нā* — форматив возвратного притяжения) 'на себе' (букв.: 'на своем теле'); *мōдире* (*мōди* 'дерево') 'на дереве'; *мōре* (*мōр* 'дорога', при стечении двух сонорных дрожащих **p** один из них выпадает) 'по дороге', 'на дороге'.

Как уже выше говорилось, использование в семантических целях чередования гласных в монгольских языках и диалектах имело место на более ранней ступени их исторического развития. Но такое использование чередования гласных для названных языков и диалектов было характерно преимущественно в области лексики, а в монгольском языке мы видим это использование и в грамматических целях, что весьма знаменательно.

Таким образом, мы склонны предполагать, что образование орудного падежа в монгольских языках и диалектах протекало после сложения локативных падежей, поскольку его формант является, повидимому, составным. Стало быть, в этих языках и диалектах часть падежей оказывается образованной путем сложения двух падежей. К числу таких падежей (составными, как мы видим, являются орудный и исходный, о чем можно говорить с большой долей уверенности) следует, может быть, отнести дательно-местный падеж классического языка, показатель которого **-дур** можно разложить на **ду + р**, о чем мы говорили уже выше.

Как мы увидим в своем месте, образование двойных падежей характерно для монгольских языков и диалектов и ныне.

Следовательно, основные и общераспространенные падежи в монгольских языках и диалектах по своим формам и образованию в определенно последовательном порядке разбиваются как будто бы на: 1) именительный и падеж основы; 2) родительный, повидимому, более связанный с первыми (ср. монгольские *би* 'я', *мин* — основа род. пад., тюркские *мен* ~ *ман* 'я'); 3) винительный и простые локативные; 4) прочие (исходн., орудн., дательно-местн. и другие, наличные в отдельных языках и диалектах).

Как помнит читатель, сделанный выше анализ местоименных основ (особенно единственного числа 1-го и 2-го лица) толкает нас в направлении только что изложенного нами предположения о порядке сложения падежей в монгольских языках и диалектах.

Совместный падеж

Относительно формата этого падежа нужно сказать всего лишь несколько слов, так как во всех монгольских языках и диалектах (кроме могольского, о котором мы вообще знаем очень мало) форматив совместного падежа представлен единообразно в виде **-тай** ~ **-тā** ~ **-та** ~ **-тī** ~ (монгор.) **-дē**, например: классич. *моритай*, халхаск., бур. *моритōē*, ордос. *моритō*, ойратск. *мортā*, дагур. *моритī*, монгор. *моридē* 'с конем', 'имеющий коня'.

Следует считать ошибочным мнение о том, что будто бы в классическом языке форма **-тай** является заимствованной из устной речи и употребляется вместо **-луга** ~ **-лүге** (суффикс соединительного падежа), ибо сам этот язык на всех этапах своего развития эту форму имел и имеет. В этом отношении классический язык мало чем отличается от ойратских диалектов, которые также имеют и соединительный и совместный падежи. Можно говорить лишь о том, что совместный падеж в классическом языке под несомненным влиянием халхаского диалекта постепенно вытеснял собою соединительный падеж.

Так как в монгольских языках конечный гласный **i** (в составе дифтонгов) восходит к согласному **н** ($\rightarrow j \rightarrow i$), то, конечно, формант совмест-

ного падежа генетически связан с формантом множественности **-тан** (см. стр. 133). Эта связь не только формального характера, но и семантического, например: халхаск. *мор'итоё* 'имеющий коня', 'с конем'; *мор'итён* 'имеющие коня', 'всадники'.

И тут мы встречаемся с явлением, характерным для развития монгольских языков, — с фонетической дифференциацией и семантической филиацией.

Совместный падеж и его форматив, как и своеобразный форматив множественности **-тан**, распространены во всех монгольских языках в однообразной форме, имея лишь небольшие отклонения в своем фонетическом облике. Это говорит о сложении данного падежа в сравнительно недавнее время (XII—XIII вв.), когда повсеместно разбросанные монгольские племена вступили на путь концентрации своих диалектов в условиях раннего феодализма, складывающегося под напором интенсивной номадизации народов и племен на великом просторе Центральной Азии.

Соединительный падеж

Форматив этого падежа представлен в классическом языке в виде **-луга ~ -лүге**, в ордосском диалекте — **-ла ~ -лэ ~ -ло ~ -лө**, в ойратском языке — **-ла ~ -лә**, в могольском — **-леі**, в монгорском — **-ла**, в западномонгольской средневековой речи — **-ла ~ -лэ**; кроме того, в последней и в ойратских диалектах встречаем еще **-лар ~ -лэр ~ -ләр**, который является составным: к формативу соединительного падежа наращен еще форматив орудного падежа. Подобный составной форматив встречается часто в западнобурятских диалектах, в которых соединительный падеж отсутствует так же, как в халхаских и дагурских говорах.

Этот форматив, как и формативы исходного, орудного и, возможно, дательного-местного падежей, является составным во всех тех языках и диалектах, в которых он встречается, кроме монгорского. Что же вошло в состав этого форматива? Во-первых, как показывает классический язык, мы имеем **-лу ~ -лү**. Во многих тюркских и особенно тунгусо-маньчжурских языках этот элемент мы находим в составе простых и сложных падежных и словообразовательных формативов: солон. **-гилі** (совместно-соединительный), **-дулі ~ -лі** (продольный), **-дула ~ -ла** (местно-направительный), **-дулахі ~ -лахі** (определятельно-местный); эвенк. **-дула ~ -ла** (местный), **-дулі ~ -лі** (продольный), **-кла** (направительно-местный); нанайск. (ульча) **-дула ~ -ла** (местный); ламут. **-ла** (местный), **-лі** (продольный); якут. **-лыын ~ -лан ~ -лары** (совместный); алт. **-ла ~ -ле** (совместно-орудный; едва ли из послелога „была ~ била“, как полагала Н. П. Дыренкова¹); ногайск. **-лы ~ -лі** (совместно-атрибутивный).

Во-вторых, мы имеем **-га ~ -ге**, в котором, несомненно, следует видеть форматив местного падежа (см. выше) и в сочетании с которым **-лу ~ -лү** дал составной форматив соединительного падежа. Вот почему этот соединительный падеж имеет и локативное значение (в „Сокровенном сказании“: *јабухуілуга* 'когда пошли', ойратск. *јовхлā* — то же).

Относительно формы **-лар** следует считать ошибочным мнение, что она будто бы „представляет собою соединение вышеназванного **-ла** и суффикса **-ар**“. Во-первых, сам **-ла** представляет собою, как сказано, составной форматив; во-вторых, такое соединение по фонетическим нормам монгольской речи должно было бы дать не **-лар**, а **-ләгар**, ибо вставной согласный **г** между двумя долгими гласными является обязательным (**-ла + г + ар**). Следовательно, **-лар** есть соединение первоначаль-

¹ См. Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 66.

ного **-ла**, наличного в монгорском языке, и форматаiva местного падежа **-га** → **-а**, ибо сочетание краткого и долгого гласных дает лишь один долгий гласный без вставного согласного г (ср. **аха + ар = ахар** 'братом'). Стало быть, образование (**-ла + -га** →) **ла** и образование (**-ла + -гар** ~ **-бар** ~ **-jar** →) **лār** протекали параллельно и независимо друг от друга.

Этот **-лār** мы находим в форме последовательного деепричастия **-х[а]лар**, наличного почти во всех монгольских языках и диалектах, кроме классического, и представляющего собою сочетание формы будущего причастия с описываемым **-лār**: **жавā** — основа глагола 'идти' + **-хā** — форматив будущего причастия + **-лār** = **жавāх(ā)лār** 'как, лишь только ушел', 'когда ушел'. А это свидетельствует о том, что если образование соединительного падежа со сложным формативом протекало только в классическом, ойратском и могольском языках и ордосском и некоторых других диалектах, то образование последовательного деепричастия происходило почти повсеместно.

Падежи ограниченного распространения

Кроме разобранных выше падежей, в той или иной степени распространенных повсеместно, имеются такие падежи, которые известны лишь некоторым монгольским диалектам или образуются только от основ определенной группы слов, по своему лексическому значению допускающих такое образование. В силу последнего обстоятельства подобного рода образования иногда, может быть, не без основания относятся к явлениям словообразования; во всяком случае они лежат на грани между словообразованием и словоизменением, т. е. между лексикой и грамматикой.

1) Падеж предела, известный в ойратских, ордосском и некоторых бурятских диалектах, имеет форматив **-да** ~ **-дā** (ойратск.), **-чē** (ордос.), **-сā** ~ **-се** ~ **-сō** ~ **-сō** (бур.) и образуется от небольшого количества слов, по своему значению могущих определять высоту, например: ойратск. *тергүдā* 'высотю) до телеги', *гергүдā* 'высотю) до юрты', *нохāдā* 'высотю) до собаки'; ордос. *оводокчē* 'по колено', 'до колен', *дорбчē* 'до стремян', *шачē* 'до лодыжки'; бур. *хōлдōсō* 'до', 'по горло', *тохōнōксō* 'до локтей', *ерјēsē* 'до берегов'.

Употребляется этот падеж весьма редко и в тех случаях, когда хотя определить толщину снежного покрова, уровень воды, наполнение чем-либо какого-либо сосуда, складского помещения (зерном, например) и т. п.

2) Направительный падеж имеет форматив **-рū** ~ **-рū**, который в сущности представляет собою усеченную форму послелога-наречия *урū* 'к', 'вниз по'. Этот „падеж“ известен почти всем монгольским языкам и диалектам, кроме классического (где *уругу* не выступает в усеченном виде), и, конечно, употребляется от некоторых слов, в основном имеющих топографическое значение, например: бур. *модбру* 'в лес', 'во внутрь леса', *голрū* 'вниз по реке', 'к реке'; халхаск. *хадру* 'к скалам', *усру* 'в воду'.

В ордосском диалекте этот падеж употребляется значительно шире и имеет форматив **-рū** ~ **-лū**, например: *тологōлū* 'к голове', *герлū* 'к юрте', *чāру* 'в чай', *надалū* ~ *надарū* 'ко мне'. Таким образом, в этом диалекте мы имеем фонетическую и семантическую контаминацию бывшего наречия-послелога *урū* 'вниз по' и собственно направительного падежа, наличного в ойратских диалектах с формативом **-ур** ~ **-ūr**, например: *герūr* 'к юрте', *кенūr* 'к кому', *газрур* 'к земле'.

Этот ойратский **-ūr** ~ **-ūr** представляет собою сочетание формативов местного падежа **-а** и наречного **-гур** ~ **-гūr**, наличного в словах типа *дōгūr* 'по низине', 'внизу', *дēгūr* 'наверху'.

Относительно формата направительного падежа **-рү ~ -рү ~ -лү ~ -лү** в бурятском и халхаском языках следует сказать, что его неполная сращенность с основой соответствующих имен видна из того, что конечный долгий гласный основы не становится сверхдолгим: халхаск. *хашарү* (но не *хашарү*) 'к изгороди', *хөдөрү* (но не *хөдөрү*) 'к степи'; ср. *хашагар* (но не *хашагар*) 'изгородью', *хөдөнi* (но не *хөдөнi*) 'степной', *харасаң* 'обругал', но *хара саң* 'видел'.

Поэтому, в сущности, слитное написание формата **-рү** с основой едва ли оправдано с фонетической точки зрения, ибо, например, халхаское *усрү* 'в воду' произносится собственно в виде *ус рү*, т. е. раздельно.

Вместо направительного падежа чаще всего употребляется наречие-послелог *төши* ~ (халхаск.) *түши* 'к', 'туда', например: бур. *барүн төши* 'направо', *терөн төши* 'к тому', 'в том направлении', *гер төше* 'к себе домой', 'к своей юрте'; халхаск. *үл түши* 'к горе', *гол түши* 'к реке', *мал түше* 'к своему скоту'; ордос. *хојор төши* 'в две стороны', *гото төши* 'к городу'; классич. *морин тејүши* 'к лошади', *усун тејүши* 'к воде'.

3) Неопределенно-местный, или расширительно-местный, падеж, неправильно называемый направительным, или продольным, известен почти всем монгольским языкам и диалектам и имеет форматив **-үр ~ -үр** или (после основ с конечными долгими гласными) **-гүр ~ -гүр**. Если направительный падеж отвечает на вопросы: куда? в каком направлении?, то этот падеж отвечает на вопросы: где примерно? приблизительно в каком направлении? по какому месту? Местный и дательно-местный падежи отличаются от неопределенно-местного тем, что они указывают место точно, как бы мысля его в одной точке, а не приблизительно и не по линии. Так как неопределенно-местный падеж употребляется от сравнительно небольшого количества слов, то его форматив часто и, может быть, не без основания называют суффиксом образования локальных наречий. Но дело все же в том, что подобные слова иногда могут в форме данного падежа входить в состав предложения, обрастая своими определениями, что для наречий необычно.

Примеры: бур. *герө хөёгүр* 'позади юрты', *оё-сөгүр* 'по лесу', *хон'иһи* или *хон'ид дундүр* 'среди овец'; халхаск. *хөдөгүр* 'по степи', *хагүр* 'где', 'в каком примерно месте'; ордос. *омонүр* 'по передней стороне'.

Часто многие слова принимают форматив данного падежа не сами, а через сопровождающее их *тө* (почти везде послелог и лишь кое-где и изредка наречие) 'там', которое представляет собою первичную основу „дальнего“ указательного местоимения (см. выше, в разделе о местоименных основах) *те* 'тот' в форме местного падежа (*те+ге* 'в том', 'там'), например: бур. *барүң ~ бараң төгүр* 'направо', 'на правой стороне'; 'там направо'; ордос. *барүн тагүр* 'то же, неге төгүр' 'с одной стороны' (букв.: 'на одной стороне'); халхаск. *ногд төгүр* 'с другой стороны' (букв.: 'на другой стороне').

Очень часто описываемый падеж повсеместно заменяется (?) орудным падежом, как это можно видеть хотя бы из следующих бурятских примеров: *барүгар* 'по правой стороне', *зүгер* 'по левой стороне', *оёгор* (наряду с *оё-сөгүр*) 'по лесу', *далаёгар* 'по морю', *үдөшөр* 'вечером' (но: *оёгдөр* 'утром').

К сожалению, исследователи во время своих полевых работ по монгольской диалектологии уделяли очень мало внимания рассмотренным здесь падежам ограниченного употребления. Можно думать, что тщательное исследование по диалектам даст нам более полное освещение весьма интересных явлений в области синтаксиса и морфологии падежей в монгольских языках и диалектах.

Суть двойного склонения заключается в том, что некоторые падежные формы образуются не только от основы имен, но также еще и от других падежных форм, т. е. склоняемыми оказываются не только основы, но и некоторые падежные формы, преимущественно такие, которые в предложении могут быть определениями, т. е. родительный и совместный, например: халхаск. *ахā* 'старший брат', *ахиң* 'старшего брата' — род. пад., *ахиңдā* 'у старшего брата' — род.-дат.-местн. пад.

Так как двойные падежи известны почти во всех монгольских диалектах, а одинарные падежные формативы изложены выше, то ниже проиллюстрируем образование двойных падежей лишь на материале ордосского диалекта, наименее известного нашему читателю, в необходимых случаях дополняя наше изложение данными из других языков.

В ордосском диалекте от родительного падежа образуются:

а) родительно-местно-дательный падеж, отвечающий на вопрос: к кому? у кого? При этом имеется в виду жилище или местожительство вообще, например: *багшину* 'у учителя', 'в доме учителя', *дүйндү* 'у младшего брата', *минидү* 'у меня', *чинидү* 'у тебя', *авандан* 'у своего отца';

б) родительно-направительный падеж, отвечающий на вопрос: по направлению к чему? к кому? например: *нојонолу* 'к резиденции князя', *мандалу* 'к нам'.

В бурятском языке, как и в ойратском, образуется еще родительно-исходный падеж, отвечающий на вопрос: от чьего (дома)?; например: *ахиңһа* 'от брата', т. е. 'из дома брата', *Гармиңһа* 'от Гармы', т. е. 'из дома Гармы'.

Из изложенного совершенно очевидно, что от родительного падежа двойные падежи образуются лишь от имен, обозначающих людей, имен, как собственных, так и нарицательных, а также от местоимений (от личных местоимений единственного числа не во всех диалектах).

От дательно-местного падежа в ордосском диалекте образуется дательно-местно-исходный падеж, отвечающий на вопрос: откуда? лишь в одном случае: *гертэс* 'из юрты'. В ойратских диалектах такой составной падеж пока зарегистрирован в четырех случаях: *гертэс* 'из юрты', *газртэс* 'из-под земли', *тендэс* 'оттуда', *ендэс* 'отсюда'. В классическом языке раннего периода такой двойной падеж встречался в значительно большем количестве: *беје-дече* 'из тела', *нојад-дача* 'из среды князей'. Отличие такого падежа от обычного исходного падежа заключается в том, что имеется в виду указать выход чего-либо изнутри чего-либо, ср. *герэс* 'из юрты' и 'от юрты', *гертэс* только 'из юрты' и 'из дома' (в смысле: 'из собственного жилья').

Очень распространено употребление двойных падежей от совместного, например, совместно-винительного: ойратск. *ахтаг* [кого-то] 'вместе со старшим братом'; бур. *маха шуһатаејен едэбэ* 'съел мясо вместе с кровью'; совместно-орудного: ойратск. *узджтагяр* 'с видом', т. е. 'образцово', *теджтагяр* 'с отметкой', т. е. 'достойно отметки'; бур. *амжалтатаегяр* 'с успехом', 'успешно'; халхаск. *унетегяр* 'с ценою', 'дорого', *бајасалантагяр* 'с радостью', 'радостно', *дзовлойнтогяр* 'с мукой', 'мучительно'.

Как видно из примеров, при помощи совместно-орудного падежа выражается обстоятельство образа действия или состояния, что объясняется отсутствием соответствующих наречий. Поэтому этот двойной падеж в современных монгольских диалектах и особенно литературных языках имеет чрезвычайно широкое применение.

Эти двойные падежи любопытны не только сами по себе, но и в свете образования новых падежей, о чем выше шла речь. Все это — и двойные падежи и образование в историческом прошлом одного нового падежа путем сложения двух уже наличных — явления одного и того же порядка, показывающие, как в результате длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, в порядке развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка появились соответственно новые грамматические формы. С узко морфологической точки зрения появление и образование двойных и, следовательно, новых падежей объяснимы тем, что в строе агглютинативных языков суффиксы имеют лишь одно какое-либо значение. Различие, например, между исходным падежом, с одной стороны, и родительно-дательно-местным — с другой, заключается лишь в том, что в формате исходного падежа его составной характер уже не осознается, чего нельзя сказать относительно формата родительно-дательно-местного падежа.

Притяжательное склонение

Притяжательное склонение в монгольских языках делится на личное и безличное, или возвратное. Суть притяжательного склонения заключается в том, что к соответствующей падежной форме механически наращивается частица, представляющая собою в той или иной степени усеченную форму личного местоимения в родительном падеже (при лично-притяжательном склонении) или особую форму возвратного притяжения (при безлично-притяжательном склонении)¹.

Для могольского языка характерно то, что в то время как форма родительного падежа личного местоимения 1-го лица единственного числа атрибутивно употребляется от основы **нам-** (например, *намеі коун* 'мой сын'), в лично-притяжательной частице того же лица и числа мы находим форму от основы **мін-** (**мини-**) или даже **м-**. К сожалению, парадигмы притяжательного склонения в могольском языке нам известны лишь частично. Во всяком случае могольский материал подтверждает наше предположение о том, что употребление лично-притяжательных частиц уходит в то далекое прошлое, когда в монгольских языках различия между атрибутивными и предикативными членами предложения и постпозиция атрибута-предиката были иными, нежели ныне.

Лично-притяжательные частицы можно представить в следующей таблице:

Язык, диалект	Лицо Число	1-е		2-е		3-е	
		единств.	множ.	единств.	множ.	единств.	множ.
классич.		<i>мін-ү</i>	<i>ман-у</i>	<i>чин-ү</i>	<i>тан-у</i>	<i>инү</i>	<i>ану</i>
халхаск.		<i>мін'</i>	<i>ман'</i>	<i>чин'</i>	<i>тан'</i>	<i>-н'</i>	<i>-н'</i>
ойратск.		<i>-м</i>	<i>-мдн</i>	<i>-чн</i>	<i>-тн</i>	<i>-н'</i>	<i>-н'</i>
бур.		<i>-[м]н'і</i>	<i>-[м]нā</i>	<i>-шн'і</i>	<i>-тнā</i>	<i>-н'</i>	<i>-н'</i>
ордос.		<i>-мін</i>	<i>-ман</i>	<i>-чин</i>	<i>-тан</i>	<i>-н ~ -ні</i>	<i>-н ~ -ні</i>
могольск.		<i>-міні ~ -ні</i>	?	<i>-чи</i>	?	<i>-ині ~ -ні</i>	<i>-ині ~ -ні</i>
дагур.		<i>-мін'</i>	<i>-ман'</i>	<i>-шин'</i>	<i>-тан'</i>	<i>-ин'</i>	<i>-ин'</i>

¹ Как известно, в тюркских языках подобная частица ставится между основой имени и падежным окончанием.

В этой таблице, не учитываются некоторые фонетические видоизменения, имеющие место в том или ином положении. Так, например, в ойратском языке в винительном падеже форматив *-iŋ* теряет согласный *ŋ*, или на *-iŋ* еще наращивается долгий *-ī*; то же самое имеет место и в халхаских говорах; в бурятских диалектах теряется начальный *м* в частицах 1-го лица, если последние наращиваются на основу или падежную форму с конечными согласными; по говорам возможны и некоторые другие фонетические видоизменения.

В классическом языке мы имеем, в сущности, не частицы личного притяжания, а сохранившуюся постпозицию лично-местоименных определений; но и в этом языке под влиянием устной речи мы соответственно встречаем: *mini, mani, čini, tani* и, реже, *ni*.

Примеры: классич. *morin-minü* 'моя лошадь', *ger-tür-tani* 'в юрте вашей', *aha-ača-čini* 'от брата твоего', *mal-ijar-tani* 'скотом вашим', *eke-dür-inü* 'матери его', *eke-dür-anu* 'матери их'; однако в этом языке при 3-м лице различие в числе давно уже стерлось, а поэтому *inü* и *anu* стали восприниматься как однозначные частицы и использоваться по линии гармонии гласных, а число — определяться по контексту: *eke-dür-inü* 'матери его или их', *aha-dür-anu* 'брату его или их'; халхаск. *morī-min'* лошадь мою, *ünēi-čin'* корову твою, *sūin'* 'молоко ее'; бур. *aχādān'i* 'брату моему', *aχārn'i* 'братом моим', *malnā* 'скот наш', *hon'in-šin'i* 'овца твоя', *хусānā* 'баран ваш'; ойратск. *āxim* 'брата моего', *ахичн* 'брата твоего', *малдмдн* 'скоту нашему', *адунлāмдн* 'с табуном нашим'; ордос. *авāтан* 'отец ваш', *ēджēs-min* 'от матери моей', *багшідуні* 'учителю его', *ахāнін (гер)* 'старшего брата его (юрта)', *морін* 'лошадь его (какую-то)'; могольск. *бобб-мі* 'отец мой', *бобб-чи* 'отец твой', *кбўн-ни* ~ *кбўні* 'сын его'; дагур. *ношōк-мин'* 'кочевье мое', *содол-шин'* 'жилы твой', *гер-ман'* 'юрта наша', *гер-тан'* 'юрта ваша', *хон'ин'* 'овца его', *сāйхан-дін'* 'в красоте его'.

Безличное, или возвратное, притяжение передает понятие, выражаемое по-русски возвратным местоимением 'свой', и в отличие от личного притяжания никогда не употребляется при именительном падеже.

В классическом языке показателями или частицами безличного притяжания являются: *-бан* ~ *-бен* (если падежный форматив заканчивается на гласный) или *-ijan* ~ *-ijen* (если падежный форматив заканчивается на согласный), которые пишутся отдельно, кроме того — *-jуган* ~ *-jүген* (слитное написание возвратно-притяжательной частицы с формативами родительного и винительного падежей, которые и тут совпадают!), *-даган* ~ *-деген* и *-таган* ~ *-теген* (то же — дательноместного падежа), *-ачаган* ~ *-ечеген* (то же — исходного падежа), а орудный, совместный и соединительный падежи слитной формы не имеют.

Примеры: *аха-дур-іjan* ~ *аха-даган* 'своему старшему брату', *аха-jin-ijan* ~ *аха-jуган* 'своего старшего брата', *аха-ji-бан* (вин. пад.) 'своего старшего брата', *аха-ача-бан* ~ *аха-ачаган* 'от своего старшего брата', *аха-бар-іjan* 'своим старшим братом', *аха-таi-бан* (совм. пад.) и *аха-луга-бан* (соедин. пад.) 'со своим старшим братом'.

В монгорском языке безлично-притяжательной частицей является во всех (?) случаях *-нā*, например: *арганā* 'свою ладонь', *аманā* 'свой рот' (вин. пад.), *дiернā* 'свою одежду', *тугурнā* 'своего теленка' (вин. пад.), *гардунā* 'в своей руке', *бiјеренā* 'на своем теле', т. е. 'на себе', *гернā* 'свою юрту'.

В могольском языке мы находим *-нāн* (для дательноместного падежа), *-jan* (для прочих падежей), например: *боббōjan* 'своего отца', *кбўнijan* 'своего сына' (как уже говорилось, в этом языке родительный и винительный падежи по форме совпадают), *боббодунāн* 'своему отцу',

кбүдүнән 'своему сыну', *боббосаян* 'от своего отца', *кбүнарїян* (?) 'своим сыном', *кбүнлеян* 'со своим сыном'.

В ойратских диалектах мы имеем: **-ін'** (для родительного падежа), **-ан ~ -ән** (для винительного и дательно-местного падежей), **-н** (для орудного, исходного и направительного падежей), **-ган ~ -гән** (для прочих падежей), например: *голїнїн'* 'своей реки', *голїган* 'свою реку', *гертән* 'в своей юрте', *мөрарн* 'на своей лошади', 'своею лошадью', *голїсн* 'от своей реки', *герүрн* 'к своей юрте', *ахлаган* 'вместе со своим братом', *гертәган* 'со своей юртой', *әмуәган* 'до своего плеча'.

В ордосском диалекте соответственно имеются: **-ән** (для родительного, винительного и дательно-местного падежей), **-ан** (для исходного, орудного и совместного падежей) и **-ган** (для направительного падежа), например: *багшїнан* (род. пад.) 'своего учителя', *башиган* (вин. пад.) 'своего учителя', *башидан* 'своему учителю', *кїгесн* 'от ветра', *кїгерен* 'своим ветром', *кїлҗерн* 'со своим ветром', *кїлүгән* 'к своему ветру'.

В халхаском и бурятских диалектах частицы безличного притяжания в основном совпадают: **-ха** (преимущественно — в халхаских) ~ **-га** (преимущественно — в бурятских) — для родительного падежа, **-н** (только в бурятских) — для исходного падежа, и для прочих падежей **-а** и (если падежный форматив имеет конечный долгий гласный или дифтонг) **-га**, например: бур. *ахїңга* ~ халхаск. *ахїңха* 'своего брата', бур. *ахāһаң* 'от своего брата', халхаск. *ахасā* то же, *ахāда* 'своему брату', *олдндō* 'своему множеству', *маларā* 'своим скотом', *гертөгө* 'со своей юртой', *үхрїгө* 'своего быка, свою корову'.

Это же самое находим в дагурском языке, где только вставным согласным является не **г**, а **ј**, например: *хоројō* 'своего пальца' и 'свой палец' (совпали винительный и родительный падежи), *сомда* 'в своей стреле', *тол'ера* 'своим зеркалом', *гартөја* 'со своей рукою', *холдсō* 'из своей дали'. Кроме того, в этом языке к означенным частицам иногда наращивается **-мүл ~ -бүл ~ -мал ~ -мөл**, например: *джав'амүл* 'свою лодку', *шамдамал* 'тебе (как) своему', *герөсөбүл ~ герөсөмөл* 'из своей юрты', *гарөрамал* 'своей рукою'.

Как видно из всех представленных примеров, частицей безличного, или возвратного, притяжания в монгольских языках и диалектах является элемент, состоящий из одного долгого гласного **а**, меняющегося по нормам сингармонизма гласных; согласный **г** или **ј** является вставным и как таковой собственно в состав частицы не входит. Не совсем ясным является происхождение **н** — начального согласного частицы в монгорском языке (вставной?); конечный согласный **н** или усеченно только **н** (в ойратских диалектах, а также и бурятских при исходном падеже) имелись в более раннее время и факультативно имеются и теперь в халхаском. Совершенно неясной является дагурская частица **-бүл**, относительно которой без особой убедительности утверждалось, что она восходит к **-бан ~ -бен**, наличному в классическом языке; надо полагать, что тут мы имеем дело скорее всего с какой-то тунгусо-маньчжурской частицей, заимствованной дагурами.

Надо иметь в виду, что при винительном падеже форматив этого падежа „опускается“ и частица притяжания наращивается на чистую основу во всех монгольских языках и диалектах: бур. *мала* 'свой скот', *тана* 'вас своих', *модō* 'свою палку', *морō* 'свою лошадь', *герө* 'свою юрту', *нохөгөгō* 'свою собаку' и т. п. Остается сказать, что при употреблении лично-притяжательных частиц логическое ударение падает на определяемое, например, бур. **морїни** 'моя лошадь'. Если же логическое ударение падает на притяжательное определение, то употребляется препозиционно форма родительного падежа личных местоимений, например, **мїнїн морин** 'моя лошадь'.

СИНТАКСИС ПАДЕЖЕЙ

ОСНОВА И ИМЕНТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Как мы уже говорили, лишь в халхаских говорах именительный падеж совпадает со второй основой, тогда как во всех прочих монгольских языках и диалектах этот падеж по своей форме совпадает с первой основой.

Именительный падеж есть та форма любого имени, в которой последнее выступает в предложении в качестве подлежащего и сказуемого: классич. *ене болбасу тану морин*, ойратск. *эн болхла тана мөрн*, халхаск. *энэ — танай морь*, бур. *энэ — танай морин* 'это ваша лошадь'.

Так как функция и употребление именительного падежа совершенно ясны, то нет никакой необходимости приводить здесь какой-либо специальный иллюстративный материал. Поэтому мы ниже приведем подобный материал лишь на употребление первой и второй основ, так как до сих пор различие между ними и именительным падежом не проводилось в должной мере.

Первая, или полная, основа выступает в качестве определения:

классич. *дајисун джуг* (X. X.¹ — 90) 'вражеская страна' (но не 'в сторону врага'), *хаул гаджар* (Эрхэ — 97) 'присутственное место' (букв.: 'закон-место'), *хасаг-терге* 'одноосная телега' (букв.: 'казах-телега'), *делгече модун* 'доска для сушки сыра' (букв.: 'раскладка-дерево'), *усун тегерме* 'водяная мельница' (букв.: 'вода-мельница');

халхаск. *тэмээн жин* 'верблюжий караван', *үнэгэн малгай* 'лисья шапка', *алтан мөнгөн загас* 'золотая и серебряная рыбки' (букв.: 'золото — серебро — рыбка'), *орос хэл* 'русский язык'; бур. *морин пряник* 'фигурный пряник' (букв.: 'конь-пряник'), *шоно ханаан* 'вольчья дума', *шулуун зүрхэн* 'каменное сердце'.

Как видно из примеров, первая основа при определяемом имени может быть:

1) предметным определением, обозначающим материал, из которого состоит то, что выражено в определяемом (например, лисья шапка, т. е. шапка, сшитая из лисьей шкуры);

2) уподобительным определением, обозначающим предмет, которому уподобляется другой предмет (например, сердце — камню = каменное сердце);

3) функциональным определением, обозначающим цель, ради которой служит какой-либо предмет (например, доска для раскладки мелких кусков сыра на предмет просушки);

4) орудным определением, обозначающим силу, при помощи которой приводится в действие какой-либо предмет (например, водяная мельница; ср. бур. *морин тармуур* 'конные грабли'); из изложенного правила нам известно лишь одно исключение: халхаск. (теперь уже устарело) *уурын тэрэг* 'паровая' (букв.: 'пара', род. пад. от 'пар') телега, т. е. 'автомобиль';

5) назывным определением — то, что обозначено в определяемом, получает свое название по другому предмету в силу какой-либо географической, генетической или иной связи или по ассоциации (например, русский язык, казахская телега, т. е. одноосная, присутственное место и т. д.);

¹ См. список сокращений.

б) качественным определением, обозначающим то или иное качество предмета (золотая рыба, ср. еще бур. *хүхэ буха* 'сивый бык', *үндэр уула* 'высокая гора', *бага хээр* 'малый гнедой' и т. д.).

Помимо этих живых атрибутивных образований, есть еще некоторое количество омертвелых, в которых первая основа также выступает в качестве определения; бур. *эмээл морин* 'оседланная лошадь' (букв.: 'седло-лошадь'); устар. *унаган хээли албатан* 'подданные покорные как жеребят' (букв.: 'жеребенок-смирный-подданные'; некогда в феодальной Монголии *унаган* было наименованием особой группы крепостных); *хонин хээли албатан* 'подданные покорные как овцы' (образовано по аналогии с предыдущим, когда было утрачено социальное значение слова *унаган*).

Первая основа также употребительна в тех особых сочетаниях с глаголами, значение которых можно пояснить лишь примерами (переводы подчеркнуты): классич. *тере морин-у толугай-ји күнесүн абчу* (В. М. П. — 32) 'голову той лошади взяли [в] пищу', *ниджигед күмүйн-и тере хоёр мелекей-дүр идеші өгкү аджугу* (В. М. П. — 9) 'тем двум ягюшкам [на] съедение давали по одному человеку', *улус-и инджи огүүлчебе* (Х. Х. — 6) 'в приданое дали также людей', *котуал морин-ijen белке окчу* (С. Ск. — § 66) 'своего заводного коня отдал в подарок', ... *курбан-и манлай жабуулба* (С. ск. — § 142) 'и троих отправил в качестве головы (т. е. на разведку)', *тегүн-и елчи илегебе* (Г — 17) 'его отправили послом'.

Как видно из этих примеров, первая основа имен употребляется в качестве особого рода дополнений, несколько напоминающих именную часть составного сказуемого в русском языке при связке 'стать, сделаться', но, тем не менее, совершенно не являющихся сказуемыми.

Первая основа употребляется в тех случаях, когда какое-либо имя оказывается наименованием меры: классич. *гурбан сагулла алтан* 'три ведра золота' (букв.: 'три ведро золото'), *ниджигед егүрге түлјен* 'по одной ноше дров'; бур. *найман дүрөө дайда* 'страна восьми стремян (т. е. восьми заводных лошадей)', *хоёр тогоон архи* 'два котла вина'¹ (букв.: 'два котел вино').

Некоторая группа имен в форме первой или второй основы встречается в определенных сочетаниях с глаголами, составляя вместе с ними в сущности одну лексическую единицу: классич. *седкил нигед* 'сойтись с кем во мнениях' (взглядах, чувствах, букв.: 'мысль соединиться'); халхаск. *хар санах* 'злоумышлять' (букв.: 'черное задумать'), *ад үзэх* 'ненавидеть' (букв.: 'ада видеть'; *ада* 'дух-детоед').

То же самое мы находим при метатезе определения и определяемого, особенно обычной в тех случаях, когда такое сочетание оказывается приближающимся к лексическому или предикативному образованию: классич. *черг олан-и чулгалуун* (Дэнд. — 12) 'солдат много собрав', *күчүн ауга жеке-тү хаган* (В. М. П. — 29) 'могущественный царь', *алија магутаі* 'неблаговидный', 'плохого поведения', *үне жекетеі* 'дорогой', 'дорогостоящий', *кедегене багатаі гаджар* (Л. Сб. — 91) 'место, где мало ос', *медерел багатаі* 'малосознательный', *ерке тегүлтер* 'полноправный'; *чагаджа хатагу хаган* (Викр. — 49) 'царь, у которого законы строги', *іргел тере јосугар болтугаі геджү гер дүгүрені күмүйн дабтаба* (Чб. — 51) 'да исполнится благопожелание, — повторил народ, наполнивший юрту' (букв.: '... юрта полно человек').

Первая основа имен очень часто употребляется вместо дательного местного падежа; чаще всего или всегда это имеет место в тех

¹ *Архи* — вино из молока, *тогоон* букв.: 'котел' — мера емкости (около 4 л).

случаях, когда данное имя по своему лексическому содержанию представляет собою наименование места (как собственное, так и нарицательное) или времени, которое в сочетании с тем или иным глаголом может иметь только локативное или темпоральное значение: классич. *намур ииджү хабур гаруч тарбага* (Л. сб. — 110) 'тарбаган, который осенью скрывается, а весной появляется', *ене джун чаг ман-у баг-ун хурал болба* (Талх. — 44) 'это лето время (т. е. этим летом) состоялось собрание нашего бага', *Коко-наур баоуба* (С. ск. — § 122) 'остановились у озера Коко', *корокан ороджу ирен аджуу* (С. ск. — § 88) 'прибыли к речке'; халхаск. *би уул нь долоон өндөгтэй юмсаан* (А. Зох. — 66) 'издавня, с самого начала я имела семь яиц', *тэйш газар хүрэв* 'достиг ровного места', *өвгөн жин тээжхот ордог* (Б. Цэв. — 81) 'старик с грузом отправляется в город, лагерь явах сурагчдыг бүртгүүлэх' 'учесть учащихся, выезжающих в лагерь', *герийн хоймор өвгөн нэг номын зургийг гайхаж байгаа маягтай харна* (Б. Б — 23) 'на задней половине юрты старик как будто с изумлением смотрит на рисунки в одной книге'.

Вторая, или усеченная, основа употребляется в тех случаях, когда какое-либо предметное имя, во-первых, служит первым компонентом в парных словах и, во-вторых, оказывается в предложении не последним в ряду однородных членов: бур. *модо шулуун* 'деревья, камни и т. д.' (говорится о предметах, лежащих где-либо и мешающих чему-либо или представляющих опасность), *алта зөөри* 'все движимое и недвижимое имущество' (букв.: 'золото-имущество'), *адуу мал* 'весь скот' (букв.: 'табун-скот'; к последнему лошадь не относится, но ср. халхаск. *таван хушуу мал* 'пять видов скота': лошадь, корова, верблюд, коза, овца); классич. *тере дабаган-дур жабуши үгеи модо хада буи* (Г. — 89) 'на том перевале имеются непроходимые леса и скалы', *Чотонг-и мори беје үгеи кебшибе* (Г. — 31) 'били Цотона, не разбирая ни коня его, ни его самого' (т. е. по чему попало).

Как правило, качественные имена никогда не встречаются во второй основе, и лишь кое-где, по отдельным говорам, возможен такой случай, что качественное имя встретится и во второй основе: алар. *хай хэхэ* 'сделать добро, доброе дело'. Но в общем качественное имя употребляется только в первой основе: классич. *нокүр-үн джерге күмүс сайн магу геке бују* (Л. сб. — 93) 'муж и прочие скажут, что то [сделано] хорошо, [а] то плохо'.

В бурятских диалектах (в данном отношении материалы по другим диалектам пока ничего не разъясняют) при глаголе *хэхэ* 'сделать' употребляется вторая основа, а при глаголе *болохо* 'сделаться' — первая основа (как и во всех прочих монгольских диалектах): *тэрэ басагаарнь намга хээд тэндэ айл болоно* (Ант. — 55) 'ту девушку взял в жены и зажил айлом' (букв.: 'той девушкой сделал жену'), *намган гэшэнь Түбжөөн хүбүүгээ илгэжа хара барлаг хэбэ* (Ант. — 53) 'старуха та, относясь к мальчику Тубжону плохо, сделала его черным батраком (рабом)', *энэ баянай тэнэгийе ноён болгобо* (из сказки) 'и этого глупого сына богача сделали начальником', *манайда суглаан болоо* 'у нас было собрание', *шоно гэнэмнай хара шулуун болоо* 'думали мы, что [там] волк, а оказался черный камень'.

Как известно, вторая, или усеченная, основа особенно употребительна в тех случаях, когда имя выступает в предложении в качестве прямого дополнения, т. е. вместо винительного падежа часто выступает вторая основа: классич. *ене олан агта кен-ече абуба?* (Г. — 28) 'у кого взял так много этих меринов?'; *би хурдун мори унуба* (Лубс. — 12) 'я сел на быстрого коня', *биде агула дабаба* (Лубс. — 5)

‘мы перевалили [через] гору’; халхаск. *ус авав* ‘воду взял’; бур. *мал хараба* ‘пас скот; увидел скот’; ойратск. *тул гаргъв* ‘вывели теленка’.

Уже давно изучается вопрос о том, когда то или иное имя выступает, будучи прямым дополнением, в форме винительного падежа, и когда в своей второй основе. Как известно, многие исследователи склонны усматривать именно здесь проявление категории определенности и неопределенности. По мнению этих исследователей (преимущественно тюркологов), вторая основа вместо винительного падежа употребляется в тех случаях, когда речь идет о неопределенном предмете, т. е. в тех же случаях, в каких употребляется неопределенный артикль в западноевропейских языках. Подобное толкование до самого последнего времени было почти господствующим, но теперь начинает постепенно рушиться под напором нового фактического материала, о чем говорят исследования В. А. Аврорина по нанайскому языку¹ и работы других лингвистов.

А между тем еще А. Бобровников отметил, что „часто частица винительного падежа может быть удержана и опущена по произволу“². Он приводит следующий пример из Гесера (стр. 19 по изд. Шмидта): *гурбан хоні-ји чинос-ту баргуджу идегүлбе*, и через пару строк эта же фраза повторяется слово в слово, но вместо *хоні-ји* стоит *хоні* (т. е. вместо винительного падежа — вторая основа) ‘трех овец скормили волкам’.

Тем не менее, А. Бобровников указывает, что винительный падеж по большей части не теряет своей частицы: 1) если речь идет об именах собственных и именах, которые сопровождаются указательными и притяжательными местоимениями; 2) когда „имя или управляющий им глагол или то и другое вместе имеют при себе определительные слова“; 3) „когда винительный падеж не может быть употреблен непосредственно перед глаголом и когда вследствие многосложности предложения может быть запутанность в речи“³.

Для правильного решения трактуемой проблемы следует прежде всего установить, в каких случаях невозможно употребление второй основы вместо винительного падежа, а уже потом решить, когда возможно употребление второй основы или винительного падежа, если эти формы чередуются. Мы уже указывали в свое время, что если по логике вещей самоочевидно, что то или иное слово обозначает объект, язык обходится без особого оформления, т. е. вместо винительного падежа употребляет вторую основу. Кроме того, формальное отличие второй основы от формы винительного падежа, что бывает только с именами с конечным согласным **н**, также дает возможность обойтись второй основой, не применяя формы винительного падежа. Поясним изложенное на примерах из бурятских диалектов, поскольку в них форма именительного падежа совпадает с первой основой, а не со второй: 1) *үбгэн үльэр хэлэбэ* ‘старик рассказал сказку’; 2) *үрээ һургаха* ‘выучить жеребенка’; 3) *үхібүү һургаха* ‘выучить ребенка’.

Так как в реальной жизни ‘сказка’ и ‘жеребенок’ (трех-четырёх лет, специально выделенный для выучки) сами никогда, конечно, ничего не говорят и не учат, то соответствующие имена в определенном контексте — ‘рассказать’, ‘выучить’ — никак не могут быть поняты в качестве подлежащего, а потому в приведенных примерах эти имена и даны в форме второй основы (собственно — основы вообще, так как

¹ См. В. А. Аврорин. Очерки по синтаксису нанайского языка. Л., 1948. стр. 164—221.

² А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 241.

³ Там же, стр. 242—244.

именно эти имена имеют только одну основу, ибо не содержат в себе конечного согласного **н**: о второй основе мы говорим, учитывая общую парадигму).

Что касается третьего примера, то необходимо учесть, что *үхибуу* есть вторая основа, а форма именительного падежа — *үхибуун*: различие между этими формами и дает возможность обойтись без винительного падежа. Отсюда становится понятным, почему в халхаских говорах, где именительный падеж и вторая основа по форме совпали, винительный падеж уступает свое место основе реже, нежели в бурятских диалектах. В этом заключается весьма существенное различие между халхаскими диалектами, с одной стороны, и бурятскими и ойратскими — с другой. Точно так же основа может выступать вместо дательного-местного падежа: *Бадма Москва оробо* 'Бадма отправился в Москву'. В данном случае лингвист сталкивается с теми же явлениями, которые имеются в латинском языке.

С другой стороны, такие бурятские имена, как *аха* 'брат', *багша* 'учитель' и т. п., в отношении любого действия обладают потенциальной возможностью обозначать действующее лицо, а потому они, конечно, никогда не могут быть прямыми дополнениями, находясь в форме своих основ и не приобретая окончание винительного падежа; к тому же у этих имен имеется внешнее совпадение форм основы и именительного падежа.

Проявление в языке логики вещей, т. е. норм объективной реальной действительности, осуществляется в данном случае в субъектно-объектной обратимости: 'жеребенок — учить' и 'брат — учить' (в первом случае нет субъектно-объектной обратимости, так как жеребенок не может кого-либо учить; а во втором случае эта обратимость оправдана тем, что брата можно научить и брат может сам кого-нибудь научить).

Даже в тех случаях, когда форма основы совпадает с формой именительного падежа или имя дано в форме множественного числа (в языке „Сокровенного сказания“), прямое дополнение иногда может быть оформлено и без помощи винительного падежа, если это допускается логикой вещей: *Алон-коа кояр коун тореулби* (С. ск. — § 10) 'Алон-гоа родила двух сыновей', *коңшилемел конін чінаджу* (С. ск. — § 19) 'сварила проваленного барана', *теберіку чіно дабаат олоан дабаба, үжілагдаку чіно усут олоан кетулта* (С. ск. — § 56) 'обнимаемый твой много перевалов перевалил, оплакиваемый твой (тобою) много вод перешел', *Белкутай мудут кукуру таталаджу шібее баріджу* (С. ск. — § 79) 'Белгутаи выдергивал деревья и устраивал укрепление; халхаск. *танай тэр орноос хүн* (sic!) *ирүүлэх гэж усы чинь хулайлж авсан билээ* (А. Зох. — 23) 'украли ведь воду твою для того, чтобы из той вашей местности вызвать человека', *түмэн хүн алаад, түмэн адуу туугаад ирэв* (Х. Т. — 114) 'убил десять тысяч человек, пригнал десять тысяч табунов', *гурван зуун хүн дагуулаад* (Х. Т. — 114) 'повел за собою триста человек'.

Следует подчеркнуть, что примеры, подобные только что приведенным, в современных монгольских языках чрезвычайно редки; любопытно, что во всех этих трех примерах одно и то же дополнение — *хүн* 'человек'.

Установив, почему невозможно употребление основы вместо винительного (и дательного-местного) падежа, исследователь тем самым устанавливает те случаи, когда употребление винительного падежа оказывается необязательным: любое имя, которое перед данным глаголом может оказаться субъектом или определением (обстоятельством), не может быть оставлено в основе, если оно является прямым дополнением. Так как качественные имена и числительные перед глаголами могут быть только обстоятельствами, а собственные имена обозначают только активные

существа, то все эти имена в положении прямого дополнения обязательно находятся в форме винительного падежа. Что же касается нарицательных предметных имен, то в отношении каждого из них вопрос решается особо в соответствии с категорией субъектно-объектной обратимости. Но совершенно независимо от последней любое имя не может быть в своей основе прямым дополнением, т. е. в положении последнего обязательно дается в форме винительного падежа, если оно употреблено во множественном числе, как правильно заметил Д. А. Алексеев¹, или сопровождается какой-либо частицей личного притяжания, что было уже отмечено А. Бобровниковым². Наличие указательных местоимений, числительных, качественных имен и прочих определенных слов не препятствует основе быть прямым дополнением, вопреки указаниям очень многих исследователей (особенно тюркологов).

Но решив вопрос, поставленный выше, т. е. вопрос об основании возможности употребления основы вместо винительного падежа, исследователь подходит к другому вопросу: почему там, где можно обойтись основой, не прибегая к форме винительного падежа, все же приходится находить примеры с винительным падежом (как, например, во фразах о трех овцах, которые приводит А. Бобровников, см. выше). Вот этот второй вопрос очень часто мешал правильно решить первый вопрос, вопрос о возможности употребления основы вместо винительного падежа.

На только что поставленный второй вопрос мы отвечаем кратко: винительный падеж употребляется и в случае отсутствия субъектно-объектной обратимости тогда, когда на данное прямое дополнение падает логическое ударение: бур. *миний морийе бариба* 'поймали моего коня' (именно коня, а не что-нибудь другое). Кроме того, винительный падеж вместо возможной основы употребляется, во-первых, так сказать, по аналогии, и, во-вторых, как отметил еще в свое время А. Бобровников, и тогда, когда прямое дополнение в зависимости от расстановки логического ударения отодвигается далеко от своего глагола, благодаря чему имя в своей основе может оказаться включенным в другую синтагмическую группу. Во всяком случае в примере с *морийе* ('поймали моего коня'), как и в других случаях употребления винительного падежа, попытки некоторых исследователей устанавливать в монгольских языках наличие надуманных категорий определенности и неопределенности никак не помогают понять суть дела и ничего не разъясняют, так как не в различии между основой и винительным падежом проявляется то, что в монгольских языках может быть названо определенностью и неопределенностью.

Как правильно отметил А. Бобровников, в устной речи винительный падеж чаще уступает свое место основе. Объясняется это тем, что устная речь при помощи такого мощного средства грамматической связи, как интонация, которая, конечно, в письменной речи не отмечается, имеет возможность так или иначе проводить различие между субъектом и объектом, между подлежащим и прямым дополнением.

В несомненной связи с основой стоят многочисленные примеры застывших речений, причем некоторые из них усложнились последующими напластованиями в виде частиц возвратного притяжания. Так, например, причастия, чаще всего — будущее, в основе, но с частицей возвратного притяжания, употребительны в халхаском и классическом языках в сочетании с глаголом *байх* = *бајиху* 'быть', придавая последнему особенное значение (в других монгольских диалектах подобное употребление причастий пока не обнаружено): *гесер хаган сүр-іјер-*

¹ См. „Сборник трудов по филологии“. Улан-Удэ, 1948, вып. 1, стр. 147.

² См. А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 242.

ijen даругсан-ijан бaјибa (Г — 63) 'Гесер-хан перестал давить [его] своим величием', *тере еме ајилчлан очиху-бен бaјибa* (Викр. — 56) 'та женщина не стала ходить в гости'; халхаск. *тэд явахaa байжээ* 'они держались от того чтобы пойти', 'они не стали ходить'.

Изредка прошедшее причастие в форме основы может быть обстоятельством при другом глаголе: бур. *Онгой тармуур бариһан ороже ерээд* (Шад.) 'Онгой вошел, держа грабли (букв.: 'Онгой — грабли державший — входя пришедший)'.
Несомненно, станут предметом специального исследования примеры,

в которых основа выступает в сочетании с некоторыми глаголами и именами: классич. *сеге оруху* (бур. *hэгээ орохо*) 'начинать соображать', 'приходить в себя' (о детях или взрослых после обморока, удара и т. д.), *ходжiiр дархан сеге ороджу мбriйн үге ајиладхаба* (Г — 63) 'плешивый кузнец, придя в себя, с поклоном начал говорить'; бур. *хүсэ орохо* 'набраться сил', *гэрэл орохо* 'просветлеть', *хүл хүндэ* 'беременная' (букв.: 'нога тяжелая'), *худа орохо* 'сделаться сватами': *үрэ хүүгэдээ хүн боложо, худа ураг ороёл гэж ерээб.* — *Манаар хайшан гээд худа орохобта* (Ант. — 67) — 'я пришел [к вам] породниться [с вами] сватом, чтобы вывести в люди наших детей [сказал прибывший]. — Да как же [вы] с нами можете породниться сватом [ответили хозяйева], гол орохо 'оживать': *hэбихэдэм арай гэжэ ами гол ороһоор бодоорой* (Ант. — 55) 'когда взмахну, ты встанешь, как будто еле оживая'.

Проанализируем первый пример: *ходжiiр дархан сеге ороджу* 'плешивый кузнец придя в себя'. Этот пример букв. обозначает: 'плешивый кузнец — сознание — входя'. Но если деепричастие *ороджу* „переделать“ в изъявительную форму прошедшего времени, то получим: 'плешивый кузнец пришел в себя', букв.: 'плешивый кузнец — сознание — вошел' (или: 'вошло?'). Тут возможны два предположения: 1) в подобных идиоматических выражениях мы имеем чистую основу, а если это так, то эти выражения являются наследиями прежней структуры монгольских языков, по которой грамматические отношения между членами предложения улавливались по смыслу и порядку их; если же это не так, то 2) в этих выражениях мы имеем чистую основу вторичного образования в том смысле, что тут утрачен форматив ныне мертвелога местного падежа, и в таком случае приведенный пример может быть интерпретирован в виде: 'плешивый кузнец вошел в сознание' (а в первом случае: 'плешивый кузнец — сознание вошло').

Далее идут многочисленные, но неизученные примеры, в которых основа выступает с частицей возвратного притяжания и из которых мы приведем лишь некоторые: классич. *гагча беје-бен үлэджу, үкүкү геджү кебтемији* (Викр. — 29) 'осталась я одна (букв.: 'только тело свое оставаясь') и лежу умирая', *месен-ү үзүдүр-түр махабуд беје-бен ебдеренем* (Викр. — 19) 'поранит свое материальное тело на острие меча' (букв.: 'повредиться тело свое...'), *еме-ану седкiл-ijен джобаджу* (Вл. — 482) 'жена тревожилась' (букв.: 'жена его — мысль своя — мучилась'); халхаск. *дураа гутах* 'почувствовать отвращение' (букв.: 'влечение-свое — испортиться'), *уруугаа хэвтэх* 'лежать ничком' (букв.: 'низ-свое — лежать'); *биеэ амрах* 'отдохнуть физически' (букв.: 'тело-свое — отдохнуть'), бур.: *нюдөө хараха* 'смотреть глазами', 'поднять, открыть глаза' (букв.: 'глаз-свое — смотреть'); смысл этого выражения не тот, что в русском „видеть своими собственными глазами“, ибо в последнем смысле говорится: *нюдөөрөө үзэхэ*, т. е. применяется орудный падеж и другой глагол), *нахалаа хуухарха* 'спалить свои усы' (букв.: 'усы-свое — спалиться'), *нойроо һэрихэ* 'проснуться' (букв.: 'сон-свое — проснуться'), *һанагаа амарха* 'успокоиться' (букв.: 'мысль-свое — отдохнуть'), *хэлээ хатаха* 'замолчать' (букв.: 'язык-свое —

засохнуть), *гэдэһээ үлдэхэ* 'проголодаться' (букв.: 'желудок-свое — проголодаться'), *толгойгоо үбдэхэ* 'заболеть головной болью' (букв.: 'голова-свое — заболеть'), *шуһаа адхарха* 'пролить свою кровь' (букв.: 'кровь-свое — пролиться').

Суть этих примеров заключается в том, что все их глаголы (кроме *хараха* 'смотреть') являются непереходными, а соответствующие имена даны в форме второй основы с окончанием возвратного притяжания. Обычно подобное именное сочетание исследователями понимается в значении винительного падежа, так как действительно при наличии возвратного притяжания окончание винительного падежа может произвольно и без ущерба для смысла опускаться, например, халхаск. *малаа* 'свой скот'. Но дело в том, что в последнем случае „опущенный“ форматив винительного падежа может быть так же легко и беспрепятственно восстановлен: *малыгаа* 'свой скот'; а между тем во всех приведенных нами примерах с непереходными глаголами возможность вставки окончания винительного падежа абсолютно исключается. Поэтому толкование приведенных примеров, как содержащих имена в „неоформленном винительном падеже“ с возвратным притяжением, конечно, является абсолютно неверным, ибо здесь мы имеем только вторую основу с тем же возвратным притяжением.

В заключение отметим, что основу мы находим в составном сказуемом безличного предложения типа халхаского *хавар болов* 'настала весна' (букв.: 'весна сделалась', т. е. 'весною стало что-то'). Ср. фразы типа *би багш болов* 'я стал учителем'. В подобного рода примерах именную часть составного предложения принято считать подлежащим (по аналогии с переводом на русский и прочие языки). Что это не так, легко заметить, превратив подобные сочетания в причастный или деепричастный оборот: *хавар болоход* 'когда настала весна', *хавар болтол* 'до наступления весны' (почти никогда не бывает *хаврай* или *хаврыг болоход* или *болтол*, что совершенно обычно, если то или иное имя является во фразе подлежащим).

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Этот падеж в монгольских языках играет исключительную роль, так как почти только через его посредство осуществляется грамматическая связь между именами. Иными словами, в этих языках родительный падеж является почти единственным приименным падежом, ибо, как увидим в своем месте, совместный, орудный, исходный и дательный падежи управляются именами в строго ограниченных случаях. Послелог, в отличие от предлогов в индоевропейских языках, не могут служить средствами грамматической связи между именами, если они не принимают локально-темпоральную частицу **-ki**.

Из нашего обзора послелогов и наречий-послелогов видно, что именно родительным падежом управляет подавляющая масса этих служебных частей речи (32 из 46 разобранных). Равным образом мы могли отметить, что родительный падеж в послеложных конструкциях все более и более оттесняет собою все прочие падежи, в то же самое время уступая свое место первой, или полной, основе. Таким образом, совершенно очевидно, что функции родительного падежа столь многообразны и богаты, что едва ли можно будет более или менее удовлетворительно исчерпать их в данной работе. Тем не менее, мы попытаемся ниже изложить основные значения родительного падежа.

1. Родительный превосходства употребляется в тех случаях, когда один из всего множества однородных предметов наделяется высшей степенью того или иного качества: классич. *едүр-үн сайн* 'самый

лучший день', *sara-jin oлан-i сагатан кўлїеджу*, *едур-ун олан-i онджин кўлїеджу* (Ц—1—28) 'много-много месяцев ждал, много-много дней поджидал', *оїрад-ун саїн* 'лучший из ойратов'; халхаск. *газрын холоос* 'из самой дальней местности', *эринї сайн* 'лучший из мужей'; бур. *улааганын ехэ улаае* 'из кислиц самую красную', *алахын муугаар алаба* (эпос) 'убил самой лютой смертью'.

В этих примерах соответствующие качественные имена выступают в положении подлежащего или дополнений. Когда же подобные имена в родит. превосходства должны выступать атрибутивно, т. е. в положении определения, то тогда они как бы дублируются: в первый раз в форме родительного падежа, а во второй — в форме первой основы, после чего следует определяемое, которое, впрочем, может и отсутствовать, если качественные имена употребляются субстантивно: классич. *саїн-у саїн* 'лучший из лучших', *магу-їн магу кўмўн* 'самый худший человек'.

Иногда вместо последнего оборота чаще употребляют другой, в котором в форме родительного падежа употребляют *хамуг* 'весь' и *адаг* 'конец': *хамуг-ун саїн* 'самый хороший', 'наилучший', *адаг-ун магу* 'самый худший', 'наихудший'. Вообще *хамуг-ун* употребляется при определениях с положительным значением, а *адаг-ун* — с отрицательным.

Иногда вместо родительного падежа употребляется исходный, в этом случае степень превосходства усиливается: халхаск. *муугаас муу* 'худший из худших'.

2. Родительный выделительный употребляется в тех случаях, когда из определенного количества (а не всего множества!) однородных предметов почему-либо выделяется один. В данном случае, что особенно важно, та или иная степень превосходства в виду не имеется, как это мы видим в родительном превосходства. С точки зрения формальной, различие между родительным выделительным и превосходства заключается в том, что при последнем соответствующее управляемое или определительное имя стоит в форме единственного числа без каких бы то ни было количественных определений, тогда как при родительном выделительном чаще всего такое имя либо дано в форме множественного числа, либо сопровождается количественным определением: классич. *гурбан кейкен-їен* (вместо *їўген*) *нїген-i їлеге* (Г—1) 'из трех своих сыновей направь одного', *мал емнелге-їн јабудал болбасу мал аджу ахуї-її дегешїлегїлкў нокўчел-ўн* (sic!) *нїген-їнї мон болумуї* (У.—1417) 'ветеринария является одним из факторов повышения животноводства'; халхаск. *гурав уулны наад уулан дээр* (Ам. Зох.—15) 'из трех гор (забрался) на ближайшую', *тавны хоёр* 'две пятых', *тэдний зарим нь* 'некоторые из них', бур. *олоной нэгэн* 'один из многих'; ойратск. *теднā негн* 'один из них', *квўїдиннь бичкнь* 'младший из сыновей его'.

3. Родительный назначения обозначает действие или предмет, являющийся назначением или функцией предмета-определяемого, а также и объектом действия последнего. В связи с последним необходимо подчеркнуть, что родительный назначения не следует в некоторых случаях смешивать с родительным объекта: при последнем определяемым оказывается само действие (*замын барилла* 'постройка дороги'), а при первом — только орудие и т. д., но не действие. Иными словами, иногда функция какого-либо предмета определяется в данном случае не по действию, а по наименованию объекта. В родительном назначения определении почти всегда дано в форме единственного числа: классич. *сўнесўн-ў модун* 'древо жизни' (букв.: 'дерево, куда запрятана душа'); весьма любопытно, что вместо формы родительного падежа в данном случае может употребляться и первая основа: *сўнесўн модун* (В. М. П.—6) 'душа-дерево', *тарасун-у саба* 'посуда для вина', *буцаху-їн*

арга 'средство возвратиться', *уджеку-јін нідүн*, *сонусху-јін чікін* 'глаза чтобы видеть, уши чтобы слышать'; халхаск. *эрх чөлөөний тэмцэл* 'освободительная борьба' (букв.: 'свободы борьба'), *тракторын цех* 'тракторный цех', *хичээлийн тасаг* 'классная комната' (букв.: 'урока комната'), *малын эмч* 'ветеринар' (букв.: 'скота врач'), *мал аж ахуйн яам* 'Министерство скотоводства', *дуу хөгжмийн бөлгөм* 'песенно-музыкальный кружок' (песни и музыки); ойратск. *тосна машин* 'маслобойка' (букв.: 'масла машина'), *загсна зер-зев* 'рыболовное орудие'; бур. *малай хорёо* 'двор для скота', *таршаагай ноён* устар. букв.: 'начальник саранчи' (т. е. особое лицо, возглавлявшее борьбу с саранчей в конце XIX в.), *мориной завод* 'конный завод', *колхозой түрүүлэгшэ* 'председатель колхоза', *айлай дарга* устар. 'староста айла'.

Последние два примера включены сюда нами не без колебания, дабы не вводить еще родительный положения, а отнести их к родительному принадлежности или целого мы не сочли возможным.

4. Родительный принадлежности указывает лицо или предмет, которому что-либо принадлежит в самом широком и различном смысле; данное значение родительного падежа есть его основное значение, которое, вообще говоря, может покрывать собою все прочие значения данного падежа (особенно — субъекта, целого, локального, темпорального и назначения): классич. *тере кумун-ү кобегүн* 'сын того человека', *хубисхал-ун ачї нөлдүгө* 'влияние революции'; халхаск. *Цогтын ном* 'книга Цогту' (собств. имя), *намын хороо* 'партийный комитет', *намын гишүүн* 'член партии'; бур. *шиний үгэ* 'твоя речь', *колхозой клуб* 'клуб колхоза', *хорийн бурят* 'хоринский бурят' (не по месту, а по племennому происхождению); ойратск. *ахин махла* 'шапка брата', *сургульчин дегтр* 'книга ученика'.

Встретившийся всего лишь один раз *дулаган-у орон* 'теплый край' (Талх. — 70) или 'край тепла' надо понимать, повидимому, в том смысле, что данный край рассматривается как 'место тепла'. Вообще же нужно *дулаган орон* 'теплый край'.

В халхаских эпических произведениях является весьма обычным и распространенным выражение: *халууны газраас гарч, харь газрыг хэсгээ* 'из родной земли выходит, в чужеродную страну проникает'.

В этой фразе 'родная земля' по-халхаски звучит *халууны газар* 'земля жара', но в переносном смысле: 'родная земля, земля „горячего“, земля одного с героем рода по крови людей'. Вообще *халуун* 'горячий' в форме родительного падежа некогда определяло родственное отношение по материнской линии.

5. Родительный целого обозначает предмет, частью которого является определяемое: классич. *хусун-у набчи* 'листья березы'; халхаск. *гэрийн дэвэр* 'крыша юрты'; бур. *үнгээнэй һүүл* 'хвост лисицы'.

6. Родительный меры обозначает предмет, принимаемый в качестве единицы измерения другого предмета, выраженного в определяемом: классич. *хоног-ун гаджар* 'расстояние дня езды' (букв.: 'суток место'), *үде-јін гаджар* 'полнодневное расстояние', *долуган хоног-ун джам* 'семидневный путь', *мінган бер-е-јін гаджар* 'расстояние на тысячу миль'; халхаск. *гурван сарын газар* 'расстояние трех месяцев [пути]'; бур. *хонолгын мяхан* 'мясо на (один) ночлег'.

При определенных именах — названиях мер употребляется первая основа так же, как и в том случае, когда в качестве измерителя берется какая-либо тара: бур. *найман дүрөө дайда* (эпос) 'страна восьми стремьян' (куда можно доехать, имея восемь смелых верховых лошадей), *хоёр тагша сай* 'две чашки чая', *арбан пуд тариа* 'десять пудов хлеба'.

7. Родительный времени характеризует какой-либо предмет, определяемый со стороны времени: классич. *намур-ун салкн* 'осенний

ветер'; халхаск. *өвлийн хувцас* 'зимняя одежда', *өвлийн идэш* 'зимняя еда', *оройн хүйтэн* 'вечерний холод'; бур. *зунай харгы* 'летняя дорога', *хабар намарай шубууд* 'весенние и осенние птицы' (т. е. такие, которые бывают где-либо только весной и осенью, перелетные).

8. Родительный места характеризует какой-либо предмет — определяемый со стороны места: классич. *гаджар-ун шйбагу* 'земные птицы' (т. е. не водоплавающие), *усун-у шйбагу* 'водные (водоплавающие) птицы'; халхаск. *замын айл* 'айлы придорожные', *алсын бэлчээр* 'дальнее пастбище', *уулын ой* 'горный лес'; бур. *үнгын бурят* 'унгинский (по реке Унгэ) бурят', *Москвагай университет* 'Московский университет', *тайгын ногоон* 'таёжная трава'.

9. Родительный субъекта обозначает действителя или грамматический субъект и встречается при определяемом, выраженном отглагольным или процессным именем: классич. *арад-ун темечел* 'борьба народа', 'народная борьба', *арад-ун илалта* 'победа народа'; халхаск. *усны урсгал* 'течение воды', *нарны эргэлт* 'вращение солнца', *малын тарган цаг* 'время, когда скот бывает жирный' (букв.: 'скота жирное время'); бур. *үбгэдэй найр* 'пир стариков', *саһанай хайлалт* 'таяние снега', *багашуулай шууяан* 'шум детей'.

Бурятские диалекты резко отличаются от всех прочих монгольских языков и диалектов тем, что в них родительный падеж (и вторая основа) является монопольным в отношении выражения субъекта в причастных и деепричастных оборотах, тогда как в прочих диалектах этот падеж в данном употреблении встречается не столь часто: бур. *миний ирэтэр эндэ байгаарай* 'до моего прихода оставайся здесь'; халхаск. *малын үхэх явдал* 'гибель скота'; ойратск. *мана тэвсн бичи* 'письмо, которое отправлено нами'; классич. *шйбагуд-ун усун-дур шумбагсан тухай* (Талх. — 3) 'о том, как птицы ныряли в воду'.

10. Родительный объекта в монгольских языках встречается относительно очень редко, так как в необходимых случаях прибегают преимущественно к причастным или деепричастным оборотам; более частое употребление родительного объекта связано главным образом с влиянием такого мощного литературного языка, как русский язык послеоктябрьского периода: классич. *гештүд-үн бүридкел* 'учет членов'; халхаск. *төмөр замын барилла* 'железнодорожное строительство', *ардын аман зохиолын эмхтгэл* 'сборник фольклорных произведений', *маршал Чойбалсангийн тухай зохиолуудын түүвэр* 'сборник произведений о маршале Чойбалсане', *гийгүүлэгчийн тайлбар* 'разъяснение, комментарии о согласных'; бур. *Москвагай хамгаалал* 'оборона Москвы'; ойратск. *селәнә эдл ахун коллективизаций* 'коллективизация сельского хозяйства', *нердин хуврлгн* (грамм.) 'изменение имен'.

Ранее мы склонны были примеры типа *загсна зер-зев* 'рыболовное орудие' (букв.: 'рыбы орудие'), *тосна машин* 'маслобойка' (букв.: 'масла машина') и т. п. относить к родительному объекту; теперь же считаем более правильным отнести их к родительному назначению (см. выше).

11. Родительный процессного признака определяет предмет-определяемое со стороны какого-либо действия: классич. *енелекүј-јін дагун* (Л. сб. — 50) 'жалобный голос', *үсү ноосу гарху-јін чаг* (Л. сб. — 89) 'время появления (на рынке) шерсти', *баркіран баяху-јін дагун* (Вл. — 488) 'воцль' (букв.: 'вопиющего голос'), *наран ороху-јін үје-бер* (Талх. — 20) 'в пору заката солнца', *тегē тасураху-јін үје-дүр* (там же) 'в пору угасания света', *үр чајиху-јін үје-дүр*, *наран гарху-јін үје-дүр* (Талх. — 13) 'в пору раннего рассвета, в пору восхода солнца'.

Обычно же вместо родительного процессного признака употребляется простое причастное определение, т. е. причастие оказывается определением без формы родительного падежа, в своей основе. В устной речи

подобное употребление причастий в форме родительного падежа нами пока не установлено повсеместно. Но обычный родительный процессного признака встречается в изобилии, причем определением должно быть какое-либо отглагольное или процессное имя: классич. *бајасхулан-ун ураг* 'радостное ура', *ургумал-ун джүжл* 'растение' (букв.: 'произрастания предмет'), *бајлдуган-у джисагал* 'боевой строй'; халхаск. *явдлын улс* 'путники' (букв.: 'похода люди'), *бичгийн ажил* 'письменная работа', *нүүдлийн айл* 'кочующий айл', *баярын хурал* 'торжественное собрание'; бур. *сабишалангын улад* 'косари' (букв.: 'сенокосные люди'), *үхэлэй саг* 'время смерти', *угталын хүн* 'человек, встречающий вне айла свадебный поезд' (букв.: 'встречи человек'), *мунгаалын дуун* 'песни-состязания' (букв.: 'охаивания песни').

12. Как мы уже выше отметили, очень трудно уложить все функции родительного падежа в какую-то стройную схему и, тем более, исчерпать их. Поэтому мы ниже ограничимся приведением некоторых дополнительных примеров, иллюстрирующих лишь малую часть того, в чем выражаются многообразные функции родительного падежа: классич. *нискү онгучан-у анги* 'авиационная часть' (букв.: 'летающей ладьи часть'), *үкер буу-јин анги* 'артиллерийская часть'.

В этих примерах предмет определяется со стороны орудий своего действия, ср. еще халхаск. *тракторын бригад* 'тракторная бригада'.

Обычно в монгольских языках определения, которыми обозначается какая-либо сила, выражаются первой основой: *морин тэрэг* 'конная телега', *салхин тээрэм* 'ветряная мельница', халхаск. устар. *уурын машин* 'автомобиль' (букв.: 'пара машина').

Классич. *күмүн-ү төрүлтү* 'человекоподобный, человеческого рода', *арбан келен-ү амтан* (Х.Х.—93) 'люди десяти языков'; халхаск. *бага насны мал* 'малолетний скот', *цусны хэрэг* 'кровное дело'; бур. *үнгын шубууд* 'яркие птицы', 'птицы всех цветов' (букв. 'цвета птицы').

Некоторые отдельные имена в форме родительного падежа приобретают своеобразные значения: классич. *ебул-ун беледжел* (Талх.—12) обозначает не 'зимняя подготовка', а 'подготовка к зиме', *кедүй-ней* (Талх.—3), халхаск. *хэдийний* (Б. Цэв.—7), *эртний* (Ц.—5—6, стр. 38) и *хэзээний* (Ам. Зох.—62) употребляются обстоятельственно со значением 'давно', 'очень давно', 'давным-давно', хотя и представляют собою формы родительного падежа от соответствующих имен (*кедүй* 'когда', *эрт* 'рано', *хэзээ* 'когда').

Самое простое объяснение, которое можно дать относительно этих примеров, это сказать, что „опущено“ определяемое! На самом же деле мы имеем здесь дело с так называемым местным падежом, окончание которого по комбинации совпало с окончанием родительного падежа вследствие того, что этот местный падеж оказался мертвым.

Как известно, наличие possessивного определения часто еще не избавляет определяемое от необходимости иметь также и притяжательную частицу, например, халхаск. *тэр хүний гэрт нь* 'в юрте того человека' (букв.: 'того человека в юрте-его'). В соответствии с этим А. Бобровников пытался установить четыре вида possessивной конструкции: 1) определение в родительном падеже, а определяемое сопровождается притяжательной частицей; 2) определение в родительном падеже, а определяемое без притяжания; 3) определение „без знака родительного падежа“, а определяемое сопровождается притяжательной частицей и 4) определение и определяемое без какого бы то ни было оформления, т. е. чистые основы соответствующих имен¹.

¹ См. А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 216—219.

Первый из этих видов употребляется тогда, когда „главную тему речи“ составляет предмет-определение, а определяемое — „только ограничение этой темы, иначе: показывает, с какой стороны описывается“ предмет-определение:

тере хаган-у ед-агурасун-ану чаглаши үгеі жеке агсан 'тот царь был невыразимо велик по своему имуществу' (букв.: 'того царя имущество-его невыразимо было велико').

Второй из указанных видов употребляется, наоборот, тогда, когда главную тему речи составляет определяемое, а имя в родительном падеже является его „случайным определением“:

далай хун тайджи дорбен ойрад-ун кумун-и ниге ечиге-јин көбегүн, ниге сагадаг-ун сумун метү үлү ігадаг 'Далай-Хун-тайджи людей Дурбен-ойратов не различал (считая равными. — Г. С.), как детей одного отца, как стрелы из одного колчана'¹.

Третий из перечисленных видов употребляется тогда, когда предмет-определение „выставляется на вид с особенным намерением как такое понятие, которое должно быть представлено в уме прежде и независимо от того предложения, в котором оно употреблено... Чаше подобное сочетание бывает тогда, — разъясняет далее А. Бобровников, — когда имя, полагаемое в родительном падеже (т. е. предмет-определение без формата данного падежа. — Г. С.), определено многими словами так, что оно одно со своими определительными словами заключает уже в себе полную мысль и может быть переведено отдельным предложением:

шира-јин өгмге-јин еджен-дү байгчи далай блама-јин сангаі кумуд толугаі-ану далай-блама-јин болтугаі 'у благотворителя желтой [веры] находятся казенные далай-ламские люди. Пусть головы таких людей принадлежат далай-ламе'² (букв.: 'у желтой веры благотворителя — находящиеся далай-ламы люди — головы-их — далай-ламскими да будут!').

Наконец, четвертый вид possessивной конструкции употребляется тогда, когда определение и определяемое „принимаются в обширнейшем значении и в совокупности составляют название для целого рода предметов"³, т. е. образуют одно понятие: *хан-орон* 'ханское место', 'царский престол'; *хан-көбегүн* 'царский сын', 'принц', 'царевич' (букв. [соответственно]: 'хан-место' и 'хан-сын').

К этому изложению концепции А. Бобровникова нам остается добавить, что первый, второй и четвертый виды possessивных сочетаний в монгольских языках весьма обычны, а объяснения названного ученого нами целиком принимаются. Следует только добавить, что за последние 50—70 лет притяжательная частица 3-го лица в классическом и халха-монгольском языках столь прочно закрепились в качестве показателя подлежащего, что она в подобном употреблении утратила свой личный характер и стала употребляться даже при 1-м лице: *Би... тангараглах нь* (Б. Цэв. — 32) 'я клянусь...' (букв.: 'я клятвы-его') вместо ожидаемого *...тангараглах минь* (букв.: 'клятва-моя').

Что касается третьего вида possessивного сочетания, то объяснения А. Бобровникова нами не разделяются. Дело в том, что пример, приведенный А. Бобровниковым, является одним из числа сравнительно немногочисленных в монгольских языках, и поэтому у нас нет уверенности в том, что А. Бобровников в своем распоряжении имел еще и другие примеры, кроме единственного приведенного им и цитированного нами. Подобные примеры столь редки, что все прежние монголо-

¹ А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 217.

² Там же, стр. 218.

³ Там же.

веды совершенно не упоминают о них; нами же обнаружено только четыре примера (в результате специальных разысканий количество их, вероятно, увеличится лишь немного): *арслан-бер агур-ану кўрўн, ому-ану кўгерчў тере метў буї болбасу ўджеўлўтўн хамга баїнам камегсен* (Талх. — 53) 'лев рассердился, возгордился и сказал: если есть нечто подобное, то где оно, покажите' (букв.: лев—гнев-его достигнув—гордость-его воспылав—спросил...), *тере-бер кўчўн-ану гаїхамшї жеке, баса шїрўн шалаб тўргўчї болаї* (Вл.—486) 'он изумительно велик по силе, кроме того, свиреп, проворен и быстр' (букв.: 'тот сила-его изумительно велика...'), *ене моду ўндўр-ану нада-луга адаї бїле* (Вл.—496) 'это дерево по высоте было равно мне' (т. е. 'росту моему', букв.: 'это дерево—высота-его—со мною одинакова—была'), *тере тогус-шїбагун тўрўкў джуджага-ану ўскўї-деген кўке джїсў-бер ўсдег* (Викр.—14) 'птенцы того павлина растут синего цвета' (букв.: 'тот павлин-птица—рождающиеся птенцы-его—когда растут—синим цветом растут').

Как видно из примеров, в монгольских языках изредка проявляется то, что является совершенно обычным для тюркских (неопределенный изафет, по определению Х. Карасаева¹) и тунгусо-маньчжурских (первый способ выражения possessивности, по определению О. П. Суника²) языков. Как нам представляется, исчезновение подобных способов выражения possessивности в монгольских языках частично протекало так, что лично-притяжательная частица постепенно заменялась и заменяется возвратно-притяжательной частицей (например, бур. *уураа хўрэхэ* 'рассердиться'), которая иногда могла затем осмысливаться как форматив местного падежа, если это соответствовало содержанию значения управляющего глагола. В других же случаях подобные сочетания заменялись совершенно иными оборотами; так, например, вместо *арслан бер агур-ану кўрўн* в монгольском сборнике рассказов из Панчатантра говорится проще: *агурладжу* (Вл.—486) 'сердась'. Само собою разумеется, что в данное время трудно учесть все те пути, по которым шло постепенное исчезновение описанного способа выражения possessивности в монгольских языках и диалектах: это будет возможно тогда, когда у нас увеличится количество примеров на данное явление.

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

В отличие от того, что мы находим во многих других языках (русском, латинском, греческом и т. п.), винительный падеж в монгольских языках и диалектах служит для выражения только объекта действия, прямого дополнения. Иначе говоря, здесь мы имеем дело только с винительным объекта, если не учитывать еще винительный субъекта в причастных и деепричастных оборотах во всех почти монгольских языках и диалектах, кроме бурятских.

Так как употребление винительного падежа в наших языках представляется ясным, ниже мы приводим лишь такие примеры, которые только в переводе на русский язык могут не показаться винительным объекта (в скобках—примечания и буквальные переводы): классич. *гесер-ї тўрбө геджў сонусугад* (Г.—20) 'услышав, что родился Гесер (услышав о Гесере, что родился)', *соїол-ї гаїхаба* (Л. сб.—104) 'изумлялся по поводу культуры', 'восторгался культурой', *бїкармїджд-ун јосун ану тала-дур гурбан джїл јабуджу тала-јін амїтан-ї тусалаху,*

¹ См. Х. Карасаев. Семантика падежей в киргизском языке. Фрунзе, 1944, стр. 24.

² См. О. П. Суник. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1947, стр. 58—63.

агулан-дур гурбан джл јабуджу агула-јін амітан-і тусалаху (Викр.—102) 'обыкновение Бикармиджиды таково: помогать равнинным живым существам, бывая по равнинам три года; помогать горным живым существам, бывая в горах три года' (вообще глагол *тусалаху* 'помогать' требует дательного падежа, а не винительного), *егү-де-ји оругад* 'войдя в дверь', *Добун Меркан... нікан јадау куун коун-беен котолджу јабуку-і джолкаджу* (С. ск.—§ 14) 'Добун Мерган встретил одного бедняка, который вел за собою своего сына' (в современных монгольских диалектах глагол *зоглохо* 'встретить' требует чаще совместного или соединительного падежа, а не винительного), *каджарун кола-і сеткіджу* (§ 199) 'памятуя о дальней дороге (о дали земли)', *меркідун каджар Селенке-і нунтукладжу* (§ 219) 'занимая Селенгу, меркитскую землю'.

Употребление в классическом языке при глаголе *ороху* 'входить' (кроме приведенного выше примера изредка встречаются и другие такого же типа) винительного падежа следует объяснить тем, что в данном случае имеют место ложная интерпретация и неправильная передача на классическом языке того, что есть в устной речи, а именно — второй основы. Именно вторую основу при „переводе“ с устной речи на классический язык часто механически и огульно передают формой винительного падежа.

В отличие от того, что мы имеем в русском языке, многие глаголы управляют винительным падежом: халхаск. *захирах* 'управлять', *мэдэх* 'знать', 'ведать чем', *эдлэх* 'пользоваться чем', *гайхах* 'удивляться', 'любоваться чем', *эзлэх* 'владеть', 'завладеть', *ноёлох* (устар.) 'начальствовать', *эрхлэх* 'заведовать', *гатлах* 'переправляться через', *дабах* 'перевалить через', *сонсох* 'слышать', *хичээх* 'стараться', *санах* 'думать', *хэлэх*, *гэх* 'говорить о чем' и мн. др.

Особенностью монгольских языков и диалектов, кроме бурятских и некоторых других, является то, что в атрибутивных причастных и деепричастных оборотах выразителем субъекта, соответствующим русскому подлежащему придаточного предложения, оказывается имя в винительном падеже: классич. *намајі бічікан бүкүјі чаг-ту ене моду он-дүр-ану нада-луга адалі біле кемебей. Бічі-ану намајі бага чаг-ту* (здесь нет причастия! — Г. С.) *ене моду нада-луга адалі* (Вл.—496) 'сказал [слон]: „когда я был маленьким, высота этого дерева равнялась моему росту“'. Обезьяна [сказала]: „в мое малолетство это дерево было с меня“; халхаск. *унасан морий тарган байхад* (Х. Т.—15) 'когда верховые лошади были в теле', *голыг шалбааг байхад* (из эпоса) 'когда река [еще] лужей была'; ойратск. *чамаг ирснй хёөн би гарч йовлав* (Павл.—93) 'я вышел после [того, как] ты пришел', *Бадмиг йовхла Дольган дахх* (Павл.—96) 'если пойдет Бадма, то Дольган пойдет за ним'.

Употребление во многих монгольских языках винительного субъекта (наряду или вместо родительного субъекта) объясняется, как нам кажется, тем, что в этих языках винительный и родительный падежи генетически тесно связаны между собою, о чем мы уже говорили в разделе о падежных формативах.

В заключение мы напоминаем, что глаголы в форме побудительного залога изредка управляют сразу двумя неоднородными членами предложения, одинаково данными в форме винительного падежа.

Кроме того, двумя винительными падежами глагол может управлять в случае, если прямое дополнение сопровождается обобщительным местоимением со значением 'все': классич. *бусу тотід-і бүүдеегер-і талбіба* (Викр.—115) 'всех прочих попугаев отпустил', точнее: 'прочих попугаев всех отпустил'.

В разделе о залогах (во II томе) будет сказано, каким образом в монгольских языках и диалектах дательного-местного падежа служит для выражения субъекта в побудительно-страдательных оборотах. И если отвлечься от указанного назначения дательного-местного падежа, то относительно употребления этого падежа в монгольских языках следует сказать, что он выполняет те же синтаксические функции, какие в других одноструктурных языках выполняются дательными и местными падежами. Проще говоря, дательного-местного падежа отвечает на следующие вопросы: 1) кому, чему; 2) у кого, у чего, в чем, где; 3) к кому, к чему, куда; 4) когда; 5) для кого, для чего (и в смысле: 'в чью пользу' и в смысле: 'во вред кому'), например:

1) классич. *нада үлү джолгалдунам* (Г.—42) 'мне не попадается; со мною не встречается'; халхаск. *би нөхөртөө хэлэв* (Талх.—194) 'я сказал своему товарищу';

2) классич. *жеке-дүр джаган-ече амитан, бага-дур хулугана-ече амитан үгеи* (Вл.—488) 'нет животного больше слона; нет животного меньше мыши' (букв.: 'в большем... в малом... нет'); халхаск. *дэвтэртээ алдаагүй бөгөөд цэвэрхэн бичдэг* (Б. Цэв.—68) 'в тетради пишет без ошибок и чисто'; *сайн морь манай адуунд явж байна* (Х. Т.—149) 'хороший конь пасется в нашей табуне'; бур. *хүбүүн хүнжэлдөө хэвтээд нурана* (Ант.—59) 'лежит малый в постели' (букв.: 'под одеялом', точнее: 'в своем одеяле') и спрашивает, *аба гэртэ нууна* (Им.—55) 'отец сидит в юрте'; *...гүлээд наранда шаажа хэвтээбэд* (Им.—81) 'лисы лежали, греясь на солнце'; ойратск. *көк теэгт мал иддэ йовна* (Павл.—53) 'по зеленой степи пасется скот';

3) классич. *минү аба гер-түр оруба* (Талх.—194) 'мой отец вошел в юрту'; *хурал-ун даруга-дур сонгоба* (там же) 'выбрали председателем (в председатели) собрания'; бур. *хургашиань хурагшадтая экскурсида ошобо* (Им.—78) 'учитель с учениками отправился на экскурсию';

4) халхаск. *шөлөг нойрын ихэнд* (Х. Т.—50) 'в самую пору сна', 'когда особенно крепко спят' (букв.: 'в великости крепкого сна'), *эмээл хазаарынхаа бүр бүтэнд боливол таарна* (Х. Т.—63) 'лучше прекратить, пока седло и узда (т. е. сбруя) еще совсем целы' (букв.: 'в целости'); бур. *харын хуушанда* 'во второй половине месяца' (лунного; букв.: 'месяца старине');

5) классич. *ман-дур оийjetү* (Г.—1) 'враждебный нам'; бур. *хэндээ туһатай* 'для кого же полезен', *танда муу* 'для вас плох', *шамда шадар* 'близок к тебе'.

Кроме обычных для локативных падежей значений места, направления, адресата, времени и т. п., которые иллюстрируются приведенными выше примерами, дательного-местного падежа в монгольских языках обозначает также 6) причину, 7) цель и имеет 8) некоторые другие значения, разъясняемые ниже самими примерами:

6) классич. *харадаху-јин сайн-ду хадгаладаг ами асан, хатариху-јин сайн-ду олджу идедег ол хогола асан* (Ц.—1—34) 'вот была [у меня] жизнь, которую [я] сохранял [благодаря] тому, что хорошо злобствовал; вот была сытная пища, которую [я] находил [благодаря] тому, что хорошо скакал' (слова пойманного волка), *ере сайн-даган ичиде-ју, ергүй мунхаг-таган сагудаг-ју?* (Х. Х.—85) 'то ли муж стесняется поэтому, что [он] добрый; то ли [так] сидит (не трогаясь в поход. — Г. С.) потому, что [он] глуп и неразумен?', *өлескүлендү унаба ирген* (из средневековой западномонгольской речи М. ал.-Адаб) 'от голода народ погибал' (букв.: 'в голоде народ падал'); халхаск. *магтсан үгэнд үл*

бахад, доромжилсон үгэнд бү соч (поговорка) 'от хвалебных слов не возгордись, от обидных слов не пугайся!' (букв.: 'хвалебным словам..., обидным словам...'), *гавшигай сайн сайхандаа тогтоожээ, тэнхээтэй сайндаа тогтоож авчээ* (А. Зох.—16) 'потому остановил (коня), что был ловок и хорош; потому сумел удержать (коня), что был сильный и добрый (молодец)';

7) халхаск. *тэр авгай хүн усанд очжээ* (Х. Т.—43) 'та женщина пошла за водой'; бур. *нэгэтэ би түлээндэ ошобоб* (из сказки серии „Далан худал“) 'однажды я пошел за дровами', *би шамтай түлээндэ гаралсахам гү гэжэ Бата абаһаан асууба* (Им.—81) 'Бата сказал отцу: пойду-ка я с тобою за дровами'.

Совершенно очевидно, что причинное и целевое употребления дательного-местного падежа вытекают из простого паратаксиса или, так сказать, полупаратаксиса: 'в голоде', 'при голоде', 'во время голода' = 'от голода'; 'к дровам' (в лес) = конечно, 'за дровами'; нижеследующие примеры очень трудно классифицировать („адресат“ настроения или, как у Д. А. Алексеева, дательный чувства?), а потому мы ограничимся лишь переводами:

8) классич. *кегер мори гесер-тү агурладжу* (Г.—86) 'гнедой конь рассердился на Гесера', *китад таријан-даган хоросчу үјјиджү іребе* (Г.—22) 'китаец, беспокоясь из-за хлеба, прибежал', *буругу-ду бодуджу болху үгеі* (Л. сб.—121) 'нельзя считать неправильным, ошибочным'.

Относительно глагола *хүрэхэ* 'доходить' и послелогов *хүртэл* ~ *хүртэр* 'до' и *адалі* 'подобно', требующих иногда дательного-местного падежа, речь будет идти в разделе о послелогах.

МЕСТНЫЙ ПАДЕЖ

Местный падеж, имеющийся в классическом монгольском языке (в прочих монгольских языках он не встречается, если не считать некоторых омертвелых форм наречий и т. п.), мало чем отличается от разобранный выше дательного-местного падежа. Единственное существенное отличие в употреблении местного падежа заключается в том, что качественные имена в этом падеже функционируют в положении обстоятельственного образа действия с некоторой логической акцентуацией: *түрген-е едегебе* (Л. сб.—68) 'быстро вылезился', *гүн-е најідамүі* (Ү.—2341) 'глубоко надеется'.

Прочие употребления местного падежа иллюстрируются следующими примерами: *тескүје берке ганг джуд* (Ц.—1—31) 'бедствие (засуха и гололедица), которое трудно вынести', *наран-ану джейүн-ече барагун-а оруху-ану түрген болджу* (Л. сб.—84) 'движение (вхождение) солнца с востока на запад (на западе) стало быстрым', *сурагулі-јін баяјир-а күрреджү* (Чб.—59) 'проводил до помещения школы', *тере кјүмүн-е буу керелдү* (Г.—32) 'с тем человеком не бранись! (обычно этот глагол требует совместного или соединительного падежа!), *үкер-і терген-е көлджү болумүі* (Лубс.—13) 'быка можно запрячь в телегу', *суругид агулан-а гарчу* (Лубс.—49) 'ученики забрались на гору', *монгол келен-е* (Лубс.—79) 'в монгольском языке', *олан тоган-а* (Лубс.—133) 'во множественном числе' (грамм. термин), *ене едүр јабугсад лаб јеке боруган-а учарамүі* (Лубс.—143) 'ушедшие сегодня определенно попадут (букв.: встретятся) под большой дождь', *тере гаджар-а* 'на том месте', 'там'.

Очень часто местный падеж в старых текстах вместо дательного-местного падежа встречается в качестве субъекта страдательного

залога: *гаштун-а даругдаджу* 'подавленный горечью'¹, *шїбагун-а барїгдаган* 'пойман птицею'², *алї дајїсун-а барїгдаба* 'каким врагом схвачен?'³

Как уже в своем месте сказано, местный падеж очень широко применяется в „Сокровенном сказании“, примеры из которого на данное правило могут быть приведены после специального изучения китайского текста.

В устной речи местный падеж обнаруживается, как известно, в примерах типа бур. *ябаххаа ~ ябаххая байна* 'собирается идти', 'находится в предстоящем отправлении', *уншахаа ~ уншахая ерээ* 'пришел чтобы читать' (букв.: 'к чтению').

Можно думать, что элемент **-на** в разного рода наречиях (халхаск. *гадна* 'вне', *хойно* 'после', 'позади', *өмнө* 'вперед', *дорно* 'на востоке', 'восток' и т. д.) представляет окончание местного падежа со вставным согласным **н**.

ИСХОДНЫЙ ПАДЕЖ

Исходный падеж обозначает исходную точку любого действия или состояния в движении, вследствие чего исходные первоначального состояния, пункта отправления, причины или источника, субъекта, сравнения, повтора и т. д. представляются разными сторонами одной и той же семантической категории. Поэтому нет никакой необходимости в отношении данного падежа проводить чрезмерно сложную классификацию его употребления, как это вытекает из следующих примеров, которые мы даем группами по значениям:

1) классич. *өнтерегсен он-дур егүн-ү мал арбан најіман байгсан-ече одо гучін ниген болджей* (Ү.—3210) 'если у него в прошлом году было восемнадцать голов скота, то теперь стало тридцать одна [голова];

2) *кедүн джагун черіг-ече јерү ајуху јабудал үгеі* (Дэнд.—11) 'совершенно нечего бояться нескольких сот солдат', *тегүн-ече джішїкү* 'чувствовать от него отвращение', *джїлага-јї үргүлджі кїнаджу байгсан дегере-ече чїдаган үгеі біле* (Ц.—1—46) 'так как ложбину все время осматривали [японцы], то они (крестьяне) не смогли [похоронить убитых];

3) *улус-ун негүсен нутуг-ече олбаі* (В. М. П.—20) 'нашла с того места (= на том месте), откуда откочевал народ'; бур. *хараһан газарһаа харбажа* (Ант.—5) 'пускает стрелу с того места, откуда увидит'; халхаск. *нэг далайнаас морь услааргай, нэг далайнаас нум саадаг угаагарай, нэг далайнаас өөрөө уугаарай* (Х. Т.—132) 'из одного моря напой коня, с другого моря прямой лук с колчаном, из третьего сам напейся', *манай энд гурван сарын газраас уралддаг* (Х. Т.—152) 'у нас здесь коней пускают (на состязаниях) с расстояния трех месяцев';

4) классич. *тере джіміс-ече ідегед* (Викр.—114) 'поев [из] тех ягод', *гурбан сагулга алтан-ече өгкү гебе* (Викр.—121) 'приказал дать [ему] золота из трех ведер', *тере кореесуно мїканача нада ок* (С. ск.—§ 15) 'дай мне [из] мяса этой дичи'.

Исходный падеж в подобных случаях обозначает, что кому-либо дается лишь часть предмета (ср. французское *du pain* 'хлеба');

¹ См. Я. Шмидт. Грамматика монгольского языка. СПб., 1832, стр. 156.

² Там же, стр. 155.

³ Там же, стр. 157.

5) следующие примеры иллюстрируют употребление исходного падежа вместо русского предлога 'за' (что взяться): классич. *хулугана үджүгүр-ече-инү джигуджу гарбат* (Вл.—487) 'мышь ухватила зубами за кончик [хвоста] и выбралась', *сегүл-ече татаба* (Г.—40) 'потянул за хвост', *күджүгүн-ече-инү тебериджү* (В. М. П.—30) 'обняла его за шею', *иніједжү гар-ече-инү баріджу* (Викр.—107) 'смеясь взялся за его руку', *модун-ече елјүн* (Л. сб.—92) 'привешивают за дерево';

6) как известно, исходный падеж перед качественными именами обозначает предмет, по сравнению с которым другой предмет обладает большей или меньшей степенью качества: классич. *салкін-ече күчүметі* (Вл.—470) 'сильнее ветра'; халхаск. *одоо бид урьдаас илүү устай сайн болоё* (А. Зох.—23) 'теперь сделаем лучше и так, что воды будет больше, чем раньше';

7) в определенных случаях будущее причастие в исходном падеже обозначает действие, выполнение которого невозможно, коль скоро невозможно выполнение более легкого: халхаск. *чамайг мууг цатгахаас өөрөө хоосон сууна* (из сказки, Х. Т.—49) 'какое там тебя, негодного, насытить: сам голодный' (букв.: 'пустой') 'сiju';

8) в сборнике халхаского фольклора встретилось несколько раз то, что можно было бы назвать „исходным цены“: *зуун адуунаас өгдөг нэг сайн үг гэж хаа байдаг юм бэ* (А. Зох.—21) 'где бы (найти) такое одно прекрасное слово, за которое давали бы сто лошадей?', *гэрийн үнсийг алт мөнгөнөөс өгнө гэж зах дээгүүр явсан* (А. Зох.—45) 'шел я по базару, говоря: даю пепел юрты за золото и серебро' (см. еще аналогичные примеры на стр. 46—47 того же сборника).

Подобное употребление ранее в монголистике не было известно, а теперь пока что оно совершенно не зарегистрировано в бурятских, ойратских и прочих монгольских диалектах. Впрочем, на основании нескольких примеров трудно судить, в какой мере распространено описанное употребление.

Д. А. Алексеев приводит несколько оригинальных примеров из бурятского языка на „исходный обозначения материала“: *туулганһаа хэхэн* 'сделанный из свинца'. Однако в известном словаре „Мукаддимат ал-Адаб“ мы нашли один подобный пример: *örgeşünese баригсан балгасун* 'дом, построенный из терновника'.

Как известно, исключительной особенностью классического языка последних периодов является то, что в нем имеется исходный субъекта, если речь идет о людях и социальных организациях¹: *енекү жеке аджил-і нам джасаг-ече јабугулджей* (Ү.—3143) 'эту великую работу провели партия и правительство'.

Это же самое, как заимствование из классического, можно видеть и в устной халхаской речи.

Об употреблении исходного падежа с некоторыми послелогоми речь будет идти ниже.

ОРУДНЫЙ ПАДЕЖ

Относительно орудного субъекта в побудительных и страдательных оборотах достаточно подробно будет сказано в разделе о залогах во II томе настоящей работы, и поэтому здесь нам следует рассмотреть лишь прочие типы употребления орудного падежа.

1. Орудный материала обозначает предмет, из которого что-либо делается, или лицо, которое кем-либо назначается: классич.

¹ Под влиянием маньчжурского письменного языка.

абургу чілагубар бахана босхаба, уйн-і темүр-іјер кібе, тугуллабар сонхун-і кібе (Г.—29) 'из больших камней воздвигли столбы, стропила сделали из железа, а окна—из свинца', *арасу-бер булгарі кімүйі* (Лубс.—13) 'из кожи делают юфть' (букв.: 'кожею—юфть').

2. Орудный превращения обозначает предмет, который призван чем-либо стать; в данном случае чаще всего речь идет о людях: классич. *хара кумүн-іјер даруга талбіба* (Чб.—75) 'командиром поставили простого человека' (букв.: 'простым человеком командир поставили'); халхаск. *аль дуртай сайхнаараа эхнэрээ хийж ав* (Х. Т.—24) 'самую красивую, какую полюбишь, возьми себе в жены'; бур. *тэрэ басагаарнь һамга хээд, тэндэ айл болоно* (Ант.—55) 'ту девушку взял в жены и зажил там семьею' (букв.: 'той девушкой жену сделал...'), *энэ хүбүүгээр хүргэ хэхэдэ боломоор байна* (Ант.—57) 'этого молодца можно взять зятем' (букв.: 'этим молодцом можно сделать зятя'), *шамаар бэри хэхээ ерээ* (Ант.—67) 'пришел, чтобы взять тебя в невестки' (букв.: 'пришел, чтобы тобою невестку сделать').

3. Собственно-орудный обозначает предмет, посредством которого что-либо делается: классич. *окін дегүү-інү бөмбүге-бер нагадугуи* (Лубс.—9) 'сестренка играет мячиком', *ебүген модун-і сүке-бер отулба* (Лубс.—195) 'старик срубил дерево топором'; бур. *гахай хоншороороо газар онгилжо* (Им.—80) 'свинья роет землю своим рылом'.

4. Если приведенные выше примеры иллюстрируют предметы-орудия в прямом смысле, то в следующем примере предмет является косвенным орудием: халхаск. *жимс түүж идэж явтал далайн долигоогоор нэг мөнгөн загас аваад чулуудав* (Х. Т.—30) 'когда они шли, собирая ягоды, морской волною выбросило одну серебряную рыбку'.

5. Орудный вынужденного субъекта, или посредничества, обозначает лицо, посредством или через посредство которого что-либо совершается: классич. *доржі-бер бату екенер-теген джакідал-і ілегесен үгеі* (Ц.—1—15) 'с Дорджием Бату своей жене письмо не отправил'; халхаск. *муж мужийн албатаар худаг ухаж ус булгийг гарах гээд ядав* (А. Зох.—23) '(и тот хан) заставил подданных со всех областей копать колодець, чтобы получить воды, но ничего не вышло' (букв.: '...подданными колодець копать').

К этому орудному вынужденного субъекта, или посредничества, довольно близок второй компонент побудительного залога: классич. *аха-нар-іјар бі мори баргулба* (Лубс.—65) 'своих старших братьев (букв.: 'своими старшими братьями') я попросил поймать коня', *абу нохай-нугуд-іјар гөрүгесү баргулба* (Лубс.—65) 'отец поймал козулю при помощи собак' (букв.: 'отец—собаками—козуля—поймать заставил').

6. Орудный передвижения—как бы подвид собственно-орудного—обозначает любой предмет, который является средством передвижения: классич. *бі морін-іјар јабуджу амуі* (Лубс.—195) 'я еду на коне'; бур. *ашаа унаагаар ябаха аман хүтэл гарана, тэргэ тэмээгээр ябаха тэгшэ харгы болоно* (Ант.—13) 'выходит [такое] большое ущелье, что можно проехать груженными подводами; получается [такая] ровная дорога, что можно проехать на верблюдах с телегами'.

7. К орудному передвижения примыкает орудный места, отличающийся от дательно-местного тем, что употребляется при описании движения или нахождения по всем точкам данного предмета-пространства: классич. *біде джасамал джам-іјар іребе* (Лубс.—81) 'мы приехали по шоссе', *шібагун чонгху-бар нісүн оруба* (Лубс.—195) 'птица влетела через окно'; халхаск. *хатан нь орон хотын хятадаар хэсдэг байжээ* (А. Зох.—7) 'жена его бродила среди местных городских китайцев' (не 'с китайцами!'), *адууны байраар явж байтал* (А. Зох.—16)

‘пока обходил по стоянкам лошадей’, *би танайхаар ороод ирэв* (Б. Цэв.—43) ‘я заходил к вам’; бур. *хаалта болоһон газараараа хамхара хахира унана* (Ант.—12) ‘разлетелись вдребезги [горы] там, где они были препятствиями’, *Абай Гэсэр хаан хамар аман хоёроороо хара шуһа адхажа харанхалжа унаба* (Ант.—4) ‘Абай Гесер-хан упал в обморок, проливая густую кровь через нос и рот’.

8. Орудный времени служит для обозначения периода, в течение которого что-либо происходит: классич. *минү абу ирегсен-іјер би абу-тай-бан агулджаба* (Лубс.—14) ‘я встретился со своим отцом, когда он приехал’; бур. *иймэ муухай хубсаһа үе наһаараа үмэдэжэ үзөөгүй* (Ант.—74) ‘такое плохое одеяние не одевал он в течение всей своей жизни’; халхаск. *түүнийг өглөөний улаан нарнаар нум сумаа эвшээлэж байгаад харваарай* (А. Зох.—13) ‘в нее пусти стрелу в пору утреннего солнца’; ойратск. *бидн тиикд джилар Шартуд сургьульд ирхэйлэвдн* (Павл.—133) ‘мы тогда приезжали учиться в Саратов на год’.

9. Орудный цены обозначает предмет, идущий в уплату за другой полученный предмет: бур. *тэрэ гүүгээ табан зуун зоосоор үгэбэ ха* (Ант.—55) ‘ту кобылицу отдал за триста монет’ (рублевых); ойратск. *чи эн бйшмүдин эдэн кедүгбэр авви? Метринь гучар* (Павл.—131) ‘ты за сколько покупал материал на платье? За тридцать — метр’.

10. Орудный совместный обозначает предмет, вместе с которым что-либо делается; иными словами, орудный падеж выступает вместо соединительного и чаще всего в тех (бурятских, преимущественно) диалектах, в которых соединительного падежа нет: классич. *енг-үн улус кітад богол-іјар-іјан седкілтеі болуса* (Г.—32) ‘если простые люди будут в согласии с рабами...’, *шалу іорүгесүн-іјер јагакіджу јабуху буі* (Викр.—73) ‘как может Шалу жить вместе со зверями’; бур. *Алма Гоохон хатанаараа Абай Гэсэр хаан инаг наадаар зугаалба* (Ант.—3) ‘Абай Гесер-хан нежно забавляется со своей другой Алма Гоохон’, *манаар хайшан гээд худа орохобта?* (Ант.—67) ‘да как же вы с нами станете сватами?’, *олон хүнөөр боосолдобо* (Ант.—82) ‘поспорил (на-пари) со многими людьми’, *Шаазгай-хаан сэргээрээ ерэжэ ябана* (Ант.—74) ‘Шазгай-хан идет со своим войском’.

Следует подчеркнуть, что орудный совместный образуется только от первой основы: бур. *мориноор* ‘вместе с конем’, но *мориор* ‘на коне’, ‘конем’.

Сказанное не всегда распространяется лишь на классический язык в том смысле, что в этом языке от первой основы могут быть образованы все виды орудного падежа, хотя под влиянием устной речи также имеется вторая основа, от которой образуются все падежи, кроме родительного, исходного и дательного-местного.

11. Орудный замены обозначает предмет, который употребляется вместо другого предмета, и отличается от орудного материала тем, что предмет, обозначаемый словом в орудном падеже, не подвергается обработке: бур. *һүүдэрээр нөхөр хэхэ, һүүлээр минаа хэхэ* (поговорка) ‘вместо друга иметь свою тень, вместо кнута иметь хвост’ (букв.: ‘своей тенью сделать друга, хвостом сделать кнут’), *хуһанай үндэһөөр сай хэбэ* ‘вместо чая — коренья березы’.

12. Орудный причины обозначает предмет, оказавшийся причиной какого-либо действия: классич. *ејимү магу джегүдүн-іјер джі-рүкен-дүр іјлемджі гашігун оруба* (Гр-ка Шмидта — 160) ‘вследствие такого плохого сновидения в сердце закралась большая горечь’; халхаск. *чи залуугаараа урьдаар харвана уу, би настайгаараа урьдаар хар-*

вана уу (X. Т.—111) 'ты ли, как младший, будешь раньше стрелять; я ли, как старший, буду стрелять раньше?'

В разделе о причастиях II тома настоящей работы подробнее говорится об орудном причинии так же, как и об орудном цели.

13. Орудный образа действия является весьма распространенным и очень разнообразным. И это разнообразие можно показать лишь на примерах употребления орудного падежа, который определяет то или иное действие с разных сторон — в зависимости от лексического содержания каждого данного имени: классич. *тере-ану үнекер сајин-іјар јеке болугсан бусу, хагурмаг ара-бар јеке болугсан* (Вл.—491) 'она (лиса) сделалась великой не по правде, не по-хорошему, а при помощи лукавства и обмана, *біден-у джол-іјар урідү-јин монгол-ун үлдегеген сојол-ун об неліјед бајаліг јум* (Ц.—1—30) 'к нашему счастью, мы имеем богатое культурное наследие, оставленное прежними монголами', *бригада-бар јабуху күмүс* (Лубс.—225) 'люди, которые идут бригадами', *дебтер-і күмјүн нігебүр-дүр арбагад-іјар нугдагул-джухуі* (Лубс.—107) 'тетради раздали по десять на каждого человека', *далаі улаган-іјар көделджі бајіба* (Г.—56) 'море волновалось [покрываясь] красным [цветом] (т. е. алея)', *сајин-іјар сурулчаараі* (Чб.—56) 'учись хорошо', *алаху-јин магу-бар ала* (Г.—71) 'убей самой лютой смертью', *ајил-іјар күмјүн, ачіја-бар темеген јабуху джам* (X. X.—118) 'дорога, по которой люди [могут] проходить [цельными] айлами, верблюды с вьюками'; халхаск. *буураар тэмээ өгье, бухаар үхэр өгье-хуцаар хонь өгье, ухнаар ямаа өгье; энэ шувуу надад өгч болно уу* (X. Т.—128) 'дам верблюдиц с верблюдом, коров с быком, овец с бараном, коз с козлом; дай мне эту птицу!' (верблюдом и т. д. обозначает, что предлагаются целые стада с самцами во главе, так сказать, полные комплекты животных), *би хөдөө багшаар явав* 'я поехал в степи в качестве учителя (учителем)', *ажлаа амжилттайгаар биелүүлэв* 'работу выполнили с успехом'; бур. *хүн зон олоороо сугларшанан байна* (Ант.—83) 'народ собрался во множестве', *Абай Гэсэр хаан гурбан мянган хяанараа нэгэ нэгээр золгожо, нэрэ нэрээрнэ дуудана* (Ант.—5) 'Абай Гесер-хан три тысячи своих пажей поодиночке встречает, каждого по имени называет', *айл зон аймагаараа адууһа малаа туужа нүүдэлээрээ гараба* (из эпоса „Аламжи Мэргэн“) 'люди выходили целыми родами и кочевьями, гоня свой скот', *шуһаар ханяаха* 'харкать, кашлять кровью'; ойратск. *зурч зурган сәйнәр зурджана* (Павл.—48) 'художник пишет свою картину красиво'.

14. Орудный качественного объекта заключается в том, что соответствующее имя в орудном падеже, управляемое качественным именем или производным от последнего глаголом, определяет какой-либо предмет, показывая, в чем проявляется его признак: классич. *гаджар-іјар хола, хоуртан-іјар олан чі мінү јагакіджу күркү* (Викр.—28) 'как же ты достигнешь, ведь у тебя путь долгий, а врагов много' (букв.: 'землею далек, врагами обилен ты'); халхаск. *унасан морь эцэж ул туруугаар муудав* (А. Зох.—21) 'лошадь, на которой (он) ехал, устала, и копыта ее стали худыми' (букв.: 'копытами похудела'), *хүнүүдээр онү дутагдаж байгаа* (Б. Цэв.—6) 'особенную нужду испытывает в людях' (букв.: 'людьми особенно недостает'); бур. *адуу малаар баялиг, алта мүнөөр элбэг* (Ант.—53) 'богат табуном и скотом, избилен злато-серебром', *малаар баяжаха* 'разбогатеть скотом', *эдихэ эдээгээр муухан бэшэ, эдлэхэ эдээр хомор бэшэ* (Ант.—66) 'не плохо с питанием, не скуден имуществом'.

Предметное имя в орудном падеже перед качественным именем, обозначающим 'полный', 'наполненный', выражает либо место (или посуду), чем-либо заполненное, либо, наоборот, предмет, которым что-либо

‘заполнено: классич. *горухан-іјар дүүренг джіраахаі үджебе* (Лубс. — 56) ‘увидел пескарей, наполнивших (собою) ручеек’ (букв.: ‘ручейком полных пескарей увидел’); халхаск. *уутаар дүүрэн алт мөнөтэй болоод* (А. Зох. — 45) ‘получил полный мешок злата-серебра’ (букв.: ‘мешком полный злато-серебро иметь стал’); бур. *хожом хайрсагаар дүүрэн мүнэ алта үгэхэб* (Ант. — 70) ‘потом я дам тебе полный ящичек (букв.: ‘ящичком полный’) денег и золота’, *араар дүүрэн арбан мянган адуутай* (Ант. — 54) ‘имеет десять тысяч лошадей, наполнивших всю тeneвую сторону’ (горы); но халхаск. *айл малаар дүүрэн* (Б. Цэв. — 73) ‘айл наполнен скотом’; ойратск. *алтн шар буудясар амбармууд дүүрч дельнэ* (Павл. — 38) ‘золотисто-желтой пшеницей наполнены амбары’.

А. Бобровников („Грамматика“, § 432) также останавливает свое внимание на глаголе *дүүрекү* ‘наполняться’, управляющем орудным падежом: 1) *субусун-ні гер-іјер-ні дүүрегесен* ‘жемчугом у него наполнен дом’ и 2) *гер-ні субусун-іјар дүүрегесен* ‘дом у него наполнен жемчугом’. По справедливому мнению А. Бобровникова, в первом случае (когда в орудном падеже дано имя, обозначающее содержащее, а не содержащее) ответ дан на вопрос: сколько у него жемчуга? Во втором случае, наоборот, отвечают на вопрос: чем у него наполнен дом?

В отношении употребления орудного падежа текст „Сокровенного сказания“ не представляет ничего особенного по сравнению с тем, что мы находим в современных монгольских языках, между которыми в этом отношении нет каких-либо особых расхождений, если не считать особенностей ойратских причастий в данном падеже.

СОЕДИНИТЕЛЬНЫЙ И СОВМЕСТНЫЙ ПАДЕЖИ

Соединительный падеж (наличный только в классическом языке, ордосском, ойратских и некоторых других диалектах, но отсутствующий в халхаских и бурятских диалектах) обозначает предмет, вместе с которым другой предмет совершает какое-либо действие или находится в одинаковом состоянии: классич. *нада-луга данг гурбан багатур-і мінү іре ге* (Г. — 70) ‘скажи, чтобы пришли три богатыря, подобные мне’ (букв.: ‘подобные со мною’), *бі нөкөр-лүге-бен агул-джаба* (Лубс. — 196) ‘я встретился со своим товарищем’; ойратск. *Дава нанла балгэс орла* (Павл. — 30) ‘Дава со мною поехал в город’, *эн хон бүрүлэ айд ик* (Павл. — 34) ‘эта овца так же велика, как двухлетний теленок’ (букв.: ‘эта овца с теленком одинаково велика’).

В пекинском издании „Шидиту кюра“ встретилось следующее употребление соединительного падежа (стр. 1 и 23): *тегүн-лүге хола буса ниген орун-дур* ‘в одном месте недалеко от него’, *тегүн-лүге хола бусу ниге бере-јін гаджара* ‘недалеко от него, на расстоянии одной мили’.

В данном случае мы ожидали бы вместо соединительного падежа, конечно, исходный.

Совместный падеж в классическом языке (под влиянием устной речи) и в ойратских диалектах вместо соединительного падежа, т. е. в комитативном значении, употребляется чрезвычайно редко. В ойратских диалектах совместный падеж в комитативном значении употребляется преимущественно при наличии возвратного притяжания: *би дү-үтэйгэйн одлав* (Павл. — 35) ‘я отправился со своим младшим братом’.

Вообще же в классическом языке и ойратских диалектах совместный падеж, как и в прочих монгольских (халхаском, бурятских и т. д.) диалектах, очень широко употребляется в атрибутивном и предикативном положениях со значением ‘имеющий то-то’ (иначе говоря, имя в этом падеже часто соответствует русскому относительному прилагательному типа ‘снежный’, ‘конный’ и т. п.): классич. *дабусутай усун* ‘соленая вода’, *амджилта-тай аджил* ‘успешная работа’ (букв.: ‘с успехом работа’),

би *малгай-тай* 'я в шапке, я имею шапку' (букв.: 'я с шапкой'); ойратск. *нарта өдр* 'солнечный день', *мортā күн* 'всадник' ('с конем человек'); бур. *ууртай хүн* 'сердитый человек' (букв.: 'с гневом человек'), *түлэһэн гал гуламтатайб, нарихан шарга моритойб* (Ант.—32) 'имею я очаг, где горит огонь; имею я стройного солового коня'; халхаск. *бүстэй хүн* 'мужчина' (букв.: 'с поясом человек'), *устай газар* 'водная местность' (букв.: 'с водой местность'), 'местность, где есть вода'.

Обстоятельственные слова типа русских с *успехом, планово* и т. д. в монгольских языках употребляются в двойном падеже — совместно-орудном, например: классич. *амджилта-май-бар* 'с успехом', 'успешно'; халхаск. *төлөвлөгөөтэйгөөр* 'планово' (букв. 'с планом'); ойратск. *үэм-джтэйгээр* 'с красотой', 'красиво', 'образцово'; бур. *тоһотойгоор* 'с маслом' (на вопрос: как?).

Равным образом совместный падеж служит для обозначения предмета, являющегося по отношению к содержимому в нем тарой или посудой. Иначе говоря, если по-русски говорят *ведро с водой*, то по-монгольски, наоборот, следует говорить 'вода с ведром': классич. *хомха-май рашижан* (Вл.—473) 'нектар в кубке, кубок с нектаром', *аман-май ми́ха* (Вл.—469) 'мясо во рту' (букв. 'со ртом мясо') — о собаке, которая бросается на свое отражение в воде; халхаск. *то-гоотой суу* 'котел с молоком', *аягатай цай* 'чашка с чаем'; бур. *һуул-гатай уһан* 'ведро с водою'; ойратск. *уутта мах* 'мешок с мясом'.

Кроме того, в халхаском, бурятских и некоторых других диалектах, где нет соединительного падежа, вместо него очень широко применяется совместный падеж в комитативном значении: халхаск. *надтай яв* 'пойдем со мною'; бур. *Ойдоб хэнтэй барилдаба?* (Им.—82) 'с кем боролся Ойдоб?'

Но так как совместный падеж имеет очень широкое применение в атрибутивном и предикативном положениях, то в халхаском и бурятских диалектах, за неимением соединительного падежа, совместный падеж в обстоятельном положении либо заменяется орудным падежом от первой основы (см. выше), либо сопровождается послелогом *хамт ~ хамта* и производным от него глаголом (особенно — в халхаских диалектах): халхаск. *та бидэнтэй хамт номын санд очих уу?* (Б. Цэв.—78) 'вы с нами пойдете в библиотеку?', *тэдэнтэй хам-тарч жаахан тоглоод ирье* (Б. Цэв.—79) 'поиграем немного с ними'.

Лишь положение перед глаголом или наличие окончания возвратного или личного притяжания может „избавить“ совместный комитативный от понимания его как совместного атрибутивного, как это мы покажем на следующих халхаских примерах *ad hoc*:

1) *эхнэртэй хүн ирэв* 'пришел женатый человек', но *эхнэртэйгээ хүн ирэв* 'человек пришел со своей женою', *эхнэртэй нь хүн ирэв* 'с его женою пришел человек';

2) *дээлтэй хүн ирэв* 'пришел человек в шубе', но *хүн дээлтэй ирэв* 'человек пришел с шубой' (например, от портного, выполнившего заказ). Соединительный и совместный падежи служат также для обозначения обстоятельства времени, например: классич. *биде үр чајиху-луга хамту мордаба* (Лубс. 215) 'мы выехали [одновременно] с рассветом'.

Глава 4

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОСЛЕЛогов

Ниже мы даем обзор послелогов, наиболее употребительных в монгольских языках и диалектах, так как послелогов, во-первых, дополняют и уточняют то, что может быть выражено и выражается падежами, а, во-вторых, представляют собою ту область, в которой наиболее

заметны расхождения между этими языками и диалектами. Обзор этих послелогов дается в следующем порядке:

- 1) *болбол* — показатель подлежащего;
- 2) *джерге* — управляет родительным падежом и основой;
- 3) *гадана* — „ „ исходным падежом;
- 4) *ѳбере ~ ѳгере* — „ „ „ „
- 5) *илегѳѳ* — „ „ „ „ и основой;
- 6) *бајітугай* — „ „ „ „ „
- 7) *барам* — „ орудным падежом;
- 8) *адалі* — „ совместным, соединительным и родительным падежами и основой;
- 9) *метѳ* — „ родительным падежом и основой;
- 10) *шіңгі* — „ „ „ „
- 11) *шіг* — „ основой;
- 12) *чінеге* — „ родительным падежом и основой;
- 13) *хамту* — „ совместным и родительным падежами;
- 14) *сачугу* — „ родительным падежом;
- 15) *тула* — „ „ „ и основой;
- 16) *тѳлѳге* — „ „ „ „
- 17) *учір* — „ „ „ и основой;
- 18) *тухаі* — „ „ „ „
- 19) *јосугар* — „ „ „ „
- 20) *орун-дур* — „ „ „ „
- 21) *ару-дур* — „ „ „ „
- 22) *дегерге* — „ „ „ и основой;
- 23) *доур-а* — „ „ „ „
- 24) *думда* — „ „ „ „
- 25) *дергеде* — „ „ „ „
- 26) *тагагу* — „ „ „ и основой;
- 27) *есеріѳѳ* — „ „ „ родительным падежом и основой;
- 28) *джѳг* — „ „ „ „ „
- 29) *уругу* — „ „ „ и основой;
- 30) *ѳгеде* — „ „ „ „
- 31) *дарага* — „ „ „ родительным падежом и основой;
- 32) *бѳрі* — „ „ „ и основой;
- 33) *емѳне* — „ „ „ родительным и исходным падежами;
- 34) *урід, урда* — „ „ „ „ „
- 35) *хојіна, хојіші* — „ „ „ „ „
- 36) *сеіѳлді* — „ „ „ „ „
- 37) *дотор* — „ „ „ родительным падежом и основой;
- 38) *турші* — „ „ „ „
- 39) *сѳ* — „ „ „ и основой;
- 40) *джагура* — „ „ „ родительным падежом и основой;
- 41) *хогоронду* — „ „ „ „
- 42) производные от *іна-* и *чіна-* (*інаш* и *чінаш*);
- 43) *кѳртел-е* — управляет дательным-местным падежом и основой;
- 44) *шіхам* — „ „ „ „ „ „

Классификацию этих послелогов мы пока оставляем в стороне, так как это может быть проделано в частных грамматиках. Рассмотрим их образование и употребление.

1. Классич. *болбасу*, халхаск. *болбол ~ бол*, бур. *болбол*, ойратск. *болхла* представляет собою форму условного деепричастия глагола *бол-* 'стать', 'сделаться' и употребляется в качестве показателя логического ударения, особенно подлежащего; классич. *арад-ун аман джокіјал болбасу джабал-а ѳберун ајімаг дотор-а хочораху јосутаі*

бусу (Л. сб. — 3) 'народный фольклор не должен распространяться только в пределах своего аймака'; ойратск. *би болхла цагтан ирк билэв* (Павл. — 19) 'я должен был прибыть своевременно'; бур. *кит болбол хүнтэжээлтэ амитан мүн* (Им. — 173) 'кит есть млекопитающее животное'.

Употребляется этот послелог в качестве показателя подлежащего потому, что в противном случае подлежащее может быть иногда понятно как один из однородных членов предложения, поскольку лишь последний из них принимает соответствующий показатель. Однако в речи замечается крайнее злоупотребление этим показателем, который часто употребляется как при отсутствии логического ударения, так и при отсутствии особой необходимости выделить подлежащее; это явление можно сравнить с излишним употреблением в русском языке слов типа „так сказать“ и т. п.

2. Классич. *джерге*, халхаск. *зэрэг*, бур. *зэргэ* 'ряд', 'степень', 'способ' в классическом и халхаском, оказываясь послелогом, употребляется в уподобительном и обобщительном значениях (как в староклассическом *тергүүтен*) 'и тому подобное' и принимает на себя окончания соответствующего падежа (как и обобщительные *бүрү*, *бүкүн* 'каждый', *хоjár* 'двое', *гурбан* 'трое' и т. д.): классич. *көнүсү джерге-ји өгчү* 'давая продукты и тому подобное', *кеүкед-тјен шимнус-ече буругулагсан джерге жабудал-и бүрүн-е ајіладхагсан* (Викр. — 21) 'полностью доложили о том, как спасли детей от шимнуса¹ и о тому подобных (прочих) приключениях'.

Этот послелог в форме орудного падежа приобретает значение 'путем' при причастиях, которые при этом на русский язык могут переводиться деепричастиями: халхаск. *үүдээ эсгийлэх, хаяа хадавчийг манах бөглөх зэргээр өвлийн бэлтгэлийг хийж дулаалав* (Талх. — 9) 'готовясь к зиме, утеплили [здание] путем покрытия дверей войлоком и устранения щелей в стенах'; классич. *ене амитан-и көллекү джерге-бер ашгаламуј* 'этих животных используют в упряжке'.

Производное от *джерге* имя *джергечеге* в орудном падеже имеет значение 'одновременно', 'наряду': классич. *керег аджил оманта гаругсан-у джергечегебер* 'одновременно с тем, что появилось много дел и работ', *тегүн-ү джергечегегер* 'наряду с этим'.

Как мы видим, последний послелог требует имени в форме родительного падежа, тогда как *джерге* = *зэрэг* — чистую основу (вторую).

Отметим, что *джерге* = *зэрэг* в сочетании с препозиционным *ниге* = *нэг* 'один' употребляется в качестве наречия со значением 'разом', 'дружно' или 'как один': классич. *ниге джерге јабумуј теде* 'идут они как один'; бур. *нэгэ зэргэ дуугаа татаба* 'разом затанули свою песню'.

3. Классич. *гадан-а*, халхаск. *гадна*, бур. *гадана* 'кроме' требует исходного и иногда родительного падежа: классич. *хоjár джаун чино-а абалагсан-у гадан-а едүј тедүј аджил-и јабугубба* (Эрхе — 101) 'забили на облове четырех волков и, кроме того, провели большую работу'; халхаск. *түүнээс гадна* 'кроме того', *тоог үсгээр бичихээс гадна бас тусгай тэмдгээр тэмдэглэнэ* 'числительные отмечают не только прописью, но и особыми знаками' (цифрами; букв.: 'помимо, или кроме, написания числительных буквами также обозначают особыми знаками'); бур. *энээнһээ гадана* 'кроме этого'.

В классическом языке *гадан-а* имеет еще значение 'вне', требуя родительного падежа: *гер-үн гадан-а* 'вне юрты'. В этом же значении употребляется халхаск. *гадаа*, бур. и ойратск. *газаа*, который является собственно наречием со значением 'во вне', 'во дворе', 'на улице':

¹ Шимнус — сказочное существо.

ойратск. *газа хур орджана* (Павл. — 51) 'на дворе идет дождь', *школиннь газа* (там же — 52) 'во дворе школы'; бур. *гэрэй газаа* 'вне юрты'; халхаск. *хашааны гадаа* 'вне двора', 'на улице', *гадаа явна* 'идет на дворе'.

Наречие-последок *гадан-а* разлагается на омертвелый *гада-* (ср. *гаджа-р* 'земля', *гада-р* 'покрой платья', *гада-гур* 'вне'; халхаск. *хичэ-элээс гадуур* 'внешкольный', 'вне занятий') и *-на*, элемент, который мы находили в местоименных основах.

4. Классич. *обер-е ~ өгер-е*, халхаск. *өөр*, бур. *өөрэ*, ордос. *өрö* 'иной', 'другой', в качестве послелога — 'иначе чем', 'кроме' — управляет исходным падежом: классич. *гар-тур оругсан хојіна кебтекү-ече обер керег үгеі* (Викр. — 46) 'раз мы попались, то ничего другого не остается, как лежать', *чинү амін-дур гаруджа болху-ече обер керег үгеі* (Вл. — 486) 'кроме убьѣли для твоей жизни, ничего не будет', *гер багулаху-ече өгере аджил үгеі шіхам болугсан бајіна* (Чб. — 39) 'почти ничего не оставалось делать, кроме как разобрать юрту'; халхаск. *тэрэинээс өөр* 'кроме телеги', *өвснөөс өөр* 'кроме сена'; бур. *намһаа өөрэ хүн шадах гүй* 'никто, кроме меня, не сумеет'.

В абсолютно аналогичном употреблении встречается бур. и халхаск. *ондоо* (классич. *ондоо* — несомненно, заимствованное из устной речи — встречается очень редко): халхаск. *цагаан азарганаас ондоо юм хөдөл-гөдөгүй юм* (А. Зох. — 41) 'кроме белого жеребца никто не сдвинет (телегу)'; бур. *энээнһээ ондоо газар үгүй гү?* 'нет ли другого места, кроме этого?'

В ойратских диалектах вместо этого послелога употребляется *тал*, также управляющий исходным падежом (в данном значении; управляя родительным падежом, он имеет значение 'к', о чем речь будет идти особо): *чамас тал нанд күйн шулун бичг бичхш* 'кроме тебя никто мне так часто не пишет письма'.

5. Классич. *илегүй*, халхаск. *илүү*, ордос. *илү ~ илү*, бур. *илүү ~ улүү*, монгор. *фулүү*, ойратск. *илү ~ үлү* 'больше', 'свыше', 'кроме', 'лучше' и 'лишний', 'излишек'; в качестве послелога управляет только исходным падежом: классич. *дутагаху-ече илегүй ара үгеі* (Викр. — 46) 'остается только бежать; нет [другого] выхода, кроме как бежать', *бі мартаджу табун джагун джил-ече илегүй долуган джагун джил сагуджу бајінам бі* (Г. — 2) 'я забыл (срок) и пребываю [здесь] более пятисот лет, семьсот лет'; халхаск. *тэр хүнээс энэ хүн илүү байх ёстой* (А. Зох. — 5) 'этот человек лучше того человека'; монгор. *харвандза фулүү* 'больше десяти', *фулүү сара* 'лишний месяц'.

Если это слово в качестве послелога при исходном падеже отвечает на вопрос 'больше чего?', то при основе — 'насколько больше?' например: классич. *хорін джил илегүй* 'больше на двадцать лет'.

Однако у Дэндуба мы находим (стр. 5): *штра-јін шашин-і еркімнен, манджу хан-дур штүгсегер хојар джагу илегүй он монгол хан ванг джасаг-уд...* 'монгольские ханы, ваны и дзасаки после того, как перешли в буддизм и подчинились маньчжурскому императору, более двухсот лет...'

6. Классич. *бајітугаі* 'не только', 'какое там' представляет собою форму повеления 3-го лица глагола *бајі-* 'быть' и встречается только в классическом языке (в халхаских и бурятских диалектах иногда обнаруживается как явное заимствование из классического языка): *ене кеукен-лүге нөкүрлекү чу бајітугаі, джисү-ји-инү үджегсен үгеі* (Викр. — 26) 'не только не дружил с этой девушкой, [но и] вида ее не видел', *джарім-дур дагулаху бајітугаі бачімдан агурлагсагар очімуі* (Л. сб. — 94) 'иногда приходится идти расстроенной, какое там петь!'; халхаск. *шар торгон дээлтэй ч байтугай, шар эсгий ч өмсөж үзээгүй* (А. Зох. — 28) 'никогда) не одевал даже (платье из) желтого войлока,

не говоря уже о халате из желтого шелка; бур. *тэрэшни намтай ханилхааа байтагай, гэр бараандаашье бү шагаа, тонило гэжэ үлдэнэ* (Ант. — 60) 'она не только не дружит со мною, но и не позволяет даже заглянуть в ее юрту', *шамда бухал үбһэ гэхэхээ байтагай өөрөө хаанаһаа бухал үбһэ олохомни ааб гэжэ һуунаб!* (Ант. — 84) 'какое там дасть тебе копну сена, я и сам думаю, где бы мне себе взять!'

Во всяком случае эта глагольная форма является весьма своеобразным послелогом и всегда употребляется, не требуя в классическом языке и халхаском диалекте от управляемого ею слова никакого оформления, так как она в своей основе представляет собою непреходный глагол; собственно управляемое слово ставится в именительном падеже, что легко видеть в примерах с личными местоимениями. Но в тексте сказания о царе Викрамадितье, как и в бурятских диалектах, обнаружился один пример, в котором этот послелог управляет исходным падежом: *ниген кумјун гагча ідекү-ече бажтугаі олан кумјун насу барутала ідеджү бажиху бују!* (Викр. — 13) 'множество людей будет кушать это до конца своих дней, и какое там съесть одному человеку!'

В связи с последним примером нельзя не учесть весьма распространенный в некоторых бурятских диалектах оборот с тем же исходным падежом и с тем же значением. В качестве примера такого оборота приведем типичную в эпосе фразу, с которой обращаются к герою, гиперболически описывая непреодолимые преграды на пути: *шамһаа болохо далита ехэ шубуун гарахагуй юм!* 'не только тебе, но и большой крылатой птице не пробраться!', *шамһаа болохо ехэ амбан ноёдоор бодожо сааалаагуй юмэл!* (Ант. — 82) 'что о тебе говорить: [он] чтобы вкусить „белое“ (приветственный напиток из молока), не встает (с места) даже в присутствии великого сановника и (прочих) чинов!'

7. Классич. *барам*, халхаск. *барам*; этот послелог — отглагольное образование (классич. *бара-*, халхаск. *бар-* 'кончать' требует винительного падежа) — употребляется только с препозиционным отрицанием *үлү ~ үл* 'не' и с общим значением 'не только', 'не ограничиваясь', требуя только орудного падежа; в бурятских, ойратских и прочих диалектах не встречается. Примеры: классич. *гер-үн аджил кігсен-іјер үлү барам кёдеге кегере мал-іјан ерін јабумуі* (Ү. — 2100) 'она не только занимается домашней работой, но и присматривает в степи за своим скотом'; халхаск. *үүгээр үл барам* 'не ограничиваясь этим'.

8. Классич. *адалі*, халхаск. *адил*, бур. *адали*, ойратск. *әдл*, монгор. *далі* 'похожий', 'одинаковый'; 'похоже', 'одинаково'.

В классическом языке управляет родительным, соединительным, совместным и дательно-местным падежами: *ендекі-јін ніген адалі* (Талх. — 61) 'так же, как здесь', 'одинаково со здешним', *урід-ун адалі* (У. О. — 197) 'попрежнему', 'одинаковый с прежним', 'подобный прежнему', *ене моду ондүр-ану нада-луга адалі біле* (Вл. — 496) 'это дерево высотой было равно со мною', *темеген-теі адалі* (Ү. — 756) 'одинаково с верблюдом', 'верблюдоподобный', *мину богда-дур адалі ердемтү болбасу чинү хатун болоја* (Викр. — 116) 'если [ты] по учености равен моему повелителю, то я буду твоей супругой', *ене-бер ман-у адалі үнеге* (Вл. — 491) 'это такая же лисица, как и мы', *өбер-үн бејен-дур адалі ніген јеке амітан* (Вл. — 486) 'одно существо было такое же большое, как и он сам'.

В „Сокровенном сказании“ этот послелог управляет дательно-местным падежом и основой: *күүн бер, морін бер чіно сураку-тур адалі біју* (§ 31) 'и человек и конь, как раз такие, как ты спрашиваешь', *катун-о уке-тур адалі болкаджу* (§ 155) 'нашел [ее] такой, как говорила царица', *очіл адалі* (§ 197) 'похоже на намек', *үгес адалі* (§ 197) 'похоже на слова'.

Те же падежи сохраняются и в том случае, если от этого имени образуется глагол *адалдха-* 'сравнивать', но всего предпочтительнее оказываются соединительный и совместный: *тегун-луге чимажи адалдхабасу* (Викр. — 10) 'если сравнить тебя с ним'.

В монгорском языке и ойратских диалектах с этим словом употребляется соединительный падеж: монгор. *морла далг сгва* (Мост. — 42) 'такой же большой, как и конь'; ойратск. *мана ноха чонла адлар уульна* (Павл. — 55) 'наша собака воет по-волчьи', *би чонла адл ноха узвв* (там же) 'я видел волкоподобную собаку'.

В бурятских диалектах этот послелог встречается с родительным или с совместным падежом, а также и с первой основой, причем имеет место сращение с управляемым словом, при котором послелог весьма часто выступает в очень усеченной форме: *минидли* (← *мини адали*) ~ *намдл* (← *нам адали*) 'так же (такой же), как и я'.

В халхаском диалекте при этом слове мы находим чаще всего первую основу и соединительный падеж: *туунтэй нээн адил* (А. Зох. — 3) 'одинаковый с ним', *урид адил* (там же) (в классическом языке мы находим *урид-ун адали*, т. е. родительный падеж) 'попрежнему', *хуутэй адил дуугаар* (А. Зох. — 43) 'детским (как у ребенка) голосом'; бур. *намдал адали зоблонтой амитан үгы ха даа* (Ант. — 60) 'кажется, нет никого, кто страдал бы подобно мне'.

Как видно из примеров, этот послелог служит для оформления синтаксической связи имен как с именами, так и с глаголами, т. е. встречается как в обстоятельном сочетании, так и в атрибутивно-предикативном. В бурятских диалектах он, будучи предикатом и управляя дательным-местным падежом, может выступать со значением обстоятельного наречия 'безразлично', 'все равно': *энэ намда адали* 'это для меня безразлично (все равно)' (не хуже и не лучше других).

Таким образом, *адали* ~ *адил*, являющийся качественным именем с наречно-последельными функциями, управляет главным образом соединительным или, при отсутствии соединительного, совместным падежом. Употребление родительного падежа обусловлено аналогией и имеет место в силу той общей тенденции, вследствие которой данный падеж вытесняет собою все прочие падежи в последельных конструкциях. Употребление при этом слове первой основы, что особенно характерно для западнобурятских диалектов, является, как нам кажется, сравнительно новым явлением: поскольку при послелог с четким значением семантическая ценность показателя того или иного падежа утрачивается, постольку на смену последней выступает соответствующая основа.

Иногда параллельное употребление разных падежей приводит к тому, что при этом послелог намечается появление некоторых оттенков, в той или иной степени оправдывающих падежное разнообразие. Так, если в классическом языке родительный, соединительный, совместный и дательный-местный падежи при послелог *адали* употребляются в общем безразлично (само разнообразие падежей при одном и том же послелог обусловлено влиянием разных диалектов), то в западнобурятских диалектах при совместном падеже послелог *адали* чаще всего выражает локально-временное обстоятельство со значением 'одновременно', т. е. 'одинаково во времени' (*намтай адали* 'одновременно со мною'). Кроме того, при этом же падеже данный послелог употребляется и тогда, когда хотят отметить неуместное подражание, а потому то же выражение *намтай адали* имеет значение: 'тоже (сделал то-то), как и я'. Как мы уже отметили, этот послелог в тех же западнобурятских диалектах при дательном-местном падеже приобретает уже новое значение 'безразлично', 'все равно' и употребляется в этом значении главным

образом предикативно. В агинско-бурятском говоре, как и в некоторых диалектах Восточной Монголии, дательно-местный падеж вообще является употребительным при данном послелого. Именно влиянием восточно-монгольских диалектов обусловлено употребление дательно-местного падежа при этом послелого в классическом языке.

Вместе с тем нельзя не отметить того обстоятельства, что в ойратских (и прочих монгольских) диалектах намечается тенденция проводить формальное различие между определительным и обстоятельственным употреблением этого послелога; в первом случае послелог *адал* выступает неформально, а во втором — в форме орудного падежа, например: *чонла адал ноха* 'волкоподобная собака' и *чонла адалар* 'так же, как волк', 'по-волчьи'. Изложенное не может не заставить нас видеть в этом послелого его отпочкование от группы качественных имен. Последние в современных монгольских языках и диалектах тем и характерны, что они в качестве обстоятельства образа действия чаще всего начинают выступать именно в форме орудного падежа, а в качестве атрибута имени — без особого оформления, тем самым давая начало появлению в названных языках новых имен прилагательных и наречий образа действия.

9. Классич. *метү*, халхаск. *мэт*, бур. *мэтэ*, ойратск. *мет*, ордос. *метү ~ мотү*, монгор. *маду*, 'как', 'подобно', 'вроде' управляет первой основой или, при личных местоимениях, родительным падежом: классич. *тере метү олан-и жариху үгеі* (Лубс. — 204) 'не [следует] говорить много подобно тому [человеку]', *хубинг-іжер асхагсан метү жеке хура оруба гекү метү* (Лубс. — 208) 'пошел большой дождь — как будто полили из ведра (такой большой, как ведром полили)' (*гекү метү*, халхаск. *гэх мэт*, бур. *гэхэ мэтэ* 'и тому подобное'), *далаі метү* 'как море', *серіүкен джібер бргесү-бер хадхаху метү үліједжу* (Чб. — 40) 'прохладный сырой ветер дует [так], как будто колет шипами', *нере үге-јін метү тејін ігал-іјар ігаадаху үгеі, үјіле үге метү хубілху үгеі* (Лубс. — 162: в первом случае — родительный падеж, во втором — основа!) '[служебные слова] не склоняются как имена, не спрягаются как глаголы' ('как' = 'в отличие от'), *чинү метү очүкен* 'ничтожный вроде тебя', *минү метү-ји* 'таких как я'; халхаск. *энэ мэтийн үгс* 'подобные слова' (слова этого рода), *энэ мэт самнаж* 'причесываются вот так' (букв.: 'это + подобно'), *залуу мэт* 'точно молодой', *галзу-урсан мэт* 'точно бешеный', 'будто взбесился', 'как сумасшедший'; ойратск. *загьсн мет* 'как рыба'; бур. *айха мэтэ шарайгаар* (Ант. — 6) 'притворившись испуганным' (букв.: 'с лицом, как будто испугался'), *ямаан мэтэ бааяжа, инзаган мэтэ шашхана* (эпич.) 'ревет как коза, плачет как козленок'; монгор. *куні маду* 'как человек', *муні маду* 'как я', *тіені маду* 'как тот', 'подобно тому', *кадам маду* 'как волк'.

Мы привели такое большое количество примеров, казалось бы, на абсолютно ясное употребление данного послелога именно потому, что нам пока не совсем ясно его отличие от послелога *адалі*, рассмотренного нами выше; у последнего шире лишь сфера употребления, ибо у него имеется еще значение 'одновременно' и т. д. Иногда можно установить, что *метү* от *адалі* отличается некоторым предположительным оттенком 'как будто', 'кажется' и т. д. В этом отношении разбираемый ниже *шингі* по своему значению и употреблению ближе к *адалі*.

Данные „Сокровенного сказания“ говорят нам о том же (см., например, § 21, 78, 176, 203 и другие).

10. Бур. *шэнги*, классич. (под несомненным бурятским влиянием) *шингі*, ойратск. *шнъ* ← *шині* 'вроде' управляет основой или иногда родительным падежом: бур. *морин шэнги* 'как лошадь', *зүрхэндэмни*

шэртэһэн ороһон шэнги шэрд гэнэ (Шад.) 'как будто у меня в сердце кольнуло лучиной' (букв.: 'как будто в мое сердце вошла лучина'), *уужам тала харагдаһан шэнги* (Ант.—254) 'как будто показалась широкая равнина'; классич. *сур шинги сунджі, сухаі шинги улајін кебтен* (Х. Х.—150) 'растянулся как ремень и покраснел как тамариск', *хада тосугсан шинги* (Х. Х.—138) 'как будто попало в скалу'; ойратск. *аю күүншнъ йовдж йовна* (Павл.—55) 'медведь ходит как человек', *шовуншнъ ниснә* 'летит как птица', *эн күүн үксншнъ кевтнә* 'этот человек лежит точно мертвый (как будто умер)'

В ойратских диалектах, как видно из последних примеров, **-шнъ** превратился в суффикс уподобления, чем и объясняется (конечно, не слитное написание само по себе) полная утрата гласного в составе **-шнъ**.

11. Классич. *-шиг ~ -шіг*, халхаск. *шиг*, бур. *-шиг ~ -шаг ~ -шиг* 'вроде', 'подобно' является послелогом только в халхаском диалекте, в прочих же диалектах и языках это уподобительный суффикс: халхаск. *ногоон торгон дээр сувд байх шиг ногоон талдаа хурга минь билчинэ* (Б. Цэв.—23) 'на зеленой равнине мои ягнята пасутся точно жемчужины (стоят) на зеленом шелку', *дээрээс буусан шиг, дэгнүүл дээр тогтсон шиг, хурын усаар угасан шиг, хурц хутгаар өөлсөн шиг* (загадка) 'точно сверху спустился, на дерне как будто стал, как будто вымыли дождевой водою, как будто бы обтесали острым ножом' (отгадка: яйцо), *түүн шиг үзээрлэг* (Б. Б.—14) 'такой (как тот) сад', 'точно такой же сад', *зуны сар шиг* 'как летний месяц', *мод шиг мохож* 'притушился точно дерево'; классич. *михашиг* 'мясоподобно', 'мясоподобный', *јекешиг* 'великоватый', 'великовато'; бур. *багашаг* 'маловато', 'маловатый', *хүншиг* 'как человек', 'человекоподобный'; халхаск. *өндөр-шиг* 'высоковатый', 'высоковато'.

Так как этот послелог и в халхаском является уподобительным суффиксом, то в качестве послелога он управляет второй основой. От послелогов *адалі* и *метү* этот послелог отличается тем, что обозначает чаще всего не полное уподобление, а приблизительное (отсюда при его суффиксальном употреблении получают слова со значением: 'маловато', 'великовато' и т. д.; примеры см. выше).

12. Классич. *чинеген*, халхаск. *чинээ*, бур. *шинээн*, ойратск. *чинән* 'мощь', 'размер', 'величина' в качестве послелога управляет родительным падежом или, иногда, основой и имеет значение 'величиною': классич. *агула-јін чинеге* 'величиною с гору', *едүі чинеге* 'столько', 'величиною как этот'; ойратск. *аагин чинән нүдән шаньгин чинә болдж* 'свои глаза величиною с чашу сделал [такими по величине] как ковш'; халхаск. *үхрийн чинээ* 'величиною с быка', *утсан чинээ амь* 'жизнь как шелковинка', 'величиною с шелковинку' (т. е. хрупкая и ценная), *төдий чинээ* 'столько', 'величиною или объемом как тот'; бур. *тэбишын шинээн* 'величиною с тарелку', *хормойн шинээн* 'величиною с подол', *энээн шинээн* 'величиною как этот'.

13. Классич. *хамту*, халхаск. *хамт*, бур. *хамта*, ордос. *хамту*, монгор. *хамді ~ хамду ~ ханді* 'вместе' и 'одновременно'; в качестве послелога управляет совместным или соединительным падежом, а также (в классическом языке и халхаском диалекте)—родительным: классич. *ечіге-јін хамту* 'вместе с отцом', *біде үр чајихуі-луа хамту мордаба* (Лубс.—217) 'мы поехали, когда стало рассветать (одновременно или вместе с рассветом)', *ејүн-ү хамту* 'вместе с этим'; халхаск. *хадмын хамт* 'вместе с тестем', *чамд ирэгний мах, есөн амшат идээний хамт шагна* (А. Зох.—8) 'вознаградим тебя бараниной вместе с девятью сладостями и яствами', *хад чулууны хамтаар түжэнэн унахад* (А. Зох.—38) 'когда [лев] упал с грохотом вместе со скалами

и камнями', *хүүтэй хамт явж* (А. Зох. — 30) 'шел с ребенком'; бур. *намтай хамт* 'вместе со мною', *дуулахатайгаа хамта нарин хүзүүнь тэбэрижэ* (Ант. — 50) 'обнял ее тонкую шею, восклицая... (вместе со своим восклицанием)', *ангуушадай ябахатай хамта үнэзэн гаража ерээд* (Ант. — 73) 'лисица вышла и пришла, когда охотники стали уходить'.

Из монгорского языка мы имеем возможность привести лишь примеры на наречное употребление: *буда хамди рева* 'мы пришли вместе', *хамду туродзан булэ* 'дети, родившиеся от разных матерей, но одновременно и в одном месте'.

Это наречие-послелог разлагается на **хам-** — корень, наличный во многих других словах, и **-ту** — формант совместности и обладания (ср. *мориту* 'конный', 'обладающий конем'). Таким образом, **хам-** обозначало что-то вроде 'совместность', 'общность' (ср. парное слово: *хум хам* 'кучей', 'в охапку'). В ойратских диалектах вместо *хамту* наличествует *хамдан* — форма дательного-местного падежа с возвратным притяжением от омертвелого корня **хам-**; в качестве послелога требует совместного или соединительного падежа: *үкрмүдлэ хамдан хөд аашна* (Павл. — 96) 'овцы возвращаются вместе с коровами', *теднтэй хамдан* 'вместе с ними'.

Иногда вместо *хамту* в разных монгольских (особенно — западно-бурятских) диалектах в том же значении употребляется классич. *чуг* = бур. *суг* и *сугтаа* (дательного-местный падеж с возвратным притяжением): бур. *суг* или *сугтаа ябая* 'поедем вместе'.

В „Сокровенном сказании“ мы находим *канту*, управляющий только соединительным падежом.

14. Кроме того, преимущественно в классическом и халха-монгольском языках управляемое причастие в родительном падеже сопровождается послелогом классич. *сачугу* ~ *чачугу*, халхаск. *цацуу* ~ *чацуу* 'вместе', 'одновременно': классич. *гејигүлкү-јин сачугу* 'одновременно с развеванием', *оруху-јин сачугу* 'одновременно со входом', 'в момент входа'; халхаск. *явахын цацуу* 'одновременно с уходом'.

Это слово вообще значит 'ровесник' и в этом значении известно всем монгольским языкам и диалектам, в качестве послелога требуя совместного падежа, например, бур. *намтай сасуу* 'ровесник', 'однолеток со мною'. В халхаском это слово со значением 'наравне', 'вместе' в качестве послелога управляет иногда тем же совместным падежом, например: *уулын олон өндруүд хөх огторгуйтай чацуу үзэгдээд* (Б. Цэв. — 19) 'многие вершины (высоты) горы виднеются наравне с синим небом (т. е. так же высоко)'.

Не подлежит сомнению, что в классическом и халха-монгольском языках послелоги *хамту* — *хамт* и *сачугу* — *чацуу* управляют родительным падежом не искони, и что в данном случае этот падеж так же отгесняет собою совместный падеж, как и при других послелогах.

15. Классич. *тула* ~ *тулада*, халхаск. *тул* ~ *тулд*, бур. *тула* ~ *тулада*, ойратск. (очень редко) *тул*, ордос. (как полагает А. Мостэр, заимствование из классического языка) *тула* 'так как', 'потому что' и 'для', 'ради', 'за', 'чтобы'. Этот послелог, сопровождаемый иногда формативом дательного-местного падежа, в своем употреблении весьма разнообразен, ибо обозначает и причину и цель. Сказанное требует от нас представления возможно большего количества примеров:

классич. 1) *чи бага күмүн-ү тула үлү медемү* (Викр. — 19) 'так как ты маленький человек (букв.: ты из-за маленького человека), то не знаешь';

2) *чи тере метү бусу-јин тула сауджу үлү болумү* (Викр. — 88) 'так как ты не подобен ему, то и нельзя [тебе] сесть [на этот трон];

3) *окин тиги-дур морику-жин тулада ене усук-дур оруджу угѣја* (Викр. — 107) 'так как предстоит (или: 'для того чтобы') молиться небесной деве, нужно вымыться в этой воде';

4) *би ергел медеку џгеи-жин тулада чинџ хоџинача дагасугаи* (Викр. — 108) 'так как я не знаю берегов, то буду следовать за тобою';

5) *мори саџин нохаи кумун-и келе медеку-жин тулада мори нохаи хоџар-и алаба* (Г. — 49) 'так как лошадь и хорошая собака понимали человеческую речь, то их убили';

6) *бусад-тур џнекер тусалабасу оберт-тур ачи харигу ирекуи-жин тула амитан-дур тусала* (Л. сб. — 51) 'помогай живым существам, так как тебя самого вознаградят, если ты будешь помогать искренно другим';

7) *усун џгеи-жин тула џабун џададжу* (Л. сб. — 68) 'так как не было воды, то не смог идти';

8) *би екенер-џн тула намаџи оркин чидабасу бер...* (Л. сб. — 69) 'если меня оставите потому, что я женщина...';

9) *бџтџекџи-е берке-жин тула џкумџи* (Л. сб. — 67) 'умру, так как (это средство) трудно осуществить';

10) *јеке кобеџн-џ тулада ене оџџкен кобеџн-дур хан орун џлџ кџртџџи* (Л. сб. — 67) 'из-за старшего сына этому младшему не достанется царский трон';

11) *нигенте орои болугсан-у тула одо гер-џн адџил кикџ керегтеи болба* (Л. сб. — 114) 'теперь пора заняться домашней работой, так как стало поздно';

12) *гагчаку сурчу судулху-жин тула джориджу буи* (Талх. — 16) 'стремится к тому, чтобы только учиться и изучать (науки)';

13) *едегер дџџил-и џџичедкен беџелеџлџ-жин аригун чебер-џн комис-тур... сонгуху* (Талх. — 17) 'для выполнения этих пунктов (решения) в санитарную комиссию избрать...';

14) *ерке оџџге-теи-бер кџдџиџлџ-жин тула оролдуму* (Талх. — 37) '(молодежь) борется для свободного развития (своей страны)';

15) *мину таџтан халтар-ун дагун мон-џ тула баџарлан* (Талх. — 14) 'я обрадовался, так как это был лай моей таежной собаки';

16) *та бџџде-жин тулада би гагчагар џкџсџгеи* (Хрестоматия Ковалевского — 32) 'я один умру ради всех вас';

17) *би ердем сурху-жин тула[да] џнекер санага талбимџи* (Лубс. — 205) 'я сосредоточил свое внимание на том, чтобы изучить науки';

18) халхаск. *џнэн учриг оџлгуулахын тул* (А. Зох. — 3) 'чтобы объяснить в чем дело';

19) *џврийн амиа хамгаалахын тул* (А. Зох. — 4) 'чтобы спасти (защитить) свою жизнь';

20) *џнэн худлыг џзэхийн тул* (А. Зох. — 6) 'чтобы узнать правду' (букв.: 'правду или ложь');

21) *миний амийг аварсны тулд* (А. Зох. — 28) 'за то, что спас мою жизнь';

22) *бурууг засахын тул* (Б. Б. — 21) 'чтобы исправить ошибку';

23) Мук. ал-Адаб: *конину тула модуні ар джасаксан котан* 'сарай для овец, сделанный из дерева';

24) бур. *би танай тулада хайшан гээд оролсохобиб* (Ант. — 59) 'как же я могу заступиться за вас';

25) *ан агнахын тула хайнаар буудажа нураха хэрэгтэй* (Им. — 173) 'для того чтобы идти на охоту, нужно научиться хорошо стрелять'.

Во всех этих примерах данный послелог управляет родительным падежом, имея либо целевое значение, либо только причинное. Лишь в примерах 6 и 10 то или иное толкование значения этого послелога оказывается одинаково возможным; например, в 10 примере 'престол не

достанется младшему сыну из-за старшего' (причина), либо 'для или в интересах старшего' (цель). Перевод б примера, данный нами в причинном значении, может быть дан и в целевом значении: 'помогай живым существам для того, чтобы [в случае твоей искренней помощи другим] пришло тебе ответное вознаграждение'.

Теперь рассмотрим те значения, которые приобретает этот послелог, управляя основой, а затем попытаемся сделать некоторые выводы. Примеры:

26) классич. *наран ороі болугсан тула* (Талх. — 19) 'так как стало поздно' (ср. пример 11);

27) *үкер-ині сајін тула джам-ече гарул үгеі јабугсагар* (Талх. — 21) 'так как бык был хороший, то не сходил с дороги';

28) „а-“ ба „баји-“ кемекү хојар үјиле болбасу удха-јін тала-бер харилчан адалі тегиші тула ниген-і ндүге-бер солиджу болумуі (Лубс. — 175) 'так как глаголы „а-“ и „баји-“ по значению взаимно одинаковы, то можно один (из них) заменить другим';

29) халхаск. *тэр үр маш хүнд тул хөдөлгөж чадсангүй* (Б. Цэв. — 81) 'так как то зерно было очень тяжелым, то [муравей] не смог его сдвинуть';

30) *унишаад ойлгодог тул номноос нилээдий нь унисан* (Б. Б. — 19) 'так как понимала прочитанное, то прочитала большинство из книг';

31) *эхнэрийг авах тул, тогоо шанагаа бариулж, хөлөө хучуулна* (А. Зох. — 39) 'так как я возьму жену, то поручу (ей) следить за посудой и укрывать мои ноги';

32) бур. *тэрэшни тэндэхи байһан тула, намаја дахуулаад ошоо һэн* (Им. — 173) 'так как он был оттуда, то он и повел меня'.

Из этих примеров видно, что описываемый послелог, управляя основой, обозначает причину, — из этого правила не составляет исключение и будущее причастие (см. пример 31). В монгольских текстах мы нашли лишь один пример, в котором будущее причастие, в форме своей основы управляемое этим послелогом, выражает целевое действие (к сожалению, в момент написания этих строк данного примера в нашей картотеке не оказалось). Кроме того, в словаре „Мукаддимат ал-Адаб“ мы находим: *чину амин тула һекін тула* 'ради твоей жизни, ради (твоей) головы'.

Если, таким образом, причинное значение данного послелога при управлении основой соответствующих имен и всех причастий становится совершенно ясным, то остается разобрать случаи управления родительным падежом. Примеры, иллюстрирующие последние случаи, подсказывают нам следующие выводы:

а) в современных монгольских языках и диалектах описываемый послелог, управляя родительным падежом, обозначает цель ('ради', 'за', 'для', 'чтобы'); исключение из этого правила составляют лишь связка настоящего времени (пример 15) и прошедшее причастие (пример 21), которые по своему лексическому содержанию не могут, конечно, обозначать цель, а должны выражать только причину;

б) в текстах классического языка более раннего периода, как и в „Сокровенном сказании“, описываемый послелог, управляя родительным падежом, обозначает как цель (примеры 3, 16, 23), так и причину (примеры 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9): то и другое определяется лишь контекстом.

Для староклассических текстов особенно замечательно (по сравнению с данными современных текстов) то, что этот послелог обозначает причину даже в тех случаях, когда управляемое им будущее причастие поставлено в форме родительного падежа (примеры 4 и особенно 5; см. еще § 103 „Сокровенного сказания“, где сказано: *коакчин-еке-і*

солонга болджу сонуху-јін тула, үнен болджу үджекү-јін тула 'благодаря тому, что матушка Коакчин слышит как хорек, видит как горноста́й').

Объясняется это тем, что современное будущее причастие прежде не имело футурного значения, что, впрочем, заметно ныне и в халхских речениях типа *би мэдэхгүй* 'не знаю'.

Иными словами, беспадежное управление со стороны нашего послелога при выражении причины — явление, свойственное лишь современным монгольским языкам и диалектам. Таким образом, родительный падеж в истории развития этих языков характеризуется тем, что он, с одной стороны, все более и более оттесняет собою прочие падежи, управляемые послелогом (как, например, исходный, дательно-местный и совместный), и, с другой — сам все более и более уступает свое место основе, параллельно сохраняясь лишь в случае необходимости поддержать и различать полифункциональность управляющих слов (ср. халхаск. *явах тул* 'так как пойдет' и *явахын тул* 'чтобы идти').

Благодаря тому, что издавна этот послелог преимущественно обозначает причину, в староклассическом языке (особенно XIII—XVII вв.) для выражения цели употреблялись в большей мере, нежели в новоклассическом и прочих монгольских языках нашего времени, следующие формы: 1) особое целевое деепричастие с формативом **-ра** (*јабура* 'чтобы идти'), 2) послелог *төллүге*, в ойратском, ордосском и некоторых бурятских диалектах (*төллэ, төлд*) оттеснивший собою данный послелог или искони употреблявшийся вместо него, и 3) обороты будущего причастия со служебными словами *кемен* 'говоря' и *учир ~ учар-а* (знаменательно, что и это имя соответственно обозначает 'для' и 'причина'), а также 4) форма орудного падежа от основы того же будущего причастия.

В заключение укажем, что этимология и генезис послелога *тула* нам пока совершенно не известны; неуловимо также различие в употреблении между *тула* и *тулада*, из которых второй представляет собою форму дательно-местного падежа от первого. Таким образом, это один из тех немногих монгольских послелогов, происхождение которых относится к далекому прошлому, лежащему пока что за пределами достигаемости исторического языкознания.

16. Классич. *төллүге*, халхаск. *төлөө*, бур. *түлөө*, ойратск. *төллэ*, ордос. *төлд* 'за', 'вместо', 'для' управляет родительным падежом: классич. *хамуг бүгүде-јін төллүге* 'за, ради, для всех', *нйген-ү төллүге* 'за', 'ради', 'для одного', *өсбүри-јін шине үје-јін төллүге имагта седкэл джобаниджу* (Чб.—61) 'всегда болей за новое растущее поколение', *арад түймен-ү-бен джиргал-ун төллүге, алтан делекей-ји абураху-јін төллүге артуун дајин-дур мордаба* (Ц.—1—12) 'за счастье своего народа, чтобы спасти золотой мир (соответствует русскому 'белый свет'), отправился на священную войну'; халхаск. *шатаж эвдэрсэн хотнуудын төлөө, өврийн хүнүүдийн цусны төлөө би дайсныг хайргүй устахыг тангараглана* (Б. Цэв.—33; из монгольского перевода клятвы молодогвардейцев) 'за сожженные и разрушенные города, за кровь наших людей, кланусь я беспощадно уничтожить врага', *ирээдүйн төлөө* 'ради будущего'; бур. *зүбэй түлөө* 'за правду', *ши миний бэшэхэнэй түлөө юу үгэхэвши?* 'что ты дашь за то, что я написал?', *би Дулмын түлөө үнээ хагааб* 'я за Дулму (вместо Дулмы) подоила коров'; ойратск. *чини төллэ би ирлэв* (Павл.—32) 'я пришел (вместо, ради) тебя', *эн кериг күйхын төллэ гурви хонг кергтэ* (Павл.—55) 'чтобы выполнить это дело, нужно трое суток'.

От этого послелога имеются следующие производные слова: классич. *төллүген-ү үге*, халхаск. *төлөөний үг*, бур. *түлөөнэй үгэ* 'местоимение'

(букв.: 'слово замены'); классич. *төдлүгэн-ү күйүн* 'представитель'; халхаск. *төлөөлөх* 'представлять кого', 'представительствовать', *төлөөлөгч* 'представитель', 'деlegate', 'депутат'. Тем не менее основа этих производных слов не имеет в современных монгольских языках вещественного значения: она только послелог. Но ее, эту основу, следует считать производной от глагола *төлдү* 'платить' (современное значение) посредством обычного имяобразующего форманта **-ге**. Таким образом, первоначальное значение этого послелога можно представить себе чем-то вроде 'платеж', 'уплата', 'выкуп' (ср. *төлдүгесү* 'заем', 'платеж'). О. Ковалевский в своем словаре без ссылки на источники указывает одно из значений этого слова как 'платеж'. Хотя мы и не знаем случая с подобным употреблением данного слова, но возможность его не исключаем, особенно в текстах староклассического языка, в которых О. Ковалевский, повидимому, и нашел 'платеж'.

17. Классич. *учир* ~ *учар-а*, халхаск. *учир*, бур. *ушар*, ойратск. *учр*, ордос. *учір* 'причина', 'обстоятельство' в качестве послелога имеет значения 'так как', 'для того чтобы', 'о', 'насчет', которые различаются в контексте: классич. *үзүлөбүри-нүгүд-и беј-е беј-е-ече илгарагулху-јін учір хогоронду-ану бичихан джогоскімуі* (Лубс.—5) 'для того чтобы отделять предложения одно от другого, необходимо между ними делать паузу', *јамбар ніген јагуман-у учір үзүлекү абасу...* (Лубс.—6) 'если говорится о каком-нибудь предмете...', *гөрүгесүн-дүр дөрбөн көл буі учір јабухуі-дур сајін* (Лубс.—210) 'так как у козули четыре ноги, то идти (ей) хорошо', *хојар ајіл хамтураган учір күйүн күйүл-чегетеі болджу* (Чб.—45) 'так как два айла соединились, то людей стало достаточно'; халхаск. *үргэлж гадуур тоглох учир хэзээд муу* 'потому всегда и плохо, что постоянно играют на улице', *ойрхон дуулдах учир түргэлэн давхив* 'так как (что-то) слышалось близко, то (туда) быстро прискакали'; бур. *миний ушар юу хэлэнэ?* 'что говорят обо мне?' Данное имя в качестве послелога причины управляет основой, а в качестве послелога цели и объекта речи — родительным падежом. Таким образом, это имя по своим послеложным употреблениям примыкает к разным послелогам: *тухай* 'насчет', 'о' и *тула* 'для того чтобы' и 'так как', причем в употреблении в том или ином смысле связана падежная форма управляемого слова.

Особенно употребительно это имя в качестве послелога со значением 'так как' в халхаском диалекте, а со значением 'о', 'насчет' — в западнобурятских диалектах.

18. Классич. *тухай*, бур., халхаск. *тухай* 'о', 'насчет', 'относительно' управляет родительным падежом, уступающим свое место основе: классич. *худалдуху тухай аджил* (Эрхэ—100—4) 'работа в области торговли', *усун-дур чумбаган тухай јарімуі* (Талх.—3) 'рассказывает о том, как купались в воде', *јагун-у тухай* 'о чем', *ене тухай* 'об этом'; халхаск. *нарны тухай*, *сурагдын тухай*, *хүний тухай*, *малын тухай*, *үүрийн тухай*, *утааны тухай* (Б. Цэв.—3) 'о солнце, об учениках, о человеке, о скоте, о заре, о дыме', *ялалтын тухай хуудсууд* 'листовки (плакаты) о победе'; бур. *Гэсэр тухай дуун* (Ант.—89) 'песня о Гесере', *шажанай тухай* (Ант.—85) 'о религии'.

Вообще это слово имеет (или приобретает) значение 'случай': классич. *кербе ене сајін тухай-ји алдабасу...* (Дэнд.—13) 'если упустить этот благоприятный случай...', *нөкүр чі минү гер-і таніджу ірегсен тухай-ду* (Вл.—482) 'по случаю того, что ты, друг, пришел в мой дом'.

В последнем примере послелог *тухай* имеет отчасти значение причинности, поэтому через несколько строк во вторую речь обезьяны

к лягушке (самцу) вместо *тухай* вставляется *тула*: *чимэји сэји гер таніджу ирегсен тула...* так как ты впервые пожаловал к нам...

В ойратских диалектах вместо отсутствующего в них послелого *тухай* употребляется послелог *туск* 'о', 'насчет'; этот послелог, часто употребляющийся в форме орудного и винительного падежей, управляет родительным падежом: *эмч мөрнэй туск дегтр бичлэй* (Павл. — 32) 'врач написал книгу о лошади', *теднэ тускичи медлэч* 'относительно них ты знал ведь', *герин тускар* 'о юрте'.

В классическом языке этому ойратскому послелогу соответствует *тус*, который со значением 'о', 'насчет' употреблялся лишь прежде (*ном-ун тус* 'о законе', 'о священной книге'), а теперь весьма употребителен атрибутивно: классич. *тус аймаг* 'данный аймак'; халхаск. *тус улс* 'данная страна', иногда 'наша страна'.

19. Классич. *јосугар*, халхаск. *ёсоор*, бур. *ёһоор*, ордос. *јусугар* 'по', 'согласно', 'в соответствии' представляет собою форму орудного падежа имени со значением 'порядок', 'обычай', 'закон'. В связи с тем, что это имя в данной падежной форме приобрело значение послелого, в классическом языке наметилась и утвердилась орфографическая дифференциация между послелогом и формой орудного падежа: *јосугар* (своеобразная транскрипция устной произносительной формы *јосор*) 'по', 'согласно', 'в соответствии' и *јосун-іјер* или *јосу-бер* 'законом', 'обычаем', 'порядком'. В устной речи и новых литературных языках пользуются, конечно, омонимы типа русского *вечером* (наречие и творительный падеж от *вечер*). В классическом языке, кроме того, имеются еще следующие случаи орфографической дифференциации: *тала-бер* 'стороною' и *талар* 'зря', 'напрасно', *джүг-іјер* 'направлением' и *джүгөр* 'просто', 'ничего себе' и т. п., которые в устной речи также представляют собою омонимы (например, в халхаском диалекте мы соответственно имеем *талаар*, *зүгээр* и т. д.), а в словарях даются в разных гнездах.

Данное слово в качестве послелого управляет родительным падежом или чаще всего полной основой (как и в „Сокровенном сказании“): классич. *джігабури-јін јосугар* 'согласно указанию', 'в соответствии с указанием', 'по указанию', арбан *тејін илгал-дур хубіјагсан јосугар* (Лубс. — 58) 'в соответствии с делением на десять падежей', *дегер-е өгүлегсен јосугар* 'согласно вышесказанному', 'как сказано выше'; халхаск. *би түүний хэлсэн ёсоор тонгойлоо* (Б. Цэв. — 40) 'я склонился так, как он потребовал' (букв.: 'сказал'), *сайхан хатны хүсэл санасан ёсоор биелж* (С. Х. — 8) 'желание прекрасной царицы осуществилось как она и задумала', *урьд ёсоор* 'как и прежде', *ухуулгын ёсоор* 'согласно пропаганде'; бур. *одоошье Зутан абгамни үхэхын ёһоор үхэжэ хэбтэхын ёһоор хэбтэбэ* (Ант. — 8) 'наконец-то мой дядя Зутан умер (так, как ему следовало умереть), и лежит (так, как следовало ему лежать)', *хэлсэһэн ёһоороо баһа боосоогоо эдибэ* (Ант. — 83) 'выиграл снова пари так, как сговорились'.

Из примеров видно, что трудно заранее сказать, каким падежом должен управлять изучаемый послелог; очень часто один и тот же автор или говорящий одно и то же слово перед послелогом ставит то в форме родительного падежа, то в форме основы (см. в А. Зох. стр. 9 и 21: *урьд* и *урьдын ёсоор* 'как и прежде', 'как раньше'). Но, тем не менее, можно установить, что при прошедшем причастии этот послелог чаще всего не требует формы родительного падежа, а при будущем причастии — требует.

В сочетании *хаули јосугар* 'по закону', 'на законном основании' первое слово является не управляемым, а первым компонентом парного слова *хаули јосу* 'закон' (т. е. 'закон' + 'порядок' или то же 'закон');

следовательно, здесь *josugar* не послелог, а форма орудного падежа в ее основном значении.

В сочетании *ене josugar* 'в соответствии с этим', 'таким образом' первое слово есть определение, а второе — определяемое в форме орудного падежа со значением '...образом'.

Кроме того, *josugar* = *ёсоор* самостоятельно обозначает 'как следует' или 'по сему': *ёсоор болог* 'быть (букв.: 'пусть будет') по сему'.

20. Классич. *орун-дур*, халхаск. *оронд*, бур. *орондо*, ойратск. *ормд* 'вместо' представляет собою имя (со значением 'место', 'страна', 'ложе') в форме дательного-местного падежа, которое в качестве послелога управляет родительным падежом: классич. *холбуга үге-јин орун-дур* 'вместо союзного слова', *јабуху-јин орун-дур* 'вместо того, чтобы идти'; халхаск. *айргийн оронд* 'вместо кумыса', *та одоо намайг шавартай хэвээр нь идэх гэж байхын оронд цэвэрлэж орхиод ид* (из сказки; А. Зох. — 59) 'вы съешьте меня, как следует вычистив, вместо того чтобы съесть вместе с грязью'; бур. *миний орондо яба* 'ступай вместо меня'.

21. Классич. *ару-дур*, халхаск., ойратск. *ард*, бур. *арда* 'позади' является послелогом в становлении и собственно представляет собою имя *ару* ~ *ара* ~ *ар* 'задняя сторона' в форме дательного-местного падежа (ср. халхаск. *ар тал* 'тыл армии', *Ар Хангай* 'Северный Хангай'; бур. *арда хедрэт* 'накинув на спину', т. е. на плечи).

Говорить об этом имени как о послелогe приходится потому, что оно перестает употребляться номинативно и в форме дательного-местного падежа теряет свое исконное лексическое значение: ойратск. *мини ард нег кјн йовна* (Павл. — 52) 'позади меня (за мною) идет один человек'; бур. *хадын арада мал байна* 'за горою находится скот'; халхаск. *герийн ард юу байна?* 'что находится позади юрты?'; классич. *тере агула-јин ару-дур олан гөрүгесү јабуму* (Лубс. — 131) 'на задней стороне горы много зверей'.

Это слово в данной же форме употребляется и как локальное наречие, как видно из следующего ойратского примера (Павл. — 52): *Ард йовси борнь өмннь гарч* 'серый, шедший позади, вышел вперед'.

Употребляется этот послелог только при родительном падеже, что и заставляет нас определять его послелогом лишь в становлении.

22. Классич. *дегере*, халхаск. *дээр*, бур. *дээрэ*, ойратск. *деер*, ордос. *дёр* ~ *дёре*, монгор. *дере* 'на' управляет родительным падежом и, чаще всего, первой основой. Примеры: классич. *адугун дегере-бен кјрчү очіба* (Л. сб. — 1Л8) 'прибыл на (то место, где стоял) его табун'; этот пример любопытен тем, что послелог, как и падежное окончание, принимает притяжательную частицу, полностью демонстрируя тем самым свою служебную природу; *хада дегере гаругад* (Чб. — 70) 'поднявшись на гору', *модун-у дегере сагугсан* (Викр. — 21) 'сидел на дереве'; халхаск. *газрын хөрсөн дээр* (С. Х. — 11) 'на сырой земле' (букв.: 'на покрове земли'), *эрэг дээр байгаа* (С. Х. — 26) 'стоял на берегу', *энэ биеийн мэнд дээр* (С. Х. — 29) 'пока я здоров' (букв.: 'на „здоровости“ этого тела'), *уулын орой дээр гараад* (Б. Б. — 17) 'поднявшись на вершину горы', *ном дээр засав* (Б. Б. — 26) 'исправил [ошибки] в книге', *сургууль дээр болох тоглоом* (Б. Б. — 27) 'игры, которые состоятся в школе', *биднээс түрүүн хэдэн хүүхэд гол дээр очсон* (Б. Цэв. — 79) 'несколько детей раньше нас отправилось на реку', *би түүн дээр хичээлээ бичнэ* (там же, 76) 'на ней (тетради) я пишу свой урок', *сургууль дээрээ очив* (Б. Б. — 28) 'пошел в свою школу' (ср. выше первый пример из классического языка — *дегере-бен*), *зарим үлгэр дээр бага сага тайлбарлах хэрэгтэй* (А. Зох. — 3) 'относительно некоторых сказок надо сделать кое-какие пояснения', *түшмэл дээр ирж* (А. Зох. — 8) 'пришел к чиновнику', *морин дээрээ мордоод зогсож байтал* (А. Зох. — 13)

‘когда он стоял, сев на коня’, *уулан дээр гартал* (А. Зох. — 15) ‘когда поднялся на гору’, *туулай мөсөн дээр унаад* (А. Зох. — 66) ‘заяц упал на льду’, *аргийг хөмөрч тавиад, түүний дээр бор дахаа нөмөргөөж тавиад* (А. Зох. — 26) ‘поставил корзину, а сверху покрыл ее тулупом’ (букв.: ‘на нее поставил тулуп’); ойратск. *авдр деер* ‘на сундуке’, *гар деер* ‘на руках’; бур. *гэр дээрэ борбилоонууд хууна* (Им. — 174) ‘на юрте сидят воробьи’; монгол. *муні дере* (Мост. — 49) ‘на мне’, *мөр дерегу кун* ‘всадник’, ‘человек на коне’, *бије дере дэйд* ‘неси на себе’.

Особенно необходимо учесть следующие примеры, в которых послелог *дээр* управляет основой местоимений: халхаск. *чи над дээр мордоод зогсож бай* (А. Зох. — 15) ‘ты сядь на меня’, *түүн дээрээс* (А. Зох. — 25) ‘из-за того’.

Эти примеры лишний раз свидетельствуют о том, что в монгольских языках основа и именительный падеж являются разными категориями; об этом же говорят примеры типа *морин дээр, уулан дээр* и т. п. (см. выше), ибо именительный падеж от этих имен представлен в виде *морь* ‘конь’, *уул* ‘гора’ и т. п. Эти же примеры говорят нам о том, что в халхаском диалекте основа и именительный падеж различаются не только в области местоимений, что мы находим в бурятских и ойратских диалектах, но и в области прочих имен.

Из вышеприведенных примеров видно, что изучаемое слово в качестве послелога имеет разнообразные значения. Основное значение этого послелога заключается в том, что посредством его обозначается местонахождение предмета на поверхности другого предмета или направление на поверхность того же предмета (‘на горе’, ‘на гору’). Но в примерах типа ‘игры, которые состоятся в школе’, ‘пошел в свою школу’ и ‘пришел к чиновнику’ (см. выше) мы замечаем, что этот послелог имеет уже другие значения: ‘к’, ‘в’. В этих примерах, характерных преимущественно для халхаского диалекта, послелогом *дээр* собственно обозначается место, где находится школа, чиновник и т. д. Таким образом, игры состоятся собственно не в самом здании школы, а на том месте, где стоит школа: таково первоначальное основание употребления послелога *дээр* вместо дательного-местного падежа, основание, которое затем значительно расширяется в том, например, смысле, что игры могут состояться и в самом здании школы (впрочем, и здание мыслимо как место, где находится школа). Различие между этим послелогом и дательным-местным падежом можно показать и на следующих халхаских примерах ad hoc: 1) *ажилд гарах* ‘выходить на работу’ (чтобы работать) и 2) *ажил дээр гарах* ‘выходить на то место, где работают’. Таким образом, этот послелог в халхаском диалекте начинает занимать иногда позиции дательного-местного падежа вследствие отсутствия специального местного падежа, наличного в тюркских и других языках, а дательный-местный падеж имеет некоторую тенденцию превратиться в дательный, т. е. сузить свою функцию (*хуралд* ‘собранию’, *хурал дээр* ‘на собрании’). Следовательно, и послелог *дээр* теперь начинает обозначать не только нахождение на поверхности (на чем, на что), но и нахождение и направление до точки вообще (где, куда, к кому). Говорить о направительном падеже не приходится потому, что при этом падеже движение не мыслится обязательно доводимым до точки вплотную (ойратск. *малуур* ‘к скоту’ только в смысле ‘по направлению к’).

В примере ‘относительно некоторых сказок’ (см. выше) следует усмотреть, что семантическое развитие послелога *дээр* ‘на’ (здесь ‘относительно’ вместо ожидаемого в этом значении послелога *тухай*) шло по линии: ‘на’ (основании) → ‘в связи’ → ‘относительно’, ‘по поводу’, т. е. в данном случае мы видим первоначальное использование описываемого

последелога в индуктивном направлении с последующим расширением сферы его употребления.

Очень часто описываемый послелог имеет некоторые другие значения: 'пока', 'когда', 'так как', 'кроме', 'сверх того', 'мало того': классич. *тобчи шилби-ји тобчилаху үгеі джадагаи-јин дегере келтегеі емүсүмји* (Талх. — 25) 'мало того, что [он] не застегивает пуговицы, [он еще] одевает вкривь', *едји тедји таријаланг-ун аджил-і јабугулугсан-у дегере мал-ун аджил-і еркілемји* (Ц. — 7—43) 'они занимаются немного земледелием и, кроме того, скотоводством'; бур. *зоной мордохо дээрэ үнэгэн хэлэбэ* (Ант. — 75) 'когда народ собрался есть, лиса и говорит', *зөөжэ ерэхэ дээрээ хуу татаха гээрэйгты* (Ант. — 70) 'когда [вы] будете отбивать [сюда], то скажите, чтобы все сдернули [крышу]; халхаск. *Сүрэн орос хэлтэйн дээр хятад хэлийг мэднэ* (Б. Цэв. — 31) 'Сурун знает не только русский язык, но и китайский', *ер авах хүнгүйн дээр хүн бүхэн долоон хожиргы доромжлон байжээ* (А. Зох. — 45) 'мало того, что никто не брал (не покупал) у семерых плешивых, но их еще и побили', *туулай босох дээр түүнийг харваж* (А. Зох. — 16) 'в зайца пустили стрелу [в тот самый момент, когда он] поднялся', *орой хоол хийх дээр далайгаас нэгөө том хар юм бас л гарч* (А. Зох. — 30) '(в тот самый момент, когда он) вечером ужинал, из моря появилось вновь то самое большое черное существо', *хойт талаас нь буудахад урд талдаа унагаа авдаг гэнэ. Урд талаас буудах дээр нь хойт талдаа унагаа авдаг гэнэ* (А. Зох. — 56) 'когда стреляли с задней стороны, то (он) на передней оберегал (брал) своего жеребенка. Когда стреляли с передней стороны, то на задней оберегал своего жеребенка'.

Последний пример, как и приведенные выше из бурятского, очень характерен тем, что ярко показывает однозначность послелога *дээр* (во втором предложении) с дательно-местным падежом (в первом предложении), но в отличие от последнего этот послелог обозначает лишь начальный момент действия (по-русски даже лучше сказать: 'перед тем как...').

Обозреваемый послелог, как известно, собственно является наречием, которое, в частности, имеет значение 'лучше', 'выше', управляя исходным падежом; вообще же это слово в качестве наречия имеет значение 'вверх', 'наверху': классич. *намаји таријан-у үјиле-дүр одугсан-у хојин-а дегере гарчу јагума харагладжу үджеджу сагу* (В. М. П. — 20) 'после того как я отправлюсь на поле, поднимись вверх и сиди там, посматривая', *тејиму едүр гер-теген сагусан дегере* (Лубс. — 84) 'в такой день лучше сидеть дома', *арга-бар алагсан нере-ече күчүн-іјер алагсан нере јеке дегере* (Викр. — 32) 'куда больше славы убить его силою, нежели хитростью'; бур. *нэрээ хухалхаһаа яһаа хухалһан дээрэ* (поговорка) 'чем имя свое позорить (ломать), лучше кости свои сломать'.

Дегере = *дээр* в качестве и наречия ('сверху') и послелога ('из-за') само может быть склоняемо в форме исходного падежа со значениями, указанными в скобках: халхаск. *түүн дээрээс* (А. Зох. — 25) 'из-за того'; монгол. *дередза реша* (Мост. — 49) 'прибыл с верховья (с горы, сверху)'; ойратск. *герин деердс элсн нисв* (Павл. — 175) 'с верхней стороны юрты летит песок'.

Так как это слово употребляется в качестве и наречия и послелога, то в устной речи замечается стремление соответствующим образом дифференцировать их фонетически. При его послеложном употреблении наблюдается сращение с предшествующим управляемым словом, сопровождаемое превращением сверхдолготого гласного *ē* (в *дēре*) в нормально долгий *ē* (*дēr*) и усечением конечного гласного. При наречном же употреблении оно сохраняет сверхдолготу своего гласного и произносится раздельно, с паузой, отделяющей его от пред-

шествующего слова. Сказанное особенно заметно в бурятских диалектах, например: 1) *модён-дёр хебтёнё* [что-то] лежит на дереве'; 2) *модён дёрё хебтёнё* 'дерево лежит наверху'.

Как мы видим, при этом сращении, кроме сказанного, заднеязычный согласный *ң* становится переднеязычным *н* (при стыке с переднеязычным же *д*). Но отмеченное фонетическое, т. е. материальное, различие между послелогом и наречием проводится только в том случае, если послелог управляет той или иной основой. Можно ли, однако, в таком случае послелог считать уже превратившимся в формант нового падежа? Приходится дать отрицательный ответ потому, что сращение еще не завершено полностью: 1) послелог не подчиняется гармонии гласных, 2) долгий гласный последнего слога управляемого имени не становится сверхдолгим и 3) послелог имеет еще суженное и ограниченное значение, например: *жорд-дэр* 'на иноходце' (нельзя — *жордёр* или *жордёр*, ср. орудный падеж — *жордёр*).

Сказанное о фонетическом видоизменении послелога *дээр* равным образом относится к ряду других послелогов, о чем мы особо говорить не будем.

Итак, слово *дээрэ* ~ *дээр* в качестве послелога управляет родительным падежом, первой основой имен вообще и второй основой личных местоимений, причем родительный падеж в современных монгольских языках и диалектах, потеряв при этом послелогом семантическую ценность, все более и более уступает свое место соответственно первой и второй основам. В некоторых отдельных диалектах параллельное употребление и родительного падежа и соответствующей основы приводит к некоторой семантической филиации описываемого послелога: при родительном падеже он имеет значение 'над' (на одной точке или в состоянии покоя, ср. ниже наречие-послелог *дээгуур*), а при основе — 'на':

- 1) *түүний дээр* 'над ним' (например, этажом выше);
- 2) *түүн дээр* 'на нем';
- 1) *миний дээрэ* 'надо мною';
- 2) *над дээрэ* 'на мне'.

Но подобная филиация значений описываемого послелога имеет пока место лишь в некоторых отдельных случаях; впрочем, возможно, что наши наблюдения еще далеко не полны.

Наречие-послелог *дегере* представляет собою образование от омертвелого ныне корня *деге-* плюс *-ре*, т. е. элемент, входящий в состав указательного местоимения *тере* 'тот' и ряда наречий-послелогов: *доура* 'внизу', *джагура* 'в пути' и др.

Данные „Сокровенного сказания“ (см. § 5, 63, 65, 171, 278 и другие) говорят нам о том, что в монгольской речи XIII в. послелог *дегере*, управляя основой и родительным падежом, употреблялся только в местно-локальном и направительном значениях 'на' (где и куда), причем имела в виду лишь поверхность какого-либо предмета. Образования типа *дегегүр* (см. ниже) здесь не обнаруживаются.

Классич. *дегегүр*, халхаск. и бур. *дээгүүр*, ойратск. *деегүр* 'над' (как послелог) и 'наверху', 'поверху' (как наречие) представляет собою образование от омертвелого корня *деге-* рассмотренного выше послелога-наречия *дегере* = *дээрэ* ~ *дээр* при помощи форматива *-гур* ~ *-гүр* и отличается от последнего тем, что употребляется в локативном значении, т. е. значительно уже. Но и в последнем употреблении это наречие-послелог обозначает нахождение или движение предмета не на одной точке, а по всей поверхности чего-либо. Равным образом это наречие-послелог употребляется и в тех случаях, когда не совсем точно известна определенная точка нахождения предмета, т. е. когда хотят указать приблизительное расположение предмета, хотя бы находящегося

на одной точке (в этом случае поиски предмета должны производиться не на одной точке поверхности, а по всей поверхности). В общем основное значение этого наречия-последлога сводится к движению предмета над чем-либо, тогда как *дегере* = *дээрэ* ~ *дээр* обозначает состояние покоя, нахождения предмета без движения. Примеры: классич. *орой дегегүр-инү курчигинекү-дүр харин ниген томо шбагу метү жаума нисун жабуму* (Л. сб. — 105) 'когда над головой что-то загнуло, то [оказалось, что] летело что-то большое, похожее на птицу', *көбдджегчи егүлен-ү дегегүр, көкерөгчи тигри-жин догоур* (Лубс. — 137) 'над клубящимися облаками, под синеющим небом', *нагур-ун дегегүр шбагуд нисүмү* (Лубс. — 134) 'над озером летают птицы'; халхаск. *утаа толгой дээгүүр ниснэ* (Б. Б. — 4) 'над головой летит дым', *зах дээгүүр явав* (А. Зох. — 45) 'шел по базару', *хадан дээгүүр гүйх нь яасан хөөрхөн* (А. Зох. — 69) 'как мило бегаёт по горе!'; ойратск. *төмр хаалгь дегегүр гүүдж йовна* (Павл. — 52) 'бежит по железной дороге'; бур. *соведүүдэй үргэн орон дээгүүр эритэ хутага далайн байһыень эгээ бидэнэр мэдэнэди* (Ант. — 304) 'знаем мы, что [враг] замахивается ножом над широкой советской страной', *шинийнгээ дээгүүр хэбихэб* (Ант. — 55) 'буду махать [веером] над тобою', *хүхэрэжэ байһан ногоон дээгүүр* (эпич.) 'над зеленеющими травами'.

В отношении описываемого наречия-последлога можно утверждать, что он употребляется преимущественно при основе имени или изредка при родительном падеже, что объясняется его относительно узкой семантической нагрузкой.

Производное от омертвелого корня того же *дегере* = *дээрэ* ~ *дээр* наречие-последлог *дээш* ~ *дээш* = *дегеш* 'выше' управляет только исходным падежом, например, бур. *тэрээнһээ дээшэ* 'выше того'; классич. *хоjar-ече дегеш* 'выше (больше) двух'.

23. Классич. *доур-а*, халхаск., ойратск *дор*, бур. *доро*, монгол. *доро* 'под' (последлог), 'внизу' (наречие) управляет первой основой или иногда родительным падежом: классич. *дебискер доур-а* 'под подстилкой'; халхаск. *тугийнхаа дор* 'под знаменем', *өлмий дор* 'под стопой', *модны дороос* 'из-под дерева'; бур. *шулуун доро* 'под камнем', *энээхэн доро һуудаг* 'живущий недалеко отсюда внизу (ниже)', *тэрэ доро* 'сразу, тут же' (букв.: 'под тем же'); ойратск. *таг дор* 'под тарелкой', *стол дор* 'под столом'; монгол. *муні доро* 'подо мною', *гер доро че* 'заходи в юрту' (букв.: 'под палатку, под шатер'), *гар доро кун* 'слуга' (букв.: 'подручный человек', 'человек под рукою'), *доро гадзіяр* 'нижнее место', 'низина'.

Управляя исходным падежом, этот последлог получает значение 'хуже', 'ниже', например, халхаск. *чи бид хоёроос л дор байв гэж үү дээ?* (Б. Б. — 24) 'неужели же хуже нас с тобою?'

В общем на этом можно закончить обозрение наречия-последлога *доур-а*, так как оно представляет собою полную аналогию с разобранным выше *дегере-е*. То же самое надо сказать относительно производного от его омертвелой основы *доугур* = *доогуур* 'под', 'внизу' (не на одной точке), представляющего в свою очередь аналогию с *дегегүр*: халхаск. *үүлэн доогуур* 'под облаком'; бур. *тэнгэрийн доогуур* 'под небесами', *сонхо доогуур* 'под окном'; классич. *усун догуур жабуху онгоча* 'подводная (под водою ходящая) лодка'.

Есть еще производное от той же омертвелой основы — направительный последлог, требующий исходного падежа: классич. *дорогши*, бур. *доошо*, халхаск. *доош* 'ниже', например, халхаск. *бэлээс доош* 'ниже склона (под склоном) горы'; классич. *хоjar-ече дорогши бусу* 'не менее (не ниже) двух'; бур. *доошоо хара!* 'под собою (ниже) смотри!'

В „Сокровенном сказании“ последлог *доро* употребляется так же,

как в современных монгольских языках: *мун оесун доро сауби* (§ 155) 'села ниже того места', *Таян-кано доро медеку* (§ 194) 'подчиненный Таянг-хана', *Джочи-ин доро тумено ноян болтугаи* (§ 210) 'пусть будет тысячником под (началом) Чжучи', *тук куурке доро джида кебтеул* (§ 232) 'под знаменами и барабанами [стоят] копыеносцы'.

24. Классич. *думда* ~ *дунда*, бур., ордос., монгор. *дунда*, халхаск., ойратск. *дунд* 'среди', 'в центре' (последлог), 'посередине', 'в центре' (наречие), 'средний' (прилагательное) управляет первой основой или иногда родительным падежом: классич. *думда хуругун* 'средний палец', *арад-ун думда* 'среди аратов', *монголчуд-ун думда* 'среди монголов', *далаи-жин думда арал байна* (Лубс. — 205) 'среди моря (в середине моря) — остров'; халхаск. *тэдний дунд* 'среди этих', *хот дунд* 'в городе, в центре города', *амьтдын дунд* 'среди людей'; ойратск. *герин дунд* 'в середине юрты', *эди дунд* 'среди них'; бур. *хабар дунда* 'в разгар (букв.: 'среди') весны', *һүүл дунда* 'в хвост', 'посередине хвоста', *һүүдэр дунда* 'в самой тени', *хатар дундаа зоголой* (Ант. — 88) 'остановилась в разгар своей рыси' (о лошади, неожиданно остановившейся), *ийжэ байхын дунда* (Ант. — 42) 'пока так стояли', *һүнийн тэн дунда* 'в середине ночи', *тайгын дунда* 'в тайге', 'в глубине тайги', *буярай дунда* 'среди бурят'; монгор. *чи дунда су* 'сядь посередине', *гадзэирни дунда* 'в центре земли', *дунда лусе* 'Срединное государство', 'Китай'.

Представилось необходимым привести такое большое количество примеров для иллюстрации того, как трудно предугадать, что будет употреблено при обозреваемом последлоге — первая основа или родительный падеж. Так как все же общая тенденция такова, что родительный падеж прочнее сохраняется в именах с показателем множественного числа, то совершенно неожиданными являются, например, приведенные ойратские примеры: вместо *герин дунд* 'в середине юрты' и *эди дунд* 'среди них' мы ожидали бы скорее *гер дунд* (основу) и *эди дунд* (род. пад.)!

То же самое надо сказать относительно производного *думдагур* = *дундуур* 'посередине' (движение!), которое не употребляется (как и *дегегур*, *доугур* и т. д.) атрибутивно (без суффикса *-ки* = *-хи*), т. е. не обозначает 'средний', чем оно и отличается от *думда* = *дунда* ~ *дунд*: классич. *биде ои думдагур гарба* (Лубс. — 80) 'мы прошли по середине леса'; бур. *олон зоной дундуур шэрээд ябахал байха* (Ант. — 80) 'протащат среди большой толпы'.

25. Классич. *дергеде*, халхаск. *дэргэд* преимущественно последлог со значением 'около', 'при', 'возле' или 'к' и требует родительного падежа: классич. *гер-йн дергеде* 'возле юрты'; халхаск. *аав ээжийнхээ дэргэд ирэв* (Б. Б. — 31) 'подошел к отцу и матери' (подразумевается: 'и стал около них'), *торойныхоо дэрэгдүүр* (Б. Цэв. — 21) 'около своих поросят', *цонхны дэргэд* (С. Х. — 5) 'у окна', *модны дэргэд очиж охиныг хүлээ* (А. Зох. — 8) 'пойди и жди девушку возле дерева', *дунд сургуулийн дэргэд* 'возле средней школы'.

В классическом и халха-монгольском языках от этого последлога образуется локально-атрибутивный „последлог“ *дергедех* или *дэрэгдэх* 'находящийся при' (в русском переводе 'при'): классич. *агула-жин дергедеки нагур* 'озеро [расположенное] около горы'; халхаск. *хорооны дэрэгдэх түр сургууль* 'курсы при комитете'.

При наименовании первичных общественных организаций этот атрибутивный „последлог“ соответствует русскому родительному падежу: *тус сургуулийн дэрэгдэх намын байгуулга* 'партийная организация этой школы'.

В бурятских и ойратских диалектах этот последлог встречается редко, но в литературе часто употребляется под несомненным халхаским влия-

нием. Однако у западнобурятского (унгинского) рапсода П. М. Тушемилова находим:

һарын гараха дэргэндэ „около“ восхода луны
һаадагтай һомо дэлгээтэй... в сагайдаке стрелы разложены...
үүрэй сайха дэргэндэ „около“ раннего рассвета
үүдхэ номо татаатай (Ант. — 128) лук со стрелами натянут!

Здесь характерно наличие согласного **н** (*дэргэндэ* вместо *дэргэдэ*), объяснить который пока трудно. В восточнобурятских диалектах мы иногда находим и *дэргэдэ*: *тэдэнэй дэргэдэ орууджа* (Ант. — 81) 'ввел его [поближе] к ним', *богдын дэргэдэ ошоод хэлэбэ* (Ант. — 82) 'подошел к богдо и сказал...'

Этот послелог в значении 'к' отличается от послелога *теші* = *тээш* тем, что обозначает направление действия до самой точки нахождения предмета. То же следует сказать относительно наречия-послелога бур. *хажууда*, ойратск. *хаджууд*, халхаск. (редко) *хажууд* 'около', 'рядом', 'к' (*хажуу* 'бок', 'боковая сторона', -да ~ -д — формант дательного падежа), управляющего родительным падежом: бур. *гэрэй хажууда* 'около юрты', *тэрэ хүбүүнэй хажууда ерээд хэлэнэ* 'пришел к тому мальчику и говорит', *шиний хажуугаар* 'около, мимо тебя'; ойратск. *тана хаджуд кевтсн цаасн* 'бумага, лежащая около вас'; халхаск. *хашааны хажууд* 'около двора'.

26. Классич. *тагау*, халхаск. *тагуу* 'вдоль', 'мимо' — послелог, управляющий основой, в других языках и диалектах заменяется вышеописанным *хажуу*, который при этом дается в форме орудного падежа. Как в классическом языке, так и в халхаском диалекте этот послелог употребляется для обозначения расположения или движения вдоль чего-либо: классич. *джам тагау* 'вдоль дороги', *гоул тагау* 'вдоль реки', *далай-јін ерї тагау онгоча јабуху-дур ајултай* (Лубс. — 67) 'опасно (при ветре), когда лодка идет вдоль берега моря'; халхаск. *байшингууд тагуу* 'вдоль домов'.

Из изложенного легко заметить, что этот послелог употреблен при ограниченном количестве имен.

В бурятских диалектах соответственно говорят: *замай хажуугаар* 'вдоль дороги', *голой хажуугаар* 'вдоль реки' и *эргшин хажуугаар* 'вдоль реки'. Но этот послелог *хажуугаар* не имеет той линейной направленности, которая присуща послелогу *тагуу* = *тагау*, ибо собственно обозначает 'около'.

В монгольской речи XIII в. встречается лишь *деркеде*, употреблявшийся в качестве и наречия и послелога и управлявший иногда дательным падежом: *бідан-тур деркеде* (С. ск. § 224) 'около нас' (но здесь же: *бідано деркеде* 'около нас' — с родительным падежом).

27. Классич. *есергүү*, халхаск. *эсрэг* (в прочих монгольских языках и диалектах не зарегистрировано, если не считать литературных заимствований) 'против', 'противный', 'встречный'; в качестве послелога всегда требует родительного падежа: классич. *арад-ун есергүү* 'антинародный', 'против народа', *біден-ү есергүү хандугсан ајул* 'опасность, направленная против нас', *хубісхал-ун есергүү етегед* 'контрреволюционные элементы', *есергүү салкн* 'противный (встречный) ветер' (ср. *тесергүү салкн* 'попутный ветер'), *есергүү адху* 'противные (встречные) горсти' (мера сыпучих в две горсти); халхаск. *намын эсрэг* 'антипартийный', 'против партии'.

Как видно, это слово имеет атрибутивное значение, находясь лишь перед именами. Часто заменяется производными глаголами: деепричастием *есергүчен* 'против' и причастием *есергүчкү* 'анти-', 'противо-',

направленный против', например: *феодал-і есеріҗчен* 'против феодалов', *еджерге тўремекеі-жі есеріҗчеген* 'антиимпериалистический'.

Разумеется, в последних случаях управляемое имя принимает окончание винительного падежа, а не родительного.

В „Сокровенном сказании“ этот послелог употребляется довольно часто со значением 'против', 'к': *наран есерку* (§ 103) 'на солнце' (смотря), *джамуха-ін есеркү іно моріладжу* (§ 129) 'поехал навстречу к Чжамухе', *есерку уктун* (§ 252) 'вышел навстречу', *бі ендече джамучу есерку барілдуусукаі* (§ 273) 'я со своей стороны устрою ямы (почтовые станции) навстречу [к вашим]'.

Таким образом, в XIII в. это слово употреблялось в качестве наречия и послелога очень широко, управляя не только родительным падежом, но и первой основой.

28. Классич. *джүг*, халхаск., бур. *зүг* 'сторона', 'направление' в качестве послелога приобретает значение 'к', 'в сторону', 'по направлению' и управляет полной основой или иногда родительным падежом: халхаск. *наран гарах зүг явав* (А. Зох. — 6) 'пошел в сторону восхода солнца, на восток', *намайг тэр зүг тууж гарлаа* 'погнал меня в ту сторону', *тэргүүнээ өргөж дөрвөн зүг хандвал* (Б. Цэв. — 28) 'если поднять голову и посмотреть на (все) четыре стороны'; бур. *хүбүүн гээшэ зүүнэй зүүн урда зүг баряд ябашаба ха* (Ант. — 54) 'мальчик отправился, держа [путь] прямо на восток' (букв.: 'лево-переднее направление').

В ойратских диалектах в этом же значении употребляется *тал* 'к' (основное значение 'сторона' и 'равнина'): *нутг талан* 'к своим кочевьям', *мана тал* 'к нам'.

Из примеров видно, что *зүг*, как и ойратское *тал*, может быть названо послелогом весьма условно: скорее это имя в форме основы с локативным значением, сопровождаемое определением и поэтому никогда не употребляемое в качестве наречия, что весьма знаменательно. Аналогичное употребление имеют такие имена, как *көдее* 'степь', 'незаселенное место', 'провинция', *гаджар* 'земля', 'место' и тому подобные слова. Имена предметного значения, употребляемые в качестве послелогов, обязательно проходят к последним через ступень наречий.

В „Сокровенном сказании“ мы находим *джүк* (= классич. *джүг*), управляющий преимущественно основой и, изредка, родительным падежом: *буркан джук* (§ 100) 'к [горе] Бурхан', *наран джук јесунте сокетчу* (§ 103) 'девятикратно поклонился солнцу' (в сторону солнца), *джамука джук* (§ 119) 'в сторону Чжамухи'.

В этом тексте *джук* употребляется наравне с наречием-послелогом *есерку* (= классич. *есеріҗү*).

29. Классич. *уруу*, ордос. *урү*, халхаск. *уруу ~ үрүү*, бур. *уруу* 'вниз', 'по', 'в', 'к'. Относительно этого слова мы уже имели случай говорить в связи с формантами направительного падежа. И именно то обстоятельство, что это слово, употребительное и как наречие, в качестве послелога управляет усеченной основой, привело к тому, что оно через ступень послелога начинает постепенно давать начало форманту направительного падежа (в халхаском, как мы видим, оно подчиняется гармонии гласных: один из характерных признаков превращения послелога в падежный формант). Но этот процесс еще не завершен, и потому мы об этом слове должны пока говорить как о послелоге. Послеложная природа этого слова поддерживается в языке тем, что оно употребляется также в качестве наречия. Приводим некоторые примеры послеложного употребления этого слова: классич. *Селенге уруу* 'вниз по Селенге'; халхаск. *нүхүрүү* 'в яму', *тэр уулын орой дээр гарч, арван зүг үрүү харууслан* (А. Зох. — 21) 'забрался на вершину той

горы и посмотрел в десяти направлениях' (с горы, конечно, вниз), *говь уруу орж явав* (А. Зоx. — 21) 'вступил в Гоби', *худаг уруу унаад* (А. Зоx. — 71) 'упал в колодез'; бур. *хабсагай уруу харайж үхэхэм* (Ант. — 60) 'погибну, спрыгнув в ущелье', *хаба уруу хэжэрхёод, галай тулга уруу хаяжархёод* (Ант. — 63) 'сунул [шаманку] в чан, а [ханского сына] бросил в таган (яму) для огня'.

В монгольских языках при описании передвижения направление обычно указывается топографически (вниз или вверх), но в случае, когда топография той или иной местности неизвестна, в настоящее время часто стали употреблять данный послелог (обозначающий обычно 'вниз') со значением 'к' (вообще). Так, например, в газетах 1941—1945 гг. при описании передвижений тех или иных армий в Европе послелог *уруу* употреблялся в общем значении 'к' (например, *Будапешт уруу к Будапешту*), хотя наши войска двигались по Дунаю вверх, а не вниз).

В „Сокровенном сказании“ этот послелог в форме *хуругу* управляет полной основой: *усун хуругу* (§ 81) 'к воде', 'вниз по воде', *горохан хуругу* (§ 5) 'вниз по речке'.

30. Антонимом описанного выше *уругу* = *уруу* 'вниз' является наречие-послелог классич. *өгедэ*, бур. *өөдэ*, халхаск. *өөд*, ордос. *бдэ*, ойратск. *бд* 'вверх', 'в' (по направлению снизу); в качестве послелога управляет второй основой: классич. *ајил-ун хоні агула өгедэ белчибе* (Лубс. — 204) 'овцы айла паслись, поднимаясь в гору'; халхаск. *алс газар өөд явсан аяны хүмүүсийг урив* (С. X. — 27) 'пригласил путешественников, которые были в дальних местах'; ордос. *өөд очих* 'идти во дворец'; бур. *огторго өөдэ харахадань үүлэн мана татан гараба* (Ант. — 48) 'когда на небо посмотрел, то [увидел, что] неслись облака'; ойратск. *уул бд* 'в гору', 'на гору'.

В „Сокровенном сказании“ этот послелог управляет первой (полной) основой: *горохан өгедэ* (§ 32) 'вверх по речке', *мүрен өгедэ* (§ 193) 'вверх по реке', *агула өгедэ* (§ 158) 'вверх по горе', 'на гору', *хара сегул өгедэ* (§ 177) 'вверх по (реке) Хара-сегул'.

Этот послелог никогда не употребляется в том общем и безразличном значении, которое становится характерным для предыдущего послелога *уругу* = *уруу*.

Глагол *бол* = *боло* 'стать, сделаться' в сочетании с этим словом, в данном случае выступающим в качестве наречия, образует предложение со значениями: 1) 'умереть' (т. е. подняться в небеса), 2) 'поправляться', 'оправиться' (после болезни, разорения и вообще бедствия) и 3) 'подняться с места'. Во втором значении обычно заменяется производным глаголом классич. *өгеделекү*, халхаск. *өөдлөх*, бур. *өөдэлэхэ*. Есть еще предложение классич. *өгедэ үгеі*, халхаск. *өөдгүй*, бур. *өөдэгүй* 'бесперспективный', 'безнадежный'; 'такой, который не оправится, на которого нечего рассчитывать'; 'такой, из которого ничего не получится'.

31. Классич. *дарага*, халхаск. *дараа*, ойратск. *дару* 'после'; наречие-послелог требует родительного падежа и принимает иногда суффикс орудного падежа: классич. *тус аджил-іjan үјјичедкеген-ү дарага-бар худдуг малтаху аджил-дур оромү* (Эрхэ — 197) 'по окончании этой работы приступят к рытью колодезев'; халхаск. *миний ирсний дараа эндээс хэн явав?* (У. О. — 174) 'кто отсюда ушел после моего прихода?', *бороо орсны дараа газрын өнгө сайхан боллоо* 'после дождя стало красиво'; ойратск. *хурин дару кино үзүлв* (Павл. — 54) 'после собрания показали кинокартину'.

Иногда этот послелог употребляется при первой основе: классич. *чай-бан уугуджу баджаагсан дарага* (Л. сб. — 108) 'после чаепития'.

Вместо этого наречия-последлога в том же значении часто употребляются классич. *хојина*, бур. и халхаск. *хойно*, ойратск. *хөөн*, классич. *сегүл-дүр*, бур. *һүүлдэ*, о которых речь будет идти особо.

Иногда вместо *дарага* употребляется особая форма классич. *беје-бер-ijen*, бур. *бэээрээ* 'сразу же', 'тотчас' — от возвратного местоимения 'лично', 'сам' (букв.: 'телом своим'), так как *бэээрээ* состоит из *бэе* 'тело' + *-эр* — форматив орудного падежа + *-ээ* — частица возвратного притяжения; в данном значении преимущественно встречается в бурятских диалектах и, иногда, в классическом языке, требуя всегда прошедшего причастия в форме основы: классич. *аха-ни харагсан бејерен іреджі* (X. X. — 146) 'старший брат сразу прибыл, как только увидел'; бур. *тэрэ гэхэн бэээрээ* (из эпоса) 'сразу вслед за тем'.

32. Классич. *бүри*, халхаск. *бүр*, бур. *бүри* 'каждый' употребляется в неноминативном положении (номинативное употребление можно иногда встретить лишь в переводной литературе — вместо классич. *букун*, халхаск. *бүхэн*) и может склоняться по всем падежам, но сам требует лишь первую основу единственного числа; в качестве наречия имеет значение 'совсем'; примеры: классич. *едүр бүри* 'ежедневно', *күмүн бүри-дүр* 'каждому человеку'; бур. *тэрэ бүри* 'каждый раз', *хүн бүринь нэгэ нэгэ түхэриг хүртөө* (Им. — 174) 'каждому человеку досталось по рублю', *хүн бүриһөө* 'от каждого человека'; халхаск. *сар бүрийн* 'ежемесячный'.

В „Сокровенном сказании“ этот последлог употребляется и при основе множественного числа, например: *сүнид бүри* (§ 21) 'каждую ночь'.

В классическом языке и халхаском диалекте вместо этого последлога часто употребляется другой, а именно классич. *дутум*, халхаск. *тутам*, который также требует первую основу: классич. *ојратаху дутум* (Талх. — 30) 'по мере приближения', *едүр ірекү дутум* с каждым днем' (букв.: 'день — приход — каждый'), *черинг-инү ене бүкүи джиргал джобаланг-и санаху дутум ініједүм курумер...* (Талх. — 21) 'каждый раз, как вспомнит Церен все эти радости и невзгоды, так и хотелось ему смеяться...'; халхаск. *жил тутам* 'ежегодно', *өдөр тутмын ажил* 'повседневная работа' (букв.: 'работа каждого дня').

В „Сокровенном сказании“ этот последлог встречается в том же значении (см. § 193, 154, 201, 280 и другие), подвергаясь склонению.

33. Классич. *емүн-е*, халхаск. *өмнө*, ойратск. *өмн*, ордос. *өмондо* 'перед', 'пред', 'до' (последлог), 'впереди', 'раньше' (наречие), 'юг', 'южный', 'передний'; в качестве последлога управляет родительным, иногда исходным падежом: классич. *гер-ун емүн-е* 'перед юртой', *егүн-ү емүн-е* 'перед ним; до этого', *јагун-у емүн-е* 'прежде всего'; халхаск. *эх орны-хоо өмнө хүлээсэн үүрэг* 'обязательство, взятое перед своей родиной', *нүдний өмнө* 'перед глазами', 'на глазах', *Өмьө Іоби* 'Южное Гоби'; ойратск. *мана өмн* 'перед нами', *чи нанас өмн ирлäch* (Павл. — 54) 'ты пришел раньше меня'; ордос. *өмондсон үге дү-үй* 'молча (безмолвно) [стоял] перед ним'.

Само это слово в форме исходного падежа приобретает значения 'навстречу', 'ввиду' (предстоящего чего-то) и 'от имени': классич. *дајин-у емүн-е-ече* 'ввиду предстоящей войны', 'навстречу войне', *дегедү лама-нар-ун хоурту јабугудулла-јин емүн-е-ече* 'против коварной деятельности верхушки ламства' или 'в ответ...'; 'в виде отпора...'; *нигур-ун емүн-е-ече салкіламуі* 'дует прямо в лицо' (о ветре), *біден-ү емүн-е-ече бајар кургебе* 'приветствовал от нашего имени'.

В некоторых случаях можно установить, что этот последлог, управляя исходным падежом, имеет временное значение, а управляя родительным падежом — местное; этим самым иногда проводится различие между местным 'впереди' и временным 'раньше' (см., например, ойратские фразы). Но всевозрастающая монополия родительного падежа, вытес-

няющего собою (в именных сочетаниях) все прочие падежи, сводит отмеченную тенденцию на нет: *хувьсгалаас өмнө* 'до революции', *хувьсгалын өмнөх Монгол орон* 'дореволюционная Монголия'.

От *өмүне* имеются производные *өмүнөтү* = *өмнөт* 'южный' и *өмүнөки* = *өмнөх* 'предыдущий', 'передний': *өмнөт зүг* 'юг', 'южная сторона', *өмнөт туйл* 'южный полюс', *өцөгдөрөөс өмнөх* 'позавчерашний', 'предшествовавший вчерашнему дню', *чиний өмнөх* 'предшествующий тебе'.

Иногда встречается и *өмүнегүр* 'вперед' (движение и нахождение по всей поверхности): *өмөнегүр-инү машин-а хурдулан өнгөрекү джагур-а* (Чб. — 58) 'пока впереди них быстро проходила машина...'

В языке „Сокровенного сказания“ послелог *өмүне* не употребляется во временном значении, имея лишь местное значение 'перед' (см. §§ 164, 171, 181, 185, 191 и другие).

34. Переходим к рассмотрению небольшой группы наречий и послелогов, производных от общей для них основы $\sqrt{урі}$. О. Ковалевский в своем словаре дает: *урід* 'прежде', 'пред', 'до', 'перед чем'; но *урід едүр* 'накануне того дня', 'канун' (следовало: 'предыдущий день', 'накануне'), *уріда* 'прежде', 'пред', 'до', 'вперед', 'некогда', 'в старину', *уриду* 'прежний', 'предыдущий', 'минувший', 'прошедший'; но *уриду төрүгсен* 'прежде родившийся', 'старший брат'.

Иначе говоря, О. Ковалевский считал — и совершенно справедливо — эти образования разными словами, а не орфографическими вариантами одного и того же слова, хотя своим иллюстративным материалом указывал на некоторые случаи смешения, что отмечено нами пометкой „но“. Шагджи в своем орфографическом (и отчасти толковом) словаре, прибавив еще *урду* (с указанием, что это слово равно по значению *өмүн-е* 'юг', 'перед'), в общем принимает предложенные О. Ковалевским разграничения указанных слов. Но, как это можно понять из иллюстраций, Шагджи считает *урід* послелогом, *уріда* — наречием, а *уриду* — атрибутивным словом вроде русского прилагательного. Добавленный им *урду* есть, конечно, синкоп от *уриду*, и попытка семантически использовать этот синкоп отлично от *уриду* сама по себе весьма знаменательна.

А. Мостэр в своих ордосских текстах поясняет соответствующие ордосские эквиваленты этих слов следующим образом: *урд* — см. *урит*; *урит* — см. *уріда*; *уріда* 'прежде', 'раньше', 'до', 'перед' (auparavant, avant); *урду* 'предыдущий', 'предшествующий'; 'восточный' (antérieur, oriental).

Б. Я. Владимиров в своей „Сравнительной грамматике“ (стр. 334—335) халхаское *урдä* считает синкопом *уріда* 'раньше', 'прежде'.

Следовательно, неясность здесь очевидная. И проистекает она вследствие того, что разные монгольские диалекты по-разному используют образования от $\sqrt{урі}$, а это в свою очередь привело к колебанию в классическом языке. Таким образом, монголистам еще надлежит в своих диалектологических работах специально выяснить употребление этих образований в устной речи. Мы же здесь имеем возможность лишь указать, что в диалекте аларских бурят, лично нам наиболее известном, различаются: 1) *урит* (= классич. *урід*) 'раньше', 'прежде', 'ранее'; это — наречие, в качестве послелога управляющее исходным падежом; *урит жірө* 'ранее (прежде) пришел'; *намһа урит* 'прежде меня'; 2) *урдä* (= классич. *уріда*) 'вперед', наречие, в качестве послелога управляющее родительным падежом (при управлении исходным как бы имеет значение сравнительной степени 'еще дальше по направлению вперед'); 3) *урдä* (= классич. *уриду*) 'восточный', 'предыдущий' встречается лишь в отдельных устойчивых выражениях типа *урдä газär* 'восточная страна' (т. е. Забайкалье; аларцы живут в Иркутской области, к западу от Байкала), *ертө урдä сагтā* (эпос) 'в раннее (давнее) время'. Таким

образом, более ранние *урід* и *уріда* в аларском диалекте различаются как наречия-послелогоги темпорального (*урім*) и локального (*урдā*) значений. Для обычного атрибутивного употребления используется образование от *урдā* на *-с'а* (← *-ки*) — *урдас'а* 'ранний', 'предыдущий'; 'расположенный впереди' (по значению = классич. *урідаки*, *уріду*, *урідуки*).

Остается привести некоторые примеры употребления указанных выше образований, оставляя их дальнейшее разъяснение до будущего исследования: классич. *јеке улус-тур куркү-јін уріда джаха-јін белчир-түр күрбе* (Г. — 60) 'прежде, чем достичь великой страны, достигли крайней реки' (при впадении в другую), *теген-ні ірекү-ече урід джајілај-а* (Вл. — 471) 'уйду раньше, чем придет геген', *јабуху-јін урід* (Эрхэ — 97) 'до того как уйдет', 'пока не ушел', 'до ухода', *ерте уріда ніген чаг-ту* (Вл. — 471) 'в одно прошлое давнее время', *бі чіма-ече урід ороху үгеі* (Викр. — 107) 'раньше тебя я не войду'; халхаск. *баригдахасаа урьд амжих хэрэгтэй* (Б. Цэв. — 40) 'надо успеть, пока нас не поймали' (раньше чем...), *манай улс үүний урьд зурхайн тоог хэрэглэж байв* (там же — 46) 'в нашей стране раньше (прежде этого) применялись вертикальные цифры' (речь идет о внедрении арабских и римских цифр вместо старомонгольских); ойратск. *чамас урд* 'до тебя', 'раньше чем ты', *йовхас урд* 'до ухода', *хаанā урд* 'перед ханом'; бур. *гэрэй урда морин байна* (Им. — 174) 'перед юртой стоит лошадь'; ордос. *урду чадам* 'Восточный Цайдам'; М. ал.-Адаб: *уріда гаркүјі* 'чтобы выйти вперед' (в состязании), *уріду морін* 'лошадь [идущая] впереди', *уріду сөнi* 'предыдущая ночь'.

Как видно, приведенные образования в качестве послелогоа управляют либо исходным падежом, либо родительным, смысловое различие между которыми можно в самых общих чертах сформулировать следующим образом: в первом случае указывается, что каково-либо действие (или предмет) удалено от другого на известное расстояние, а во втором — отмечается, что предшествующее и последующее примыкают друг к другу непосредственно. Тем не менее, нельзя не учесть того, что исходный падеж преимущественно выступает при употреблении послелогоа с темпоральным значением и, кроме того, в качестве средства выражения сравнительной степени, выполняя тем самым свою обычную синтаксическую функцию.

Спрашивается, чем же вызвано то обстоятельство, что в монгольских языках и диалектах употребление разных образований от одной и той же основы в известной степени не отличается достаточно четкой дифференциацией? Рассматривая это пока что с лингвистической точки зрения, мы приходим к следующему предварительному предположению как к рабочей гипотезе.

Различие между *урід* (послелог), *уріда* (наречие) и *уріду* (атрибутивное имя) появилось, по всей вероятности, в тот период развития монгольских языков, когда внутренняя огласовка (флексия типа германского чередования гласных) имела определенную семантическую значимость. Но в последующий период, когда агглютинация оттесняет собою первоначальную внутреннюю флексию, в связи с усилением роли и синтаксической значимости падежей смысловое различие между описываемыми образованиями начало в известной степени стираться, что сопровождалось ослаблением значения огласовки. Поэтому во многих диалектах фонетическое различие между перечисленными образованиями также начало стираться до полной утраты конечных гласных (халхаск. *урьд*). В некоторых случаях ввиду изложенного обстоятельства начали появляться варианты по линии лексической (аларские: *урім* 'прежде', 'до [во времени]', *урдā* 'перед', 'впереди' [в пространстве]). Что, например, *урід* преимущественно употребляется со значением темпоральности,

говорит образованный от него глагол *урідчилаху* 'опередить во времени', 'сделать что-либо заранее' (*урідчилан олгоху* 'авансировать').

В „Сокровенном сказании“ мы находим только послелог *уріда* 'перед', 'пред', 'до', управляющий родительным падежом (см. § 90, 118, 153, 163, 240, 254 и другие). При исходном падеже этот послелог имеет в этом памятнике временное значение ('раньше'), а при родительном — и временное и местное:

черікче уріда јабура отчу (§ 240) 'отправился раньше войска', *черік-ун уріда јабуку караул* (§ 240) 'караул, идущий впереди войска'.

35. От омертвелой ныне основы *који* = *хоји* = *хобэ* (ср. бур. *хойлго* 'лошадь, убиваемая на могиле', *хоймор* 'задняя половина юрты'; соответственные слова имеются и в других монгольских языках) мы имеем следующие наречия-послелогии:

1) классич. *хојіна*, бур., халхаск. *хойно*, ойратск. *хобн*, ордос. *хобно*, монгор. *хуёно* 'после', 'позади', 'когда' (в смысле 'после того как');

2) классич. *хојіши*, бур. *хойшо*, халхаск. *хойш* (ойратск. только в виде *хобшан* 'назад'), ордос. *хобши*, монгор. *хуёносэ* 'после', 'позади', 'когда' (в смысле 'после того как') — о движении;

3) классич. *хојігур*, бур., халхаск. *хойгуур*, ойратск. *хобгур*, ордос. *хобгур* 'по задней половине (стороне)', 'позади' (по всей поверхности).

В „Сокровенном сказании“ мы находим *којіна* и производное от него *којінакии* (*којіши* — нет).

Первое слово в качестве послелога управляет полной основой и родительным падежом и иногда само ставится в исходном падеже, получая при этом значение 'вслед за': классич. *нохай-нугудун хојіна-ече гольге дааджухуи* (Лубс. — 65) 'вслед за собаками идут щенята', *біден-у хојіна-ече очігараи* (Лубс. — 143) 'ты пойдешь вслед за нами', *гар-тур оругсан хојіна* (Викр. — 46) 'после того как (= раз уж) попали в руки...', *јеке болугсан хојіна* и *јеке болугсан-у хојіна* (Викр. — 14) 'после того как станет взрослым', *намур бүри ороі болугсан хојіна* (Талх. — 12) 'после того как (= когда) наступила очень поздняя осень', *донгудугсан хојіна бүйдэ улус тирхаба* (Г. — 31) 'после того как объявили выговор, весь народ разбегался', *тус тус сагуцагаган-у хојіна* (Л. сб. — 108) 'когда все расселись'; халхаск. *усанд явсан хойно* (А. Зох. — 10) 'когда [жена] пошла за водой', *үхсэн хойно* (А. Зох. — 20) 'после смерти', *түүний хойноос яваад* (А. Зох. — 26) 'идя вслед за ним', *нүүсний хойно гурав хоног хэвтээд* (А. Зох. — 44) 'после того как откочевали, пролежал трое суток', *ирнэ гэсэн хойно ирэлгүй хайчхав* (Б. Б. — 23) 'как так не придет, раз (после того как) сказал, что придет'; бур. *гүрөөһэнэй хойноһоо ябажа* (Ант. — 58) 'идя вслед за козулей', *мордоһон хойно* 'когда уехали'; ойратск. *эн күн мини хобн ирлэ* (Павл. — 54) 'этот человек пришел после меня', *хурт теднэ хобн удан болсн уга* (Б. Т. — 191) 'собрание после них длилось недолго'; монгор. *бу чимдэа хуёно рева* (Мост. — 177) 'я пришел после тебя', *чи хуёно киди удур ре* 'приходи потом через несколько дней', *муні хуёно* 'после меня', *куні хуёнадза дага* 'иди вслед за человеком', *бі чині хуёно рева* 'я пришел за тобой' (искать), *нидурдза хуёно* 'с сегодняшнего дня'.

Как видно из примеров, все монгольские языки и диалекты согласны между собою в отношении характера использования описываемого послелога. Эти же примеры показывают, что заранее трудно сказать, какой формой должен управлять в том или ином случае данный послелог — основой или родительным падежом; последний, конечно, постепенно уступает свое место основе. Однако наш послелог обязательно требует родительного падежа, если он сам дается в форме исходного падежа со значением 'вслед за', 'по пятам'.

Второе слово — *хојиши* — в качестве послелого всегда требует, чтобы управляемое слово стояло в исходном падеже, так как оно выражает место и время в движении от некоей точки: классич. *хубисхал мандусан-ече хојиши аджилчин арад-уд нејигем джирум-і бајигулху болджухуи* (Б. Цэв. — 216) 'после революции трудящиеся приступили к социалистическому строительству'; халхаск. *түүнээс хойш* 'после того', *Англи улсаас хойш Атлантын далай* 'за Англией — Атлантический океан'; бур. *айлхаан хойшо ябахадан* 'когда я выехал за айл' (на север).

Если второй послелог — *хојиши* — обозначает действие в динамике от некоей точки как бы по прямой, то третье слово (*хојигур*), в качестве послелого требуя тот же исходный падеж, обозначает действие как в динамике, так и в статике (нахождение на одном месте) на или по всей поверхности местности, расположенной на северо-западной стороне от того, что обозначено в имени, данном в форме исходного падежа. Поэтому этот послелог не имеет временного значения, чем и отличается по своему лексическому содержанию от первых двух послелогов: классич. *агула-ече хојигур* 'за горой позади'; халхаск. *түүнээс хойгуур* 'за тем', 'позади'; бур. *айлхаа хойгуур шоно ябана* 'позади за айлом ходят волки'. В западнобурятских диалектах *хойгуур* иногда обозначает приблизительное расположение предмета позади другого и потому имеет значение 'чуть (немного) позади'.

36. Вместо *хојина* или *хојиши* очень часто в качестве послелого употребительно имя классич. *сегул*, халхаск. *сүүл*, бур. *һүүл* 'хвост' (номинативно в значении 'конец' не употребляется) в форме дательного или орудного падежа: классич. *бучаган-у сегүл-дүр* 'после того, как ушли', *јеке часун-у сегүл-іјер ерин тогорин-у гаджар чаб чаган* (Лубс. — 9) 'после большого снега вся окружающая местность (стала) ярко белой', *боруга огуган-у сегул-іјер солунга татаба* (Лубс. — 49) 'после дождя (того как пошел дождь) протянулась радуга'; халхаск. *шинэ жилийн сүүлд* 'после нового года', *тэсний сүүлд* 'после того' (букв.: 'после того как сделали так'); бур. *найрай һүүлдэ* 'после торжества', *тэрээнэй* или *түүнэй һүүлдэ* (Ант. — 73, 61) 'после того', *түүнэй һүүлээр* (Ант. — 66) 'после того', *дуулан зугаалһанай һүүлээр иймэ дуу дуулаба* (Ант. — 45) 'после того как пропели [эту песню], такую песню запели'.

Таким образом, этот весьма распространенный в халхаском и бурятских диалектах послелог управляет родительным падежом, а это объясняется тем, что основа данного послелого прочно сохраняет свое вещественное значение. Различия в падежном оформлении управляемого имени связаны с тем, что при орудном падеже одно действие следует за другим почти без паузы, тогда как при дательном-местном падеже возможна более или менее длительная пауза.

37. Классич. *дотор-а*, халхаск., бур. *дотор*, ойратск. *дотр* 'в', 'внутри', 'в течение' является весьма распространенным послелогом во всех монгольских языках и диалектах, кроме бурятских, в которых это слово в качестве послелого употребляется относительно редко или совсем не употребляется (в западнобурятских говорах), так как „заменяется“ специально бурятским послелогом *соо* 'в', 'внутри'. Вообще это слово является в ряде диалектов именем с предметным значением 'внутренность', 'желудок', 'подкладка' (платья). Этот послелог следует за родительным падежом или, чаще всего, основой: классич. *хурагсад-ун дотор-а ѓе келекүни берке аджі* (П. — 44) 'было трудно промолвить слово среди собравшихся', *ой дотор-а* (Талх. — 5) 'в лесу', *ниген кесе дересун-і дотор-а* (Талх. — 13) 'среди кустарника дересуна', *тере хота дотор-а* (Викр. — 84) 'в городе', *егүлен дотор-а* (Вл. — 472) 'в облаках', *гедүсүн дотор-ече* (Х. Х. — 93) 'из живота [мангуса]'; в этом примере

гедүсүн 'живот', *дотор-ече* 'нутро' в форме исходного падежа; ойратск. *шуургъан дотр* (Павл.—52) 'во вьюгу', *сад дотр* (там же) 'в саду'; халхаск. *олны дотор* (С. Х.) 'в народе', 'среди многих', *эдний дотор* (Б. Б.—13) 'среди них', *хагас жилийн дотор* (Б. Б.—19) 'в течение полугода', *аман дотроо* (Б. Б.—25) 'про себя' (букв.: 'внутри своего рта'), *танхим дотор* (Б. Б.—28) 'в зале', *үгээгүү хүний дотроос* (А. Зох.—5) 'из среды бедных людей', *хашааны дотор* (А. Зох.—29) 'во дворе', 'внутри двора', *нүхэн дотор* (А. Зох.—29) 'в норе', *морин дотор* (Ам. Зох.—43) 'среди лошадей' (букв.: 'конь+внутри'), *уутан дотор* (А. Зох.—28) 'в суме', *миний албат дотроос* (А. Зох.—9) 'из среды моих подданных', *нэгэн хэсэг аймаг улс байсны дотор ан агнаж огт үзээгүй тэнэг хүвүүн* (А. Зох.—38) 'среди одного небольшого рода [был] один глупый мальчик, который еще ни разу не был на охоте'; монгор. *амані туро* (Мост.—434) 'во рту', *гер туро уро* 'заходи в юрту', *лоңхуо туро* 'в бутылке', *тані туро кан мідіям?* 'кто из вас знает?', *туродза гарі* 'выходить изнутри'.

Мы привели такое большое количество примеров для иллюстрации того, насколько безразлично употребить родительный падеж или основу управляемого имени во всех монгольских языках и диалектах. Очень часто одно и то же слово употребляется при описываемом послелого в родительном падеже, то в форме своей первой основы (у одного и того же автора на одной и той же странице, например, Викр.—84): *тере дотор-а* 'в нем' (по контексту—'в городе'), *тегүн-ү дотор-а* 'в нем' (по контексту—'в храме').

Определенно можно сказать только то, что личные местоимения при этом послелого всегда даются в форме родительного падежа (в только что приведенных примерах—указательное местоимение) и что все же основы все более и более оттесняют собою родительный падеж (особенно в тех диалектах, где это слово давно употребляется преимущественно в качестве послелога; вот почему в бурятских диалектах, где это слово сохраняет свое предметное значение, оно, иногда употребляясь в качестве послелога, чаще всего требует родительного падежа).

Тем не менее можно утверждать, что основа употребляется преимущественно в тех случаях, когда при данном послелого соответствующее имя по своему лексическому значению представляет какое-либо неделимое целое. Поэтому имена во множественном числе при этом послелого почти всегда даются в форме родительного падежа. Все это, однако, лишь общая тенденция в развитии употребления данного послелога, которая на данном этапе может иметь и имеет массу исключений. Например, в могольском языке мы находим: *герүд дотонеіні* 'в их юртах' (*герүд*—множественное число в форме основы от гер 'юрта'), а в современно-классическом: *гешигүд дотор-а* (Лубс.—12) 'среди членов' (предложения).

В классическом языке этот послелог представляет собою имя *дотор* 'нутро', данное в форме местного падежа с формативом **-а**. Что касается живых монгольских языков и диалектов, то в них этот послелог не имеет указанного формата (обычно полагают, что этот форматив будто бы утрачен, в чем у нас определенной уверенности нет).

Данные „Сокровенного сказания“ мало что прибавляют к материалам современных монгольских языков. Но можно все же отметить, что в этом памятнике наш послелог управляет родительным падежом и полной основой с теми разграничениями в значениях, которые ныне отмечаются в виде тенденции: *коуд-ун дотор-а* (§ 254) 'среди детей', *гер дотор-а* (§ 16) 'в юрте'.

Во временном значении этот послелог выступает лишь управляя причастием: *коукі татахуі дотора* (§ 76) 'когда закинули удочку...'

38. Во временном значении 'в течение' этот послелог часто заменяется другим, а именно: классич. *туриш*, бур. *туриша*, халхаск. *туриш*, ойратск. *туришарт*. Этот послелог чаще всего управляет родительным падежом и изредка — основной: классич. *хојар джил-үн туриш* 'в течение двух лет'; халхаск. *шөнө туриш* 'в течение ночи', *есөн сарын туриш* 'в течение девяти месяцев'; бур. *хорин жэлэй туриша соо* (Ант. — 11) 'в течение двадцати лет', *нэгэ жэлэй туришада* (Ант. — 57) 'в течение одного года'; ойратск. *бүкл үвлин туришарт болх хотан белдвмнд* (Б. Т. — 192) 'мы заготовили продовольствие на целую зиму' (букв.: 'которое хватит в течение всей зимы'), *гурвн жилин туришарт* 'в течение трех лет'.

Таким образом, в бурятских и ойратских диалектах этот послелог сам сопровождается или, точнее сказать, снабжается либо другим послелогом (бур. *соо* 'в'), либо окончанием дательного-местного падежа, хотя нельзя сказать, чтобы этот послелог в названных диалектах имел предметное значение. Кроме того, в ойратском *туришарт* мы имеем двойное падежное оформление — орудно-дательного-местного.

39. В бурятских диалектах имеется послелог *соо* 'в', 'внутри', 'в течение', который управляет первой основой и совершенно не известен прочим монгольским диалектам: *толи соо* 'в зеркале', *туриша соо* 'в течение' (времени), *нэгэ хэды соо* 'в течение некоторого времени', 'на время', 'временно', *хэды соо?* 'на сколько?', 'в течение какого времени?', *гэрнүүд соонь* 'в их юртах', *хоног соо* 'в сутки', 'в течение суток', *гал соохоо* 'из огня', *далай соогуур* 'в глубинах моря'.

В качестве наречия это слово имеет значение 'насквозь': *соо сохихо* 'пробить', 'продолбить'; 'пробить насквозь (навылет)', *соо шатаха* 'прогореть насквозь'. Этимология этого слова неизвестна, как и другого наречия-послелога, наличного только в бурятских диалектах: *досоо* ~ *зосоо* 'в', 'внутри', например: *шиний досоо* 'в тебе', 'внутри тебя'; 'в твоём сердце (душе)'. Попытки найти этимологию этого слова в связи с *дотор* не увенчались успехом.

40. Классич. *джагур-а*, халхаск. *зуур*, бур. *зуура*, ойратск. *зуур*, ордос. *джур* ~ *джура*, монгор. *дзюро* 'в', 'между', 'в момент' представляет собою послелог, образованный из ныне омертвелого *джагур* 'промежуток' в форме омертвелого местного падежа с показателем **-а**; примеры: классич. *енекен джагур-а* 'в этот же момент', 'тут же', 'здесь же', *очиху-јин джагур-а* 'пока шли', *тасулиан-дур ороху джагур-а* 'в тот момент, когда входил в комнату', *джам джагур-а* 'в пути', 'по дороге'; халхаск. *ирэхийн зуур* 'в момент прихода', 'пока шел сюда', *замын* (ср. выше *джам*) *зуур* 'в пути', 'по дороге', *тэр уулын ойр зуур* 'недалеке от той горы', *сүх бариад гарах зуур* (А. Зох. — 43) 'когда он выходил с топором в руке', *ухрах зуур нь* 'когда он пятился назад'; бур. *һууха зуураа хэлэбэ* 'сидя сказал', *гараха зуураа* 'при выходе', 'выходя'; монгор. *сди дзюро* 'в промежутках зубов', *ндани дзюро сү* 'сядь между нами', *киди фяни дзюро се реша* 'не приходит в течение нескольких лет', *хури дзюрони* 'между пальцами'; ойратск. *түр зуур* 'на короткое время', *зүүр үкх* 'умереть в пути'; ордос. *джур джамас ерегх* 'возвратиться с дороги, с полпути' (не доехав куда надо), *бэро джур* 'недалеко', 'близости'.

До специального исследования мы оставляем пока открытым вопрос, чем этот послелог отличается по своему употреблению и значению от:

а) послелога *хоорондо* ~ *хооронд* 'между' в сочетаниях с причастиями и именами и

б) дательного-местного падежа при причастиях.

Можно сделать лишь предварительное разъяснение в том смысле, что этот послелог отличается от послелога *хоорондо* ~ *хооронд* тем,

что последний обозначает расположение между двумя предметами, тогда как *джагур-а* — движение между двумя точками одного и того же предмета (отсюда халхаск. *зам ~ замын зуур* 'в пути'); исключение из этого правила составляют примеры из монгорского языка, где этот послелог совпадает по своему значению с халхаским *хооронд* 'между'.

От дательно-местного падежа при причастиях этот послелог отличается тем, что обозначает момент протекания самого действия, тогда как первый может обозначать завершение действия (халхаск. *ирэх зуураа* 'пока шел сюда', *ирэхдээ* 'когда пришел' или 'когда придет'). Мы уже не говорим о том, что дательно-местный падеж при причастиях и именах вообще отвечает, в частности, на вопросы: для чего? чему?, чего нельзя сказать относительно нашего послелога.

41. Классич. *хогоронду*, халхаск. *хооронд*, бур. *хоорондо*, ордос. *хоронду*, ойратск. *хоорнд* 'между', 'в момент' в качестве послелога следует за родительным падежом и иногда полной основой: классич. *тере хоjar-ун хогоронду* 'между теми двумя'; халхаск. *нүхрийн ус авах хооронд*, *эхнэр нь гэтэж очоод худаг уруу түлхэж алжээ* (А. Зох. — 10) 'в тот момент, когда муж брал воду, жена подкралась и [букв.: насмерть] столкнула его в колодезь'; бур. *нүдэнэйн хоорондо* 'между его глазами', *хүлэйн хоорондо* 'между его ногами'; ойратск. *теднэ хооронд* 'между ними', *модн хооронд* 'между деревьями', *манэ хооронд* 'между нами', 'среди нас'.

Это слово представляет собою форму дательно-местного падежа от основы *хогорун*, которая ныне совершенно не употребительна и ни в каких старых текстах не отмечена. Но эта основа находится в общей связи со словом *хогусун* 'пустота', 'пустой', 'пусто'. Таким образом, *хогорун* разлагается на *хого-* или *хогу-+рун*. Элемент *хого-* ~ *хогу-* в свою очередь может быть поставлен в общую связь с элементами *хабу-* (в слове *хабур* 'весна' — скудное время для охотников и скотоводов), *хуба-* ~ *хобо-* (в слове *хобор* 'скудный', 'редкий'), *хагу-* (в слове *хагураи* 'сухой' [повидимому, о прошлогодней траве и тощем звере весной], *хагучин* 'старый', *хагураху* 'сдираться', 'отколупаться', 'сходить' — о старой коре, коже и т. д.). Таким образом, основа *хогорун* была живой в тот период развития ранних монгольских диалектов, когда внутренняя флексия (типа германского чередования гласных) играла в речи более значительную роль.

В языке „Сокровенного сказания“ послелог *джаура* отличается тем, что обозначает и движение и расположение между двумя предметами, а не только движение между точками одного предмета, а потому употребляется и вместо *хогоронду*: *аисука джаура* (§ 14) 'пока (когда) ехал', *ака деу джаура адаругчи тула* (§ 46) 'так как заводил распря между братьями', *буjur наур, колен наур коjar джаура* (§ 53) 'между озерами Буюр и Колен', *коjar-ун джаура* (§ 61) 'между двумя', *бидано джаура* (§ 281) 'между нами'.

Управляет этот послелог в „Сокровенном сказании“, как и в современных монгольских языках, основой и, реже, родительным падежом.

42. Наречие-послелог классич. *инагши*, халхаск., бур. *нааш ~ найш ~ нааша ~ найша*, ордос. *наши ~ нәши*, монгор. *нагшэ* 'сюда', 'ближе'; 'до настоящего времени' (с будущего или прошедшего); в качестве послелога управляет исходным падежом: классич. *оjir-а ече инагши* 'с недавнего времени' (букв.: 'с ближайшего сюда'), *нутуг-ече инагши* 'от кочевья сюда'; халхаск. *хүн хэдий сайн ч хэлэхээс нааш санахгүй*, *цаас хэдий нимгэн ч хатгахаас нааш цоорохгүй* (поговорка) 'человек, как бы ни был хорош, раньше речи не думает (т. е. заранее не обдумывает); как бы ни была тонка бумага, раньше, чем проткнешь ее, не прорывается', *намайг нүдээ хар гэхээс нааш харж болохгүй* (из эпоса)

‘не открывай глаза раньше, чем я скажу: открой глаза’; ордос. *хојор миңга лаңгас нāш* ‘меньше чем за две тысячи ланов’; монгол. *гуран удурдза нагш* ‘раньше трех дней’, ‘до наступления третьего дня’; бур. *тэндэһээ нааша* ‘оттуда сюда’.

В ойратских диалектах вместо этого наречия-последелога употребляется *наарн*.

Классич. *инаду*, бур. *наада*, халхаск. *наад*, ойратск. *наад*, ордос. *наду* ‘находящийся ближе (на этой стороне)’; употребляется атрибутивно и чаще всего требует родительного падежа: халхаск. *нутгийн наад адаг* ‘ближний, ближайший (с нашей стороны) конец кочевья’; ойратск. *уулин наад тал* ‘сторона горы с нашей стороны’, ‘эта сторона горы’; ордос. *наду учир* ‘ближайшая причина’.

Классич. (стар.) *нагана*, ойратск. *наа*, халхаск., бур. *наана* ‘ближе’, ‘на этой стороне’, являясь наречием-последелогом, управляет родительным падежом: халхаск. *уулын наана* ‘по эту сторону (на этой стороне) горы’; бур. *гэрэй наана* ‘от юрты на нашей стороне’; ойратск. *канавин наа* ‘от канавы на этой стороне’.

Таково же в общем употребление и наречия-последелога халхаск., бур. *наагуур* ‘поближе’, ‘по этой стороне’, но оно чаще требует исходного падежа: бур. *наранһаа наагуур*, *намһаа саагуур* (поговорка) ‘поближе (по этой стороне) от солнца’, ‘подальше от меня’.

Как видно из примеров, управляемые имена даются в форме исходного падежа в тех случаях, когда управляющие последелогои обозначают пространство или время на всем их протяжении. Таковы последелогои (и наречия) типа халхаских *нааш* и *наагуур*.

Первичной основой для всех рассмотренных последелогов-наречий является *на-* (в классическом, кроме того, *ина-*), наличной в этом виде лишь в ойратских диалектах. Нельзя сказать, чтобы и после исследований В. Котвича нам стал ясен начальный гласный *и-* в классической основе *ина-*, ибо нет никаких оснований полагать, что этот гласный „утерян“ всеми монгольскими языками и диалектами. Скорее всего, классич. *ина-* ← *и* (‘он’, ‘этот’) + *-на-* (морфема, которую мы находили в составе основ личных местоимений).

Сказанное относительно употребления наречий-последелогов, имеющих общую основу *ина-*, соответственно может быть распространено на наречия-последелогои, образованные от общей для них основы *чина-*:

значение	‘дальше’	‘на той стороне’	‘дальний’, ‘за’	‘по той стороне’
классич.	<i>чинагши</i>	<i>чагана</i>	<i>чинаду</i>	—
халхаск.	<i>цааш</i>	<i>цаана</i>	<i>цаад</i>	<i>цаагуур</i>
бур.	<i>сааша</i>	<i>саана</i>	<i>саада</i>	<i>саагуур</i>
монгол.	<i>чагш</i>	—	—	—
ойратск.	<i>[цааран]</i>	<i>цаа</i>	<i>цаатк</i>	<i>цаагур</i>

Приведем лишь некоторые примеры: классич. *агула-јин чинаду* ‘расположенный на той стороне горы (за горою)’; халхаск. *номын цаад талаас* ‘со стороны [расположенной] за книгами’, ‘из-за книг’, *нутгийн цад зах* ‘противоположный край кочевья’, *уулын цаагуур* ‘по той стороне горы’, *уулын цаана* ‘на той стороне горы’, *хорин жилийн цаана* ‘двадцать лет тому назад’ (букв.: ‘за двадцатью годами’), *тэндээс цаана очоод* ‘отойдя подальше от них’, *голын цаана гарчив* ‘вышли на ту сторону реки’; ойратск. *голин ца мал иддж овна* (Павл. — 48) ‘скот пасется на той стороне реки, за рекою’; бур. *тэндэһээ сааша* ‘оттуда дальше’, *хамһаа сааша!* ‘прочь от меня!’, *сааша яба!* ‘ступай дальше’ (от того места, где стоишь)!, *намһаа саагуур!* ‘подальше от меня!’

В то время как в халхаском диалекте мы находим наречие-последелог *тийш* ‘туда’ и ‘к’, в прочих монгольских диалектах, кроме ойратских,

обнаруживаются наречие со значением 'туда' и особый послелог 'к': классич. *тејиш* и *теши* (часто употребляется один вместо другого), бур. *тийшэ* и *тээшэ*, ордос. *тіші* и *төші*. Относительно халхаского *тіш* (орфографически *тийш*) следует предполагать, что в данном случае мы имеем дело с контаминацией послелога и наречия, ибо в некоторых говорах халхаского диалекта все же имеется и то и другое.

Отмечаемый послелог управляет первой основой имен вообще и иногда родительным падежом местоимений: классич. *баларагдаулху теши* 'к утрате'; ордос. *хојор төші* 'в две стороны', *ор төші* 'в другом направлении'; халхаск. *баруун тийш* 'направо', *хөвөө тийш* 'к берегу', *гэр тийшээ* 'к себе домой'; бур. *газар тээшээ* 'к земле своей', *хүн тээшэ* 'к человеку, в сторону человека', *эжэ эхигүй эдигдэхэ тээшээ боложо*, *арга оногүй абтаха тээшээ боложо* (Ант. — 42) 'вот-вот будет съеден, вот-вот будет схвачен' (описание боя эпического героя с врагом; смысл здесь такой, что дело клонится 'к' поражению героя), *нам (~ миний) тээшэ боло* 'немного подвинусь ко мне (в мою сторону)', *тийшэ ябая* 'пойдем туда'.

Антонимом к этим наречию и послелогу является классич. *ејиш* ~ *еши*, халхаск., бур. *ийш* ~ *ийшэ*, ордос. *іш* 'сюда', 'в эту сторону'; в данном случае послелог не образовался, но это наречие, как и предыдущее, может управлять именем в форме исходного падежа, например: бур. *эндэһээ тийшэ*, *тэндэһээ ийшэ* 'отсюда туда, отсюда сюда', *голһоо ийшэ* 'от реки сюда', *айлһаа гол тээшэ* 'от айла к реке'.

Первичная основа предыдущего наречия-послелога обнаруживается в ряде диалектов в качестве послелога *тө* (орфографически *тээ*) 'на' (стороне), например: бур. *баруун тээ* 'на правой стороне', *энэ тээ* (где-то) 'здесь', *саада тээ* 'на той стороне чего-либо', 'за чем-либо', *гэрэй саада тээ* 'за юртой', 'на той стороне от юрты'.

Отметим, что послелог *тээ* отвечает только на вопрос: где? и не отвечает на вопрос куда? Любопытно, что „дальний“ послелог *тээшэ* 'к' (туда) в контексте может получить „ближнее“ значение 'к' (сюда), например: бур. *бидэнэй* или *ман тээшэ* 'к нам', 'в нашу сторону'. Трудно сказать, является ли это следствием или, наоборот, причиной того, что мы не имеем особого „ближнего“ послелога (вроде *ээшэ* ~ *еши*):

	„дальние“	„ближние“
послелог	<i>тээшэ</i>	нет
наречие	<i>тийшэ</i>	<i>ийшэ</i>

Ср. классич. *інару* 'к', в наше время получившее и „дальнее“ значение; но ойратск. *нааран* ~ *наарн* имеет только „ближнее“ значение 'к' (сюда).

В классическом языке различие между *чінагши* 'дальше' и *інагши* 'сюда', с одной стороны, и *тејиш* 'туда', *теши* 'к' (туда) и *ејиш* ~ *еши* 'сюда' — с другой, сводится к тому, что при первых наречиях-послелогах в центре внимания говорящего стоит пункт отправления (откуда), а при употреблении вторых — пункт назначения (куда). Кроме того, различие между ними можно усмотреть и в том, что употребление первых наречий-послелогов шире употребления вторых, так как последние никогда не употребляются во временном значении ('раньше, прежде чего') и не имеют параллельных образований от первичной основы (вроде *төне*, *төде* аналогично *цана*, *цада*), кроме *төгүр* ~ *тегүр* 'там', 'по той стороне' (ср. халхаск. *нөгөөтээгүүр*, классич. *нөгүгетегегүүр* 'с другой стороны').

В локально-местном (не временном) отношении различие между *інагши* и *ејиш* ~ *еши* практически сводится на нет.

В заключение напомним, что первичные основы разобранных наречий-послелогов описаны нами в связи с обзором основ местоимений вообще.

43. Классич. *күртел-е*, халхаск. *хүртэл*, бур. *хүртэр* ~ *хүрсэр*, ойратск. *күртл*, ордос. *гүртер* 'до' по своему происхождению представляет собою форму деепричастия предела от глагола *күр-* 'достигать', 'доходить'. Эта форма грамматикализовалась в качестве послелога уже давно, в результате чего управляемое слово ставится в форме второй основы (или даже первой, что особенно замечательно: так далеко зашел процесс грамматикализации!), тогда как при глаголе *күр-* то же слово употребляется в форме дательно-местного падежа.

В „Сокровенном сказании“ (§ 248, 257, 260 и другие) послелог *күртеле* управляет местным и дательно-местным падежами, сохраняя тем самым свой глагольный характер.

Употребление в классическом языке имен при этом глаголе в форме винительного падежа мы объясняем явлением аналогии: основа чаще всего интерпретируется как „неоформленный“ винительный падеж, который в данном языке очень часто „оформляется“. Если управляемым словом при глаголе *күр-* оказывается числительное (в обозначении возраста) или имя типа халхаск. *газар* 'земля', то оно часто дается в форме второй (а не первой) основы.

Нижеследующие примеры иллюстрируют употребление имен при послелоге и глаголе: классич. *биде хота күртеле хамту јабуба* (Лубс. — 142) 'мы до города ехали вместе', *гурбан сара јабуджу нген хотан-дур күрбе* (Викр. — 121) 'через три месяца достигли одного города', *агула күртеле* 'до горы', *минган-у хагас-тур күрбе* (Лубс. — 199) 'дошло до полутысячи', *ене едүр нејіслел-дүр курчүкүјі* (Лубс. — 134) 'в этот день достигли столицы', *арбан нген насу-јі* (вместо *насу күрбе* (Лубс. — 127) 'достиг одиннадцатилетнего возраста'; ойратск. *тер газр күртл нег километр болна* (Павл. — 52) 'до того места будет один километр', *күн күртл* 'до человека', *мөрн күртл* 'до лошади', *балгъсн күртл* (все примеры там же) 'до города'; ордос. *шівү гүртер* 'вплоть до птиц' (в смысле 'даже птицы'); халхаск. *он хүртэл* 'до года', *байшин хүртэл* 'до дома'; бур. *хөө хара хотодонь хүрэн ерэжэ тогтоно* (Ант. — 39) 'останавливается, достигнув его города, черного как уголь', *тэрэ хүбүүн тийгэ тийгэнээр арбан таба хүрээбэ* (Ант. — 53) 'так кое-как тот мальчик достиг пятнадцати [лет]'.
Очень часто основа при этом глаголе употребляется в особых предложениях: бур. *сухалаа* (от *сухал* 'гнев') *хүрэхэ* 'рассердиться', *унда* или *ундаа* *хүрэхэ* 'жаждать', 'захотеть пить', *нойр хүрэхэ* 'клонить ко сну', *уур хүрэхэ* 'гневаться' (ср. классич. *арслан-бар агур-ану күрүн* [Галх. — 53] 'лев рассердился', букв.: 'лев — гнев-его — достиг').

В этих предложениях следует усмотреть пережитки, или реликтовые остатки, от некогда наличного в монгольских языках особого изафетного построения, сохранившиеся в случаях так называемой неотчуждаемой принадлежности. Наличие долгого гласного после соответствующих имен, обозначающих предметы неотчуждаемой принадлежности, следует объяснить последующей интерпретацией и переосмыслением того, что впоследствии стало неясным. Это переосмысление протекало либо в сторону использования омертвелою ныне местного падежа с показателем *-а* → долгий гласный, либо, скорее всего, — возвратного притяжания или вообще притяжания (ср.: *тере модо ондөр-ину* 'то дерево высотой'; букв.: 'то дерево — высота-его...')¹.

44. От глагола *шиха-* 'прижать' (к чему) имеются послелоги классич. *шихам*, *шихагу*, халхаск., бур. *шахам*, *шахуу*, ордос. *шахам*, ойратск. *шаху* 'около', 'почти'; эти послелоги, как отглагольные, управляют основой (второй) и преимущественно употребляются при числительных

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика... стр. 496.

и причастиях: классич. *долуга шихам* 'почти семь', 'около семи', *арба шихагу* 'почти десять', 'около десяти'; ойратск. *тийм шаху* 'почти столько', *джил шаху* 'около года', 'почти год'; бур. *дүүрэхэ шахуу болоо даа* (Им. — 173) 'почти кончили', 'скоро кончат', *зуу шахам* 'около сотни', 'почти сто'.

Но в „Сокровенном сказании“ — *шикан* (собственно, слитное деепричастие) управляет дательно-местным падежом, как и в современных бурятских диалектах: *аула-тур шикан* (§ 118) 'прижав [табун] к горе', *кол-тур шикан* (там же) 'прижав [табун] к реке'.

* * *

На этом можно закончить обзор наиболее употребительных в монгольских языках и диалектах послелогов и наречий, употребительных в качестве послелогов. Разумеется, список подобных послелогов можно было бы продолжить, уточнить дополнительные значения уже разобранных послелогов, но это полностью можно будет осуществить лишь в результате специальных изысканий по отдельным диалектам и языку писателей.

Общие итоги нашего исследования будут даны во втором томе настоящего труда, после того, как будет рассмотрено употребление глаголов в монгольских языках.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

- А. Зох. — Ардын аман зохиолын эмхтгэл. Улаан-баатар, 1947.
 Ант. — Бурят-Монголын литературын антологи. Улан-Удэ, 1934.
 Б. Б. — Б. Бааст, монгольский писатель.
 Б. Цэв. — Б. Цэвэгмэд, монгольский писатель.
 В. М. П. — Монгольский текст „Волшебного мертвеца“, Пекин, 1925.
 Викр. — Монгольский текст „Сказаний о Викрамидитья“, Улан-Батор, 1928.
 Вл. — Б. Я. Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Рајсатантра. Петроград, 1921.
 Г. — Я. Шмидт. Подвиги исполненного заслуг Богды Гессер-хана. СПб., 1836.
 Дэнд. — Дэндүб. Монгол-ун тобчи твэке. Улаан-баатар, 1934.
 Им. — М. Н. Имехенов. Бурят-Монгол хэдэнэй грамматика. Улан-Удэ, 1941.
 Л. сб. — Монгол келен-ү ирагу найрагулга. Улаан-баатар, 1934.
 Лубс. — Лубсан-вандан. Монгол келен-ү дзүй. Улаан-баатар, 1939.
 М. ал.-Адаб. — Монгольский словарь „Муказдимат ал.-Адаб“.
 Мост. — А. de Smedt et A. Mostaert. Le dialecte monguor. Peiping, 1933.
 П. — А. М. Позднеев. Монгольская хрестоматия для начинающих. СПб., 1900.
 Павл. — Павла Д. Чикяр бичлгнэ зокал, 1940.
 С. ск. — С. А. Козин. „Сокровенное сказание“. М.—Л., 1941.
 С. Х. — А. С. Пушкин. Сказка о царе Салтане... Монгольский перевод, Улаан-баатар, 1939.
 Талх. — Талхжав. Унших бичиг. Улаан-баатар, 1942.
 Ү. — „Үнэн“, газета на монгольском языке.
 У.О. — „Улаан од“, газета на монгольском языке.
 Х. Т. — Халхаские тексты (из материалов лингвистических экспедиций Академии Наук СССР).
 Х. Х. — Г. Д. Санжеев. Монгольская повесть о Хане Харангуй. М.—Л., 1937.
 Ц. — „Цог“, орган Союза монгольских писателей.
 Чб. — „Чойбалсан“ — литературный сборник на монгольском языке. Улаан-баатар, 1945.
 Шад. — А. Шадаев, бурят-монгольский писатель.
 Эрхэ — „Арад-ун үндүсүн-ү эркэ“, газета на монгольском языке.

Примечание. Цифры означают указания на страницы неперIODических изданий, или номера периодических изданий (газеты); двойные цифры — номера периодических изданий и, затем, страницы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
О монгольских народах и их языках	5
Образование монгольских языков	10
Старописьменный монгольский язык	14
Монгольские языки XIV—XV вв.	22
Могольский, дагурский и монгорский языки	27
Ойратский язык	32
Бурят-монгольский язык	38
Диалекты бурят-монгольского языка	46
Монгольский язык	55
Современный монгольский литературный язык	62

ЧАСТЬ I

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Глава 1

Гласные	72
Краткие гласные	72
Долгие гласные и дифтонги	77
Сингармонизм	83

Глава 2

Согласные	86
Общий обзор согласных	86
Аффрикаты ч и ц	91
Аффрикаты дж и дз	99
Общие замечания о переломе гласного i	104
Переломы гласного i	108
Аффрикаты в свете данных алтаистики	114

ЧАСТЬ II

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Глава 1

Общие замечания о структуре речи	120
1. Строй предложения	120
2. Части речи	124

Глава 2

Склонение	127
Число	127
Падежи	139
Основа и именительный падеж	140
Общие именные основы	140
Местоименные основы	145
Родительный падеж	158
Винительный падеж	161
Дательно-местный падеж	164
Местный падеж	168
Исходный падеж	169
Орудный падеж	170
Совместный падеж	173
Соединительный падеж	174
Падежи ограниченного распространения	175
Двойные падежи	177
Притяжательное склонение	178

Глава 3

Синтаксис падежей	181
Основа и именительный падеж	181
Родительный падеж	188
Винительный падеж	194
Дательно-местный падеж	196
Местный падеж	197
Исходный падеж	198
Орудный падеж	199
Соединительный и совместный падежи	203

Глава 4

Употребление послелогов	204
Список сокращенных наименований источников	238

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии Наук СССР

Редактор издательства *Н. А. Сыромятников*. Технический редактор *Н. А. Неараева*.
Корректор *Р. Ф. Астифьева*

РИСО АН СССР № 39-53В. Т-04904. Издат. № 3801. Тип. заказ № 756. Подп. к печ. 22/IX 1953 г. Формат бум. 70x108¹/₁₆. Бум. л. 7¹/₂. Печ. л. 20,55. Уч.-издат. л. 21,80. Тираж 3000.
Цена по прейскуранту 1952 г. 14 р. 60 к.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР. г. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
6	18 св.	по	до
39	11 сн.	<i>мõннᠦн</i>	<i>мõннᠦн</i>
41	9 сн.	переходящими	преходящими
51	18 св.	дольского	гольского
73	23 св.	е	ё
146	11 св.	монголь-	моголь-
152	12 сн.	винительного	именительного
153	18 св.	<i>тэднэр</i>	<i>тэднэр</i>
155	10 св. и 19 сн.	-гᠦн	-гᠦн
187	8 сн.	<i>нүдөө</i>	<i>нүдөө</i>
187	5 сн.	<i>нүдөөрөө</i>	<i>нүдөөрөө</i>

Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков.

4И(Монд)
С182
599